РОДЪ
ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помѧни́те днѝ вѣ́чныѧ, разꙋмѣ́йте лѣ́та ро́да родѡ́въ: вопросѝ ѻ҆тца̀ твоегѡ̀, и҆ возвѣсти́тъ тебѣ̀, ста́рцы твоѧ̑, и҆ рекꙋ́тъ тебѣ̀.

Второзак. лв: з.

Александра Барсукова

КНИГА ОСЬМАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1904

3329

ОГЛАВЛЕНІЕ ОСЬМОЙ КНИГИ.

ГЛАВА I.

Новорожденный царевичъ Петръ Алексѣевичь, 29 іюня 1672 года, на праздникъ святыхъ первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, предъ литургіей, воспріялъ святое крещеніе въ Чудовомъ монастырѣ. Въ то время патріаршій престолъ, за кончиною патріарха Іоасафа, оставался празднымъ, и порфиророднаго младенца крестилъ митрополитъ Новгородскій Питиримъ. Воспріемниками царевича отъ купели святаго крещенія были: старшій его братъ царевичъ Өедоръ Алексѣевичь и старшая тетка царевна Ирина Михайловна. Царь Алексѣй Михайловичь остался въ Чудовомъ монастырѣ, слушать обѣдню, которую служилъ тамошній архимандритъ, Іоакимъ Савеловъ, съ Благовѣщен-

скимъ протопопомъ, государевымъ духовникомъ, Андреемъ Савиновичемъ.

Въ слѣдовавшихъ за симъ угощеніяхъ и пирахъ у государя, изъ Шереметевыхъ, принималъ участіе только бывшій Кіевскій воевода Петръ Большой Васильевичь. Такъ, 4 іюля, мы его видимъ за большимъ крестиннымъ столомъ, въ Грановитой Палатѣ. Въ современной разрядной запискѣ отмѣчено, что у стола были «съ мѣсты» только слѣдующія лица: бояринъ князь Григорій Сунчалеевичь Черкасскій, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, бояринъ князь Юрій Никитичь Борятинскій, окольничій Андрей Васильевичь Бутурлинъ и думный дворянинъ Андрей Васильевичь Толстой. Всѣ остальные сидѣли «безъ мѣстъ» [1].

Ни Борисъ Петровичь, ни Петръ Меньшой Васильевичь Шереметевы, не смотря на ихъ чинъ комнатнаго стольника, не участвовали въ придворныхъ торжествахъ по случаю рожденія и крещенія царевича Петра, хотя оба они и находились въ то время въ Москвѣ. Такъ, при представленіи государю Литов-

---

[1] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 892.—Дополненія къ сему тому. Спб. 1854. столб. 468.

скаго посланца Яна Ковалевскаго, оба они, вмѣстѣ съ братьями Нарбековыми, стояли рындами съ топорами [2].

Праздники слѣдовали одинъ за другимъ. Обрадованный царь вспомнилъ въ эти радостные для него дни боевыя заслуги своихъ ближнихъ людей и роздалъ имъ много наградъ. Между прочимъ, боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву пожалованы были въ вотчину: 1) въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Пурецкой волости, село Вершилово, на прудѣ и на рѣчкѣ Ненилкѣ, съ деревнями и пустошами, 320 четвертей доброй земли; 2) въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ Кочевскомъ станѣ, двѣ деревни: Бородки и Теряеву, съ 55 четвертями средней земли и 3) въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Шебзерскомъ станѣ, семь деревень: Новцову, Андрюковскую, Вешнякову, Докучаеву, Захаровскую, Клюкинскую и Ольховицу, съ пустошами, 127 четвертей доброй земли. Всего 502 четверти въ полѣ, а въ дву по томужъ, съ крестьянами и со всѣми угодьями. Въ грамотѣ сказано, что означенная вотчина жалуется Петру Васильевичу Шереметеву «въ роды и роды,

[2] Дворцовые разряды. Т. Ш. Спб. 1852. столб. 895.

за его многую службу великому государю и всему Московскому Государству, которая всчалась во 172 (1654) году, послѣ Поляновскаго докончанія», и что государь «похваляетъ» сію службу Петра Васильевича, «его промыслы и храбрость» [3].

Три дня спустя послѣ крестиннаго стола, крестившій царевича Петра Алексѣевича митрополитъ Питиримъ, по согласію и избранію всего освященнаго собора, былъ возведенъ на «высочайшій престолъ патріархіи Московскія». 7 іюля, въ Успенскомъ соборѣ, новоизбранному патріарху, уже облаченному въ патріаршій саккосъ Петра чудотворца и въ прочія патріаршія одежды, митрополитъ Астраханскій Парѳеній торжественно поднесъ жезлъ Петра чудотворца; при чемъ пѣвчіе трижды пропѣли аксіосъ [4].

Если женитьба царя Алексѣя Михайловича на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, дочери бѣднаго Тарусскаго помѣщика, переполошила всѣ придворныя отношенія, вслѣд-

---

[3] Подлинная жалованная грамота подписана 31 іюля 1672 года. Она хранится въ Архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева, подъ № 355.

[4] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. № 58. стр. 236—238.

ствіе выступленія на первый планъ Нарышкиныхъ, съ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ во главѣ, то рожденіе отъ этого брака именно сына, дѣйствительно, составляло уже событіе, прямо государственной важности. Къ вящшему смущенію родственниковъ покойной царицы Марьи Ильинишны, Милославскихъ, и ихъ приспѣшниковъ, новорожденный царевичъ Петръ, съ первыхъ же дней появленія на свѣтъ, возбуждалъ большое вниманіе къ себѣ. Онъ радовалъ окружавшихъ своимъ здоровымъ видомъ, своею крѣпостью и своимъ ростомъ. Говорятъ, будто бы, на шестомъ мѣсяцѣ, ребенокъ сталъ уже ходить [5]. Невольно приходилось сравнивать его съ оставшимися въ живыхъ двумя царевичами отъ Марьи Ильинишны Милославской. Оба они вызывали сожалѣніе своею болѣзненностію: одиннадцатилѣтній царевичъ Ѳедоръ страдалъ цынгою и отъ того безсиліемъ «въ составахъ и въ жилахъ»; а шестилѣтній царевичъ Иванъ былъ «зѣло недуженъ очами» и, кромѣ того, заикался. Царь Алексѣй Михайловичъ не могъ видѣть въ нихъ надеж-

---

[5] Погодинъ. Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни императора Петра Великаго. М. 1875. стр. 10.

ныхъ преемниковъ. Младенецъ Петръ сталъ предметомъ его особенной любви и надежды. Это обстоятельство служило источникомъ дворцовой крамолы, которая, въ ближайшемъ будущемъ, принесла Россіи столько бѣдствій.

Шереметевы не приставали ни къ одной изъ враждовавшихъ придворныхъ партій, ни къ Милославскимъ, ни къ Нарышкинымъ. Но, повидимому, сочувствіе ихъ склонялось въ сторону Нарышкиныхъ. По крайней мѣрѣ, современникъ, перечисляя «палатныхъ особъ изъ первыхъ свѣтлыхъ и заслуженныхъ фамилій», которыхъ царица Наталья Кирилловна «при сторонѣ своей содержала», называетъ «двухъ Петровъ Васильевичей, Большого и Меньшого, и Бориса Петровича Шереметевыхъ» [6]. Нельзя не обратить вниманія также на то, что и въ послѣдующее время, въ началѣ XVIII столѣтія, заключено было три брачныхъ союза Шереметевыхъ съ Нарышкиными. По нуждѣ, приходится пользоваться и такими примѣтами. Извѣстно, какъ мало сохранилось у насъ отъ старыхъ временъ записокъ частныхъ лицъ или писемъ.

---

[6] Записки Русскихъ людей. Спб. 1841. стр. 6. столб. 1.

По большей части, о личныхъ отношеніяхъ интересующихъ насъ лицъ доводится узнавать совершенно случайно: развѣ кто обмолвится о нихъ двумя-тремя словами въ какомъ-нибудь дѣловомъ документѣ. Да и такая находка составляетъ большую рѣдкость. Лишь недавно попалась, напримѣръ, намъ въ руки челобитная 1661 года сына Крымскаго плѣнника боярина Василья Борисовича Шереметева, стольника Ивана Васильевича Шереметева, по дѣлу о производившемся въ отсутствіе его отца межеваніи Чиркинской вотчины, Коломенскаго уѣзда, съ сосѣдними помѣщиками: княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ и Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ. Князь Одоевскій, по матери (княгинѣ Евдокіѣ Ѳедоровнѣ, рожденной Шереметевой), приходился Василью Борисовичу четвероюроднымъ братомъ, а Петръ Васильевичъ—двоюроднымъ. Оба они, не смотря на то, что братъ ихъ изнывалъ въ тяжкой басурманской неволѣ, силились оттягать отъ него какихъ-то пять десятинъ лѣса и кустарю, которыми завладѣли «насильствомъ». Стольникъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, однако, не сдавался. Въ

своей челобитной онъ жаловался, что межевщикъ «дружилъ» князю Якову Никитичу Одоевскому и Петру Васильевичу Шереметеву, что очную ставку онъ давалъ де «вѣдаючи нашу ссору» съ княземъ Одоевскимъ, и что все это творилъ онъ, межевщикъ, «смотря на мочь и на силу князя Якова Никитича» [7].

Такимъ образомъ, только изъ дѣлового документа узнаѐмъ, что Василій Борисовичь Шереметевъ былъ въ ссорѣ съ княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ и что Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ былъ за одно съ послѣднимъ въ насильственномъ завладѣніи клочкомъ земли своего несчастнаго брата. Этимъ самымъ существенно подтверждаются показанія Василья Борисовича Шереметева о томъ, что его родные были враждебно настроены и къ нему лично, и къ его семьѣ. Припомнимъ, что̀ нѣкогда писалъ Василій Борисовичь государю о своемъ сынѣ Иванѣ Васильевичѣ Шереметевѣ: «А сынишка мой человѣченка молодой и безсемеенъ и пустъ, родителей старыхъ никово нѣтъ, а и есть свои, и они не добры, тѣснятъ сынишка

---

[7] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Столбецъ Помѣстнаго Приказа, по Коломнѣ. № 83.

моего деревенскою тѣснотою безъ меня, видя мой упадокъ великой и одиночество» [8]. При такихъ отношеніяхъ, Василью Борисовичу Шереметеву, разумѣется, невозможно было расчитывать на помощь родныхъ. Не даромъ же онъ писалъ государю: «Окромѣ Бога и тебя, милосердаго великаго государя, помочь отъ бѣдъ моихъ и изъ неволи уволить некому».

Это отступленіе само собою привело насъ опять къ Крымскому плѣннику, боярину Василью Борисовичу Шереметеву, и къ его печальной эпопеѣ. И безъ того пришлось бы отмѣтить, что еще до крестинъ царевича Петра, именно 12 іюня, въ Малороссійскомъ Приказѣ, плѣнный татаринъ мурза Шейдяковъ показывалъ, что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, съ стольникомъ Андреёмъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, находятся въ Бахчисараѣ и что Крымскій ханъ хочетъ отдать ихъ на размѣну [9].

Но вотъ, 15 іюля, возвратился наконецъ въ Москву изъ Крыма нашъ посланникъ Василій Ѳедоровичъ Шишкинъ, вмѣстѣ съ хан-

---

[8] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. Спб. 1892. стр. 81.

[9] Акты Южной и Западной Россіи. Т. IX. Спб. 1877. № 171. столб. 896.

скимъ гонцомъ Маметъ-имельдешемъ. Онъ представилъ государю столь долго ожидаемую шертную грамоту новаго Крымскаго хана Селимъ-Гирея. Грамота эта съ золотою печатью, начинается такимъ славословіемъ: «Хвала скорая, благодареніе великое сотворшему Богу и безмѣрному Его величію. Нѣсть Бога иного, подобна Ему. Токмо Онъ—милосердый Богъ. Ему честь и хвалу возсылаемъ. Потомъ вѣруемъ въ двухъ свѣтехъ верховному пророку Магомету и почитаемъ». Далѣе, въ грамотѣ, для насъ представляетъ интересъ только то, что прямо или косвенно относится къ Василью Борисовичу Шереметеву. «Мы шертовали на томъ,—читаемъ въ ханской грамотѣ,—какъ при Аадиль-Гиреѣ ханѣ договоръ былъ, отъ давныхъ лѣтъ недаванныя казны, и нынѣ бы на три годы казны, съ 1670 году, вдругъ дать; а послѣ договору впредь имать, по прежнему обычаю и по росписи, по вся годы; а шубъ узкихъ и недомѣрныхъ не дѣлать. И окупъ за будучаго въ Крыму невольника боярина вашего за Василья Борисовича Шереметева, 60.000 ефимковъ, или за два ефимка золотой, съ вышепомянутою на три года казною вмѣстѣ, на размѣнное мѣсто

выслать. А которые невольники ваши, будучи въ Крымѣ, по своей волѣ окупами за себя договорятся и на размѣну выдутъ, и за нихъ, по договору ихъ, окупы безъ убавки давать; а которые посулятъ Татары за себя, и ихъ по тому жъ размѣнять, по договору ихъ, голова за голову, и никакія въ томъ нужды и задержанья не чинить».... Съ своей стороны, ханъ обязывался: «Кречетниковъ государевыхъ и арбачеевъ, по прежнему обычаю, не задержавъ, отпускать, и съ размѣннымъ княземъ боярина Василья Борисовича Шереметева, по договору, на окупъ, на размѣнное мѣсто отпустить» [10].

Ханъ Селимъ-Гирей обязывался отпустить Шереметева на размѣнное мѣсто, но на которое именно, не говорилъ. А между тѣмъ, это составляло существенно важную подробность, изъ-за которой и тормозилось дѣло освобожденія Шереметева. То, что́ не договорено въ ханской грамотѣ, восполнимъ изъ отписки государю самого Василья Борисовича

[10] Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв. Ѳ. Лашкова. Симферополь. 1891. стр. 173—175.—Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. I. Спб. 1830. № 518. стр. 886 и слѣд.

Шереметева, привезенной въ Москву толмачемъ Посольскаго Приказа Полуехтомъ Кучумовымъ, за пять дней до пріѣзда Шишкина. «Сказывали мнѣ Василій (Шишкинъ) и подьячій Гаврила (Михайловъ),—писалъ въ той отпискѣ Шереметевъ,—что и на размѣну де, и по казну, шлетъ ханъ размѣннаго князя Адильшу Сулешева, и меня на окупъ, и его, Гаврила, отпускаетъ, только не вскорѣ для того, что хочетъ размѣны на Донцѣ, а не подъ Валуйками; а на размѣну, на прежнее мѣсто, подъ Валуйки, князь размѣнной итти не хочетъ, боясь того, что твои, великаго государя, городы вновь поставлены и многія села и деревни поселились, и нынѣ де Валуйки стали за городами. И того де они опасаются, чтобъ въ жилыхъ мѣстѣхъ полоняники у нихъ не разбѣжались и ему де съ малыми людьми итти на размѣну на прежнее мѣсто нельзя. Да и того они чаютъ, что надъ казною и надъ ними какая поруха учинится отъ государевыхъ людей. А будетъ де съ большими людьми итить ему на Валуйки, тѣми жилыми мѣстами, и ему де Татаръ не удержать отъ войны: деревни раззорятъ и за раззоренье де ссора будетъ большая. И буде ты, великій

государь, укажешь быть размѣнѣ на Донцѣ, и на размѣну де и по казну ханъ пошлетъ и меня, и подьячаго Гаврила Михайлова отпустить въ то время вскорѣ, какъ ты, великій государь, отпишешь о томъ къ нему, хану. И Василій Шишкинъ въ томъ ближнимъ людямъ отказалъ, что окромѣ Валуекъ, индѣ размѣнѣ нигдѣ не быть. А ближніе люди Василью Шишкину отказали жъ, что окромѣ Донца, нигдѣ размѣнѣ не быть нынѣ и впредь. И затѣмъ, мнѣ, убогому холопу твоему, и отпуску вскорѣ нѣтъ» [11].

Посланникъ Шишкинъ, вмѣстѣ съ шертною грамотою хана, привезъ государю также отписку Василья Борисовича Шереметева слѣдующаго содержанія: «Нынѣ у хана люди ближніе,—новые и злонравые и мнѣ ударить и удобрить ихъ и помочи учинить отъ тѣсноты своей нечѣмъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, пожалуй меня, вели мнѣ дать два сорока соболей, сорокъ по 50 рублевъ, да три пары, пару по 10 рублевъ, чтобъ, по милости твоей государской, твоимъ государскимъ жалованьемъ было

---

[11] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1670—1671 г. № 52. л. 165 и слѣд.

чѣмъ поударить нечестивыхъ, и хотя бы малую пользу отъ тѣсноты великой себѣ учинить».

Такого рода просьбы Шереметева обыкновенно исполнялись немедленно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ начальникомъ Посольскаго Приказа сталъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, именно съ февраля мѣсяца 1671 года. По челобитной Шереметева, составлена была въ Приказѣ докладная выписка, со справкой, и уже 8 августа, «по указу великаго государя, окольничій Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, слушавъ сей выписки, приказалъ послать великаго государя жалованья къ боярину къ Василью Борисовичу Шереметеву два сорока соболей, по 50 рублевъ, да три пары соболей, по 10 рублей пара». Жалованные соболи повезъ въ Крымъ толмачъ Посольскаго Приказа Ѳома Кречневъ, которому вручена была и царская грамота къ Шереметеву, съ обычными обнадеживаніями: «И ты бъ, бояринъ, пованье возлагая на всемилостиваго Господа Бога и на Пренепорочную Богоматерь, Пресвятую Богородицу, и на нашу государскую милость, былъ надеженъ. А наша, великаго

государя, милость къ тебѣ николи премѣнна не будетъ»[12].

Не думаемъ, чтобъ такія обнадеживанія, повторявшіяся изъ года въ годъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, могли дѣйствовать успокоительно на несчастнаго Василья Борисовича Шереметева. Онъ хорошо видѣлъ, что дѣло его освобожденія опять заволакивалось тучами неизвѣстности. Да и положеніе самого хана Селимъ-Гирея сильно пошатнулось послѣ неудачнаго похода его въ Черкесы, въ которомъ онъ потерялъ съ шесть тысячь человѣкъ, а иные говорили, что и больше того[13]. За это на него «всѣмъ Крымомъ кричали и бранили его». Черные юртовскіе Татары все больше и больше забирали воли. Договоръ, заключенный въ Москвѣ, въ 1667 году, Шахтемиръ-аталыкомъ и посломъ Сеферъ-агой, объ увольненіи съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ, они ставили ни во чтò; мало того, за этотъ договоръ они грозили убить всѣмъ юртомъ до смерти Шахтемиръ-аталыка. «Такого образца — кричали черные

---

[12] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—1671 г. № 52.

[13] Тамъ же.

юртовскіе люди — искони вѣкъ не бывало, чтобъ у насъ ясырь имать и безъ окупу отпускать, и того николи не будетъ! По нашему стародавнему обыкновенію и по вольностямъ, самъ ханъ не воленъ ясырь у насъ имать. За службы наши и за кровь и за смерть то намъ дано. Кто что́ возьметъ въ войнѣ, тѣмъ мы и живемъ» [14].

Въ довершеніе всего, изъ Турціи насылали чауша за чаушемъ съ повелѣніемъ, чтобъ ханъ Селимъ-Гирей собирался съ ратными людьми и, собрався, изъ Крыма выступилъ и дожидался гдѣ пристойно султанова указа, чтобъ тотчасъ идти подъ Каменецъ-Подольскій, на помощь султанскимъ войскамъ противъ Польскаго короля. По всѣмъ этимъ причинамъ, ханъ весьма торопился отпускомъ изъ Крыма Московскаго посланника Шишкина. Онъ даже не договорился съ нимъ окончательно относительно мѣста размѣны Шереметева. А когда Шишкинъ, согласно наказа и съ обычною въ то время посольскою настойчивостію, требовалъ, чтобъ въ шертную грамоту включено было обязатель-

---

[14] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1670—71. № 52.

ство не ходить войною противъ Польскаго короля, ханъ сперва говорилъ, что «король Польскій самъ на своемъ государствѣ королевствуетъ, что онъ въ пересылкахъ съ нимъ, хановымъ величествомъ, бываетъ, и что писать о томъ (обязательствѣ) въ шертной грамотѣ непристойно». Но когда Шишкинъ и за симъ не унимался въ своихъ требованіяхъ, ханъ рѣзко заявилъ, что ему до всего этого дѣла нѣтъ, потому что, по указу Турецкаго султана, онъ идетъ нынѣ на Польскаго короля войною, что уже получилъ на подъемъ тридцать тысячь золотыхъ червонныхъ, дворъ съ шатрами, лошадь съ нарядомъ и саблю [15].

Послѣ всего этого понятно, что вопросъ о легальномъ освобожденіи Василья Борисовича Шереметева изъ плѣна самъ собою отходилъ на задній планъ. Въ самомъ дѣлѣ, до Шереметева ли было Крымцамъ при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ! Но мечта о свободѣ никогда не покидаетъ узника. Въ такомъ положеніи Шереметеву весьма естественно было вспомнить и о другихъ способахъ освобожденія. Мы знаемъ, что еще въ

---

[15] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—71. № 52.

1664 году пытались увезти его изъ Крыма тайнымъ образомъ. Душею этого дѣла былъ завѣдывавшій тогда Калмыцкими дѣлами князь Григорій Сунчалеевичъ Черкасскій, который дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, чрезъ своего племянника, отчаяннаго горскаго князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго [16]. Попытка, къ сожалѣнію, не удалась, но вспомнить о ней весьма кстати именно теперь, въ виду послѣдовавшей въ описываемое время трагической кончины главнаго дѣйствующаго лица этого смѣлаго предпріятія,—князя Григорья Сунчалеевича Черкасскаго.

Не далѣе, какъ 4 іюля, князь Григорій Сунчалеевичъ былъ на крестинномъ обѣдѣ у государя и сидѣлъ рядомъ съ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ. Послѣ того, князь былъ уволенъ въ отпускъ въ свои подмосковныя вотчины, село Чижево и село Саврасово. И вотъ, въ Москву пришла вѣсть, что 14 октября, за два часа до вечера, подъ селомъ Саврасовымъ [17], въ острову, бояринa князя Григорья Сунчалеевича Черкас-

[16] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. Спб. 1892. стр. 268—271.

[17] Нынѣ деревня Саврасово или Саврасова, Московскаго уѣзда, въ 26 верстахъ отъ Москвы, по лѣвую сторону Николаевской желѣзной дороги (если ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ).

скаго убили до смерти его дворовые люди Татары, Батырша съ товарищами, всего тринадцать человѣкъ, и, побравъ многіе пожитки князя и лошадей, убѣжали. За злодѣями посланы были въ погоню стряпчіе Кузьма Козловъ и Михайло Сатинъ, со многими людьми, но отъ тѣхъ и слѣдъ простылъ. Лишь въ половинѣ ноября въ Москвѣ узнали, что убійцы, Батырша съ товарищами, «объявились за Валомъ, а побѣгу де ихъ чаять въ Крымскіе или въ Нагайскіе улусы». Тотчасъ же въ Астрахань послана была, къ тамошнему воеводѣ князю Якову Никитичу Одоевскому, царская грамота о томъ, чтобы онъ отправилъ, кого пригоже, къ князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому и къ Айюкъ-тайшѣ, «и о смерти боярина князя Григорья Сунчалеевича и о побѣгѣ людей его имъ сказалъ и говорилъ, чтобъ они про тѣхъ воровъ и убойцевъ велѣли провѣдывать всякими мѣрами и, провѣдавъ, о поимкѣ ихъ учинили промыслъ, со всякимъ радѣніемъ; а за поимку тѣхъ воровъ обнадежить жалованіемъ золотыми, что дано имъ будетъ золотыхъ тысеча или двѣ» [18].

---

[18] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. № 66. стр. 260.

Покойный князь Григорій Сунчалеевичь Черкасскій считался въ семьѣ Шереметевыхъ близкимъ человѣкомъ. Онъ былъ женатъ на внучкѣ Ѳедора Ивановича Шереметева, на княжнѣ Прасковьѣ Никитишнѣ Одоевской [19], а его сынъ, князь Данило Григорьевичь Черкасскій, былъ женатъ на дочери Петра Васильевича Большого Шереметева, Марьѣ Петровнѣ. Трагическая кончина князя Черкасскаго для Шереметевыхъ была семейнымъ горемъ, которое такъ скоро пришло на смѣну большой радости, незадолго предъ тѣмъ посѣтившей домъ Петра Васильевича Большого Шереметева: 1 сентября 1672 г. у него родился первый внукъ—Михаилъ Борисовичь [20]. Это былъ уже второй ребенокъ у комнатнаго стольника Бориса Петровича Шереметева и жены его Евдокіи Алексѣевны Чириковой. Ихъ первенецъ—дочь Софья, родилась въ предыдущемъ 1671 году [21].

---

[19] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.

[20] Князь Петръ Долгоруковъ. Россійская родословная книга. IV. Спб. 1857. стр. 501 № 34.

[21] «Родословіе графа Дмитрія Николаевича Шереметева» (сообщенное графомъ С. Д. Шереметевымъ).

ГЛАВА II.

За двѣ недѣли до убіенія князя Григорья Сунчалеевича Черкасскаго, именно 30 сентября 1672 года, царь Алексѣй Михайловичь получилъ по почтѣ письмо Польскаго короля Михаила съ извѣщеніемъ, что Турецкій султанъ Магометъ IV, а съ нимъ Крымскій ханъ Селимъ-Гирей и Петръ Дорошенко, съ трехсотъ-тысячнымъ войскомъ Турецкимъ, Татарскимъ, Волоскимъ, Мултянскимъ и «своевольныхъ казаковъ», вторгнулся въ Польское государство и осадилъ «первую оборону коруны Польской»—городъ Каменецъ-Подольскій. Стѣны крѣпости были разбиты до основанія многими пушками и подкопами. Торжествующій непріятель занялъ городъ 18 августа. Султанъ Турецкій, учинивъ себѣ въ

Каменцѣ «крѣпкое пристанище», хотя и далъ слово жителямъ, что церквей Божіихъ у христіанъ не отыметъ, слова не сдержалъ: «съ церквей кресты и изъ церквей всякую утварь и колокола обралъ». Жителямъ оставлены были только три церкви: одна—для Русскихъ, другая—для Поляковъ, третья—для Армянъ. Каменецкій соборъ обращенъ былъ въ мечеть и для освященія ея, по Турецкому обычаю, взятъ былъ съ улицы первый попавшійся мальчикъ и обрѣзанъ въ самомъ храмѣ, въ присутствіи султана. Прочія христіанскія церкви Каменца-Подольскаго обращены были въ конюшни и казармы. Духовныхъ особъ и шляхту вырубили, а «освященныхъ Господу Богу дѣвъ, живущихъ въ монастыряхъ на хвалу имени Его святаго, осрамотили» [22].

Изъ Кіева воевода князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій сообщилъ еще такую подробность: «Послѣ взятья Каменца-Подольскаго, Турки выносили святыя иконы изъ церквей православныхъ и клали въ проѣзжихъ воротахъ, приказавъ жителямъ, хри-

[22] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. № 64. стр. 251. столб. 1; № 138. стр. 459. столб. 2.—Павлищевъ. Польская анархія. Ч. III. Спб. 1878. стр. 191 и 192.

стіанамъ и разныхъ вѣръ людямъ, по тѣмъ иконамъ идтить и всякое поругательство чинить, и которые люди, помня православную христіанскую вѣру, по тѣмъ иконамъ не пошли и поругательства не чинили, и тѣхъ людей Турки побили до смерти» [23].

На все это — замѣчаетъ Малороссійскій лѣтописецъ — смотрѣлъ Дорошенко, «и не заболѣло сердце его отъ такого безчестія образовъ Божіихъ»!... Все сносилъ честолюбецъ, ради своего «нещасливаго дочаснаго гетманства» [24]!

Царь Алексѣй Михайловичь не замедлилъ послать къ Европейскимъ дворамъ нарочныхъ гонцовъ съ убѣдительными грамотами, учинить соединенными силами скорую помощь Полякамъ противъ Турокъ. Маіору пѣшаго строя Павлу Менезіусу, велѣно было ѣхать, съ переводчикомъ, докторомъ Лаврентіемъ Рингуберомъ: къ папѣ Клименту X-му, къ цесарю Римскому Леопольду, къ Венеціанскому дожу Доминику Контарини, къ курфюрстамъ — Саксонскому Іоанну-Георгу

[23] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. № 64. стр. 252. столб. 2.

[24] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 115.

II-му и Бранденбургскому Фридриху-Вильгельму и Курляндскому князю Якову; переводчику Посольскаго приказа Андрею Винiусу, вмѣстѣ съ подьячимъ Петромъ Винiусомъ: къ Французскому королю Людовику XIV-му, къ Испанскому королю Карлу II-му и къ Англiйскому королю Карлу II-му же; подьячему Емельяну Украинцеву, вмѣстѣ съ толмачемъ Яковомъ Эглинъ: къ Шведскому королю Карлу XI-му, къ Датскому королю Христiану V-му и къ Голландскимъ Статамъ [25].

Симъ обозначается районъ дипломатическихъ сношенiй Московскаго государства съ державами Европейскими, въ послѣднiе годы царствованiя Алексѣя Михайловича. Россiю не только уже знали, но и слушали ее, считались съ нею. Она уже начинаетъ вмѣшиваться въ отношенiя между Европейскими государствами, даже беретъ на себя починъ побуждать ихъ къ совокупному дѣйствiю противъ общихъ враговъ Христiанства.

Политическому сближенiю съ Европой

---

[25] Памятники дипломатическихъ сношенiй древней Россiи съ державами иностранными. Т. IV. Спб. 1856. столб. 753—851.—Н. Н. Бантышъ-Каменскiй. Обзоръ внѣшнихъ сношенiй Россiи. Ч. I. М. 1894. стр. 18, 19, 24, 120, 163 и т. д.

предшествовало давно установившееся общеніе съ нею по дѣламъ государственнаго хозяйства и домашняго обихода. И въ настоящую посылку, напримѣръ, Менезіусу поручено было вербовать рудознатныхъ мастеровъ, самыхъ добрыхъ, которые знаютъ золотую и серебряную руду, и плавильщиковъ, двухъ или трехъ человѣкъ. Тому же Менезіусу царь Алексѣй Михайловичь приказалъ, «въ Римѣ, и у цесаря, и въ Бранденбургской и въ Саксонской и Венецѣйской земляхъ, сыскавъ, приговорить въ службу его, великаго государя, дву человѣкъ трубачей, самыхъ добрыхъ, которые бъ въ ученьѣ свидѣтельствованы, на высокой трубѣ танцы трубить» [26]. Еще раньше того, ровно за двѣ недѣли до рожденія царевича Петра Алексѣевича, полковникъ Николай Фанъ-Станенъ, былъ отправленъ въ Курляндію и Швецію, тоже приговаривать на государеву службу трубачей «самыхъ добрыхъ и ученыхъ, которые бъ умѣли всякія комедіи строить» [27].

---

[26] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. IV. Спб. 1856. столб. 800—803.

[27] Е. Опочининъ. Русскій театръ, его начало и развитіе. Спб. 1887. стр. 22.

Наконецъ, въ книгѣ «Выходы царей», подъ 2-мъ числомъ ноября 1672 года, читаемъ уже: «Ввечеру, великій государь ходилъ въ комидію, смотрить дѣйства, какъ Нѣмцы дѣйствовали» [28].

Такова была сила современнаго теченія жизни, все болѣе и болѣе привлекавшая насъ къ Европейскому міру, со всѣми его сатанинскими прелестями и соблазнами. Давно ли, по воскресеньямъ, въ церквахъ и на торжкахъ, не по единожды вычитывали царскія грамоты съ строгимъ наказомъ православнымъ христіанамъ, «прекратить всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми». Давно ли велѣно было, «гусли, домры, сурны, гудки и всѣ мусикійскіе, гудебные бѣсовскіе сосуды отбирать и ломать безъ остатку; а хари (то есть, маски) жечь на огнѣ». Теперь же самъ благочестивый царь устраиваетъ у себя, на своемъ государевомъ дворѣ, комидійныя дѣйства, на которыхъ «и въ арганы играли, и на фіоляхъ, и въ страменты, и тонцовали»! Въ Преображенскомъ была даже построена

[28] Выходы царей. М. 1844. стр. 563.

особая комидѣйная хоромина... Въ то время, когда въ народѣ велись горячіе споры даже о самой буквѣ Писанія и объ ея начертаніи, у царя же, въ его комидійной хороминѣ, «дѣйствовали комически Библію»: комедія объ Эсфири или, такъ называемое, Артарксерксово дѣйство; жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ; комедія притчи о блудномъ сынѣ; представленіе «въ прохладной комедіи» исторіи Іосифа и Товія и такъ далѣе. Особенное недоумѣніе вызывали представленія изъ событій земной жизни Христа Спасителя... Въ этомъ мы пошли даже дальше самихъ иноземцевъ. «Подѣланы были — повѣствуетъ современникъ — такія игры, что человѣку невмѣстно: отъ созданія свѣта и до потопа и по потопѣ до Христа и по Христѣ житіи, что̀ творилося, чюдотвореніе его или знаменіе кое. И то все противъ Писанія въ играхъ было учинено: и распятіе Христово, и погребеніе, и во адъ сошествіе, и воскресеніе, и на небеса вознесеніе. И такимъ играмъ иновѣрцы удивляяся, говорили: Есть де въ нашихъ странахъ такія игры, комедіями ихъ зовутъ, только не во многихъ вѣрахъ. Иные де у

насъ боятся и слышать сего, что во образъ Христовъ да мужика ко кресту будто пригвождать и главу терніемъ вѣнчаша, пузырь поддѣланъ съ кровію подъ пазуху, будто въ ребра прободать; вмѣсто лица Богородицы да по нее женкѣ, простерши власы, рыдати, и вмѣсто Іоанна Богослова, голоусову дѣтину сыномъ нарицать и ему ее предавать. Избави де, Боже, и слышати сего, что̀ у васъ въ Руси задѣяли таково красно̀, что всѣхъ иноземецъ всѣмъ перещепи̇ли: первое, платьемъ да ухищреніемъ чинами, потомъ уже игрою, всѣхъ земель иновѣрецъ перехвастали» [29]. Несомнѣнно, всѣ эти театральныя зрѣлища, которыя, по понятіямъ старины, были во всякомъ случаѣ угодіемъ соблазнительнымъ и погибельнымъ, царь Алексѣй Михайловичь устроивалъ прямо въ угоду молодой женѣ своей. По свидѣтельству Страленберга, царица Наталья Кирилловна Нарышкина была очень веселаго нрава и весьма охотно предавалась разнымъ увеселеніямъ; а царь Алексѣй Михайловичь, страстно любившій молодую, красивую царицу, старался доставлять

---

[29] Государственный Архивъ: Дѣла Тайной Экспедиціи. Разрядъ VII. № 1193.

ей всевозможныя удовольствія [30], и, между прочимъ, устройствомъ «комедійныхъ дѣйствъ», къ которымъ совсѣмъ не благоволила покойная царица Марья Ильинишна Милославская. Проживавшій въ то время въ Москвѣ нѣмецъ Рейтенфельсъ говоритъ, что онъ два раза видѣлъ царицу Наталью Кирилловну. По его описанію, «это—женщина въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, росту величаваго, съ черными глазами на-выкатъ, лицо пріятное, ротъ круглый, чело высокое, во всѣхъ членахъ тѣла изящная соразмѣрность, голосъ звонкій и пріятный, манеры самыя граціозныя» [31].

Царю Алексѣю Михайловичу постоянно приходилось какъ-то двоиться. Рядомъ съ распоряженіями по устройству столь ненавистныхъ народу «комедійныхъ дѣйствъ», вдругъ оглашаютъ приказъ: «Указалъ великій государь сказать, чтобъ во весь великій постъ рыбы и икоръ не продавали, опричено колачей и квасовъ и всякихъ конскихъ кормовъ;

---

[30] Берхъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича. Ч. 2. Спб. 1831. стр. 29.

[31] Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1839. № 7. іюль (извлеченіе изъ Сказаній Рейтенфельса о состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ).

а буде кто станетъ продавать, и имъ указано чинить большое наказаніе» [32]. Или еще такой именной указъ: «Князя Андрея Михайловича Кольцова-Мосальскаго изъ стряпчихъ написать по жилецкому списку за то, что онъ на головѣ волосы у себя подстригъ. А стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ Московскимъ, и жильцамъ указалъ великій государь сказать, чтобъ они иноземскихъ Нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, тако жъ и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили, и людямъ своимъ потому жъ носить не велѣли. А будетъ кто впредь учнетъ волосы подстригать и платье носить съ иноземскаго образца, или такое жъ платье объявится на людяхъ ихъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ опалѣ и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины» [33].

До самыхъ заговѣнъ, то есть, до 14 ноября, царь Алексѣй Михайловичь проживалъ съ своей семьей, то въ Преображенскомъ, то въ

---

[32] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1238.

[33] Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. I. Спб. 1830. № 607.

разныхъ селахъ по Троицкой дорогѣ: въ Алексѣевскомъ, Воздвиженскомъ, Братошинѣ и Тайнинскомъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ были царскія хоромы. 14 ноября, царица Наталья Кирилловна съ царевичами и царевнами переѣхала изъ Преображенскаго въ Москву, а царь Алексѣй Михайловичь—въ Коломенское, откуда 18 ноября тоже прибылъ въ Москву [34]. Тутъ его ожидалъ новый посланный Польскаго короля Михаила, Іеронимъ Комаръ, объявившій о договорѣ, заключенномъ королемъ съ Турецкимъ султаномъ подъ городомъ Бучачъ (въ Галиціи). По этому, дѣйствительно унизительному, договору, Рѣчь Посполитая уступала Турціи Подолію, а Украйну, въ ея давнихъ рубежахъ,—казакамъ; да кромѣ того обязалась платить султану ежегодно дань въ 20.000 червонныхъ.

Посланный Комаръ, въ тайномъ разговорѣ съ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, объяснилъ, что король былъ принужденъ къ такому тяжкому договору, но нарушить де его не можетъ, не обезпечивъ себя союзомъ съ сосѣдними державами, и что онъ

[34] Выходы царей. М. 1844. стр. 562 и 563.

больше всего надѣется на его царское величество, у котораго требуетъ совѣта: сохранять ли миръ? Если нѣтъ, Полякамъ де нужна сильная помощь, по крайней мѣрѣ, въ сорокъ тысячъ войска.

— Странное дѣло,—отвѣчалъ Матвѣевъ,—вы требуете отъ насъ совѣта послѣ того, какъ уже заключили договоръ, не снесясь съ нами. Постановляете, что Украйна по старымъ рубежамъ остается за казаками... Такой статьи въ договоръ вносить не годилось. Вѣдь Украйной по эту сторону Днѣпра владѣетъ великій государь. И вы же спрашиваете совѣта, сохранять этотъ договоръ или нѣтъ!.. Развѣ это побратски и попріятельски?.. Мы, съ своей стороны, сдѣлали все, что̀ отъ насъ требуется условіями Андрусовскаго договора; даже разослали гонцовъ ко всѣмъ окрестнымъ христіанскимъ государямъ, призывая ихъ къ союзу на Турокъ. Отвѣта еще не имѣемъ, а до этого, не можемъ оказать вамъ помощи войскомъ, тѣмъ болѣе, что въ вашей странѣ идетъ какая-то междоусобица у короля съ примасомъ королевства Пражмовскимъ и гетманомъ Собѣскимъ [35].

---

[35] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Книга III. стр. 444, 496 и 497.

Съ тѣмъ и уѣхалъ Комаръ во-свояси, оставивъ дѣльцовъ Посольскаго приказа въ сильномъ раздумьи относительно того, что вся тяжесть новой войны Турецкой, какъ будто бы, грозитъ обрушиться на одну Москву.

Невольно вниманіе устремлялось на нашъ югъ, къ Украйнѣ. Тамъ, на мѣсто гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, приговореннаго къ вѣчной ссылкѣ въ Сибирь, «за тайныя ссылки» съ Дорошенкомъ и «проискиванье» въ подданство Турецкому султану,—былъ избранъ вольными голосами сынъ священника тогобочной Украйны, генеральный судья Иванъ Самойловичъ. И новый гетманъ, и князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій, и Кіевскій воевода князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій сообщали въ Москву зловѣщіе слухи о намѣреніи Турецкаго султана итти къ Кіеву войною, [36] что будто бы онъ сказалъ Дорошенку: «Не печалься о Кіевѣ; я самъ буду подъ Кіевъ, доставать его... Потерпи, молись Богу, а заднѣпрская сторона и Кіевъ будутъ наши» [37].

---

[36] Акты Южной и Западной Россіи. Т. XI. Спб. 1879. столб. 72, 77, 100.

[37] Тамъ же, столб. 100, 168.

27 ноября, съ Постельнаго крыльца, сказанъ былъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ царскій указъ, быть готовыми на государеву службу противъ Турецкаго султана, чтобъ лошадей кормили и запасы собирали, и что его царское величество самъ своею государскою особою изволитъ идти противъ басурмановъ, на оборону святой церкви и православныхъ христіанъ на избавленіе. И для того своего государскаго похода указалъ великій государь строить въ Путивлѣ дворъ государевъ, а дворцовые обиходы и запасы отпускать въ Путивль нынѣшнимъ зимнимъ путемъ, не отлагая до иного времени» [38].

Въ приготовленіяхъ къ походу прошло все время до января 1673 года. Царь Алексѣй Михайловичь былъ полонъ одушевленія и готовности лично потрудиться въ святомъ дѣлѣ борьбы съ общими христіанскими непріятелями, Турецкимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ. Вышеупомянутый иноземецъ Рейтенфельсъ, жившій въ Москвѣ въ описываемое время (между 1671 и 1673 годами), не-

---

[38] Первое Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи. Т. I. Спб. 1830. № 535.

однократно видѣлъ царя Алексѣя Михайловича и такъ описываетъ его наружность: «Росту средняго; имѣетъ лицо полное, нѣсколько красноватое; тѣло довольно тучное; цвѣтъ волосъ средній между чернымъ и рыжимъ; глаза голубые; поступь величавая». По наблюденію Рейтенфельса, на лицѣ царя Алексѣя Михайловича «выражалась строгость вмѣстѣ съ милостію; взглядомъ своимъ онъ внушалъ каждому надежду и никогда не возбуждалъ страха. Нравъ его истинно царскій. Алексѣй Михайловичь былъ всегда важенъ, великодушенъ, милостивъ, благочестивъ, въ дѣлахъ государственныхъ свѣдущъ. Посвящая немало времени на чтеніе книгъ, онъ пріобрѣлъ основательныя познанія въ наукахъ естественныхъ и политическихъ».

Для насъ драгоцѣнно такое показаніе современника - иноземца именно потому, что оно дано имъ уже послѣ смерти Алексѣя Михайловича, въ 1676 году. Слѣдовательно, о пристрастіи или лести тутъ не можетъ быть и рѣчи. Рейтенфельсъ съ полнымъ убѣжденіемъ говоритъ, что «Алексѣй Михайловичь — такой государь, какого желали бы

имѣть всѣ христіанскіе народы, но не многіе имѣютъ» [39].

Можно думать, такое же впечатлѣніе производилъ царь Алексѣй Михайловичь и на другихъ иноземцевъ, на всѣхъ этихъ дипломатическихъ агентовъ и гонцовъ съ Востока и Запада, которыхъ, во всякое время года, можно было видѣть въ Москвѣ по нѣскольку человѣкъ. Такъ, и въ то время, когда царь Алексѣй Михайловичь, приготовляясь къ выступленію въ походъ, дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, на Ваганьковѣ, въ Москвѣ находились: Датскій резидентъ Магнусъ Гэ (Mons Gioë); Персидскій (Кизильбашскій) посланникъ Юсупъ Еханбетевъ, съ двумя купчинами; Хивинскій (Юргенскій) посолъ Полатъ-Кула и Монгольскіе (Мугальскіе) посланцы. Всѣ они, по указу государя, присутствовали на смотру, «и смотрѣли какъ вѣликій государь изволилъ тѣшиться, стрѣляти изъ пушекъ и изъ гранатовъ».

Резидентъ Гэ пришелъ въ изумленіе отъ гранатной стрѣльбы. «Пушекъ и меньшихъ

---

[39] Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1839 г. № 7, іюль (Извлеченіе изъ сказаній Якова Рейтенфельса, о состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ).

гранатовъ—сказалъ онъ—видалъ многажды, а такихъ большихъ гранатовъ не видалъ. Когда король Свейской былъ подъ Копенгафомъ, тогда была стрѣльба великая изъ гранатовъ, и какъ гранатъ падетъ гдѣ на землю, и на него бросали сырыя коровьи кожи, и тѣмъ ихъ тушили. Но такой великой стрѣльбы изъ гранатовъ (какъ у васъ) неединожды не видалъ. Далъ бы Богъ такую стрѣльбу надъ Турки. А еслибъ изъ тѣхъ гранатъ и изъ пушекъ была стрѣльба ночью, далече бъ лучи показались»?.. Резидентъ очень хвалилъ и порохъ. «А большія гранаты кто у васъ дѣлаетъ»? — спросилъ резидентъ. — «Прежде сего такія гранаты дѣлали Нѣмцы, а къ нынѣшней стрѣльбѣ гранаты дѣлали Русскіе люди, и служатъ онѣ къ стрѣльбѣ лучше, нежели тѣ. И дивились сему гораздо и резидентъ, и бывшіе при немъ два иноземца, Шведы».

Не менѣе дивились гранатной стрѣльбѣ Персіане и прочіе Азіаты. «Отъ такой стрѣльбы—говорили они—чаять, не можетъ никакая крѣпкая башня или палата устоять. А у насъ гранатная стрѣльба только небольшими гранатами изъ пушекъ да бросаютъ зажегши гранатъ съ руки».

Присутствовавшіе на смотру, тоже въ качествѣ постороннихъ зрителей, Донскіе казаки, атаманъ Ѳедоръ Минаевъ съ товарищами, потомъ «смотрѣли потѣхи медвѣжей и псовой охоты, какъ травили медвѣдя». Но, повидимому, воинственныхъ сыновъ Дона болѣе занимали пушки. Имъ позволили пройти къ пушкамъ, стоявшимъ подъ Ваганьковымъ, за дворами. Казаки, со всѣми пріемами знатоковъ дѣла, подробно осматривали голанки и пушки, что̀ на станкахъ. Казаки хвалили ихъ и говорили, что онѣ хорошаго мастерства. На голанкахъ казаки прочитали надписи, сколько вѣсу въ пушкахъ и ядрахъ. «Подлинно,—сказалъ атаманъ Минаевъ,—пушки стѣнобитныя. Каковы ни крѣпки Азовскія стѣны, отъ пушекъ сихъ затрясутся» [40].

Распоряженія о приготовленіяхъ къ войнѣ съ Турками и Татарами нѐ касались ни котораго изъ Шереметевыхъ лично. 27 ноября, когда съ Постельнаго крыльца сказанъ царскій указъ о походѣ, воеводою въ Кіевъ, на мѣсто князя Козловскаго, назначенъ былъ князь Юрій Петровичь Трубецкой, при чемъ

[40] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. № 64. стр. 254. столб. 2 и слѣд.

его пожаловали изъ стольниковъ въ бояре. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, состоялось назначеніе новыхъ воеводъ и въ другіе города. Въ Новгородъ посланъ былъ на воеводство бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ [41], съ присвоеніемъ ему титула намѣстника Смоленскаго, для дипломатическихъ сношеній съ порубежными Литовскими и Нѣмецкими городами. Нѣсколько раньше назначили было воеводою въ Тобольскъ стольника Никиту Ивановича Шереметева, а съ нимъ Ивана Ѳедоровича Пушкина да дьяковъ Григорья Михайлова и Ѳедора Протопопова. Но назначеніе это почему-то отмѣнили. Въ разрядной записи сказано: «И Никита Шереметевъ отставленъ, а на его мѣсто назначенъ бояринъ Петръ Михайловичь Салтыковъ, а товарищъ и дьяки тѣ жъ» [42].

---

[41] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 897 и 898.

[42] Тамъ же, столб. 896.

ГЛАВА III.

Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ выѣхалъ въ Новгородъ 24 января 1673 года [43]. По прибытіи туда, прежде всего онъ отправилъ грамоту въ пограничный съ Новгородскою областью Шведскій городъ Ругодивъ (нынѣшняя Нарва), къ тамошнему генералъ-губернатору Симону Грундельгельмфельту съ такимъ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи на воеводство: «По милосердому и разсмотрительному указу милостиваго нашего монарха, благочестиваго и христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, велѣно быть на его, великаго государя, службѣ въ древней его царской отчинѣ

[43] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Записная книга Московскаго стола 1674 года. № 18. л. 51 на об.

въ Новгородскомъ государствѣ, мнѣ, царскаго величества боярину и воеводѣ и намѣстнику Смоленскому Петру Васильевичу Шереметеву, на царскаго же величества боярина и воеводы князь Иванова мѣсто Петровича Пронскаго; а ему, боярину и воеводѣ князю Ивану Петровичу, велѣно быть къ Москвѣ. И по тому великаго государя указу, Новгородское государство я, царскаго величества бояринъ и воевода Петръ Васильевичь, у боярина и воеводы князя Ивана Петровича принялъ».

Далѣе, въ грамотѣ своей, Шереметевъ напоминалъ Шведскому генералъ-губернатору о томъ, что король Карлъ XI-й, «для сосѣдственной съ его царскимъ величествомъ, великимъ государемъ, дружбы и любви», указалъ мощи преподобнаго Арсенія чудотворца, оставшіяся за Шведскимъ рубежомъ, въ запустѣломъ Коневскомъ монастырѣ, отдать Новгородскому Деревяницкому монастырю [44].

Нужно сказать, что въ началѣ столѣтія, послѣ того, какъ Шведы разорили Коневскій монастырь, иноки его переселились въ Новгородскій Деревяницкій монастырь, оставивъ

[44] Историческіе и юридическіе акты XVII и XVIII столѣтій, собранные Михаиломъ Семевскимъ. М. 1870. стр. 10—12.

на Коневцѣ свое единственное сокровище—нетлѣнныя мощи основателя обители преподобнаго Арсенія. Еще въ первый Шведскій разгромъ, въ 1577 году, мощи сіи, бывшія на вскрытіи, зарыли въ землю подъ спудъ, въ основаніи церкви, по лѣвую сторону входныхъ западныхъ дверей [45].

Петръ Васильевичь Шереметевъ повидимому прилагалъ все стараніе, чтобъ ознаменовать свое вступленіе въ должность Новгородскаго воеводы, поднятіемъ изъ нѣдръ земли и торжественнымъ перенесеніемъ въ Новгородъ цѣльбоносныхъ мощей преподобнаго Арсенія Коневскаго. Къ сожалѣнію, о дальнѣйшемъ не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній и до сихъ поръ даже неизвѣстно, были ли переносимы эти мощи съ Коневца въ Новгородъ.

Вслѣдъ за назначеніемъ Шереметева въ Новгородъ, въ томъ же декабрѣ 1672 года, Чудовской архимандритъ Іоакимъ Савеловъ, «избраніемъ и повелѣніемъ» царя Алексѣя Михайловича, поставленъ былъ прямо въ митрополита Новгородскаго, на каѳедру, осво-

---

[45] Историко-статистическое описаніе Рождественскаго Коневскаго монастыря (Санктпетербургской епархіи). Спб. 1869. стр. 6 и слѣд.

бодившуюся послѣ Питирима, занявшаго патріаршій престолъ. Причина такого быстраго возвышенія Чудовскаго архимандрита Іоакима объясняется въ его Житіи: «Царь Алексѣй Михайловичь велми любяше и почитаху сего архимандрита Іоакима и на-частѣ сему повелѣваше пресвѣтлые свои государскіе очи видѣти, и бесѣдоваше съ нимъ зѣло любезно и въ сладость, послушаше его о всякихъ своихъ царственныхъ дѣлахъ великихъ, вѣдый его мужа праведна и добродѣтельна» [46].

Митрополитъ Іоакимъ выѣхалъ изъ Москвы 25 января 1673 года, а въ Новгородъ прибылъ 4 февраля, во вторникъ на масленицѣ. На Торговой сторонѣ, у соборной церкви Знаменія пресвятыя Богородицы, что̀ на Ильинѣ улицѣ, Іоакимъ вышелъ изъ саней и, войдя въ храмъ, знаменовался у величайшей святыни Новгородской, у чудотворнаго образа Знаменія. Потомъ сталъ на мѣстѣ, посреди церкви, и облачился въ свои архіерейскія одежды. Тѣмъ временемъ, изъ Софійскаго собора къ Знаменскому слѣдовали съ кре-

[46] Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха Московскаго Іоакима, изданное, въ 1879 году, Обществомъ Любителей Древней Письменности, подъ редакціей Никола Барсукова (XLVII, стр. 30).

стами и чудотворными иконами архимандриты, игумены, протопопы и весь освященный соборъ, въ освященныхъ одеждахъ, «съ кандилы и съ ѳиміямы и со свѣщами горящими».

Митрополитъ Іоакимъ вышелъ изъ Знаменскаго собора на встрѣчу крестнаго хода, и принесенные кресты и чудотворныя иконы кадилъ и цѣловалъ. За симъ, возвратился въ соборъ и, приказавъ поставить мѣсто къ западу лицомъ, сталъ на немъ и сказалъ освященному собору и народу, во множествѣ собравшемуся съ женами и дѣтьми, «новосостроенное слово» о своемъ поставленіи, и ниспослалъ миръ и благословеніе «всему всенародному множеству».

Послѣ того митрополитъ Іоакимъ пошелъ крестнымъ ходомъ на Софійскую сторону, въ соборную церковь Премудрости Божіей, «въ домъ святой Софіи», при чемъ пѣвчіе пѣли канонъ пресвятой Богородицѣ: «Воду прошедъ яко сушу, и Египетскаго зла избѣжавъ». По пути, «многіе граждане здравствовали преосвященнаго Іоакима на его святительскомъ престолѣ».

Въ Софійскомъ соборѣ новый митрополитъ святилъ воду и, отслуживъ божествен-

ную литургію, челъ поученіе. Разоблачась, Іоакимъ вышелъ изъ Софійскаго собора западными Корсунскими дверями, сѣлъ въ сани и сталъ объѣзжать кругомъ города. За нимъ ѣхалъ Новгородскій воевода бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ съ дьякомъ Ермолаемъ Воробьевымъ и головами стрѣлецкими. Для обереганья поѣзда, съ обѣихъ сторонъ шло двѣсти стрѣльцовъ съ ружьями. Предъ митрополитомъ шли пѣвчіе дьяки и подьяки и пѣли стихи, потомъ Софійскіе ключари съ благословящимъ крестомъ и блюдомъ со святою водою, за ними соборные понамари и звонцы везли въ саняхъ мѣсто, на чемъ митрополиту молитвы говорить. У всѣхъ воротъ Іоакимъ выходилъ изъ саней, становился на приготовленное понамарями и звонцами мѣсто и говорилъ молитвы во услышаніе всѣмъ православнымъ христіанамъ. Осѣнивъ крестомъ на всѣ четыре стороны, и окропивъ святою водою, митрополитъ опять садился въ сани и ѣхалъ дальше. Поѣздъ, совершивъ такимъ образомъ круговой объѣздъ, возвратился къ Корсунскимъ дверямъ Софійскаго собора, гдѣ митрополитъ Іоакимъ вышелъ изъ саней и предшествуемый пѣвчими дья-

ками и подьяками, пѣвшими стихи Успенію Богородицы и Новгородскимъ святителямъ епископу Никитѣ и архіепископу Іоанну, пошелъ въ Крестовую палату. Вся церемонія кончилась обѣденнымъ столомъ у митрополита Іоакима, въ Посольской палатѣ. За столомъ были: бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, дьякъ Воробьевъ, головы стрѣлецкіе, дворяне и «Новгородцы посадскіе люди». Послѣ стола митрополитъ благословлялъ образами, дарилъ кубками и портищами боярина Шереметева и всѣхъ, кто ѣздилъ съ нимъ около города [47].

Іоакимъ Савеловъ былъ назначенъ на Новгородскую митрополитскую каѳедру въ самый разгаръ бунта въ Соловецкомъ монастырѣ, издревле считавшемся въ зависимости отъ Новгородскихъ владыкъ. Въ Соловецкой обители скопились тогда всѣ изувѣры, отвергавшіе опредѣленія Московскихъ соборовъ 1666 и 1667 годовъ относительно новоисправленныхъ и вновь переведенныхъ богослужебныхъ книгъ. Простые иноки возмнили быть судіями собора патріарховъ! Разорвавъ и побросавъ въ море присланныя изъ Москвы новыя кни-

[47] Акты Историческіе. Т. IV. Спб. 1842. № 231. стр. 501 и 502.

ги, мятежники, надѣясь на свои крѣпкія стѣны и пушки, прямо вызывали правительство на бой. Уже шелъ шестой годъ, а царь Алексѣй Михайловичь все еще думалъ, что ему удастся образумить возмутившихся увѣщаніями. Нельзя же смотрѣть серьезно, напримѣръ, на отрядъ стряпчаго Волохова во сто стрѣльцовъ, якобы осаждавшій монастырь.... Видно, больно было царю Алексѣю Михайловичу, выстрадавшему въ своей душѣ Никоново дѣло, предпринимать еще рѣшительныя дѣйствія противъ высоко чтимой въ народѣ Соловецкой обители. Самое назначеніе Іоакима Савелова въ митрополиты Новгородскіе какъ будто бы указываетъ на то, что царь Алексѣй Михайловичь, даже послѣ того, что Соловецкіе мятежники дерзнули уже стрѣлять по царскимъ ратнымъ людямъ, не оставлялъ мысли уладить все это печальное дѣло безъ крутыхъ мѣръ. Думаемъ такъ потому, что митрополитъ Іоакимъ, по прибытіи въ Новгородъ, прежде всего послалъ въ Соловецкій монастырь архимандрита Макарія, іерея соборной церкви Меркурія Гаврилова и иныхъ лицъ духовнаго чина, къ тамошнимъ старцамъ и бѣльцамъ, съ увѣщательною гра-

мотою, «Яко да пріобщатся святѣй церкви, да будутъ едино стадо и единымъ пастыремъ наставляеми и ничимъ же различествующе отъ восточныя церкви». Но посланные возвратились въ Новгородъ ни съ чѣмъ. «Тіи безумные въ то время Соловяне, безуміемъ своимъ не восхотѣша благословенія, не послушаша словесъ посланія святителя» [48].

Митрополиту Іоакиму пришлось, однако, весьма скоро разстаться съ Новгородомъ. Вслѣдъ за кончиною патріарха Питирима, послѣдовавшею 19 апрѣля 1673 года [49], онъ былъ отозванъ въ Москву и тамъ, оставаясь въ санѣ митрополита Новгородскаго, въ теченіе цѣлаго года, состоялъ какъ бы блюстителемъ патріаршаго престола.

Послѣ отъѣзда митрополита Іоакима, Петръ Васильевичъ Шереметевъ былъ весь поглощенъ приготовленіями и распоряженіями къ встрѣчѣ на границѣ Новгородской области разныхъ дипломатическихъ агентовъ Европейскихъ государствъ, къ препровожденію

---

[48] Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха Іоакима, изданное, въ 1879 году, Обществомъ Любителей Древней Письменности, подъ редакціей Николая Барсукова (XLVII, стр. 13).

[49] Новгородскія лѣтописи. Изд. 2. Спб. 1879. стр. 169.

ихъ до Новгорода, къ пріему ихъ въ самомъ городѣ и отправленію далѣе въ Москву. При свойственной тому времени щепетильности посольской, приходилось обдумывать всякую мелочь и отстранять всевозможныя недоразумѣнія, порождаемыя этою щепетильностью. Въ сентябрѣ 1673 года, проѣзжалъ въ Москву посолъ курфюрста Бранденбургскаго Іоахимъ Скультетъ или, какъ называли его у насъ, Ефимъ Шкултетъ. Онъ слѣдовалъ съ порученіемъ курфюрста Фридриха-Вильгельма договориться съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ относительно совокупныхъ дѣйствій въ помощь Польскому королю противъ Турецкаго султана. Сохранилось описаніе пріѣзда въ Новгородъ посланника Скультета, сдѣланное находившимся при немъ профессоромъ (въ Дюнсбургѣ) Іоанномъ-Арнольдомъ Брандомъ [50].

По описанію Бранда, 17 сентября, рано утромъ, секретарь посольства былъ отправленъ въ Новгородъ, чтобъ испросить у воеводы позволеніе, проѣхать посольству черезъ

[50] Reisen durch die Mark Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Tweerien und Moscovien. Wesel. 1702. стр. 190. 197 и 249.

городъ и чтобы, по возможности, былъ ускоренъ ихъ проѣздъ. Секретарь возвратился въ 8 часовъ и сказалъ, что бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ (Pioter Wasilowicz Szeremetow) кланяется господамъ посламъ и даетъ имъ знать, что онъ, извѣстясь объ ихъ благополучномъ прибытіи, велѣлъ назначенному къ нимъ въ приставы дворянину встрѣтить пословъ именемъ великаго государя предъ воротами Каменнаго города или Кремля, какъ бывали встрѣчаемы и прежніе послы. Кромѣ того, секретарь объявилъ, что со стороны Шереметева сдѣланы распоряженія, чтобы на Посольскомъ дворѣ они были снабжены всѣмъ нужнымъ.

Когда усаживались въ сани, посолъ Скультетъ заспорилъ съ приставомъ о томъ, кому сидѣть съ правой стороны. Брандъ говоритъ, что въ концѣ концовъ дѣло было улажено. Дѣйствительно, было улажено, но только вовсе не къ удовольствію Бранденбургскаго посла. Нашъ приставъ настоялъ на своемъ и сидѣлъ по правую руку.

Когда послы расположились на Посольскомъ дворѣ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ прислалъ дьяка, спросить объ ихъ здо-

ровьѣ и обнадежилъ, что всѣ ихъ желанія будутъ исполнены. Дьякъ откланялся посламъ, но вскорѣ возвратился назадъ и поднесъ имъ отъ боярина Шереметева нѣсколько рыбъ, щукъ, окуней и проч., медъ разныхъ сортовъ и водку.

На слѣдующій день, Петръ Васильевичь еще два раза присылалъ спросить о здоровьѣ посла.

«Такъ какъ—повѣствуетъ далѣе Брандъ—посолъ былъ принятъ воеводою Шереметевымъ съ такою обходительностію, то онъ отправилъ къ нему, воеводѣ, своего гофмейстера, передать ему серебряный кубокъ въ двадцать три рейхсталера, съ благодарностію за добрый пріемъ». Кромѣ того, гофмейстеру поручено было довѣдаться, дѣйствительно ли приставъ долженъ сидѣть въ саняхъ всегда съ правой стороны, какъ это случилось съ нимъ, посломъ, и что во всякомъ случаѣ, онъ, именемъ своего государя, будетъ жаловаться на это его царскому величеству.

Петръ Васильевичь Шереметевъ съ признательностію принялъ подарокъ. Что же касается до правой руки, велѣлъ доложить послу, что это нашъ древній обычай, что его

никакъ нельзя было нарушить, подъ опасеніемъ подвергнуться опалѣ, и что во всемъ другомъ воевода готовъ угождать послу, въ чемъ-де онъ уже убѣдился и будетъ убѣждаться впредь.

22 декабря, Бранденбургское посольство, на обратномъ пути изъ Москвы, опять останавливалось въ Новгородѣ, на Посольскомъ же дворѣ. И на этотъ разъ, Петръ Васильевичь Шереметевъ послалъ послу Скультету, съ подьячимъ Сидоромъ Родіоновымъ, въ подарокъ, около пятидесяти штукъ разной рыбы: большихъ щукъ, окуней и судаковъ. Какъ бы въ благодарность за гостепріимство, Бранденбургскій профессоръ говоритъ въ заключеніе: «Хитрые Московиты обмазали головы рыбъ кровью, чтобъ подумали, что рыбы еще совсѣмъ свѣжи»...

Въ томъ же 1673 году, вслѣдъ за Бранденбургскими послами, черезъ Новгородъ прослѣдовало въ Москву пышное посольство Шведскаго короля Карла XI-го. При главномъ послѣ, графѣ Оксенштіернѣ, находились: Эстляндскій ландратъ баронъ Іоаннъ-Генрихъ фонъ Тизенгаузенъ и Лифляндскій ландратъ Готгардъ-Іоаннъ Будбергъ. Секре-

таремъ посольства былъ капитанъ Эрикъ Пальмквистъ. Онъ тоже оставилъ описаніе этого посольства [51], которымъ мы и воспользуемся, поскольку оно относится къ Новгороду и къ тамошнему воеводѣ боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву.

18 ноября, Шведскіе послы переступили границу Московскаго государства торжественною процессіею, которую замыкала собственная карета королевскаго величества. Не менѣе четырехсотъ лошадей было собрано на подъемъ посольства, которое и двинулось въ глубь страны, сопровождаемое встрѣтившими его приставами.

Еще не доѣхали до Новгорода,—говоритъ Пальмквистъ, — «какъ начались уже ссоры изъ-за церемоній, несоблюденіе коихъ уже не разъ доводило до войны». На этотъ разъ предметомъ пререканій была королевская карета, никогда не бывавшая съ прежними Шведскими послами. Пальмквистъ утвер-

---

[51] Описаніе секретаря Шведскаго посольства Эрика Пальмквиста, подъ заглавіемъ «Observationer ofver Ryssland», долго хранилось подъ спудомъ, кажется, въ Стокгольмской королевской библіотекѣ или въ Шведскомъ государственномъ архивѣ. Шведская королевская типографія наконецъ предприняла издать эти любопытныя записки, но въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

ждаетъ, что карету королевскаго величества взяли они для того, чтобъ этимъ «оказать наибольшее вниманіе Русскимъ». Но Новгородскій воевода Петръ Васильевичь Шереметевъ иначе посмотрѣлъ на это новшество, непредусмотрѣнное никакими наказами. Онъ поспѣшилъ отправить изъ Новгорода нарочнаго гонца къ посламъ, предупредить ихъ, что ворота, черезъ которыя посольству предстоитъ въѣхать въ Новгородъ, слишкомъ низки для королевской кареты и что онъ, Шереметевъ, предлагаетъ посламъ въѣхать въ городъ въ приготовленной для нихъ каретѣ его царскаго величества. Такое заявленіе совсѣмъ озадачило Шведскихъ пословъ. Они никакъ не соглашались разстаться съ своей каретой, говоря, что этимъ они причинили бы большой ущербъ чести Шведскаго короля. Послали измѣрять ворота, ихъ высоту и ширину. Оказалось, что карета хотя могла проѣхать, но, дѣйствительно, съ трудомъ. Тогда послы приказали своему шталмейстеру, чтобъ онъ распорядился опустить королевскую карету, какъ можно ниже. Послѣ этого спорить было уже трудно и осторожный Шереметевъ уступилъ; а потомъ даже

увѣрялъ пословъ, будто бы онъ, желая сдѣлать имъ удовольствіе, велѣлъ разобрать часть стѣны у воротъ, чтобъ карета королевскаго величества могла свободно проѣхать.

Совершивъ, 28 ноября, въѣздъ въ Новгородъ въ королевской каретѣ, послы уже безъ всякаго противорѣчія пересѣли въ выѣхавшую къ нимъ на встрѣчу царскую карету, которая, по описанію Пальмквиста, была снабжена сводчатымъ балдахиномъ, съ четырьмя продолговатыми позолочеными пуговицами, по одной въ каждомъ углу; снаружи карета была немного позолочена, а внутри обита краснымъ бархатомъ.

Проѣздъ пословъ до Посольскаго двора былъ обставленъ Шереметевымъ всевозможною торжественностію. По пути слѣдованія пословъ стоялъ подъ ружьемъ весь Новгородскій гарнизонъ, состоявшій изъ трехъ тысячь ратныхъ людей. Тамъ же находилась и конница въ тысячу человѣкъ, въ томъ числѣ двѣсти казаковъ, и до пятидесяти человѣкъ дворянъ,—представителей мѣстныхъ лучшихъ фамилій. Тутъ были: Богданъ Ивановичь Лугвеневъ, двое Желтухиныхъ (Симонъ Васильевичь и Богданъ Тимоѳее-

вичь), Илья Герасимовичь Пушкинъ, трое князей Елецкихъ (Митрофанъ Ивановичь, Юрій Ивановичь и Григорій Васильевичь), Богданъ Ивановичь Колобовъ, трое Муравьевыхъ (Артемій Өеоктистовичь, Ефимъ Аөанасьевичь и Игнатій Яковлевичь), Борисъ Ивановичь Бестужевъ, трое Крекшиныхъ (Потапъ Ивановичь, Всеволодъ Борисовичь и Иванъ Борисовичь), Михаилъ Семеновичь Зиновьевъ, трое Ододуровыхъ (Спиридонъ Андреевичь, Семенъ Андреевичь и Антонъ Андреевичь), Михаилъ Семеновичь Пущинъ, Иванъ Андреевичь Бибиковъ, Иванъ Григорьевичь Вельяшевъ, Иванъ Кузмичь Долгово-Сабуровъ и проч. [52]

По словамъ Пальмквиста, воевода Петръ Васильевичь Шереметевъ, «чтобъ похвастать», нарочно направилъ посольскій поѣздъ черезъ Кремль, гдѣ по обѣ стороны разставилъ 40 орудій различнаго калибра, при которыхъ стояли пушкари съ зажженными фитилями.

Пальмквистъ пишетъ, что Новгородъ, имѣющій въ окружности цѣлую милю, сна-

[52] Собраніе рукописей Тверскаго музея, столбецъ № 10.

ружи красивъ и живописенъ, благодаря множеству монастырей, церквей и башень, и что даже внѣ города, въ разстояніи около двухъ верстъ, находится болѣе 30 монастырей, съ башнями и каменными стѣнами.

Шведы, зорко слѣдившіе за Россіей и за всѣмъ, что̀ въ ней происходило, внимательно осматривали Новгородъ. Они находили, что городъ сей «расположенъ очень выгодно, какъ для того, чтобъ быть важнымъ торговымъ пунктомъ, такъ и для того, чтобъ служить сильною пограничною крѣпостью». Особенно заинтересовалъ Шведовъ Новгородскій Кремль, о которомъ отзывались такъ: «обнесенъ онъ прекрасною, высокою и чрезвычайно толстою стѣною и обведенъ кругомъ сухимъ рвомъ, но съ ближайшихъ домовъ и находящагося въ самомъ городѣ монастыря его легко обстрѣливать и подойти къ нему, и что хорошему солдату недолго пришлось бы возиться съ нимъ».

2-го декабря, Шведское посольство выѣхало изъ Новгорода и продолжало свой путь до Москвы безъ особыхъ приключеній.

ГЛАВА IV.

Если Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, при назначеніи его на воеводство въ Кіевъ, взялъ туда и семью свою, то нѣтъ основанія думать, чтобы того же самаго не сдѣлалъ онъ и теперь, при назначеніи на воеводство въ Новгородъ. Достовѣрно же извѣстно только одно, что въ то время старшій сынъ Петра Васильевича, комнатный стольникъ Борисъ Петровичь Шереметевъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ), съ женою Евдокіей Алексѣевной и дѣтьми, оставался въ Москвѣ. У нихъ, въ 1673 году, родился уже третій ребенокъ, дочь Анна [53]. Быстро росла семья Бориса Петровича, а матеріальное положеніе его было какъ будто бы не вполнѣ удовлетворительно. И въ

[53] П. Казанскій. Село Новоспасское. М. 1847. стр. 131.

описываемое время у Шереметева все еще продолжалась докучливая тяжба съ Чириковыми изъ-за прожиточнаго помѣстья тещи его, Ѳедосьи Павловны Чириковой. Вообще, женитьба Бориса Петровича Шереметева на Евдокіѣ Алексѣевнѣ Чириковой принесла ему много непріятностей и огорченій. Начать съ возникшаго слѣдствія о томъ, будто бы тесть его, Переяславскій полковникъ Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ, умеръ, 17 марта 1669 года, не своею смертью, а былъ ночью задушенъ своими слугами. Слѣдствіе возбудилъ двоюродный братъ покойнаго стольникъ Ѳедоръ Степановичь Чириковъ. Изъ челобитной его оказалось, что Алексѣй Пантелеевичь умеръ не въ Кіевѣ, какъ это было извѣстно доселѣ, а въ Переяславлѣ. «Во 177 (1669) году, въ мартѣ мѣсяцѣ,—писалъ государю Ѳедоръ Чириковъ, — на твоей, великаго государя, службѣ въ Переяславлѣ, брата моего двоюроднаго Алексѣя Пантелеевича Чирикова скорою смертію, ночною порою, не стало; а какая, государь, брату моему смерть въ ночи случилась вскорѣ, того не вѣдомо... А въ ту ночь у брата моего ночевали люди его двора съ нимъ въ избѣ: Васька Кленовъ, Андрюшка

Сысоевъ, Васька Волковъ да двое робятъ, жителей Черкасскихъ городовъ. И у тѣхъ людей учинилась промежъ себя брань и стали говорить другъ на друга попреками про смерть брата моего, что братъ мой отъ нихъ подушкою задавленъ». Начались допросы. Васька Кленовъ еще до слѣдствія повѣсился; Андрюшка Сысоевъ доказалъ, что въ ту роковую ночь онъ не ночевалъ въ той избѣ, а ночевалъ въ отхожей горницѣ; а Васька Волковъ сказалъ, что онъ и ребята, какъ легли съ вечеру, такъ и проспали, не пробуждаясь, до самыхъ заутрень, когда обнаружилось, что воевода Чириковъ, болѣвшій предъ тѣмъ цѣлыхъ два года, былъ мертвъ. Словомъ, слѣдствіе не открыло и не выяснило ровно ничего [54]. Но для стоустой молвы это было безразлично. Толки и перешептыванія о родномъ отцѣ жены Бориса Петровича Шереметева не умолкали. Не могла доставить удовольствія Борису Петровичу и пущенная гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ завѣдомая клевета на отца его, Петра Васильевича Большого Шереметева, будто бы онъ завладѣлъ хранившимся

---

[54] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Столбецъ Приказнаго стола Разряда № $\frac{1561}{411}$.

у Алексѣя Чирикова церковнымъ серебромъ. Въ обличеніе клеветника, Кіевскій воевода князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій прямо заявилъ государю, что то серебро Петръ Васильевичь, при сдачѣ Кіева, передалъ ему, князю Козловскому, подъ росписку, а онъ отдалъ его, по принадлежности, Переяславскимъ попамъ [55]. Далѣе, слѣдовали непріятности, сопровождавшія самую женитьбу Бориса Петровича Шереметева съ Евдокіей Алексѣевной Чириковою. 19 сентября 1669 года, теща Шереметева, вдова Ѳедосья Павловна Чирикова, дала ему засвидѣтельствованную рядную запись, что она выдаетъ свою дочь съ прожиточнымъ помѣстьемъ отца ея, селомъ Кирѣевскимъ, Алаторскаго уѣзда, и что, кромѣ того, даетъ за дочерью въ приданое деревню Панины Пруды, Рязанскаго уѣзда, вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, вотчину въ Дмитровскомъ уѣздѣ и Московскій дворъ [56], находившійся въ Бѣломъ городѣ, «отъ Смоленскихъ воротъ по правую сторону по Тверскую улицу» [57]. Слѣдовало бы сейчасъ же справить

---

[55] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VII. Спб. 1899. стр. 225.

[56] Тамъ же, стр. 226 и 237.

[57] Переписныя книги города Москвы. 1665—76. М. 1886. стр. 125.

все это за Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. Но Ѳедосья Павловна, къ сожалѣнію, не торопилась исполнить эту необходимую въ крѣпостныхъ дѣлахъ формальность. Между тѣмъ, на третій день свадьбы Бориса Петровича, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ отправился на службу въ Казань, а Борисъ Петровичь поѣхалъ провожать отца до Коломны. По возвращеніи въ Москву, Борисъ Петровичь былъ наряженъ въ походъ за государемъ. Такъ что домой прибылъ лишь 20 ноября и на досугѣ попросилъ тещу справить наконецъ за нимъ прожиточное помѣстье. Ѳедосья Павловна видимо не хотѣла выпускать помѣстья изъ рукъ при своей жизни. Она хотя и дала Борису Петровичу просимую имъ заручную челобитную, за рукою ея родного брата Парѳенья Павловича Сомова, но въ челобитной какъ бы подчеркивала, что ей владѣть тѣмъ помѣстьемъ и вотчинами по свой животъ, а зятю де ея въ то помѣстье и вотчины не въѣзжать и не вступаться. Прежде чѣмъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ успѣлъ собраться въ Помѣстный Приказъ, Ѳедосья Павловна скончалась. Это случилось въ ночь съ 21 на 22 ноября 1669 года. Шере-

метевъ сдалъ заручную челобитную тещи въ Помѣстный Приказъ лишь 22 ноября, когда челобитчица лежала уже бездыханна. На этомъ обстоятельствѣ и завязалась тяжба, стоившая Борису Петровичу столькихъ хлопотъ и заботъ. Заручную челобитную Өедосьи Павловны Чириковой Шереметевъ подалъ вмѣстѣ съ своею личною челобитною, въ которой писалъ государю: «Женился я у вдовы Өедосьи Павловны жены Чирикова, на дочери ея на дѣвкѣ Авдотьѣ, а въ записи написала она, вдова Өедосья, мнѣ, Борису, прожиточное свое помѣстье, что́ ей дано, по государеву указу и по соборному Уложенію, съ окладу мужа ея, на прожитокъ, двѣсти чети. И нынѣ, она, Өедосья, бьетъ челомъ великому государю, чтобъ то прожиточное помѣстье справить за нимъ, Борисомъ. Милосердый государь, пожалуй меня, вели то прожиточное имѣніе вдовы Өедосьи Павловны жены Чирикова, что́ дано ей съ окладу мужа ея на прожитокъ, записать и по ея заручной челобитной справить за мною. Царь, государь, смилуйся, пожалуй»!

Противъ Бориса Петровича Шереметева и его челобитной возстали всѣ наличные Чи-

риковы, руководимые, главнымъ образомъ, вышеупомянутымъ стольникомъ Өедоромъ Степановичемъ Чириковымъ.

Въ челобитной государю, Өедоръ Чириковъ, съ однородцами, объяснялъ, что «вдова Өедосья Павлова жена Чирикова, того помѣстья, что̀ ей дано на прожитокъ съ окладу изъ помѣстья мужа ея, при себѣ никому не отдала, объ отдачѣ не допрашивана и ни за кѣмъ то ея помѣстье не справлено и челобитной за рукою отца ея духовнаго при живой въ Помѣстномъ Приказѣ не бывало. О помѣстьѣ томъ бьетъ челомъ великому государю зять ея, стольникъ Борисъ Шереметевъ, а въ челобитной своей написалъ, будто теща его, вдова Өедосья, дала ему на себя запись, что ей то свое прожиточное помѣстье справить за нимъ... А какъ она, вдова Өедосья, была жива, и челобитья ея въ Помѣстномъ Приказѣ, о справкѣ того ея прожиточнаго помѣстья за зятемъ ея, не бывало; а объявилось челобитье Бориса Шереметева и ея Өедосьинымъ именемъ послѣ ея смерти». Въ заключеніе Өедоръ Степановичъ Чириковъ просилъ, чтобъ государь «не велѣлъ того помѣстья у нихъ изъ роду отнять и за Борисомъ Шере-

метевымъ справливать, потому что челобитныя поданы въ Помѣстномъ Приказѣ послѣ смерти вдовы Ѳедосьи».

Мы не будемъ утруждать вниманіе читателя изложеніемъ дальнѣйшаго хода настоящаго дѣла [58], окончательно разрѣшеннаго уже послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича и не въ пользу Шереметева. Двѣ приведенныя челобитныя достаточно объясняютъ суть тяжбы. Для насъ существенно важна, напримѣръ, такая подробность. Въ одной изъ челобитныхъ, Борисъ Петровичь Шереметевъ прямо говоритъ, что «за Ѳедоромъ Чириковымъ помѣстья и вотчины дачи большія, а за нимъ, Борисомъ Шереметевымъ, помѣстья только прожитокъ жены его, 100 чети, а опричь де того помѣстья, за нимъ ничего нѣтъ».

Любопытно, что Борисъ Петровичь Шереметевъ, состоявшій уже третій годъ въ чинѣ стольника, даже не былъ еще поверстанъ помѣстнымъ окладомъ и деньгами.

Только самая крайность, между прочимъ, разорительная тяжба съ Чириковыми, вѣ-

[58] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: столбецъ Помѣстнаго Приказа по Галичу. № $\frac{24}{190}$.

роятно, вынудила Бориса Петровича напомнить о себѣ государю. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1673 года, онъ подалъ царскому величеству челобитную слѣдующаго содержанія: «Служу я тебѣ, великому государю, третій годъ въ стольникахъ, а твоимъ государевымъ жалованіемъ, помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ, я не верстанъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, пожалуй меня, вели, государь, меня помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ верстать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй»!

Завелось дѣло въ Разрядѣ. Составленъ былъ докладъ государю со справкою, что Борисъ Петровичь Шереметевъ пожалованъ въ стольники во 178 (1669) году и что помѣстнымъ и денежнымъ окладами онъ, дѣйствительно, не верстанъ. Къ докладу приложена была, для примѣра, выписка о стольникахъ, которые въ прежніе годы были вновь верстаны помѣстными и денежными окладами, въ которой изъ Шереметевыхъ показаны слѣдующіе: По 800 чети, денегъ по 70 рублевъ—Василій Борисовичь Шереметевъ; по 700 чети, денегъ по 50 рублевъ—Матвѣй Васильевичь Шереметевъ и Никита Ивановичь Шереме-

тевъ. Въ концѣ выписки приписано: «А отцу его, Борисову, боярину Петру Васильевичу Шереметеву, въ Боярской книгѣ 155 (1646—47) года, новичкамъ, денежной окладъ 400 рублевъ; а въ стольникахъ—помѣстнымъ и денежнымъ окладами былъ не верстанъ».

Бориса Петровича Шереметева вызывали въ Разрядъ, и тамъ онъ «у выписки» сказалъ, что въ семьѣ онъ старшій братъ, что у него «бóльшіе братіи нѣтъ, а меньшіе де его братья, Ѳедоръ, Василій, Иванъ и Володимеръ Петровы дѣти Шереметевы, не въ чину».

На докладѣ читаемъ такую помѣту: «181 (1673) года, іюля въ«   »день, государь пожаловалъ, велѣлъ стольнику Борису Шереметеву окладъ учинить 700 чети, денегъ по 50 рублевъ» [59]. Разумѣется, это должно было поправить дѣла Бориса Петровича Шереметева, и онъ съ уравновѣшеннымъ духомъ могъ продолжать свою придворную службу.

4 сентября, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, съ своимъ троюроднымъ братомъ Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ, стоялъ въ рындахъ во время пріема

---

[59] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: столбецъ Московскаго стола № 464.

государемъ Польскаго посланника дворянина Павла Свидерскаго, въ Столовой Палатѣ. Шереметевы, какъ и другіе двое рындъ, братья стольники Василій и Степанъ Савиновичи Нарбековы, были одѣты въ бархатныя ферязи [60].

30 ноября, Борисъ Петровичь Шереметевъ участвовалъ въ богомольномъ походѣ царя Алексѣя Михайловича въ Звенигородъ, въ Савинскій монастырь, къ празднику Савы, Сторожевскаго чудотворца [61]. Извѣстно, какъ чтилъ эту обитель царь Алексѣй Михайловичь, какъ любилъ онъ праздновать съ монахами день памяти ея основателя, преподобнаго Савы, 3-е декабря. Обыкновенно, за двѣ недѣли государь посылалъ туда своихъ сытниковъ для приготовленія къ празднику меда, пива, кваса и браги; а самъ приходилъ въ монастырь тоже заблаговременно и располагался въ построенномъ для себя дворцѣ, съ крытымъ ходомъ въ Рождественскій соборный храмъ [62]. На этотъ разъ царь Алексѣй Михай-

---

[60] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Записная книга Московскаго стола, 1674 г. № 18. л. 59 на об.

[61] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 903.

[62] Смирновъ. Историческое описаніе Савина Сторожевскаго монастыря. М. 1860. стр. 23. 24. 26. 27.

ловичъ прибылъ въ Савинскій монастырь съ царевичемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ возницей въ царскомъ поѣздѣ [63], а въ самый день праздника находился у государя за столомъ въ трапезѣ, гдѣ царское величество потчивалъ всю монастырскую братію. По обыкновенію, для большей торжественности, съ монастырскихъ стѣнъ и башень стрѣляли изъ пушекъ савинскіе стрѣльцы или, какъ называлъ ихъ царь Алексѣй Михайловичъ, «стрѣльцы Савы чудотворца» [64]. Двѣсти такихъ стрѣльцовъ, именно для такихъ случаевъ, поселены были особою слободкою около монастыря. Однимъ словомъ, праздникъ справленъ былъ во всемъ по заведенному, безъ всякой перемѣны. Въ самомъ лишь государѣ можно было замѣтить, и то только приближеннымъ, нѣкоторую перемѣну. Онъ все чаще и чаще прихварывалъ. Въ походахъ, за нимъ уже возили, на всякій случай, наряжаемую въ Аптекарскомъ Приказѣ особую «шкатулу» со всевозможными лекарствами. Въ ней были: и «духъ изъ му-

---

[63] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 903.

[64] Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, издан. Петромъ Бартеневымъ. М. 1856. стр. 214.

равьевъ», и «тинктура кордіалисъ», и «сыропъ изъ жеребячья копыта» и проч. и проч. [65] Впрочемъ, все это обыкновенно оставалось нетронутымъ, потому что, по словамъ докторовъ, государя никакъ нельзя было уговорить принять какое нибудь лекарство [66].

Возвратясь въ Москву, царь Алексѣй Михайловичь получилъ извѣстіе, что въ Запорожьѣ появился молодой человѣкъ, именовавшій себя царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ и разсказывавшій, будто онъ, однажды, «похвалился, при батюшкѣ своемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на думныхъ бояръ, и тѣ хотѣли его за то уморить, да не уморили»... Примѣты загадочнаго молодого человѣка были таковы: «Породою и возрастомъ хорошъ и тонокъ, лицомъ долголикъ, не черменъ (то-есть, не рыжъ) и не русъ, и не смяглъ (то-есть, не смуглъ), малой лѣтъ въ пятнадцать; да у него жъ два знамени, а на нихъ написаны орлы да сабли кривыя». Извѣстіе это весьма раздражило царя Алексѣя Михай-

---

[65] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. № 94.

[66] Посольство Кунраада фанъ Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Өедору Алексѣевичу. Издано Археографическою Коммисіею, подъ редакціей переводчика Александра Михайловича Ловягина. Спб. 1900. стр. 431.

ловича: опять самозванецъ! Онъ сейчасъ же (12 декабря) написалъ гетману Ивану Самойловичу: «Рожденіе сына нашего благовѣрнаго царевича и великаго князя Симеона Алексѣевича во 173 (1665) году, апрѣля въ 3 день, а успеніе его отъ земного царства въ вѣчное блаженство небеснаго царствія въ прошломъ во 177 (1669) году, іюня въ 18 день; а мощи его погребены въ нашемъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ церкви архистратига Михаила, при нашемъ царскомъ величествѣ, на которомъ погребеніи были (такіе-то). И по рожденіи его до успенія четыре года, а по нынѣшній по 182 (1673) годъ, еслибъ многолѣтствовалъ, было девять лѣтъ, а не пятнадцать... Во время Стенькина воровства былъ съ нимъ такой же воръ и самозванецъ, по его Стенькину наученью» [67].

Когда сдѣланы были всѣ распоряженія о немедленной поимкѣ объявившагося самозванца и скорѣйшей присылкѣ его въ Москву, туда, въ послѣднихъ числахъ декабря 1673 года, прибыли наконецъ изъ Новгорода уже

---

[67] Соловьевъ. Исторія Россіи. Из. 2. кн. III. столб. 466. — Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1825. №№ 89 и 90.

знакомые намъ Шведскіе послы, графъ Оксенштіерна съ товарищами. Они и тутъ, на первыхъ же порахъ, заспорили съ боярами относительно нѣкоторыхъ подробностей предстоявшаго имъ представленія царскому величеству. Посламъ говорили между прочимъ, что во время пріема во дворцѣ, они должны быть съ непокрытыми головами. Также де точно и наши послы въ Стокгольмѣ будутъ передъ королемъ безъ шапокъ. Графъ Оксенштіерна объявилъ, что на это онъ никакъ не можетъ согласиться безъ королевскаго указа. Онъ послалъ для сего нарочнаго гонца въ Стокгольмъ. На пересылку эту пошло такъ много времени, что Шведскіе послы могли быть приняты государемъ лишь въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1674 года. Если бы не это обстоятельство, они навѣрное, подобно Датскому резиденту Магнусу Гэ, были бы приглашены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на любопытное зрѣлище: на смотръ спальниковъ, стольничьей выборной сотни, дворовыхъ людей, сокольниковъ и конюховъ. Смотръ происходилъ 30 декабря, въ Кремлѣ. Датскій резидентъ Гэ пришелъ въ какое-то восторженное состояніе. Онъ все хвалилъ.

Когда проходили спальники и стольники, онъ «зѣло удивлялся богатству великому и наряду, какой былъ на нихъ». Резидентъ похвалялъ также конюховъ, «которые были въ зброѣ», и особенно сокольниковъ съ приподнятыми большими крыльями, прикрѣпленными позади плечъ. «Тѣ люди, которые съ крылами, — замѣтилъ онъ, — устроены противъ того-жъ, какъ бываетъ у Поляковъ; только тѣ люди убраны богатѣе Польскаго, и у Поляковъ бываетъ только по одному крылу; а пристойнѣе и страшнѣе быти двумъ крыламъ, нежели одному». Царь Алексѣй Михайловичь также показывалъ резиденту новоустроенныя желѣзныя пушки. Тотъ дивился пушкамъ и похвалялъ ихъ, говоря, «такихъ изрядныхъ пушекъ, чаетъ онъ, ни у котораго христіанскаго монарха нѣтъ». Въ заключеніе Датскій резидентъ Гэ съ паѳосомъ воскликнулъ: «Никоторой христіанской монархъ такъ, яко великій государь, его царское величество, чужеземскихъ пословъ, честно и съ великою встрѣчею не принимаетъ» [68].

---

[68] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. стр. 256.

ГЛАВА V.

Въ ожиданіи пріѣзда изъ Стокгольма гонца, отправленнаго туда графомъ Оксенштіерной, скажемъ нѣсколько словъ о прибывшемъ въ Москву, въ началѣ 1674 года, Польско-Литовскомъ посланникѣ Августинѣ Погожево-Константиновичѣ, собственно о порученіи, съ которымъ онъ пріѣхалъ къ государю.

Мы еще не говорили, что въ ноябрѣ 1673 года, скончался столь несчастливый Польскій король Михаилъ Вишневецкій. Онъ умеръ во Львовѣ, по пути къ войску, которое, съ согласія государственныхъ чиновъ, повелъ противъ Турокъ энергичный коронный гетманъ Янъ Собѣскій. Въ Польшѣ вновь наступило безкоролевье. Все вниманіе пановъ рада сосредоточилось на выборѣ новаго короля. Никогда еще не появлялось столькихъ кандида-

товъ на престолъ Польскій. Ихъ набралось болѣе десяти. Литовско-Русская партія Пацовъ и князей Огинскихъ снова выставила кандидатомъ на престолъ сына Московскаго государя, царевича Ѳедора Алексѣевича. Отъ этой-то партіи и былъ присланъ въ Москву Августинъ Константиновичъ, договориться объ условіяхъ избранія царевича Ѳедора: чтобъ принялъ католичество, женился бы на вдовѣ покойнаго короля Михаила и проч. Отвѣтъ, данный, 14 февраля, Константиновичу, вѣроятно, нѣсколько удивилъ его. Ближній бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и думный дьякъ Григорій Богдановъ говорили Константиновичу: «Великій государь нашъ, его царское величество, по прошенію вашему и челобитью, изволяетъ самъ своею государскою особою быти на Корунѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; а сына своего царевича Ѳедора Алексѣевича отпустить на Коруну Польскую и Великое Княжество Литовское государемъ не соизволяетъ. Великому государю нашему, его царскому величеству, не токмо для Коруны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, но и для всего свѣта,

вѣры благочестивой христіанской Греческаго закона оставить невозможно. Присовокупленію жъ брачному государыни вашей королевы быти не съ кѣмъ, понеже его царское величество самъ соизволяетъ быти на Корунѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ государемъ; а королевѣ вашей быти въ которомъ городѣ пристойно» [69].

Разумѣется, послѣ такого отвѣта, переговоры продолжаться уже не могли и Константиновичъ уѣхалъ въ Варшаву, къ самому очагу избирательной горячки разнузданной шляхты, разрѣшившейся лишь въ маѣ 1674 года провозглашеніемъ Польскимъ королемъ Яна Собѣскаго.

У насъ же, послѣ отъѣзда Литовско-Польскаго посла, все продолжало идти своимъ обычнымъ, мѣрнымъ ходомъ. Наступалъ великій постъ. Наканунѣ, въ прощеный день, который въ 1674 году приходился 1 марта, съ Постельнаго крыльца, всякихъ чиновъ людямъ, сказанъ былъ слѣдующій указъ царя Алексѣя Михайловича: «Великій государь велѣлъ вамъ сказать, нынѣ приспѣ время свя-

---

[69] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. стр. 297.

таго и великаго поста, къ покаянію на очищеніе отъ грѣхъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ. И вы бъ приходили къ церкви Божіей по вся дни и молились Господу Богу и у отцовъ своихъ духовныхъ исповѣдывались; а которые сподобятся, причащались бы святыхъ Божіихъ Таинъ. Такъ же и домочадцамъ своимъ велѣли бы къ церквамъ Божіимъ приходить, исповѣдываться жъ. А въ соборѣ и по приходскимъ церквамъ указалъ великій государь досматривать, кто учнетъ приходить; а которые къ церквамъ Божіимъ для моленія приходить и поститься не станутъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ наказаньѣ» [70].

Въ тотъ же день, съ Постельнаго же крыльца объявлено было всякихъ чиновъ людямъ:

«Великій государь сказалъ, чтобъ вы съ Москвы въ деревни и никуды, ни для какихъ дѣлъ не разъѣзжались для того: будутъ у него, великаго государя, на пріѣздѣ и у стола Свѣйскіе послы» [71].

Но Шведскіе послы были на пріѣздѣ у го-

---

[70] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Записная книга Московскаго стола. № 18. л. 128.

[71] Тамъ же, л. 128 на об.

сударя лишь 30 марта, въ понедѣльникъ пятой недѣли великаго поста, послѣ того, какъ царское величество возвратился изъ Успенскаго собора, гдѣ слушалъ литургію, по случаю празднованія памяти митрополита Іоны, Московскаго чудотворца. Предварительно, графъ Оксенштіерна предъявилъ боярамъ привезенную гонцомъ изъ Стокгольма запись о томъ, что нынѣ и впредь послы Шведскаго короля всегда предъ великимъ государемъ, его царскимъ величествомъ, и его наслѣдниками, весь чинъ посольства, на пріѣздѣ и на отпускѣ, будутъ править съ непокровенными главами [72].

Какъ въ первый пріемъ Шведскихъ пословъ, происходившій въ Грановитой Палатѣ, такъ и во второй пріемъ (для отвѣта), 1 апрѣля, въ Столовой Избѣ, рындами были въ бѣломъ платьѣ стольники: Петръ Васильевичь Меньшой и Борисъ Петровичь Шереметевы. А съ ними, въ другой парѣ, были: Иванъ Ѳедоровичь и Петръ Артемьевичь Волынскіе [73].

---

[72] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. I. Спб. 1830. № 574.

[73] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 940 и 941.

Графъ Оксенштіерна съ товарищами, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ боярами о заключеніи «крѣпкаго союза между обоихъ великихъ государей, на страхъ ихъ непріятелей», все таки не могли договориться по многимъ существеннымъ статьямъ, ссылаясь на то, что не имѣютъ отъ короля полной мочи. Бояре наши выходили изъ терпѣнія и однажды даже спросили пословъ: «Такъ зачѣмъ же вы пріѣхали»?

Царь Алексѣй Михайловичь рѣшилъ отложить дѣло до новой обсылки, и 19 іюня отпустилъ наконецъ Шведскихъ пословъ, съ пожеланіемъ ихъ королю «многолѣтнаго здоровья и благополучнаго государствованія» [74].

Когда Шведскіе послы уѣхали, приступили къ дѣлу, уже нетерпѣвшему дальнѣйшаго отлагательства: къ избранію патріарха. 23 іюля, повелѣніемъ великаго государя, всѣмъ освященнымъ соборомъ избранъ былъ на Московскій патріаршій престолъ Новгородскій митрополитъ Іоакимъ Савеловъ. Уже во второй разъ приходилось избирать патріарха, при

---

[74] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VI. Спб. 1857. стр. 476.

наличности отстраненнаго патріарха Никона, бывшаго «собиннаго друга царя». Онъ еще здравствовалъ, томясь въ тѣсныхъ келліяхъ убогаго Ѳерапонтова монастыря, похожихъ болѣе на темницу. «Аще хочетъ взыскатися благозаконно и праведно и божественно избраніе патріаршеское, — писалъ удаленный отъ престола Никонъ, — да призовется наше смиреніе со благоволеніемъ честнѣ» [75]. Но Никона не только не приглашали участвовать въ избраніи патріарха и не спрашивали его совѣта въ этомъ дѣлѣ, но какъ-то такъ выходило, что оба раза въ этотъ санъ, какъ нарочно, возводили лицъ, участвовавшихъ въ его низложеніи. Питиримъ былъ даже преданъ Никономъ анаѳемѣ, а вновь избранный патріархъ Іоакимъ, еще будучи Чудовскимъ архимандритомъ, имѣлъ съ нимъ весьма непріязненныя личныя отношенія. Никонъ прямо называлъ Іоакима своимъ «недругомъ». Онъ упорно не признавалъ законнымъ избранія патріарха безъ его, Никонова, участія и совѣта, и прямо говорилъ: «такой да не наречется по правдѣ патріархъ, но яко прелюбодѣй и

[75] Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изданіе Археографической Коммиссіи (подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана). Спб. 1897. № 2.

хищникъ, и вмѣсто мира да будетъ мечъ Божій и раздѣленіе»[76].

Какъ бы то ни было, но избраніе патріарха Іоакима состоялось, и при томъ къ радости и утѣшенію многихъ, имѣвшихъ уже случай узнать въ немъ святителя умнаго, справедливаго и сострадательнаго ко всѣмъ нищимъ и убогимъ.

26 іюня, новоизбранный патріархъ Іоакимъ кушалъ у государя, въ Грановитой Палатѣ. Онъ сидѣлъ за государевымъ столомъ, близъ государскаго мѣста, съ лѣвой стороны, въ креслахъ. Тутъ же, въ Грановитой Палатѣ, были двое Шереметевыхъ: Петръ Меньшой Васильевичь, съ стольникомъ Васильемъ Савиновичемъ Нарбековымъ, смотрѣлъ въ большой столъ, гдѣ сидѣли бояре; а Борисъ Петровичь, съ другимъ Нарбековымъ, стольникомъ Степаномъ Савиновичемъ,—въ кривой столъ, гдѣ сидѣли власти[77].

Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ и Борисъ Петровичь Шереметевъ были также за столомъ у государя и 7 сентября, по

[76] Дѣло патріарха Никона. Изданіе Археографической Коммиссіи (Подъ редакціей Г. Ѳ. Штендмана). Спб. 1897. стр. 221.

[77] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. I. Спб. 1830. стр. 986. столб. 2.

случаю «всемірной радости» объявленія царевича Өедора Алексѣевича совершеннолѣтнимъ и какъ бы наслѣдникомъ престола [78].

Самое торжество «объявленія», происходившее въ тогдашнее новолѣтіе (1 сентября), открылось извѣстною рѣчью царя Алексѣя Михайловича къ ближнимъ людямъ: «Приспѣ намъ сегодня время и часъ втораго сына своего, благовѣрнаго царевича Өедора Алексѣевича, всемогущему Господу Богу дать въ послуженіе,—ввести въ соборную и апостольскую церковь,—и объявити его... всякихъ чиновъ всего Московскаго государства людямъ» [79].

Мирное теченіе жизни Московскаго Двора нѣсколько нарушилось извѣстіями изъ Малороссіи.

Еще 27 марта, въ Переяславлѣ, Иванъ Самойловичъ «вольными и тихими гласы» избранъ былъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Польскіе паны, въ присутствіи нашего резидента въ Польшѣ Василья Тяпкина, роптали, что Московскій государь, «пользуясь

---

[78] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1000.

[79] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. стр. 317.

безкоролевіемъ, забралъ всю Украйну». Бывшій при этомъ цесарскій посолъ спросилъ: «А вѣдь Украйна была въ вашихъ рукахъ»?.... —Была, отвѣтили паны, но она съ Дорошенкомъ поддалась султану. «Такъ за что же вы сердитесь, лучше пусть владѣетъ Украйной государь христіанскій и вашъ союзникъ».... —Эхъ, господа коронные, сказалъ панамъ Троцкій воевода Огинскій, трудно вамъ угодить! Въ прежніе годы, когда царь Московскій не давалъ вовсе помощи противъ Татаръ, вы съ сердцемъ говорили, что поступаетъ не по договору; а теперь, когда царь сталъ помогать и всю Украйну изъ-подъ султанскаго подданства освободилъ, сердитесь и говорите, что онъ всю Украйну отъ васъ отобралъ [80]!

Вся суть въ томъ, что теперь, когда Андрусовскій мирный договоръ былъ такъ поврежденъ Бучацкимъ договоромъ, Московское правительство, въ дѣлахъ Малороссійскихъ, дѣйствительно, совсѣмъ уже не стѣснялось Польшей. А это и раздражало, какъ новаго Польскаго короля Яна Собѣскаго, такъ и Дорошенка. Оба попали въ весьма затрудни-

[80] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. столб. 506.

тельное положеніе и они, въ отместку, старались всѣми мѣрами навести на Украйну Турокъ и Татаръ. Но тамъ, собственно на правомъ берегу Днѣпра, бусурманскимъ полчищамъ уже нечего было и дѣлать. Послѣ недавнихъ набѣговъ, которыми опять-таки обязаны Дорошенку, такіе богатые и многолюдные нѣкогда города, какъ Ладыжинъ, Умань, Брацлавль, Черкассы, Паволочь, Корсунь, Каневъ и другіе, представляли однѣ развалины, а все населеніе въ ужасѣ бѣжало на лѣвую сторону, подъ защиту православнаго царя. Уцѣлѣлъ лишь Чигиринъ. Въ немъ сидѣлъ въ раздумьѣ, оканчивавшій свою неудачную политическую дѣятельность Петръ Дорошенко, который причинилъ столько зла родинѣ своею страстною любовью къ ней. Московскіе дипломаты хорошо понимали выгоду нашего положенія; очевидно, что въ Малороссіи мы опять становились полными хозяевами. Тѣмъ не менѣе, въ виду вѣстовыхъ писемъ и многихъ отписокъ изъ Малороссіи, что Турецкій султанъ и Крымскій ханъ, «съ войсками, въ большомъ собраньѣ, хотятъ приходить войною на Малороссійскіе городы», признано было нужнымъ опять объявить во

всеуслышаніе, что царь Алексѣй Михайловичь положилъ «идти противъ Турскаго салтана и хана самъ своею государскою особою съ подданными царевичи и съ бояры и воеводы и со всѣми его царскаго величества ратными конными и пѣшими людьми, и отпоръ тѣмъ непріятелямъ учнетъ чинить, сколько всесильный Господь Богъ поможетъ. А предуготовляючи свой государскій походъ, указалъ великій государь идти въ Малороссійскіе городы своему ближнему боярину князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову, со многими ратными конными и пѣшими людьми и съ большимъ пушечнымъ нарядомъ и со многими воинскими всякими припасы» [81].

Дѣйствительно, 7 сентября, князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ былъ уже на отпускѣ у государя и его наслѣдника, царевича Ѳедора Алексѣевича, и въ тотъ же день, у патріарха Іоакима—у благословенія [82].

Выборъ князя Юрья Алексѣевича Долгорукова въ начальники войска, какъ кажется, былъ не совсѣмъ удаченъ. О князѣ Долгоруковѣ, какъ о военачальникѣ, современникъ-

[81] Акты Южной и Западной Россіи. Т. XI. Спб. 1879. столб. 645.
[82] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1007.

иностранецъ отзывается неблагопріятно, говоря, что онъ «хотѣлъ казаться Фабіемъ, а походилъ болѣе на Кателину» [83]. Что̀ случилось, неизвѣстно, но только князь Долгоруковъ оставилъ свой постъ весьма скоро. Не далѣе какъ 4 октября, въ день крестинъ второй дочери царя Алексѣя Михайловича отъ Натальи Кирилловны, царевны Ѳеодоры Алексѣевны, онъ уже былъ въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, въ разрядной книгѣ, подъ тѣмъ числомъ, въ спискѣ ближнихъ людей, которыхъ государь «жаловалъ водкой», первымъ стоитъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ [84]. Онъ же былъ у государя и за крестиннымъ столомъ, 8 октября [85].

Кстати, заговоривши о торжествахъ по случаю рожденія царевны Ѳеодоры Алексѣевны, нельзя не упомянуть о томъ, что 1 октября, за родиннымъ столомъ у царицы Натальи Кирилловны, въ Золотой Палатѣ, были: жена Никиты Ивановича Шереметева, Домна Парѳентьевна, и жена Петра Васильевича Меньшого Шереметева, Татьяна Аѳа-

---

[83] Potocki. Paulus comes. Opera omnia. Varsaviae. 1748. c. 136.

[84] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1063.

[85] Тамъ же, столб. 1075, въ варіант.

насьевна; [86] а послѣдняя была у царицы же и за крестиннымъ столомъ, 8 октября [87]. Потомъ, по приказанію царицы, думный дворянинъ Аврамъ Никитичь Лопухинъ разсылалъ съ дѣтьми боярскими всѣмъ, имѣющимъ пріѣздъ къ царевнамъ, стольничьимъ женамъ, въ томъ числѣ Домнѣ Парѳентьевнѣ и Татьянѣ Аѳанасьевнѣ Шереметевымъ, звары, [88] коврижки (пряники) и подачи съ кубками, по списку [89].

Царь Алексѣй Михайловичь былъ особенно утѣшенъ рожденіемъ царевны Ѳеодоры Алексѣевны. Онъ будто бы предчувствовалъ, что это уже послѣдній его ребенокъ. Вотъ почему, на этотъ разъ, родинные и крестинные пиры затянулись на долгое время, отличаясь большимъ оживленіемъ и небывалыми особенностями. Напримѣръ, 21 октября, какъ бы въ продолженіе пиршествъ, у государя было вечернее кушанье, по нынѣшнему, ужинъ, въ Потѣшныхъ хоромахъ. Всѣ были безъ мѣстъ. За столомъ сидѣлъ также духовникъ государя Благовѣщенскій протопопъ

[86] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1056.

[87] Тамъ же, столб. 1074.

[88] Зваръ или взваръ=сусло, вскипяченное съ медомъ, перцемъ и сухой малиной (Даль).

[89] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1075.

Андрей Савиновичь. «А послѣ кушанья,—читаемъ въ разрядной запискѣ,—изволилъ великій государь себя тѣшить всякими игры; и его, великаго государя, тѣшили: и въ арганы играли, а игралъ въ арганы нѣмчинъ, и въ сурну и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били жъ во всѣ. Да великій же государь жаловалъ протопопа, своего духовника, и бояръ и дьяковъ думныхъ, которые были у кушанья вечерняго, водками, ренскимъ и романеею и всякими разными питіи, и пожаловалъ ихъ своею государевою милостію: напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ. А послѣ стола жаловалъ, тожъ поилъ всякими разными питьями своихъ государевыхъ стольниковъ и ближнихъ людей. А кушанье у великаго государя отошло вечернее и бояре поѣхали изъ города (то-есть, изъ Кремля) и ближніе люди въ 12 часу ночи» [90].

Къ сожалѣнію, бывшіе на этомъ веселомъ вечерѣ бояре и стольники, въ разрядной запискѣ не названы по именамъ. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній полагать, чтобъ въ этомъ случаѣ государь обошелъ своею милостію

[90] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1081.

ближнихъ комнатныхъ стольниковъ Петра Васильевича Меньшого и Бориса Петровича Шереметевыхъ.

На другой день послѣ описаннаго ужина въ Потѣшныхъ хоромахъ, царь Алексѣй Михайловичъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ, учрежденномъ въ память избавленія Москвы отъ Литвы въ 1612 году; а 24 октября, въ праздникъ чудотворной иконѣ всѣхъ скорбящихъ Радости, обходилъ Московскіе монастыри. Въ этотъ же день, и царица Наталья Кирилловна имѣла выходъ въ тѣ же монастыри, въ сопровожденіи всего своего придворнаго штата. Въ свитѣ государыни были, между прочимъ: мама царевны Мароы Алексѣевны, боярыня Ульяна Петровна Шереметева (мачиха Василья Борисовича Шереметева) и мама царевны Екатерины Алексѣевны, Анастасія Θедоровна (вдова стольника Матвѣя Васильевича Шереметева) [91].

Но возвратимся къ князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову. И такъ, онъ остался въ Москвѣ. Кажется, не приходилось долго думать, кѣмъ замѣстить его въ Украйнѣ, куда требовался человѣкъ, достаточно свѣдущій

[91] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1081 и 1088.

въ Малороссійскихъ дѣлахъ. Нельзя было не вспомнить о бояринѣ Петрѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевѣ, еще такъ недавно, въ бытность воеводою Кіевскимъ, съ такимъ искусствомъ разбиравшемся въ Малороссійской смутѣ. И дѣйствительно, Шереметева поспѣшили вызвать изъ Новгорода.

20 декабря, бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, по указу великаго государя, объявилъ стольнику Михаилу Алегуковичу Черкасскому, что онъ назначается въ Новгородъ Великій въ воеводы, на мѣсто боярина Петра Васильевича Большого Шереметева. Князю Черкасскому велѣно было быть «готовымъ къ рукѣ и совсѣмъ» 25 декабря [92].

Послѣ Рождества, вдругъ заторопили Петра Васильевича Шереметева скорѣйшимъ пріѣздомъ въ Москву. 26 декабря, къ нему посланъ былъ государевъ указъ, чтобъ онъ былъ «къ Москвѣ тотчасъ, не мѣшкавъ и не дожидаючись себѣ на перемѣну стольника князя Михаила Алегуковича Черкасскаго». А покамѣстъ пріѣдетъ князь Черкасскій, Новгородъ велѣно было вѣдать дьяку Ивану Сте-

---

[92] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1144.

панову сыну, по прозванію Лось. [93] Въ тотъ же день, и къ князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому посланъ былъ во дворъ, изъ Посольскаго Приказа, старый подьячій, съ приказаніемъ, тотчасъ, не мѣшкавъ, ѣхать въ Новгородъ и быть тамъ къ 1 января 1675 года [94].

---

[93] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1162.

[94] Тамъ же, столб. 1163.

ГЛАВА VI.

Однако, какъ ни торопили Петра Васильевича Большого Шереметева пріѣздомъ въ Москву, онъ могъ выѣхать изъ Новгорода только 21 января 1675 г. Узнаéмъ это изъ отписки новаго воеводы Новгородскаго стольника князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, полученной въ Москвѣ 26 января. Князь Черкасскій писалъ государю, что онъ «на его, великаго государя, службу въ Великій Новгородъ пріѣхалъ и съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, по его великаго государя указу, во всемъ съ нимъ росписался, и печать Новгородскаго государства принялъ, и уложенную книгу, и нарядъ всякой, и ключи городовые, и зелье, и свинецъ, и всякой хлѣбъ, и его, боярина Петра Василье-

вича, отпустилъ къ великому государю, къ Москвѣ, генваря въ 21 день» [95].

Между тѣмъ, въ Москвѣ со дня на день ожидали пріѣзда Персидскихъ пословъ «шахъ Аббасова величества». Шли большія приготовленія къ торжественной встрѣчѣ пословъ. 19 января происходилъ смотръ (что-то въ родѣ нынѣшней репетиціи) встрѣчѣ. Сотни встрѣчныя слѣдовали черезъ Кремль. Государь, вмѣстѣ съ боярами, окольничими и думными людьми, смотрѣлъ на нихъ изъ Столовой. Шествіе открывалось двумя сотнями конюшеннаго чину; всѣ были въ куякахъ [96], латахъ, съ пищалями и карабинами. За ними ѣхали сокольничьи сотни, въ пансыряхъ, со щитами, крыльями и съ копьями змѣиными. За тѣмъ слѣдовали ближніе люди въ такомъ порядкѣ: Михайло Ивановичь Морозовъ, а у него вели двѣ простыя лошади да людей съ нимъ 20 человѣкъ съ ружьемъ; 2, Григорій Никифоровичь Собакинъ, а у него двѣ лошади простыя да людей съ нимъ 15 человѣкъ съ ружьемъ и такъ далѣе, всего семнадцать ближ-

---

[95] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1206.

[96] Особый доспѣхъ изъ круглыхъ и четырехугольныхъ пластинокъ или бляхъ, которыя нашивали на бархатъ или сукно.

нихъ людей; у иныхъ было по три лошади, у нѣкоторыхъ—по одной; число людей съ ружьемъ тоже было различно, отъ 6 до 25-ти. За ближними людьми ѣхала выборная сотня, въ большомъ нарядѣ, а лошади были у всѣхъ съ гремячими цѣпями. Головою выборной сотни былъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ. За выборною сотнею слѣдовали стольничьи сотни, дворянскія, жилецкія и такъ далѣе. Кромѣ того, на встрѣчу пословъ должны были выѣхать цѣлые дворы ближнихъ людей, между прочимъ и дворъ стольника Никиты Ивановича Шереметева. Для выборной сотни былъ еще особый смотръ, 23 января. Заблаговременно государь прислалъ разрядныхъ дьяковъ Василья Григорьевича Семенова и Петра Кавелина, сказать головѣ выборной сотни стольнику Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву, «чтобъ онъ былъ готовъ съ своею сотнею и со всѣмъ на смотръ и на выѣздъ въ городъ, за три часа до свѣту».

Послы Персидскіе прибыли въ Москву въ послѣднихъ числахъ января 1675 года и были встрѣчены въ томъ самомъ порядкѣ, какъ сейчасъ описано. 3 февраля, послы были у государя на пріѣздѣ и у руки. Петръ Василье-

вичь Меньшой Шереметевъ получилъ было назначеніе ѣхать къ нимъ со столомъ отъ государя. Но назначеніе это было отмѣнено. Ѣздилъ къ Персіянамъ со столомъ стольникъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Борятинскій [97].

Съ первыхъ же дней 1675 года, царь Алексѣй Михайловичь часто недомогалъ. Это видно и изъ записей въ Разрядной книгѣ, въ которой точно обозначались рѣдкіе доселѣ случаи, когда государь не бывалъ на выходѣ. Случаи эти теперь значительно учащаются. Вотъ, для примѣра, нѣсколько такихъ записей: января 12, ангелъ царевны Татьяны Михайловны,—«выходу великому государю въ соборную и апостольскую церковь (Успенскій соборъ) не было»; января 26, ангелъ царевны Маріи Алексѣевны,—«выходу великому государю не было»; февраля 2, на праздникъ Срѣтенія Господня,—«великому государю къ вечернѣ, и ко всенощному, и къ обѣднѣ выходу (въ Срѣтенскій монастырь) не было»; февраля 7, въ недѣлю Страшнаго Суда, на дѣйство страшнаго суда,—«великому государю выходу не было»; февраля 13,

---

[97] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1191—1193. 1199. 1209. 1213. 1214 и 1218.

заупокойная литургія и панихида въ Архангельскомъ соборѣ, по царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ,—«великому государю выходу не было» [98]. На 13-же февраля, ловчій Московскаго пути думный дворянинъ Аѳанасій Ивановичь Матюшкинъ получилъ было лично отъ царя Алексѣя Михайловича приказаніе, «со всею потѣхою быть готову, противъ прежняго, на Москвѣ рѣкѣ, съ медвѣди, и которыхъ колоть рогатинами и съ вилами ходить охотникамъ и псарямъ, и съ волки, и съ лисицы, и съ собаки борзыми и съ меделянскими». Матюшкину было сказано, чтобъ былъ совсѣмъ готовъ послѣ ранняго кушанья и ждалъ указа великаго государя. Но потѣха не состоялась, по болѣзни же государя [99].

Временами проявлялась у царя Алексѣя Михайловича прямо болѣзненная раздражительность. Такъ, подъ 2 числомъ февраля, записано, когда Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ докладывалъ государю отписку изъ Новгорода новаго воеводы князя Михаила Алегуковича Черкасскаго о томъ, какъ ему пи-

---

[98] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1178. 1202. 1214. 1222. 1234.

[99] Тамъ же, столб. 1230. 1231.

саться при сношеніяхъ съ порубежными Литовскими и Нѣмецкими городами, Алексѣй Михайловичь прервалъ докладчика, сказавъ: «доложи инымъ временемъ»[100]. Особенно рѣзко отнесся тогда царь Алексѣй Михайловичь къ полученной, 23 января, изъ Ѳерапонтова монастыря, отпискѣ Никона, съ жалобой на властей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря,—обязанныхъ снабжать его съѣстными припасами,—что не дѣлятъ съ нимъ никакихъ доходовъ. Государь обыкновенно такъ терпѣливо, даже любовно, принимавшій жалобы и объясненія патріарха-изгнанника, на этотъ разъ, конечно подъ вліяніемъ удручавшей его болѣзни, приказалъ послать выговоръ Никону, что писалъ къ великому государю не дѣломъ, и отпискѣ его указалъ ни въ чемъ не повѣрить[101].

Но какъ ни было трудно царю Алексѣю Михайловичу, а 14 февраля, въ прощеное воскресенье, онъ, перемогаясь, ходилъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, а оттуда, въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и дьяковъ, также стольниковъ, отправился

[100] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1215.

[101] Тамъ же, столб. 1209.

«къ прощенью» къ патріарху Іоакиму. У его святѣйшества, въ Крестовой Палатѣ, собраны были всѣ наличныя власти: митрополиты, архіепископы, епископы и архимандриты. По обычаю, за государемъ слѣдовали степенный и путный ключники да чарочники «со всякими питьи красными». Патріархъ Іоакимъ подносилъ царю Алексѣю Михайловичу «вина фряскіе и меды всякіе, красные и бѣлые». А государь жаловалъ властей чашами. «А чашничали—читаемъ въ разрядной запискѣ—стольники великаго государя съ объявкою въ головы». Чашничало всего одиннадцать стольниковъ. Изъ нихъ первымъ въ спискѣ значится князь Василій Васильевичь Голицынъ, а вторымъ — Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ [102].

Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ прибылъ въ Москву 13 февраля и сейчасъ же послалъ своего старшаго сына, стольника Бориса Петровича, извѣстить боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, что онъ пріѣхалъ съ великаго государя службы изъ Великаго Новагорода, росписавшись во всемъ съ столь-

[102] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1231 и 1232.

никомъ княземъ Михаиломъ Алегуковичемъ Черкасскимъ, и чтобъ онъ доложилъ о семъ государю и «поставилъ бы его къ рукѣ» [103].

Но пріѣздъ Бориса Петровича Шереметева къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву былъ совсѣмъ не во̀-время. Въ этотъ самый день, дьякъ тайныхъ дѣлъ Данило Леонтьевичь Полянскій прислалъ къ Матвѣеву четырехъ подьячихъ тайныхъ дѣлъ, съ приказаніемъ царскаго величества, чтобъ онъ, Матвѣевъ, ѣхалъ въ городъ, то-есть въ Кремль, къ государю. Дѣло, для котораго Матвѣевъ былъ вызванъ, представляетъ большую загадку; за неимѣніемъ ключа къ ней, дѣлаемъ дословную выписку изъ разрядной книги: «И бояринъ Артемонъ Сергѣевичь въ городъ, по присылкѣ великаго государя, выѣхалъ и про свою болѣзнь *дурную* [104] самъ извѣщалъ, и ему указано ѣхать къ себѣ домой; а извѣщалъ про него бояринъ Кирило Полуехтовичь Нарышкинъ» [105]. По причинѣ этого загадочнаго случая, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ былъ «у государя у руки на пріѣ-

---

[103] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1238.

[104] Курсивъ нашъ.

[105] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1236 и 1237.

здѣ» лишь 20 февраля и то по докладу не Матвѣева, а боярина и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово.

На другой день, 21 февраля, въ сборное воскресенье у государя не было обычнаго выхода въ Успенскій соборъ, къ «дѣйству Православія». Но онъ приказалъ быть на томъ дѣйствѣ вновь прибывшему боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву, вмѣстѣ съ бояриномъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ [106]. Шереметеву впервые довелось слышать, какъ протодіаконъ возглашалъ анаѳему Стенькѣ Разину и его пособникамъ, столь извѣстнымъ Петру Васильевичу, по его Симбирской службѣ. «Воръ и измѣнникъ и крестопреступникъ и душегубецъ Стенька Разинъ,—кликалъ съ амвона протодіаконъ,— забывъ святую соборную церковь и православную христіанскую вѣру, великому государю измѣнилъ и многія пакости и кровопролитія и убійства въ градѣ Астраханѣ и въ иныхъ низовыхъ градѣхъ учинилъ и всѣхъ купно православныхъ, которые къ его коварству не приставали, побилъ, потомъ и самъ

---

[106] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1241.

вскорѣ исчезе, и со единомышленники своими да будетъ проклятъ» [107]!

На первыхъ же порахъ, по возвращеніи въ Москву, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ былъ весьма огорченъ челобитьемъ, поданнымъ на него прибывшими вслѣдъ за нимъ изъ Новгорода дворянами. Они жаловались государю «въ налогахъ многихъ Петра Васильевича и въ посулахъ, какъ онъ былъ у нихъ, въ Новгородѣ, по указу великаго государя» [108]. Заносимъ въ свою лѣтопись и этотъ случай, отказываясь пока дать заключеніе о томъ, насколько справедлива была жалоба Новгородскихъ дворянъ. Подождемъ, можетъ быть, откроются когда нибудь документы, объясняющіе это дѣло. Напомнимъ только, что и въ бытность Петра Васильевича въ Кіевѣ, Нѣжинскіе сутяжники тоже жаловались на него, будто бы онъ взялъ себѣ 220 рублей, которые взыскалъ съ одной изъ тяжущихся сторонъ. А на повѣрку вышло, что эти деньги Шереметевъ вовсе не взялъ себѣ, а сдалъ подъ росписку другой сторонѣ,

---

[107] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. I. Ч. VIII. Спб. 1775. стр. 117.

[108] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1545.

оказавшейся по дѣлу правою [109]. Имѣется къ тому же неоспоримое свидѣтельство, что Петръ Васильевичъ Шереметевъ, когда былъ Кіевскимъ воеводою, отказался отъ посулъ, которыя ему предлагали Кіевскіе мѣщане [110].

Вовсе не желаніе во что бы то ни стало защищать или обѣлять Петра Васильевича Большого Шереметева заставляетъ относиться недовѣрчиво къ подобнаго рода жалобамъ того времени, когда, дѣйствительно, клеветничество было вещью заурядною. Не понравился человѣкъ, власть имущій, взыскательностію, гордостію или чѣмъ инымъ, тотчасъ же послѣ его удаленія или перемѣщенія, строчилась жалоба, что онъ и взяточникъ, и грабитель и тому подобное. Примѣровъ сему не оберешься.

По указу государя, думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ Новгородскимъ дворянамъ, прибывшимъ въ Москву съ жалобою на Петра

---

[109] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. стр. 412. примѣч. 402.—Замѣчательно, что Нѣжинскіе мѣщане даже и послѣ этого продолжали твердить о тѣхъ 220 рубляхъ, данныхъ Шереметеву якобы въ видѣ откупа (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. стр. 244.—Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе Первое. Т. I. Спб. 1830. № 447 и т. д.).

[110] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. стр. 411 и 412.

Васильевича, чтобы они «ѣхали съ Москвы въ Великій Новгородъ, не мѣшкавъ, а съ Великаго Новгорода ѣхали бы на государеву службу, не мѣшкавъ же, въ полки къ боярину князю Ивану Андреевичу и къ сыну его стольнику князю Андрею Ивановичу Хованскимъ». Но дворяне Новгородскіе уперлись: они заявили, что, «не дождався великаго государя указу по ихъ челобитью на боярина Петра Васильевича Шереметева, съ Москвы не ѣдутъ» [111]. Чтò было дальше, не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, было же какое либо разслѣдованіе по челобитной Новгородскихъ дворянъ, и если бы она оказалась справедливою, какая была надобность выпроваживать челобитчиковъ такъ безцеремонно изъ Москвы? Да и могъ ли самъ Шереметевъ оставаться послѣ того въ столь почетномъ положеніи при особѣ государя? 23 марта, онъ, вмѣстѣ съ бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, былъ съ государемъ въ походѣ въ село Воробьево, чтó у Воробьевыхъ горъ, подъ Москвою; а возницей у государя былъ сынъ Петра Васильевича, стольникъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Потомъ Петръ Василье-

[111] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1545.

вичь Большой Шереметевъ, съ бояриномъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ, провожалъ, по наряду, образа изъ Успенскаго собора въ Троицкое подворье; а 27 апрѣля, когда государь пошелъ въ походъ въ село Измайлово, Петръ Васильевичь, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ, оставленъ былъ вѣдать Москву [112].

Наконецъ, 9 мая выяснилось окончательно, для чего именно былъ вызванъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ изъ Новгорода. Въ этотъ день думный разрядный дьякъ Герасимъ Дохтуровъ сказалъ Петру Васильевичу государевъ указъ, идти въ Путивль полковымъ воеводою, а съ нимъ быть ратнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ Московскимъ и жильцамъ, которымъ по росписи прошлаго 1674 года велѣно было быть съ бояриномъ и воеводою княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ. Въ товарищи Петру Васильевичу назначили сына его стольника Бориса Петровича Шереметева и бывшаго Кіевскаго воеводу, преемника Петра Васильевича, окольничаго князя Григорья Аѳанасьевича Козловскаго, а также

[112] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1289. 1290. 1326. 1357.

головъ Московскихъ стрѣльцовъ: стольника и полковника Никифора Колобова да Ларіона Лопухина. Ближнимъ городамъ велѣно было стать въ Путивлѣ 19 мая, а дальнимъ— 25 іюня [113].

Нужно сказать, что 9-го же мая, съ Постельнаго Крыльца было объявлено, что великому государю, въ апрѣлѣ и въ маѣ мѣсяцахъ, въ разныхъ числахъ, писали изъ Кіева бояринъ и воевода князь Юрій Петровичь Трубецкой да изъ Малороссійскихъ городовъ войска Запорожскаго гетманъ Иванъ Самойловичъ, что Турецкаго султана визирь и паши со многими силами перешли рѣку Днѣстръ и хотятъ приходить подъ Кіевъ, а Крымскій ханъ съ Татарами вышли «большимъ собраніемъ» изъ Крыма и «въ скорыхъ дняхъ» хотятъ идти войною на государевы Украинные городы сей стороны Днѣпра [114].

Только этого извѣстія и ждали. Петра Васильевича Большого Шереметева заблаговременно вызвали изъ Новгорода именно въ

---

[113] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. I. Спб. 1830. стр. 1005. столб. I. — Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1376.

[114] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. I. Спб. 1830. стр. 1004. столб. 2.

тѣхъ видахъ, чтобъ имѣть его подъ рукою для вышеуказанной службы.

Царь Алексѣй Михайловичь опять объявилъ, что онъ, «прося у Господа Бога милости и Пречистыя Богородицы помощи и заступленія, изволитъ идти своею государскою особою» противъ Турецкаго султана и Крымскаго хана; что онъ указалъ быть въ своемъ государевомъ полку боярамъ и дворовымъ воеводамъ, князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову да Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, и что онъ велѣлъ напередъ себя идти изъ Москвы въ Путивль боярину и воеводѣ Петру Васильевичу Большому Шереметеву съ сыномъ его стольникомъ Борисомъ Петровичемъ да съ окольничимъ княземъ Козловскимъ [115].

Гетманъ Иванъ Самойловичъ, узнавъ объ этомъ назначеніи Петра Васильевича Большого Шереметева, писалъ царю Алексѣю Михайловичу, что онъ, гетманъ, со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, «вельми радостенъ и благодаренъ» за премногую царскаго величества отеческую милость, что опричь войскъ, посланныхъ въ прибавку къ князю Григорью

---

[115] Полное собраніе законовъ. Т. I. стр. 1004 и стр. 1005. столб. 1.

Григорьевичу Ромодановскому, «и особно приказано есть» боярину и намѣстнику Смоленскому Петру Васильевичу Шереметеву, со многими государскими пѣшихъ и конныхъ войскъ силами, идти къ защищенію Малороссійскаго края»[116].

Къ счастію, и на этотъ разъ тревога оказалась напрасною. Турки, а за ними и подчиненные имъ Крымскіе Татары, имѣли въ виду не столько Кіевъ и государевы Украинные города, сколько Польшу, куда и пробирались, чтобъ наказать Поляковъ за нарушеніе Бучацкаго договора.

5 іюня, думный разрядный дьякъ Герасимъ Дохтуровъ, по указу государя, сказалъ стольникамъ, дворянамъ, жильцамъ и городамъ полка боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, что, милостію Божіею, а великаго государя счастіемъ, службы нынѣшній годъ не будетъ и велѣно имъ ѣхать по домамъ и по деревнямъ[117].

Самъ государь, наканунѣ Петрова дня, послѣ кратковременнаго пребыванія въ селѣ Преображенскомъ, возвратился со всѣмъ сво-

---

[116] Акты Южной и Западной Россіи. Т. XII. Спб. 1882. № 49.

[117] Дворцовые Разряды. Т III. Спб. 1852. столб. 1439.

имъ семействомъ въ село Воробьево. Въ царскомъ поѣздѣ, за каретой царевенъ, ѣхали въ колымагѣ мамы царевенъ Маѳы Алексѣевны и Екатерины Алексѣевны, Ульяна Петровна и Анастасія Ѳедоровна Шереметевы [118].

29 іюня, въ день ангела царевича Петра Алексѣевича, Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ, за нимъ и бояринъ князь Юрій Никитичъ Борятинскій, послѣ стола у государя, просили царское величество отпустить ихъ въ деревню. Въ разрядной запискѣ отмѣчено: «И великій государь пожаловалъ ихъ, отпустилъ въ деревню до праздника до Успеньева дни, и у руки на отпускѣ у государя были» [119].

Кажется, отпускомъ въ деревню воспользовался и стольникъ Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ. Его назначили было, въ числѣ другихъ стольниковъ, дневать и ночевать на государевомъ дворѣ, но 1 іюля, нарядъ этотъ былъ отмѣненъ: на мѣсто Петра Васильевича Меньшого Шереметева, назначили стольника князя Михаила Ивановича Лыкова [120].

---

[118] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1489.

[119] Тамъ же, столб. 1510.

[120] Тамъ же, столб. 1501.

ГЛАВА VII.

Въ пору полнаго затишья, когда многіе, по случаю отмѣны похода въ Малороссію, разъѣхались изъ Москвы по деревнямъ, стольника Никиту Ивановича Шереметева, не жданно-негадано, постигла большая бѣда. Его впутали въ одно изъ тѣхъ страшныхъ сыскныхъ дѣлъ, розыскъ и допросы по которымъ обыкновенно сопровождались всевозможными пытками и истязаніями. Эти такъ называемыя «государевы дѣла» о порчѣ, ворожбѣ, о найденныхъ подозрительныхъ кореньяхъ или травахъ и т. подоб., производились въ глубочайшей тайнѣ, почему до насъ они дошли, по большей части, лишь въ случайныхъ отрывкахъ, часто недающихъ даже понятія о сущности дѣла. Несчастныхъ изводили допросами, нерѣдко пытали на́смерть, только по ого-

вору клеветника въ «порчѣ» людей, въ напусканіи на нихъ икоты, въ похвальбѣ, что у такого-то «слѣдъ выймутъ» или «по вѣтру болѣзнь напустятъ»...

Главнымъ объектомъ сыскнаго дѣла, къ которому привлекли и Никиту Ивановича Шереметева, была какая-то слѣпая дѣвка Ѳенька.

Нужно сказать, что еще 24 мая, до объявленія съ Постельнаго Крыльца отмѣны похода въ Малороссію, царь Алексѣй Михайловичь, со всѣмъ своимъ семействомъ, выѣхалъ на лѣто въ любимое нѣкогда лѣтнее мѣстопребываніе великаго князя Василья Ивановича, село Воробьево, расположенное на крутомъ берегу Москвы-рѣки, насупротивъ Новодѣвичьяго монастыря. Въ каретѣ, запряженной шестеркой темно-сѣрыхъ возниковъ, съ государемъ ѣхалъ царевичь Ѳедоръ Алексѣевичь и дядька послѣдняго бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Куракинъ [121].

Въ селѣ Воробьевѣ были царскія хоромы, сломанныя въ осьмнадцатомъ столѣтіи, но дворцовой церкви не было [122]; такъ что 30 мая,

---

[121] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1406.

[122] Выходы царей. М. 1844. Указатель Павла Михайловича Строева. стр. 15.

въ день рожденія царевича Петра Алексѣевича, царь Алексѣй Михайловичь ѣздилъ къ обѣднѣ, опять въ одной каретѣ съ сыномъ царевичемъ Ѳедоромъ и его дядькой княземъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Куракинымъ, въ сосѣдственное патріаршее село Троицкое-Голенищево [123], съ загороднымъ дворомъ и церковью Московскихъ патріарховъ. Вдругъ, послѣ обѣдни, князь Куракинъ получаетъ отъ государя приказаніе немедленно ѣхать въ Москву, въ его государевъ дворъ, и никуда не съѣзжать съ двора до указу, «за то, что онъ, князь Куракинъ, у себя въ дому держалъ вѣдомую вориху дѣвку Ѳеньку слѣпую и ворожею». Думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ проводилъ оторопѣвшаго князя Куракина до самой Москвырѣки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь Алексѣй Михайловичь приказалъ «взять тое дѣвку Ѳеньку у боярина князя Ѳедора Ѳедоровича Куракина со двора и людей его лучшихъ, и на Москвѣ комнатнымъ боярамъ да дьяку тайныхъ дѣлъ Ивану Полянскому (прозвище Данило) пытать ее жестокою пыткою; тожъ и людей пытать накрѣпко. И на которыхъ Ѳенька ста-

[123] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1426.

нетъ говорить на иныхъ людей, и имъ велѣно давать съ Ѳенькою очныя ставки и пытать тожъ всякими пытками накрѣпко. А пытавъ ее, Ѳеньку, съ людьми, розыскивать и вѣдать то дѣло въ приказѣ боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, думному дьяку Ларіону Иванову и дьяку тайныхъ дѣлъ Ивану Полянскому. И боярину Матвѣеву, по распроснымъ рѣчамъ Ѳенькинымъ и людей и по пыточнымъ, доложить ему, великому государю, и боярамъ, какъ его царское величество изволитъ сидѣть съ боярами за своими, великаго государя, дѣлами».

Государь также приказалъ Матвѣеву, чтобъ онъ, произведя пытки слѣпой Ѳенькѣ и людямъ князя Куракина, «роздалъ бы ихъ за приставы головамъ Московскихъ стрѣльцовъ и полуголовамъ, по разнымъ приказамъ, за крѣпкіе караулы, до его, великаго государя, указа».

Число слѣдователей показалось недостаточнымъ. Въ прибавку къ нимъ, 2 іюня, назначили комнатныхъ же бояръ: князя Юрья Алексѣевича Долгорукова, его сына князя Михаила Юрьевича Долгорукова, оружейни-

чаго Богдана Матвѣевича Хитрово и Кирилла Полуехтовича Нарышкина.

Но слѣпой Ѳеньки не довелось отдавать за приставы головамъ Московскихъ стрѣльцовъ. Въ Разрядной книгѣ находимъ такую запись: «По указу великаго государя, роспрашивали и пытали накрѣпко, всякими жестокими пытками, дѣвку Ѳеньку слѣпую; и она съ тѣхъ пытокъ умерла»... Царь Алексѣй Михайловичь «велѣлъ погрести Ѳеньку въ убогомъ дому»[124]...

Слѣдователи, терзая несчастную Ѳеньку, выпытывали отъ нея свѣдѣнія о томъ, «гдѣ она ѣздила, по которымъ боярскимъ дворамъ, по скольку жила въ которомъ дворѣ боярина; сколько ѣздило съ нею людей князя Ѳедора Ѳедоровича Куракина, дѣвокъ и женскаго пола, и князь и княгиня его про то вѣдали ль, какъ она, Ѳенька, ѣздила съ ихъ людьми, и съ дѣвками, и съ боярскими бояронями, и съ работными жонками; и будучи у него, князя, въ домѣ, съ кѣмъ она, Ѳенька, ѣла и жила»?

---

[124] Въ убогихъ домахъ погребались странные, убогіе и умершіе насильственною смертію. Названіе Московскаго урочища Божедомка происходитъ отъ такихъ убогихъ домовъ.

Жестокими пытками вымучивъ у слѣпой, убогой дѣвки «распросныя рѣчи», слѣдователи, по указу великаго государя, написали ихъ въ особую «роспись» и доложили, что она, Ѳенька, «въ томъ во всемъ въ распросѣ и съ пытки вину свою великому государю принесла»...

Пыточныя рѣчи слѣпой Ѳеньки привели къ необходимости снять допросъ и со стольника Никиты Ивановича Шереметева, но такъ какъ онъ былъ въ то время болѣнъ, то слѣдователи поручили думному дьяку Ларіону Иванову Пашину ѣхать къ Шереметеву, на его загородный дворъ, находившійся въ Хамовникахъ, рядомъ съ дворомъ его родного племянника Петра Васильевича Меньшого Шереметева. Дворъ Никиты Ивановича отдѣлялся отъ двора думнаго дьяка Казанскаго Дворца Григорья Степановича Караулова переулкомъ, за которымъ тянулись на значительное пространство, до самого Дѣвичьяго поля, огороды [125].

Въ нашемъ документѣ имѣются только вопросные пункты, предложенные думнымъ

[125] С. А. Бѣлокуровъ. Планы г. Москвы XVII вѣка (Древнерусская Картографія. Вып. I.). М. 1898. стр. 52 и 54.

дьякомъ Ларіономъ Ивановымъ Никитѣ Ивановичу Шереметеву и его женѣ Домнѣ Парѳентьевнѣ. Отвѣтовъ ихъ, къ сожалѣнію, не достаетъ.

Думный дьякъ прежде всего «досматривалъ болѣзнь» Никиты Ивановича, а потомъ приступилъ къ допросу его и жены, по распроснымъ рѣчамъ дѣвки Ѳеньки слѣпой: «Почему она, Ѳенька, ему, Никитѣ Ивановичу, и женѣ его знакома? За что̀ онъ ее дарилъ, и тѣлогрѣи на нее дѣлалъ, атласныя и камчатныя? Сколь давно учинилось у нихъ знакомство съ Ѳенькой? Сколько она, Ѳенька, у него, Никиты Ивановича, жила? Часто ли къ нему приходила и въ которые мѣсяцы, недѣли и дни»?

Затѣмъ, думный дьякъ допрашивалъ по Ѳенькинымъ же рѣчамъ «дворовыхъ людей Шереметевыхъ, ихъ дѣвокъ, боярскихъ бояронь, верховыхъ робятъ, которые у нихъ въ верху живутъ, и работныхъ дѣвокъ и женокъ, которыя съ Ѳенькою ходили и ѣздили, и куда»?

Послѣ стольника Никиты Ивановича Шереметева, такимъ же порядкомъ былъ допрошенъ и тесть его Парѳеній-Смирной Григорье-

вичь Свиньинъ [126], а также теща верховая бoярыня Евдокія Ивановна Свиньина [127].

Ничего больше о Ѳенькиномъ дѣлѣ намъ неизвѣстно. Допросы по этому темному сыскному дѣлу, хотя бы и безъ, такъ называемаго, «пристрастія» или пытки, должны были сильно подѣйствовать на больного Никиту Ивановича Шереметева. Весьма скоро послѣ этихъ допросовъ, именно 9 числа того же іюня мѣсяца 1675 года, онъ скончался.

На отпѣваніи и погребеніи стольника Никиты Ивановича Шереметева, совершенныхъ 10 іюня, въ Богоявленскомъ монастырѣ, на Никольской, былъ самъ патріархъ Іоакимъ Савеловъ, [128] несмотря на то, что въ этотъ самый день (10 іюня), его святѣйшеству пришлось служить царскую панихиду въ Архангельскомъ соборѣ по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ и потомъ угощать у себя властей [129]. Прибытіе въ такой трудный день на отпѣваніе и погребеніе стольника, даетъ основаніе пред-

[126] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1428—1430. 1443. 1444. 1452. 1453.

[127] Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 22. М. 1875. кн. 2. смѣсь, 219.

[128] Временникъ Императорскаго Общества Исторіи Древностей Россійскихъ. Кн. 24. М. 1856. стр. 93.

[129] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1455.

положить существованіе какихъ-либо особыхъ, можетъ быть, прямо дружественныхъ отношеній патріарха Іоакима къ усопшему.

Послѣ погребенія Никиты Ивановича, роздана была милостыня нищимъ по-ручно, по двѣ деньги человѣку [130].

По указанію Снегирева, Никита Ивановичь Шереметевъ похороненъ былъ «за Казанскою церковью, возлѣ палатки» [131]. Надгробная же плита съ его могилы, въ концѣ XVIII столѣтія, находилась «въ трапезѣ, по лѣвую сторону, на стѣнѣ»; [132] а въ 1878 году, я самъ видѣлъ ее вмазанную въ наружную стѣну особой постройки, выходящей на задній монастырскій дворъ.

На означенной плитѣ находится слѣдующая надпись: «Лѣта 7183 (1675) году, іюня въ 9 день, на память иже во святыхъ отца нашего Кирилла Александрійскаго, преставися рабъ Божій стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, въ среду, въ 12 часу

---

[130] И. Забѣлинъ. Матеріалы для Исторіи, Археологіи и Статистики Москвы. Ч. I. М. 1884. стр. 400.

[131] Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. М. 1864. стр. 56 и 57 (№ 121).

[132] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIX. М. 1791. стр. 344.

дни, въ 1 четверти; погребенъ того жъ мѣсяца»[133].

Вскорѣ послѣ похоронъ Никиты Ивановича Шереметева, когда еще продолжались розыски и допросы по дѣлу о Ѳенькѣ, именно 14 іюня, съ однимъ изъ главныхъ слѣдователей, княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, произошелъ необычайный случай, о которомъ въ Разрядной книгѣ записано такъ: «Іюня въ 14 день 1675 года, изволеніемъ Божіимъ, были громы великіе и молніи большія. И того числа ѣхалъ бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій изъ подмосковной своей вотчины, изъ села Выхина, и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило; да у него жъ дву робятъ верховыхъ, которые съ нимъ сидѣли въ каретѣ, оглушило жъ, и привезли къ Москвѣ чють живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти. Да у него жъ, боярина, убило дву человѣкъ служивыхъ людей до-смерти, а человѣкъ съ десять оглушило жъ и молніею обожгло; да у него жъ, боярина, убило громомъ въ каретѣ дву возниковъ до-смерти»[134].

---

[133] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIX. М. 1791. стр. 344.—Снегиревъ. Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. М. 1864. стр. 57 (№ 121).

[134] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1464.

Црю гсдрю и великому кнзю Алексѣю Михаиловичю
всеа великия и малыя и бѣлыя росии самодержцу
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
пожалуй [illegible] црь гсдрь
и великий кнзь Алексѣй Михаилович всеа великия
и малыя и бѣлыя росии самодержец пожалуй
[illegible] гсдрь
[illegible] пожалуй [illegible]
[illegible] црь гсдрь смилуися пожалуй

[illegible]
[illegible]

Едва исполнилось сорокъ дней послѣ кончины Никиты Ивановича Шереметева, какъ вдова его, Домна Парѳентьевна Шереметева, подала царю Алексѣю Михайловичу слѣдующую челобитную, помѣченную рукою приказнаго 16 числомъ іюля 1675 года: «Бьетъ челомъ бѣдная раба твоя, великаго государя, стольника Никиты Ивановича Шереметева женишко, вдова Домка, съ дочеришками своими съ дѣвками съ Настькою да съ Марѳуткою. Въ нынѣшнемъ, государь, во сто осмьдесятъ третьемъ году, волею Божіею, мужа моево Никиты Ивановича, а нашего отца, не стало; а послѣ смерти мужа моево и отца нашего, остались полонные люди, а живутъ всѣ безотходно у меня, рабы твоей, и у дѣтишекъ моихъ, а пьютъ и ѣдятъ и носятъ все наше; а за мною, рабою твоею, тѣ полонные люди и за дѣтишками моими, послѣ мужа моего не записаны. Милосердый государь, пожалуй меня, рабу свою съ дѣтишками моими, вели, государь, тѣхъ полоняныхъ людей мужа моего за нами записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй»!

Эта челобитная, къ коей приложилъ руку Парѳеній-Смирной Григорьевичь Свиньинъ,

«вмѣсто дочери своей Домны и дѣтей ея», служитъ началомъ большого дѣла, производившагося сперва въ Холопьемъ Приказѣ, а потомъ въ Посольскомъ. Изъ всего этого дѣла, кромѣ приведенной челобитной Домны Парѳентьевны Шереметевой, намъ извѣстны пока только два документа. Въ одномъ, распросныя рѣчи обоихъ полоняниковъ Никиты Ивановича Шереметева, Моисея Ероѳеева и Тимоѳея Нестерова. Первый въ распросѣ сказалъ: «Взятъ въ полонъ въ малыхъ лѣтехъ, а взяли де его въ полонъ стольника Никиты Ивановича Шереметева люди его; а женатъ де онъ у него жъ во дворѣ, на Польской дѣвкѣ Агашкѣ Степановѣ дочери, и жилъ де онъ съ женою все у него, Шереметева, во дворѣ». Второй полоняникъ показалъ: «Родомъ иноземецъ Смоленскаго повѣту, пахатнаго мужика сынъ. Взятъ въ молодыхъ лѣтехъ и жилъ онъ все безотходно на Москвѣ во дворѣ у стольника у Никиты Ивановича Шереметева».

Другой документъ—челобитная обоихъ полоняниковъ слѣдующаго содержанія: «Бьютъ челомъ сироты твои иноземцы Литовской породы, Оршанскаго повѣту, послужильцы

стольника Никиты Ивановича Шереметева, Моско Ероѳеевъ да Тимошко Нестеровъ. Приведены мы, сироты твои, по челобитью государя нашего стольника Никиты Ивановича Шереметева жены его, вдовы Домны Парѳентьевны, въ Приказъ Холопья Суда, будто насъ послѣ себя государь нашъ стольникъ Никита Ивановичь свободить на волю не велѣлъ, и изъ Приказу Холопья Суда даны мы, сироты твои, на поруки; а судья въ Приказѣ Холопья Суда стольникъ Петръ Андреевичь Измайловъ жены государя нашего Никиты Ивановича отцу, Смирному Свиньину, другъ, и насъ, сиротъ твоихъ, тѣснитъ. Милосердый государь, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели, государь, челобитье вдовы Домны Парѳентьевны Шереметевой и наши распросныя рѣчи изъ Приказа Холопья Суда взять въ Посольской Приказъ, и свой, великаго государя, указъ учинить по посольскому договору». На челобитнѣ помѣта, отъ 20 іюля 1675 года: «Указано выслать все дѣло изъ Холопья Приказа въ Посольской»[135].

Почившій комнатный стольникъ Никита

[135] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ: Приказныя дѣла, связка 433.

Ивановичъ Шереметевъ, родной внукъ извѣстнаго Псковского воеводы Петра Никитича Шереметева, въ первый разъ упоминается на службѣ, въ чинѣ стольника, въ 1651 году [136]; слѣдовательно, имѣлъ въ томъ году по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ. По такому приблизительному расчету, Никитѣ Ивановичу, при его кончинѣ, было безъ малаго сорокъ лѣтъ отъ роду. Состоя на службѣ государевой около 24 лѣтъ, онъ не пошелъ далѣе чина ближняго или комнатнаго стольника, въ который пожалованъ изъ простыхъ стольниковъ еще въ 1660 году [137].

Въ теченіе всей своей службы Никита Ивановичъ Шереметевъ всегда находился на глазахъ у царя Алексѣя Михайловича. Онъ былъ исключительно придворнымъ человѣкомъ. Лишь въ войну 1654—1656 годовъ, онъ состоялъ въ государевомъ полку есауломъ или подручникомъ, — должность, соотвѣтствующая нынѣшнему адъютанту. Далѣе, постоянно

---

[136] Во II книгѣ Рода Шереметевыхъ (стр. 390) сказано, что Никита Ивановичъ Шереметевъ въ первый разъ упоминается на службѣ въ 1649. Это описка. Слѣдуетъ читать: въ 1651 году.

[137] Справка изъ дѣлъ Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о службахъ предковъ графовъ Шереметевыхъ, пунктъ 2.

видимъ Никиту Ивановича, то въ должности рынды, на торжественныхъ посольскихъ пріемахъ, то въ должности головы стольничьей сотни, при встрѣчѣ пословъ, то наряжающимъ вина за государевымъ столомъ или «сидящимъ за государевымъ поставцомъ, за кушаньемъ», или смотрящимъ въ большой столъ. Неединожды ѣздилъ Никита Ивановичь къ посламъ во дворъ съ государевымъ жалованіемъ—столомъ, и угощалъ ихъ. Онъ имѣлъ представительную наружность, почему такъ часто и назначался стоять въ рындахъ. А въ служебныхъ разговорахъ съ иноземными послами обнаруживалъ большой тактъ. Никита Ивановичь былъ нѣкоторое время (1668 г.) даже начальникомъ Владимірскаго Суднаго Приказа, а въ 1673 году, онъ получилъ было назначеніе быть воеводою въ Тобольскѣ, но назначеніе это почему-то отмѣнили. Послѣ этого, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, именно въ началѣ января 1675 года, по случаю отъѣзда государя изъ Москвы, Никита Ивановичь Шереметевъ назначенъ былъ, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Голицынымъ и другими, дневать въ царскомъ дворцѣ [138].

[138] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1185.

Да въ пріѣздъ Персидскихъ пословъ, онъ, по наряду, высылалъ на встрѣчу «свой дворъ». О дворѣ же или дворнѣ Никиты Ивановича Шереметева мы уже имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сыскного дѣла Ѳеньки. Онъ жилъ большимъ домомъ, какъ говорится, на большую ногу: у него во дворѣ были многіе дворовые люди и дѣвки, и «боярскія бояронн» и «верховые робята», что̀ жили въ верху, и работныя дѣвки и жонки, и даже полоняники —«иноземцы Литовской породы» [139]. А между тѣмъ, семья Никиты Ивановича Шереметева была невелика: онъ, съ женою Домной Парѳентьевной, да двѣ дочери: Анастасія и Марѳа Никитишны. Домна Парѳентьевна, рожденная Свиньина, была третьей женой Никиты Ивановича Шереметева. Въ первый разъ онъ былъ женатъ на Дарьѣ Степановнѣ, рожденной Пушкиной, скончавшейся въ 1663 году. Вторая жена его была Евдокія Ѳедоровна, изъ котораго рода неизвѣстно. Но въ виду того, что она, не взирая на чинъ стольника своего мужа, состояла въ немногочисленномъ штатѣ царицы Марьи Ильинишны, съ чиномъ пріѣз-

[139] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ. Ч. 5. № 270. л. 424 на об.

жей боярыни, казалось бы, что она, по рожденію, должна была принадлежать къ которой либо знатной фамиліи. Давно занимала меня очевидная описка у князя Петра Владиміровича Долгорукова, въ его родословіи князей Куракиныхъ. Онъ показываетъ, будто бы сестра князя Ѳедора Ѳедоровича Куракина, княжна Евдокія Ѳедоровна, была за княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ [140]. Достаточно извѣстно, что супругу князя Никиты Ивановича Одоевскаго, дѣйствительно, звали Евдокіей Ѳедоровной, но она по рожденію была не княжна Куракина, а Шереметева. Очевидно, перепутаны тождественныя имена и отчества супругъ и супруговъ: И жену князя Никиты Ивановича Одоевскаго звали Евдокіей Ѳедоровной, и жену Никиты Ивановича Шереметева — также Евдокіей Ѳедоровной [141]. Сыскное дѣло слѣпой дѣвки Ѳеньки, какъ объединяющее домъ князя Ѳедора Ѳедоровича Куракина съ домомъ Никиты Ивано-

---

[140] Россійская Родословная Книга. Ч. I. Спб. 1855. стр. 315, подъ № 20.

[141] Да и самъ князь Долгоруковъ, въ той же I части, въ родословіи князей Одоевскихъ (стр. 55, № 22), показываетъ, что князь Никита Ивановичь Одоевскій былъ женатъ на Евдокіѣ Ѳедоровнѣ Шереметевой...

вича Шереметева, окончательно утверждаетъ меня въ давнемъ предположенiи, что вторая жена Никиты Ивановича, Евдокiя Ѳедоровна, была родною сестрою дядьки царевича Ѳедора Алексѣевича, боярина князя Ѳедора Ѳедоровича Куракина.

Въ 1675 году, старшей дочери Никиты Ивановича Шереметева, Анастасьѣ Никитишнѣ, было семь лѣтъ; слѣдовательно, принимая въ соображенiе годъ кончины первой жены Никиты Ивановича, она была отъ Евдокiи Ѳедоровны, а Марѳа Никитишна, вѣроятно, была отъ Домны Парѳентьевны Свиньиной. Кромѣ названныхъ двухъ дочерей, у Никиты Ивановича Шереметева, отъ трехъ браковъ, другихъ дѣтей не было. Можетъ быть и были, но умирали въ младенчествѣ и въ родословныя не попали.

Остается еще сказать, что послѣднiй помѣстный окладъ Никиты Ивановича Шереметева, который онъ получалъ съ 1670 года и до кончины, былъ 560 четвертей земли [142]; а послѣднiй денежный окладъ — 118 рублей.

---

[142] Московскiй Архивъ Министерства Юстицiи: Боярскiе списки — 1670 г., книги №№ 5 и 7· 1672 г., № книги 10 и 1673 г., № книги 11.

Итогъ денежнаго оклада подведенъ въ Боярской книгѣ послѣ того, какъ розданы были придачи къ денежнымъ окладамъ, по случаю «объявленія» царевича Ѳедора Алексѣевича. Тамъ, между прочимъ, отмѣчено: «Во 183 (1674) году, сентября въ 1 числѣ, великій государь пожаловалъ, для своей государевы и всемірные радости объявленія сына своего благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Ѳедора Алексѣевича, стольнику Никитѣ Ивановичу Шереметеву, велѣлъ ему своего государева жалованья придачи учинить, къ прежнему его денежному окладу,—15 рублевъ да ему жъ за перехожія чети, за 130 чети,—6 рублевъ съ полтиною, всего 118 рублей [143].

Помѣстья и вотчины Никиты Ивановича Шереметева находились въ десяти уѣздахъ:

1) Въ Верейскомъ уѣздѣ, въ Городскомъ станѣ—пустошь, чтó была сельцо Гозново, деревня Рожествено, пустоши Татысово, По-

---

[143] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: книга боярская съ 1671 г. по 1676 г. № 28. л. 50. Считаемъ необходимымъ пояснить, что эта цифра 118 рублей, составилась такъ: Къ прежнему денежному окладу Никиты Ивановича Шереметева, къ 75 рублямъ, придано было: въ 1667 г., по случаю объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича 21 р. съ полтиною, да столько же (21 р. 50)—за объявленіе царевича Ѳедора Алексѣевича.

моталова, Червленева, Исаева; всего 615 четвертей и 11 дворовъ [144].

2) Въ Галицкомъ уѣздѣ, село Корцово, съ приписанными къ нему деревнями и пустошами [145].

3) Въ Коломенскомъ уѣздѣ, деревня Ивановская, Кобяково тожъ, съ деревнями и починками, что̀ нынѣ село Ѳедоровское (Кобяково тожъ). Эта вотчина досталась Никитѣ Ивановичу Шереметеву, по духовному завѣщанію боярина Ѳедора Ивановича Шереметева [146].

4) Въ Костромскомъ уѣздѣ: а) въ Корзинѣ станѣ — сельцо Тептюгово, на рѣчкѣ Чернцѣ, съ деревнями и пустошами и б) въ Минскомъ станѣ — деревня Ножниково, Ножевникова тожъ. Эта вотчина пожалована была Никитѣ Ивановичу Шереметеву, въ 1668 году, «за службы» [147].

5) Въ Московскомъ уѣздѣ, въ Ворѣ и Корзеневѣ станѣ, сельцо Царево, Іевлевское тожъ, на рѣчкахъ Мырваницѣ и Талицѣ, съ

---

[144] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, молодыхъ лѣтъ, книга № 65. дѣло № 18.

[145] Тамъ же.

[146] Родъ Шереметевыхъ. Ш. 512.

[147] Родъ Шереметевыхъ. VII. 61.

деревнями и пустошами. Это приданая вотчина матери Никиты Ивановича Шереметева, Мароы Васильевны (по первому мужу Нагая), рожденной княжны Веригиной-Волконской [148].

6) Въ Муромскомъ уѣздѣ, въ Дубровскомъ станѣ, деревня Кожино, на рѣчкѣ Великушѣ, съ деревнями и пустошами. Эта вотчина пожалована Никитѣ Ивановичу Шереметеву, въ 1668 году, «за службы» [149].

7) Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ станѣ: а) село Шахманово, съ деревнями и пустошами. Эта вотчина, въ которой былъ «дворъ боярскій», досталась Никитѣ Ивановичу Шереметеву отъ Ульяны Өедоровны Головиной (рожденной Шереметевой) [150]; б) село Слободское, съ деревнями и пустошами. Здѣсь былъ «дворъ помѣщиковъ» [151]; и в) село Богородицкое, что была деревня Подлѣсово [152].

---

[148] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, молодыхъ лѣтъ, книга № 65. дѣло № 18.

[149] Родъ Шереметевыхъ. VII. 62.

[150] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, молодыхъ лѣтъ, книга № 65. № дѣла 18.

[151] Тамъ же.

[152] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, старыхъ лѣтъ, книга № 98. дѣло № 20.

8) Въ Романовскомъ уѣздѣ, въ Васильевскомъ станѣ, деревня Веригино, съ деревнями и пустошами [153].

9) въ Ряжскомъ уѣздѣ, въ Пехлецкомъ станѣ, сельцо Никольское, на рѣчкѣ Рясахъ, съ 185 четвертями земли, въ 1665 году, пожаловано Никитѣ Иановичу Шереметеву «въ окладъ» [154].

и 10) Въ Тульскомъ уѣздѣ: село Голмово, Рождественское тожъ, и село Тѣсницкое [155].

Почти всѣ перечисленныя помѣстья и вотчины Никиты Ивановича Шереметева, потомъ сосредоточились въ однѣхъ рукахъ его старшей дочери Анастасіи Никитишны, вышедшей, въ 1689 году, за князя Ѳедора Алексѣевича Голицына. Младшая дочь, Марѳа Никитишна умерла малолѣтнею, въ 1677 году. Въ 1695 году, Анастасія Никитишна продала всѣ доставшіяся ей вотчины, за 30.500 рублей, братьямъ мужа, князьямъ Голицынымъ. По-

---

[153] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, молодыхъ лѣтъ, книга № 65. дѣло № 18.

[154] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, старыхъ лѣтъ, книга № 98. дѣло № 20.

[155] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, молодыхъ лѣтъ, книга № 65. дѣло № 18.

слѣ смерти Анастасіи Никитишны (1704 г.), Михаилъ Борисовичь и Алексѣй да Иванъ Петровичи Шереметевы завели изъ-за этихъ вотчинъ тяжбу съ князьями Голицыными, доказывая, что Анастасія Никитишна давала имъ купчія «безденежно». Московская Губернская Канцелярія, въ 1714 году, постановила, «отставить» купчія Анастасіи Никитишны и проданныя по нимъ князьямъ Голицынымъ вотчины «возвратить въ родъ Шереметевыхъ, по линіи, кто къ тѣмъ вотчинамъ ближе». Дѣло перешло въ Сенатъ и такъ далѣе. Въ концѣ концовъ, уже въ царствованіе Екатерины II (въ 1774 году), тяжба была разрѣшена въ пользу князей Голицыныхъ [156]. Обо всемъ этомъ будетъ подробно разсказано въ своемъ мѣстѣ.

---

[156] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи по городу Москвѣ, молодыхъ лѣтъ, книга № 65. дѣло № 18.

ГЛАВА VIII.

Мы уже говорили, что 29 іюня 1675 года, царь Алексѣй Михайловичь отпустилъ Петра Васильевича Большого Шереметева въ деревню, срокомъ до 15 августа. Но Шереметеву не удалось воспользоваться полнымъ отпускомъ. 18 іюля онъ получилъ государевъ указъ, чтобъ прибылъ въ Москву и, по случаю отъѣзда царскаго величества, вѣдалъ бы царствующій градъ, вмѣсто боярина князя Григорья Семеновича Куракина [157]. Дня за три передъ тѣмъ, царь Алексѣй Михайловичь, со всѣмъ домомъ своимъ, переѣхалъ изъ села Воробьева въ село Коломенское.

Просторъ и удобство помѣщенія въ отдѣланныхъ заново Коломенскихъ царскихъ хо-

---

[157] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1539.

ромахъ, тишина, приволье Москворѣцкихъ заливныхъ луговъ, чудный воздухъ, обиліе садовъ, должны были благотворно дѣйствовать на здоровье царя Алексѣя Михайловича. Вообще, за послѣднее время, государь чувствовалъ себя очень хорошо. Не далѣе, какъ 1 іюля, онъ въ бытность въ селѣ Воробьевѣ, даже «тѣшился подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, въ лугахъ и на водахъ, съ соколами и съ кречетами и съ ястребы». На потѣхѣ этой была сама царица Наталья Кирилловна, съ царевичемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ и съ трехлѣтнимъ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ [158].

Соколиной охотой тѣшились и въ Коломенскомъ, и въ его окрестностяхъ. Такъ, 23 іюля, царь Алексѣй Михайловичь, вмѣстѣ съ царицей Натальей Кирилловной и царевичемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, выѣзжали на охоту въ село Соколово, гдѣ потчивалъ походныхъ стольниковъ, сокольниковъ, слугъ боярскихъ и стрѣльцовъ виномъ, медами и пивомъ съ своего царскаго погреба. На обратномъ пути въ Коломенское, царь съ царицей

---

[158] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1501 и 1502.

и царевичемъ, заѣзжали въ Угрѣшскій монастырь и тамъ слушали вечерню и молебенъ [159].

На другой день, въ Коломенскомъ, государь принималъ Польскаго дворянина Павла Свидерскаго, прожившаго уже около года въ Москвѣ съ небывалымъ дотолѣ титуломъ резидента или, какъ писали разрядные дьяки, «розгингета», а также гонца «Галанской земли». Первый представилъ государю только что полученный листъ Польскаго короля Яна Собѣскаго, а второй—двѣ грамоты «отъ князя Оранскаго да отъ Статъ Галанскихъ» [160].

Въ самый день аудіенціи, 24 іюля, къ вѣдавшему Москву боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву послана была, съ нарочнымъ, государева грамота, чтобъ онъ приказалъ думному разрядному дьяку Герасиму Дохтурову, «тотчасъ, не мѣшкавъ», выслать въ Коломенское, «для посланниковъ Литовскаго и Нѣмецкаго», двѣсти человѣкъ стольниковъ и стряпчихъ, въ ферезяхъ и кафтанахъ Турскихъ, цвѣтныхъ» [161].

Польскаго резидента и Голландскаго гонца

---

[159] Дворцовые Разряды. Т. Ш. Спб. 1852. столб. 1552 и 1554.

[160] Тамъ же, столб. 1554 и 1555.

[161] Тамъ же, столб. 1547.

царь Алексѣй Михайловичь принималъ въ Столовой избѣ Коломенскаго дворца. Можетъ быть, иные не безъ удивленія смотрѣли на стоявшаго, во время аудіенціи, по правую сторону государя, престарѣлаго боярина князя Никиту Ивановича Одоевскаго [162], такъ скоро оправившагося отъ недавняго случая съ нимъ на дорогѣ изъ села Выхина.

Въ то время уже извѣстно было о слѣдовавшихъ въ Москву посланникахъ Римскаго цесаря Леопольда и о личномъ составѣ посольства. Оно состояло изъ посланника Аннибала-Франциска де Боттони, ѣхавшаго къ намъ съ женою и дочерью, и товарища его Ягана-Карла Терлингеръ фонъ Гусмана. При посольствѣ состояли: переводчикъ докторъ Лаврентій Рингуберъ, который отправленъ былъ въ Вѣну съ маіоромъ Павломъ Менезіусомъ [163]; секретарь Адольфъ Лизекъ и «честный господинъ Францышокъ, дохтуръ богословія, эклезіастикъ и на посольствѣ проповѣдникъ» [164].

---

[162] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1554.

[163] Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Ч. I. М. 1894. стр. 25.

[164] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. V. Спб. 1858. столб. 128.

Посланники везли царю Алексѣю Михайловичу три грамоты цесаря Леопольда: 1) вѣрющую, 2) о заключеніи тѣснѣйшаго союза между обоими дворами, въ виду возникавшихъ безпокойствъ на сѣверѣ и во всемъ христіанскомъ мірѣ и 3) рекомендательную, о дозволеніи помянутому доктору Рингуберу практики во всѣхъ городахъ Московскаго государства [165].

Сперва было извѣстіе, что цесарскіе посланники ѣдутъ въ Москву черезъ Курляндію, на Псковъ и Новгородъ. Но 24 іюля прибылъ въ Москву, отъ Псковского воеводы боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго гонецъ съ отпиской въ Посольскій Приказъ, что посланники слѣдуютъ черезъ Польшу на Смоленскъ. Отписку князя Хованскаго думный дьякъ Григорій Богдановъ доложилъ вѣдавшему Москву боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву, такъ какъ начальникъ Посольскаго Приказа бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, въ то время, находился въ своей подмосковной деревнѣ. Шереметевъ немедленно отправилъ отписку князя Хован-

---

[165] Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Ч. I. М. 1894. стр. 25.

скаго въ Коломенское. Отсюда, 26 іюля, послана была въ Смоленскъ, къ тамошнему воеводѣ стольнику князю Михаилу Андреевичу Голицыну государева грамота, чтобъ къ пріѣзду цесарскаго посольства, въ Смоленскѣ приготовили «самые добрые дворы», кормъ, питье, конскій кормъ и подводы; а какъ посланники прибудутъ на рубежъ, принять ихъ «съ великою честью», выславъ къ нимъ на встрѣчу «дворянина добра», которому ѣхать съ ними приставомъ въ Москву, и въ дорогѣ сидѣть по лѣвую сторону посланника, а не по правую, и на встрѣчѣ слѣзать съ лошади прежде него. Кромѣ того, приказано было выслать на встрѣчу посланниковъ еще подьячаго, «кого бы съ такое дѣло стало», да изъ иноземцевъ, которые великому государю служатъ, «кого пригожъ, кто по цесарски говорить и писать умѣетъ» [166].

Цесарскіе посланники прибыли въ Смоленскъ 8 августа и черезъ два дня прослѣдовали далѣе съ назначеннымъ къ нимъ приставомъ, ротмистромъ рейтарскаго строя Бог-

---

[166] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. V. Спб. 1858. столб. 9 и 27.

даномъ Андреевичемъ Кульневымъ [167], предкомъ извѣстнаго генерала Двѣнадцатаго года, стяжавшаго себѣ славу въ бою подъ Клястицами. Приставъ Кульневъ оказался весьма свирѣпымъ. Такъ, въ Можайскѣ, куда посольство прибыло 19 августа, онъ, по донесенію мѣстнаго воеводы Ивана Кузовлева, «ѣздя съ Можайскими ямщиками и Смоленскими стрѣльцами по посаду, править подводы, посадскихъ людей билъ, а земскаго старосту прибилъ кистенемъ, едва и живъ будетъ» [168].

Покамѣстъ посланники Римскаго цесаря ѣхали изъ Смоленска въ Москву, а везти ихъ велѣно было «неспѣшно», съ такимъ расчетомъ, чтобъ ихъ доставили въ Москву лишь къ 24 августа,—царь Алексѣй Михайловичъ былъ постоянно въ разъѣздахъ. Между прочимъ, 14 августа, наканунѣ Успеньева дня, онъ былъ въ Москвѣ и въ Успенскомъ соборѣ слушалъ малую вечерню и молебенъ, а въ самый праздникъ, 15 числа, пріѣзжалъ въ одной каретѣ съ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, и въ Успенскомъ же соборѣ

---

[167] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. V. Спб. 1858. столб. 14.

[168] Тамъ же, столб. 32.

былъ на всенощномъ бдѣніи и на литургіи [169]. 16 августа, въ праздникъ Нерукотвореннаго Спаса, государь опять пріѣзжалъ въ Москву ко всенощному бдѣнію и литургіи въ церкви Спасова Образа у себя, въ Верху [170]. Оставивъ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, попрежнему, вѣдать Москву, государь въ тотъ же день уѣхалъ въ село Воробьево, а оттуда, съ царевичемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, прослѣдовалъ на соколиную охоту въ село Семеновское, а потомъ—въ село Измайлово. Съ государемъ, въ его свитѣ, былъ второй сынъ Петра Васильевича Большого Шереметева, Ѳедоръ Петровичъ. Онъ слѣдовалъ за царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и въ Измайлово, гдѣ произошелъ случай, рѣзко характеризующій нравы и обычаи тогдашняго времени. Вотъ что̀ записано, подъ 16 числомъ августа, въ Дворцовой Разрядной книгѣ: «Ходилъ великій государь съ Воробьевой горы тѣшиться въ село Семеновское, а изъ села Семеновскаго ходилъ въ село Измайлово. А за нимъ, великимъ государемъ, были стольни-

---

[169] Выходы царей. М. 1844. стр. 601.—Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1593.

[170] Выходы царей. М. 1844. стр. 601.

ки и стряпчіе походные; и они, бывъ за нимъ, великимъ государемъ, украли шесть достокановъ государя царевича и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича золоченыхъ, склянишныхъ. И великій государь указалъ, объ ноги стольниковъ и стряпчихъ перековать, стольника Ѳедора Петровича Шереметева съ товарищи да стольника окольничаго князь Ѳедорова сына Ѳедоровича Долгорукова князь Луку съ товарищи своими, ночью, и указалъ ихъ сыскивать. Да имъ же (то есть, Шереметеву и князю Долгорукову) великій государь велѣлъ сказать стольнику и головѣ Московскихъ стрѣльцовъ Юрью Петровичу Лутохину, чтобъ они промежъ себя, въ своихъ станахъ, обыскивали людей своихъ всѣхъ» [171].

Кто похитилъ достоканы, неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, представляется весьма странною самая форма розыска: ночью перековываютъ за ноги бывшихъ въ тотъ день на службѣ съ Шереметевымъ и княземъ Долгоруковымъ, стольниковъ и стряпчихъ, по большей части хорошихъ дворянскихъ родовъ, и допрашиваютъ о пропавшихъ вещахъ... Та-

---

[171] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1598 и 1599.

кое домашнее, по истинѣ патріархальное разбирательство, дѣйствительно, прямо указываетъ на вотчинный характеръ отношеній Московскаго царя къ своимъ придворнымъ.

Между тѣмъ, цесарскіе посланники, слѣдуя черезъ село Кубенское, село Вяземы и село Мамоново, прибыли въ Москву 24 августа, то есть, за два дня до именинъ царицы Натальи Кирилловны, и помѣщены были на Покровкѣ, на «Давыдовскомъ дворѣ Николаева».

Въ день именинъ царицы, царь Алексѣй Михайловичь, со всѣмъ домомъ, находился въ селѣ Воробьевѣ и слушалъ литургію въ «полотняной» походной церкви. Но самое празднованіе великомученицѣ Наталіи происходило почему то не 26 августа, а 27-го [172]. Съ этого дня Москву приказано было вѣдать, вмѣсто Петра Васильевича Большого Шереметева, ближнему боярину князю Ивану Алексѣевичу Воротынскому [173].

Въ село Воробьево, къ празднованію именинъ царицы Натальи Кирилловны, были нарочно вызваны изъ Москвы всѣ бояре и въ томъ числѣ Петръ Васильевичь Большой Ше-

---

[172] Выходы царей. М. 1844. стр. 602.

[173] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1619.

реметевъ. Въ спискѣ приглашенныхъ заслуживаетъ вниманія раздѣленіе бояръ на ближнихъ комнатныхъ и некомнатныхъ, а также порядокъ, въ которомъ они поименованы. Въ отдѣлѣ ближнихъ комнатныхъ бояръ: князь Никита Ивановичь Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ, князь Иванъ Алексѣевичь Воротынскій, князь Яковъ Никитичь Одоевскій, оружейничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово, Кириллъ Полуехтовичь Нарышкинъ, князь Михаилъ Юрьевичь Долгоруковъ и Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ. А въ отдѣлѣ бояръ некомнатныхъ: князь Юрій Петровичь Трубецкой, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, князь Иванъ Борисовичь Репнинъ, Иванъ Богдановичь Милославскій и князь Юрій Никитичь Борятинскій [174].

Въ числѣ стольниковъ, удостоенныхъ приглашенія въ Воробьево, къ празднованію именинъ царицы, былъ и Ѳедоръ Петровичь Шереметевъ [175].

Отслушавъ всенощную въ хоромахъ, царь Алексѣй Михайловичь, съ царевичемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, и со всѣми приглашен-

---

[174] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1623 и 1624.

[175] Тамъ же, столб. 1625.

ными лицами, отправился къ обѣднѣ, которую служили опять въ полотняной походной церкви.

Послѣ обѣдни, царица Наталья Кирилловна, въ государевыхъ хоромахъ, изъ собственныхъ рукъ жаловала именинными пирогами всѣхъ присутствовавшихъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ и стольниковъ. Въ тѣ поры какъ царица жаловала пирогами, самъ царь Алексѣй Михайловичь сидѣлъ тутъ же съ царевичемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ [176]. Такая раздача самою царицею именинныхъ пироговъ,—по замѣчанію Забѣлина,—была не совсѣмъ обычнымъ дѣломъ въ государевомъ дворцѣ [177].

Возвратимся къ посланникамъ Римскаго цесаря Леопольда.

Еще до представленія государю, 1 сентября, когда у насъ праздновался новый годъ, по указу царскаго величества, цесарскіе посланники смотрѣли «дѣйство новаго лѣта». Въ этотъ день, царь Алексѣй Михайловичь, отслушавъ въ Коломенскомъ всенощную, по-

[176] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1623—1625.

[177] Домашній бытъ Русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. М. 1869. стр. 387.

шелъ къ Москвѣ и былъ въ Кремлѣ, на площади передъ дворомъ государевымъ, между соборами, гдѣ обыкновенно совершалось дѣйство новолѣтія. Онъ былъ въ красной суконной однорядкѣ, на головѣ его была такая же шапка съ пухомъ, а въ рукахъ Индѣйскій посохъ съ каме́ньемъ [178].

На устроенномъ для дѣйства помостѣ, устланномъ Турецкими и Персидскими коврами, съ восточной стороны поставлены были налои съ образомъ Симеона Лѣтопроводца и Евангеліемъ, а съ западной стороны—два особыхъ убранныхъ мѣста, одно для патріарха «съ ковромъ мелкотравнымъ со звѣрьми», другое, обитое бархатомъ червчатымъ, — для царя. Патріархъ Іоакимъ, въ преднесеніи иконъ, крестовъ и хоругвей, сопровождаемый духовенствомъ, шествовалъ къ своему мѣсту изъ западныхъ дверей Успенскаго собора, а царь Алексѣй Михайловичъ—изъ дворца, съ Благовѣщенской паперти. Во время этого встрѣчнаго шествія, колокола Ивана Великаго съ «реутомъ» звонили во вся. Когда царь сошелся на помостѣ съ патріархомъ, то «главу

---

[178] Выходы царей. М. 1844. стр. 604.

свою преклонилъ къ благословенію и свою государскую руку святѣйшему патріарху цѣловати изволилъ, и его, патріаршу, руку цѣловалъ» [179]. Цесарскіе посланники были поставлены на паперти Архангельскаго собора, откуда было видно все дѣйство. Они все время стояли безъ шляпъ, и когда царь Алексѣй Михайловичь съ своего мѣста «творилъ поклоненіе» патріарху и всему освященному собору, сами кланялись царю весьма низко и говорили промежъ себя: «Истинно это дѣйство христіанское, и царское величество и святѣйшій патріархъ и весь освященный соборъ стоятъ зѣло чиновно... Нигдѣ де они такого стройнаго дѣйства не видали, развѣ де такое дѣйство у древнихъ Греческихъ благочестивыхъ царей и патріарховъ бывало» [180]. Позади посланниковъ стоялъ «ихъ посланничій человѣкъ и описывалъ въ тетрадку чертежъ Успенскому и Благовѣщенскому соборамъ, сколько гдѣ главъ и оконъ и каковы велики» [181].

На дѣйствѣ Новолѣтія былъ и Польскій резидентъ Свидерскій. Ему особенно понра-

[179] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. V. Спб. 1858. столб. 132.

[180] Тамъ же, столб. 129 и 130.

[181] Тамъ же, столб. 131.

вилось, какъ царь и патріархъ цѣловали другъ у друга руки. Онъ «съ великимъ удивленіемъ похвалялъ сей благочинный христіанскій поступокъ», говоря, что «такого чина и обычая, ни въ которыхъ государствахъ и ни у которыхъ христіанскихъ государей нѣтъ; да и при самомъ де папѣ Римскомъ такого благочиннаго поступка и такого торжества никогда не бываетъ». Свидерскій дивился «превеликому богатому украшенію большого напрестольнаго Евангелія, точно также какъ и всей церковной утвари и святительскимъ одеждамъ, видя, что все отъ жемчюгу и драгихъ каме́ней сотворено» [182].

На 2-е сентября назначенъ былъ торжественный пріемъ цесарскаго посольства не въ Грановитой Палатѣ, гдѣ обыкновенно принимали посланниковъ, а въ селѣ Коломенскомъ. Устроено это было исключительно для удовлетворенія любопытства царицы Натальи Кирилловны, весьма хотѣвшей видѣть посольскій пріемъ. Въ Коломенскихъ хоромахъ ей такъ удобно было наблюдать всю церемонію на близкомъ разстояніи, не бывъ никѣмъ

---

[182] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. V. Спб. 1858. столб. 132—133.

замѣченною, чего невозможно было сдѣлать въ Грановитой Палатѣ.

Въ назначенное время, къ цесарскимъ посланникамъ во дворъ прибыли приставы, голова Московскихъ стрѣльцовъ Юрій Лутохинъ да дьякъ Аѳанасій Ташлыковъ, вмѣстѣ съ переводчикомъ, и, спросивъ у нихъ о здоровьѣ, предложили ѣхать въ село Коломенское, куда царь Алексѣй Михайловичь уѣхалъ еще утромъ. Подана была карета, запряженная шестеркой пѣгихъ возниковъ съ царской конюшни. Въ карету сѣли оба посланника, оба пристава и переводчикъ. Шествіе открывали 30 сокольниковъ на сѣрыхъ лошадяхъ, за ними шли пѣшкомъ 10 человѣкъ посольскихъ людей, далѣе 8 человѣкъ посольскихъ дворянъ «на лошадяхъ добрыхъ», государевъ стремянной конюхъ съ 20 конюхами и, наконецъ, карета съ посланниками, окруженная 12 пѣшими стрѣльцами. Позади везли въ телѣгѣ посольскіе дары, уложенные въ сундукъ. За Яузскими воротами, всѣ пѣшеходы сѣли на лошадей. Посольскій поѣздъ слѣдовалъ кружнымъ путемъ на Кожухово, мимо Новоспасскаго и Симонова монастырей; съ Кожухова поворотили на объѣзжую дорогу, направо.

Дорогою посланники разговаривали съ приставами, при посредствѣ переводчика. Они разспрашивали про монастыри Новоспасскій и Симоновъ, про государевъ Потѣшный дворъ, похваляли церковное и городовое строеніе. А проѣхавъ Потѣшный дворъ, посланники, глядя на Москву, сказали: «Москва, — государство великое; еслибъ было все строеніе каменное, такого бъ великаго и преславнаго государства и на свѣтѣ не было».

Ѣхали часа съ три, по выраженію посланниковъ, «то потихоньку, то поскорѣе», и наконецъ подошли къ Коломенскому и остановились у заранѣе приготовленнаго для нихъ просторнаго суконнаго шатра, близко Москвы рѣки, подлѣ церкви. Посланники видимо были поражены красотою Коломенскаго и его царскихъ хоромъ. Они долго всматривались въ открывшуюся предъ ними картину и сказали: «Село это зѣло хорошо построено на самомъ высокомъ и красивомъ мѣстѣ, и ни у котораго государя построить такъ изъ дерева не съумѣютъ».

У шатра, въ карету впрягли шестерикъ другихъ лошадей, «изряднѣйшихъ», и поѣздъ, въ томъ же порядкѣ, направился къ царскимъ

хоромамъ. Перемѣна была лишь въ томъ, что посольскіе люди несли въ рукахъ вынутые изъ телѣги дары посланниковъ государю и царевичу, а одинъ изъ дворянъ посольскихъ держалъ въ поднятой вверхъ рукѣ обернутую въ красный атласъ вѣрющую грамоту Римскаго цесаря Леопольда, «чтобъ всѣ ее видѣли». Посланники примѣтили, что встрѣчавшійся на пути «Московскій народъ, котораго многое число было, мало поклонясь, снималъ шапки и здравствовалъ имъ».

У воротъ государева дворца, посланники должны были выдти изъ кареты и оставить свои шпаги. Вотъ, они вошли въ обширный дворъ, уставленный стрѣльцами: одни были съ бердышами и пищалями золочеными, другіе—съ ружьями, знаменами, барабанами и пушками. Приставы шепнули посланникамъ, что великій государь съ своими ближними глядитъ на нихъ въ окошко. Тѣ сейчасъ же сняли шляпы, и по просторной лѣстницѣ, вошли въ хоромы, въ верхъ. Не будемъ говорить объ обычныхъ встрѣчахъ. Изъ «ближней великой передней», быстро отворились двери на двое и посланники, войдя въ палату, увидѣли предъ собою сидящаго на престолѣ царя Алексѣя

Михайловича. Онъ былъ, — по словамъ посланниковъ,—въ ферези «изъ обьяри огненнаго цвѣту съ большимъ серебрянымъ кружевомъ, исподній кафтанъ изъ обьяри жъ серебряной, золотомъ перетыканной». Предъ государемъ стояло четверо рындъ въ шапкахъ и съ сѣкирами на плечахъ: по правую сторону — два родные брата стольники Борисъ Петровичь и Ѳедоръ Петровичь Шереметевы, а по лѣвую сторону — стольникъ Иванъ Ѳедоровичь Волынскій и стряпчій Матвѣй Ѳедоровичь Философовъ.

Рядомъ съ царемъ, по лѣвую сторону, на престолѣ же, сидѣлъ его старшій сынъ и наслѣдникъ царевичь Ѳедоръ Алексѣевичь, который теперь впервые принималъ участіе въ торжественномъ посольскомъ пріемѣ.

Объявленіе посланниковъ, спросы о здоровьѣ, рѣчи и т. под.—все это мы опускаемъ, какъ непредставляющее ничего особеннаго противъ заведеннаго. Замѣтимъ только, что толмачъ, въ передачѣ государю рѣчей и отвѣтовъ посланниковъ, оказался не совсѣмъ твердымъ въ знаніи Славянскаго языка. Такъ что однажды, царь Алексѣй Михайловичь,—разсказываютъ сами посланники, — «яко госу-

дарь разсудный и въ дѣлахъ своихъ бодрый, разсмѣявся, отвѣщалъ, что толмачъ не то сказалъ ему, что̀ мы говорили; и толмачъ, пришедъ къ памяти, отвѣтъ нашъ лучше перетолмачилъ».

По обыкновенію, посланники подходили къ рукѣ государя и царевича: Руку государя поддерживалъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, а руку царевича—князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ. Послѣ того допущены были къ рукѣ и всѣ чиновники посольства. Посланники, въ донесеніи своемъ въ Вѣну, писали, что «царское величество такую милость великую показалъ, что даже и священникъ ихъ къ рукѣ былъ припущенъ, чего никогда прежде того не бывало въ обычаю, и только Русской вѣры священниковъ мочно было допустить до такой чести».

Цѣлованіе рукъ продолжалось весьма долго и царь Алексѣй Михайловичь, чтобъ не утомить посланниковъ, велѣлъ подать имъ длинную лавку, покрытую шелковыми и золотными коврами. Усѣвшись на лавкѣ, они принялись разсматривать палату. По ихъ словамъ, вся она была выписана и обита большими стѣнными коврами, какіе привозятъ

изъ Голландской земли. Въ палатѣ было всего пять большихъ свѣтлыхъ оконъ.

При поднесеніи государю посольскихъ даровъ, одинъ изъ дьяковъ громко называлъ каждую вещь. Секретарь посольства Лизекъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ спокойно разсматривалъ каждую вещь и весело улыбался... Дѣйствительно было смѣшно: «Часы серебряные съ камѐньемъ»! выкрикивалъ дьякъ по списку, а предъявляли мѣдные золоченые часы, серебра же въ нихъ было только репья сканы. «Лохань съ рукомойникомъ серебряные съ каме́ньемъ же»! А подавали хрустальную лохань, оправленную серебромъ съ финифтью и такой же рукомойникъ съ кровлей, у которой травка была сломана, и такъ далѣе.

Царя и всѣхъ присутствовавшихъ разсмѣшилъ также и такой случай. Посланники еще оставались въ палатѣ, какъ вдругъ, двери въ смежный покой распахиваются и всѣ видятъ предъ собою царицу Наталью Кирилловну, внимательно слѣдившую въ дверную щель за всѣмъ, что̀ происходило въ пріемной палатѣ. То была проказа маленькаго царевича Петра: онъ такъ расшалился, что

нарочно толкнулъ ногою двери, и тѣмъ предоставилъ цесарскому посольству рѣдкій случай увидѣть такъ близко царицу Московскую.

Цесарскіе посланники, выходя послѣ аудіенціи изъ дворца, говорили приставамъ, что «великій государь и царевичъ, на своихъ государскихъ престолѣхъ сидѣли зѣло свѣтлы, что въ государскихъ хоромахъ всякой урядъ зѣло строенъ и что государскіе бояре и думные и иные ближніе чиновные люди добрѣ нарядны». Особенно понравились посланникамъ рынды: «Сему чину—сказали они—пристойно быть при великихъ государяхъ, и такихъ чиновъ и урядства ни въ которыхъ иныхъ государствахъ мы не видѣли».

Послы Римскаго цесаря уѣхали изъ Москвы 28 октября. На ихъ отпускной аудіенціи стояли рындами опять Борисъ Петровичъ и Ѳедоръ Петровичъ Шереметевы. Оба они были въ ферезяхъ обьяринныхъ на соболяхъ [183].

---

[183] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. V. Спб. 1858. столб. 137—140. 157—159. 168—170. 172. 173. 183. 301 и 350.

ГЛАВА IX.

Пора вспомнить о нашемъ Крымскомъ плѣнникѣ бояринѣ Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, о которомъ не было случая говорить со времени возвращенія въ Москву изъ Крыма, 15 іюля 1672 года, посланника Василья Ѳедоровича Шишкина. Послѣ того, въ 1673 году, къ Василью Борисовичу послано было, съ его человѣкомъ Григорьемъ Бибиковымъ, государево жалованье, на пропитаніе, соболей на 200 рублей, но посылку эту не довезли до него: ее пограбили въ дорогѣ Запорожскіе казаки[184]. Потомъ разнесся слухъ, будто бы Василій Борисовичъ умеръ въ Крыму. Слухъ этотъ пошелъ отъ пріѣхавшаго изъ Гоголева въ Кіевъ, 5 февраля 1674 года, по-

---

[184] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1673 г. Связка 61. № 2.

па Исаакія Васильева, который въ разспросѣ сказалъ: «Пришелъ де въ Гоголевъ изъ Турской земли полоняникъ, Львовскій житель—попъ, и сказывалъ ему, Исаакію, что бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ въ Крыму преставился, прошлаго 1673 года, въ Бахчисараѣ. И тотъ де попъ въ то число и на похоронахъ былъ» [185]. Затѣмъ, въ описываемомъ 1675 году, 24 февраля, прибыли въ Москву бѣжавшіе изъ Крыма полоняники, боярскіе люди Бориса Ивановича Морозова и Василья Борисовича Шереметева, а съ ними Крымскій татаринъ, вышедшій «собою» на государево имя. Всѣхъ ихъ прислалъ въ Москву гетманъ Иванъ Самойловичъ. По указу государя, бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ и думный дьякъ Посольскаго Приказа Григорій Богдановъ разспрашивали боярскихъ людей и татарина, каждаго порознь, про всякія вѣсти: что̀ въ Крыму дѣлается, куда ханъ собирается идти войною, сколь въ Крыму людно, много ли тамъ Турскихъ людей, не было ли въ Крымъ присылки отъ гетмана Запорожскаго или письма отъ Петра Дорошенка и такъ да-

---

[185] Синбирскій Сборникъ. М. 1844 (Малороссійскія дѣла, стр. 95).

лѣе [186]. Ничего не спрашивали только о Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что въ Москвѣ забыли о немъ. Напротивъ того, именно въ это самое время, сколько извѣстно, велись какія то таинственныя сношенія съ удалымъ горскимъ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ, извѣстнымъ своею отчаянною попыткою, еще при жизни его дяди князя Григорья Сунчалеевича Черкасскаго, вывезти Василья Борисовича Шереметева изъ Крыма «тайнымъ обычаемъ» [187].

Трудно допустить, чтобы дѣло освобожденія изъ плѣна Василья Борисовича Шереметева не лежало тяжкимъ бременемъ на душѣ царя Алексѣя Михайловича. Не могъ же онъ лично относиться совсѣмъ безразлично къ несчастію и страданіямъ своего заслуженнаго боярина, котораго самъ же называлъ нѣкогда «добронадежнымъ архистратигомъ», «архистратигомъ земного воинства великаго Царя царемъ небеснаго» и тому подобное [188].

---

[186] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1275 и 1276.

[187] Родъ Шереметевыхъ. VI. 269.

[188] Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 751.

Въ каждой грамотѣ царь Алексѣй Михайловичь обнадеживалъ Василья Борисовича Шереметева своею государскою милостію, которая де николи премѣнна не будетъ. Правда, на дѣлѣ все ограничивалось однѣми лишь подачками; самое же искупленіе изъ плѣна не подвигалось ни на волосъ впередъ. Всю вину обыкновенно слагали на Татаръ, на ихъ неуступчивость, на ихъ жадность. Лица, непосвященныя въ суть дѣла, могли даже думать, что Крымцы, дѣйствительно, нарочно тянули дѣло выкупа, что имъ де гораздо выгоднѣе постоянно держать у себя въ плѣну, какъ бы въ залогѣ, такого знатнаго боярина Московскаго государства. Но Крымцы, весьма твердо говорили, чтобъ высылали положенную окупную сумму и что тогда они отправятъ Шереметева на размѣнное мѣсто. Изъ понятной опасливости, они требовали только, чтобъ мѣсто размѣны назначили поближе къ нимъ, на Донцѣ, такъ какъ впереди Валуекъ у насъ вновь настроено было много городовъ, селеній и деревень, и Валуйки де «отъ нихъ удалѣли». А съ нашей стороны, твердили все одно и то же, что кромѣ Валуекъ, нигдѣ размѣнѣ не бывать.—Въ такомъ случаѣ и мы—гово-

рили Татары—объявляемъ вамъ, что кромѣ Донца, нигдѣ не быть размѣнѣ нынѣ и впредь. Такъ что Селимъ-Гирей, въ послѣдней грамотѣ, уже вовсе и не говорилъ о мѣстѣ размѣны.

Весьма вѣроятно, что у Московскаго правительства просто не было денегъ въ такомъ количествѣ, чтобы можно было свободно внести столь значительную по тому времени сумму, какая положена за выкупъ Шереметева. По крайней мѣрѣ, по подсчету боярина Матвѣева, въ государственной казнѣ оставалось тогда въ наличности всего «сто осьмдесятъ двѣ тысячи золотыхъ и ефимковъ и денегъ мелкихъ» [189]. Чтобъ показать, до какихъ крайностей доводила Московское правительство скудость средствъ, приводимъ цѣликомъ слѣдующую справку изъ дѣлъ, учиненную уже въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича: «Въ прошломъ во 176 (1667) году, октября въ 9 день, прислалъ въ Посольскій Приказъ преосвященный Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, по душѣ боярина Бориса Ивановича Морозова жены ево боярыни Анны Ильи-

---

[189] Исторія о невинномъ заточеніи. Изд. 2. М. 1781. стр. 73.

чны, изъ ея животовъ, полоняникомъ, которые въ Крыму, Григорью Булгакову съ товарыщи, 11-ти человѣкамъ, на окупъ, 20.000 ефимковъ. Да октября жъ въ 24 день, прислалъ въ Посольскій же Приказъ Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, по душѣ боярыни жъ Анны Ильичны, изъ ея животовъ, на окупъ боярина Василья Борисовича Шереметева, 10.000 ефимковъ. И въ томъ же во 176 году, по указу блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, тѣ ефимки, что присланы полоняникомъ на окупъ 20.000 и чтò на окупъ же боярина Василья Борисовича Шереметева 10.000, отданы Польскимъ и Литовскимъ великимъ посломъ Станиславу-Казимеру Беневскому съ товарыщи, по Андрусовскому договору, на удовольствованіе шляхтѣ выгнанцомъ, въ миліонъ въ дополнку» [190].

Вотъ почему кажется, что царь Алексѣй Михайловичь могъ придти къ мысли о возможности повторенія попытки вывезти Шереметева изъ Крыма «тайнымъ обычаемъ», особенно если на это вызывался самъ князь Кас-

[190] Московскій Главный Архивъ Министерства Юстиціи: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 147 на обор.

пулатъ Муцаловичь Черкасскій. Вѣдь это стòило бы много дешевле окупа...

Такъ или иначе, но въ описываемое время, въ Москвѣ, весьма ласкали не только самого князя Черкасскаго, но и его узденей, безпрестанно пріѣзжавшихъ туда съ отписками князя. Отписки эти немедленно препровождались въ походъ къ государю, въ мѣсто его пребыванія. Уздени возвращались назадъ непремѣнно съ царскими грамотами къ князю, содержаніе коихъ составляло большую тайну. Еще 9 апрѣля 1675 года, государь указалъ очистить къ пріѣзду князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго дворъ Василья Лаврентьевича Пушечникова; а узденямъ отводились посадскіе дворы за Москвой рѣкой.

О томъ, съ какимъ уваженіемъ относились тогда въ Москвѣ къ князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому, съ какими почестями принимали его, можно видѣть изъ тѣхъ свѣдѣній, какія имѣются объ его пріѣздѣ туда, напримѣръ, 3 іюня 1675 года. Государь былъ тогда въ селѣ Воробьевѣ. Какъ только онъ узналъ о пріѣздѣ князя Черкасскаго, тотчасъ же послалъ изъ похода въ Москву, къ боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, нарочнаго

конюха, чтобъ онъ, бояринъ, самъ отправился во дворъ къ князю Черкасскому и велѣлъ ему быть къ нему, государю, къ рукѣ, въ село Воробьево, вмѣстѣ съ своими узденями и съ привезеннымъ имъ Ногайскимъ мурзою, и чтобъ Матвѣевъ тотчасъ, не мѣшкавъ, ѣхалъ къ тому пріему въ Воробьево же.

На другой день, 4 іюня, князь Каспулатъ Муцаловичь, въ сопровожденіи назначеннаго къ нему пристава, дворянина Лукьяна Ивановича Писарева, выѣхалъ въ Воробьево на лошадяхъ, присланныхъ со всѣмъ нарядомъ съ царской конюшни. Впереди князя ѣхало 30 человѣкъ конюшеннаго чина, а позади него уздени и горскіе Черкасы, которые пріѣхали съ нимъ, человѣкъ съ 50. Въ Воробьевѣ, государь, окруженный боярами, окольничими, думными людьми и стольниками, принималъ князя Каспулата Муцаловича въ шатрахъ, а на стойкѣ стоялъ въ строѣ приказъ Московскихъ стрѣльцовъ съ пушками. Въ шатры князь Черкасскій позванъ былъ посольскимъ дьякомъ Емельяномъ Украйнцовымъ, а объявлялъ его и ставилъ къ рукѣ бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, который, по указу государя, спрашивалъ князя о здоровьѣ и по-

садилъ его противъ государя, на особой скамейкѣ, «опричённо бояръ», гдѣ обыкновенно садятся царевичи. Государь потчивалъ князя Черкасскаго краснымъ медомъ, а ковшъ съ медомъ подносилъ послѣднему стольникъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Потомъ, государь пожаловалъ князю Черкасскому: кубокъ да шубу золотную на соболяхъ въ 200 рублей, шапку горлатную, 40 паръ соболей да 100 рублевъ денегъ. А на отпускѣ, 9 іюня, князю Черкасскому пожалована была другая шуба на соболяхъ, золотная жъ, въ 300 рублевъ, двѣ камки разныхъ цвѣтовъ, «арганы» да два кречета [191].

Послѣ того о князѣ Каспулатѣ Муцаловичѣ Черкасскомъ не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу до поздней осени. 1 ноября, царь Алексѣй Михайловичъ получилъ отъ князя Черкасскаго, изъ Запорожья, отписку, которая достаточно выясняетъ, что предметомъ тайныхъ совѣщаній съ нимъ былъ именно «промыслъ надъ Крымомъ». «По твоему, великаго государя, указу»,—писалъ князь

---

[191] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1272. 1326. 1339. 1364. 1387. 1395 — 1397. 1427. 1428. 1431 — 1436. 1440. 1454. 1455. 1458 и 1463.

Черкасскій,—«случась на Запорожьѣ съ твоими, великаго государя, ратными людьми и съ атаманомъ Иваномъ Сѣркомъ и съ войскомъ Запорожскимъ и съ Калмыцкимъ мазаномъ Батыремъ, ходили мы на твою, великаго государя, службу для промысла въ Крымъ, черезъ Гнилое море [192], за Перекопь. И были у Каменнаго мосту, и заставы, которыя поставили Крымскіе салтаны провѣдавъ о приходѣ нашемъ, сбили и Крымскихъ людей побили многихъ, и бунчукъ и шатры взяли, и Крымскіе улусы повоевали. А какъ, учиня тотъ промыслъ, пошли мы изъ Крыму назадъ и пришли къ Перекопѣ, и на насъ приходили Крымскіе три салтана со многими ратными людьми, и былъ у насъ съ ними бой и на томъ бою ихъ побили да въ полонъ взяли Батыршу мурзу Мансурова и иныхъ Татаръ, и отъ Перекопи отошли къ Запорожью со всѣми твоими, великаго государя, ратными людьми въ цѣлости» [193]. Такимъ образомъ, и новыя попытки князя Черкасскаго вывезти Василья

[192] То-есть, Сивашъ, — заливъ Азовскаго моря, соединенный съ нимъ посредствомъ узкаго пролива Геническаго.

[193] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. № 100. стр. 326. столб. 2 и стр. 327. столб. 1.

Борисовича Шереметева изъ Крыма «тайнымъ обычаемъ», составлявшая существенную часть предпринятаго имъ «промысла надъ Крымомъ», не имѣла успѣха. И на этотъ разъ все было разсчитано, какъ слѣдуетъ. Неизмѣнно опускалось изъ виду лишь одно, что Крымцы были большіе мастера хоронить свой ясырь, особливо же цѣнный. Для этого у нихъ слишкомъ достаточно было подземелій уже въ одномъ Жидовскомъ городкѣ.

2 декабря 1675 года, послѣ набѣга князя Черкасскаго на Крымскіе улусы, Василій Борисовичь Шереметевъ, по его выраженію, «волочился» изъ Жидовскаго городка въ Бахчисарай, къ ханову ближнему человѣку Батырьагѣ и сказалъ ему: «Мучюсь я у васъ въ неволѣ многія лѣта: въ семъ году, въ октябрѣ мѣсяцѣ минуло пятнадцать лѣтъ. А и нынѣ я съ голоду помираю, и нагъ, и въ заточеньѣ своемъ сижу. Упроси ханово величество объ отпускѣ человѣка моего, чтобъ, по прошенію моему, ханово величество пожаловалъ меня, велѣлъ мнѣ отпустить къ Москвѣ человѣка моего, который пріѣхалъ ко мнѣ съ Москвы еще при Аадиль-Гиреѣ ханѣ, тому шесть лѣтъ».

Но Батырь-ага просьбу Шереметева отклонилъ. «Нынѣ,—сказалъ онъ,—ханово величество не изволитъ отпустить къ Москвѣ человѣка твоего. А что ты гибнешь у насъ въ неволѣ, и то не отъ насъ, а отъ себя самого, что не окупаешься многія лѣта... Вотъ, нынѣ бьемся мы съ Поляками и воюемъ ихъ, да не только воюемъ, но и живемъ у нихъ, въ Польшѣ, безпрестанно; емлемъ Поляковъ на бояхъ, въ войнѣ, а въ домахъ — ихъ женъ и дѣтей, а въ Крымъ, въ неволю, никогда не возимъ ихъ. Для чего? Для того, что Поляки себя и женъ своихъ и дѣтей окупаютъ тамъ же, гдѣ кто будетъ взятъ, да и размѣна у нихъ бываетъ безпрестанно». Затѣмъ, Батырь-ага, помолчавъ, продолжалъ: «А я тебѣ, боярину, дѣлаю дружбу свою, упрашиваю о тебѣ у ханова величества, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ тебя отпустить на окупъ. И по моему прошенію, ханово величество пожалуетъ, отпуститъ тебя на окупъ, какъ окупъ твой будетъ привезенъ на Донъ. Какъ будетъ подлинно вѣдомо ханову величеству про окупъ твой, куда онъ привезенъ будетъ, и ханово величество отпуститъ тебя на окупъ, не задержавъ. И тебѣ бъ, боярину, слыша отъ меня о увольненіи изъ

неволи своей, писать своему государю, чтобъ онъ пожаловалъ, велѣлъ изъ неволи окупить тебя».

Въ заключеніе ближній человѣкъ Батырь-ага сказалъ Шереметеву, чтобъ онъ поторопился приготовить отписку къ государю.

Василій Борисовичь, на другой же день, 3 декабря, принесъ Батырь-агѣ свою отписку къ государю, въ которой, изложивъ весь разговоръ свой съ ближнимъ человѣкомъ, продолжалъ такъ: «И у тебя, праведнаго и милосердаго великаго государя, милости прошу я, холопъ твой убогой и плѣнной и нужетерпецъ и заточенной многолѣтной, помилуй убогова холопа своего, для Бога и для Пречистой Богородицы и для своего государскаго многолѣтнаго здоровья и для своей государевы благовѣрныя царицы и великія княгини Натальи Кирилловны, государыни нашей, и для своихъ благородныхъ чадъ, благовѣрныхъ царевичей государей нашихъ Ѳеодора Алексѣевича, Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича, и для своихъ государскихъ сестеръ и дочерей, благовѣрныхъ царевенъ, государыней нашихъ, многолѣтнаго здоровья, пожалуй, государь праведный и милосердый, вели меня, плѣн-

наго холопа своего окупить и своимъ государевымъ жалованьемъ изъ неволи многолѣтней уволить. По милости своей государской, укажи послать свое государское жалованье окупъ мой и что̀ есть собраннаго у женишки моей, на Донъ, или въ Запороги, или въ Каневъ. А какъ по милости твоей и по милосердому твоему государскому указу, посланъ будетъ окупъ мой и въ которое мѣсто ты укажешь послать, и о томъ у тебя, великаго государя, милости прошу, умилосердися, пожалуй меня, укажи отписать ко мнѣ, куды окупъ за меня посланъ будетъ» [194].

Батырь-ага взялъ у Шереметева отписку, велѣлъ прочитать ее и, по запечатаніи, послалъ ее съ своими людьми въ городки Крымскіе на Днѣпрѣ, въ Шахъ-Кермень, а оттуда въ Запороги, къ атаману Ивану Сѣрку.

Но отписка Василья Борисовича Шереметева уже не застала въ живыхъ царя Алексѣя Михайловича.

17 и 19 января 1676 года, царь Алексѣй Михайловичь принималъ посла Голландскихъ

---

[194] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79 г. Книга 59. № 28 на обор.—1674—77. Связка 62ª (1676 г. № 1).

Генеральныхъ Штатовъ, гостя Конрада Фанъ-Кленка. Это былъ послѣднiй церемонiальный прiемъ «тишайшаго». По словамъ очевидца, дворянина Голландскаго посольства Балтазара Койэта, царь Алексѣй Михайловичъ «былъ весьма роскошно одѣтъ и имѣлъ на головѣ красивую дорогую корону; въ правой рукѣ у него былъ скипетръ, а рядомъ съ нимъ, на скамеечкѣ, лежала держава на серебряной позолоченной треугольной пирамидѣ. Предъ трономъ лежалъ очень дорогой коверъ съ золотыми и серебряными узорами. Съ обѣихъ сторонъ царя стояло по два человѣка въ сѣрыхъ, цвѣта золы, дамасковыхъ (damaste) кафтанахъ, подбитыхъ соболями, и въ очень высокихъ шапкахъ изъ того же матерiала; въ рукахъ они держали за концы серебряные особаго рода топорики, откинутые на плечо, какъ будто они собирались рубить, а вокругъ шеи, груди и спины шли у нихъ очень большiя золотыя цѣпи, крестообразно перевитыя» [195]. То были рынды: съ правой стороны, стольникъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ

---

[195] Посольство Кунраада фанъ-Кленка (описанное дворяниномъ посольства Балтазаромъ Койэтомъ). Переводъ Александра Михайловича Ловягина. Изданiе Археографической Коммиссiи. Спб. 1900. стр. 403.

стряпчимъ; съ лѣвой стороны, стольникъ Ѳедоръ Петровичь Шереметевъ съ стряпчимъ же [196].

Койэтъ говоритъ, что 19 января, когда послы видѣли государя, онъ былъ еще «свѣжъ, здоровъ, и нельзя было ожидать ничего дурного». Но, на другой день, 20 января, царю Алексѣю Михайловичу уже недомогалось. Тѣмъ не менѣе, онъ велѣлъ сказать послу Кленку, чтобъ прислалъ къ нему мальчика изъ посольской свиты, о которомъ говорили, что онъ искусно играетъ на разныхъ инструментахъ. Мальчикъ, разумѣется, тотчасъ же прибылъ въ государевы хоромы, и игралъ въ присутствіи царицы Натальи Кирилловны и придворныхъ особъ. По словамъ Койэта, игра мальчика доставила «замѣтное удовольствіе царю Алексѣю Михайловичу, равно какъ и нѣкоторыя театральныя пьесы, сыгранныя въ присутствіи царскаго величества».

Между тѣмъ, болѣзнь государя развивалась, но это держали нѣкоторое время въ тайнѣ. Ближніе люди уже не отходили отъ больного, ни днемъ, ни ночью. Доктора говорили,

[196] Посольство Кленка. Спб. 1900. стр. CXXXVIII.

что у царя Алексѣя Михайловича была цынга, къ которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ присоединилась водянка, и что государя, человѣка очень тучнаго, никакимъ образомъ не удавалось убѣдить принять какое либо лекарство. А теперь, къ несчастію, царь Алексѣй Михайловичь еще простудился. Лихорадка съ каждымъ днемъ усиливалась. Къ ужасу окружавшихъ, государь, въ сильнѣйшемъ жару, вмѣсто всякихъ лекарствъ, пилъ только квасъ и при томъ такой холодный, что въ немъ плавали кусочки льда, которые онъ глоталъ. Для уменьшенія жара, царь Алексѣй Михайловичь держалъ въ рукахъ ледъ, который приказывалъ класть себѣ и на животъ. Немудрено, что послѣ всего этого болѣзнь обострилась до послѣдней степени, и 28 января уже потеряна была всякая надежда на выздоровленіе больного. Вечеромъ того же дня, государь, въ присутствіи патріарха Іоакима, причастился и соборовался. А 29 января, во вселенскую или родительскую субботу, наканунѣ «суднаго дня», въ 7 часовъ вечера, царь Алексѣй Михайловичь скончался, успѣвъ, незадолго до кончины, передать своему старшему сыну, царевичу Ѳедору Алексѣевичу, «скипетръ,

а съ нимъ и всѣ свои царства, владѣнія и земли» [197].

Кромѣ приведенныхъ свѣдѣній о болѣзни и кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, оставленныхъ намъ очевидцемъ, дворяниномъ Голландскаго посольства Койэтомъ, отыскались еще нѣкоторыя подробности объ этомъ въ одной современной рукописной тетрадкѣ, подъ заглавіемъ: «Возвѣщеніе отъ сына духовнаго къ отцу духовному». Авторъ ея—раскольникъ. Онъ, тоже какъ очевидецъ, писалъ изъ Москвы въ глухой раскольничій скитъ, къ своему духовному отцу: «Царя у насъ Алексѣя въ животѣ не стало, января [198] въ 29 число, въ нощи четвертаго часа [199], на 30-е число, въ субботу, противъ воскресенія [200]. А по Тріоди, тотъ день Страшнаго Суда. А скорбь та его, царя Алексѣя, взяла того же января назадъ, въ 23 числѣ. А какъ въ болѣзни той былъ, такъ говорилъ: Трепещетъ де и ужасается душа моя сего часа, что̀ по Тріоди судной день именуется. И спѣшили всяко со тща-

---

[197] Посольство Кунраада фанъ Кленка. Спб. 1900. стр. 430—431.

[198] Въ рукописи стоитъ: февраля. Но это, конечно, описка.

[199] Въ старину считали часы дня и ночи отъ восхожденія до захожденія солнца и наоборотъ.

[200] То есть, наканунѣ такъ называемаго суднаго дня.

ніемъ, какъ бы чѣмъ, хотя мало, помощь сотворити лекарствами и волшебными хитростьми, и, ничтоже успѣвъ, такъ уже взялись за Ризу Господню. Однако, смертнаго часа не отстали... А для болѣзни той, какъ хватало его, тѣшили всяко различными утѣшеніи, играми... Да что, батюшко, не мы вѣдь не чаяли смерти той: сами ему у себя въ книгахъ своихъ напечатали его безсмертнымъ. Есть у нихъ новая книга: Сабля Никоніянская. Они нарицаютъ ее Мечъ духовный, епископа Лазаря Барановича. Въ предисловіи книги пишетъ въ лицѣхъ царя того и царицу и чадъ всѣхъ ухищренно въ лицѣхъ. Тутъ же похвалу ему, бѣдный, приплелъ сице: Ты, царю державный, царствуеши здѣ, донележъ кругъ солнца... Имаши царствовати безъ конца. Слыши, государь, не мы затѣваемъ, сами о себѣ лжепророчествуютъ» [201].

Никонъ, узнавъ въ Ѳерапонтовѣ мона-

---

[201] Государственный Архивъ: Дѣла Тайной Экспедиціи (Разрядъ VII, № 1123). Тетрадка, изъ которой сдѣлана у насъ выписка, была найдена, въ октябрѣ 1747 года, въ домѣ крестьянина Устюжскаго уѣзда, Пермогорской волости, Василія Тарбакова, который въ разспросѣ сказалъ, что «тое тетрадку, назадъ тому года съ три, онъ взялъ въ раскольническомъ скитишкѣ, въ Устьянской Дмитріевской волости, у дяди своего раскольникомъ наставника Григорья Тарбакова».

стырѣ о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, «вздохнувъ вельми отъ сердца, прослезися» [202], и, указывая на висѣвшую картину Страшнаго Суда, сказалъ: «Тамъ будемъ судиться съ нимъ» [203].

---

[202] Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1871. стр. 91.

[203] Знаменскій. Руководство къ Русской Церковной Исторіи. Казань. 1870. стр. 274.

ГЛАВА X.

Въ морозное утро, 3 января, въ недѣлю мясопустную, тѣло царя Алексѣя Михайловича, покрытое обьярью серебряною, перенесли изъ государскихъ хоромъ въ царскую усыпальницу, Архангельскій соборъ. Тѣло несли, перемѣняясь, пятьдесятъ стольниковъ и въ числѣ ихъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ [204]. Впереди, послѣ иконъ, шли съ возженными свѣчами и дымящимися кадилами, священники и дьяконы, за ними пѣвчіе дьяки государевы и патріаршіе, пѣвшіе надгробное пѣніе, потомъ патріархъ Іоакимъ со властьми. Непосредственно за тѣломъ усопшаго царя, комнатные стольники несли въ креслахъ, обитыхъ чернымъ сукномъ, слабаго, болѣзненнаго четырнадцатилѣтняго юношу, съ не-

---

[204] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1641.

покровенною главою и въ «смирномъ» одѣяніи. Никому не приходилось объяснять, что то былъ новый государь, царь Θедоръ Алексѣевичь. Не приближенные только, но и въ народѣ уже знали, что царственный юноша обладалъ свѣтлымъ умомъ и что его превосходныя душевныя качества съ избыткомъ вознаграждали то, въ чемъ природа отказала его тѣлесному составу. Всѣ относились къ новому государю участливо, сочувственно. «Послѣ державы царя Алексѣя,—писалъ въ то время изъ Москвы уже знакомый намъ простолюдинъ-раскольникъ къ своему отцу духовному,—далъ намъ Богъ царя, сына ево Θеодора, млада суща верстою, да слышалъ отчасти, смысломъ ста́ра. Какъ то Богъ управитъ животъ и царство. Да ногами скорбенъ зѣло, отъ степеней тѣхъ вверхъ пухнетъ, уже мало и ходитъ; все въ креслахъ сидитъ, такъ и носятъ, куда изволитъ... Авось, молитвъ ради вашихъ, батюшко, и поборатель по истинѣ будетъ» [205].

Это мѣсто изъ письма очевидца можетъ быть принято какъ отзвукъ толковъ о новомъ

---

[205] Государственный Архивъ: Дѣла Тайной Экспедиціи. Разрядъ VII. № 1193.

государѣ въ народѣ, благоговѣйно взиравшемъ на дѣйствіе перенесенія тѣла царя Алексѣя Михайловича. Глядя на болѣзненнаго государя въ креслахъ, мысли невольно обращались къ сонму окружавшихъ его бояръ, сподвижниковъ отца его, посѣдѣвшихъ въ дѣлахъ государственныхъ. Всѣ они были тутъ налицо. Между ними находился и нашъ бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ. Всю эту ночь онъ пробылъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ приводилъ къ присягѣ царю Московскихъ и всякихъ чиновъ людей, которые въ то время прилучились въ Москвѣ [206].

Было о чемъ подумать ближнимъ боярамъ, слѣдовавшимъ при государѣ въ Архангельскій соборъ. Съ кончиною царя Алексѣя Михайловича, Нарышкины,—родные второй жены усопшаго, уступали свое первенствующее положеніе при дворѣ государевомъ Милославскимъ, изъ роду коихъ происходилъ, по матери, самъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ.

Шереметевы, какъ мы уже говорили, не приставали, ни къ той, ни къ другой придворной партіи, ни къ Нарышкинымъ, ни къ Ми-

---

[206] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 1640.

лославскимъ. Но ихъ сочувствіе склонялось скорѣе на сторону Нарышкиныхъ. Однимъ словомъ, Милославскіе не считали Шереметевыхъ своими людьми и, можетъ быть, имѣли даже нѣкоторое основаніе опасаться ихъ, по крайней мѣрѣ старѣйшаго и самаго вліятельнаго представителя этого древняго боярскаго рода, Петра Васильевича Большого Шереметева. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что не прошло и недѣли по воцареніи Ѳедора Алексѣевича, какъ, по указу великаго государя, Петру Васильевичу Большому Шереметеву было сказано быть воеводою въ Тобольскѣ, куда, по выраженію историка Сибири, обыкновенно опредѣляли правителей «изъ родовъ знаменитыхъ» [207]. Назначеніе во всякомъ случаѣ весьма важное, но нерѣдко оно имѣло характеръ и почетной ссылки, какъ это было, напримѣръ, при Годуновѣ, въ 1601 году, по отношенію къ двоюродному дѣду Петра Васильевича, Ѳедору Ивановичу Шереметеву. О случаѣ семъ долженъ былъ хорошо помнить зять Ѳедора Ивановича,—князь Никита Ивановичь Одоевскій. Онъ еще здравствовалъ и

---

[207] П. Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. М. 1838. стр. 113.

занималъ отвѣтственную должность начальника Аптекарскаго Приказа.

Какъ бы то ни было, но уже 12 февраля, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ былъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду въ далекую Сибирь. Въ этотъ день онъ приходилъ къ патріарху Іоакиму за благословеніемъ. Патріархъ принялъ Шереметева весьма милостиво и благословилъ его образомъ Владимірской Божіей Матери, «окладъ басменой, вѣнецъ рѣзной» [208].

Нѣсколько ранѣе назначенія Петра Васильевича Большого на службу въ Сибирь, куда тотъ отправился съ женою Анною Ѳедоровною и тремя младшими сыновьями, выѣхалъ изъ Москвы также племянникъ Петра Васильевича и тезка его, стольникъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ. Онъ былъ посланъ на воеводство въ Псковъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Миной Гробовымъ, и ему предоставлено было, въ письменныхъ сношеніяхъ съ Шведскими порубежными генералами и державцами, титуловаться «намѣстникомъ Галицкимъ» [209].

---

[208] Матеріалы для Исторіи города Москвы. Ч. I. М. 1884. стр. 996.

[209] Справка изъ дѣлъ Московскаго Архива Государственной Кол-

Такъ что изъ Шереметевыхъ остались въ Москвѣ только двое,—старшіе сыновья вновь назначеннаго Тобольскаго воеводы, стольники: Борисъ Петровичь и Ѳедоръ Петровичь.

Весьма естественно, болѣзненность новаго государя наиболѣе озабочивала его единоутробныхъ сестеръ-царевенъ и ихъ родныхъ Милославскихъ. Навѣрное имъ и принадлежалъ починъ принятія рѣшительныхъ мѣръ къ скорѣйшему разслѣдованію болѣзни царя Ѳедора Алексѣевича и опредѣленію способовъ ея излеченія. Это важное государственное дѣло всецѣло лежало на отвѣтственности начальника Аптекарскаго Приказа князя Никиты Ивановича Одоевскаго. Онъ и приступилъ къ нему еще до полусорочинъ по усопшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

14 февраля, князь Одоевскій, собравъ въ Аптекарскомъ Приказѣ главнѣйшихъ придворныхъ докторовъ и аптекарей, и объявивъ, что царь Ѳедоръ Алексѣевичь «скорбитъ ножками», по указу великаго государя, спрашивалъ собравшихся: «У всѣхъ ли у васъ межъ

легіи Иностранныхъ Дѣлъ, о службѣ предковъ графовъ Шереметевыхъ, пунктъ 8 (изъ бумагъ графа С. Д. Шереметева).

себя совѣтъ и любовь, и нѣтъ ли межъ вами какова несогласія»?

— «Между нами—отвѣтили доктора и аптекари—никакова несогласія и недружбы нѣтъ и имѣемъ межъ себя любовь. А какъ его государскую болѣзнь осмотримъ, и о лекарствѣ межъ себя учнемъ совѣтовать, какъ пристойнѣе и лучше».

На другой же день, 15 февраля, по докладу князя Одоевскаго, государь указалъ докторамъ, видѣть свои государскіе очи, въ своихъ царскихъ хоромахъ. Въ присутствіи патріарха Іоакима и комнатныхъ бояръ, доктора подробно осмотрѣли царя Ѳедора Алексѣевича и затѣмъ начался консиліумъ. Съ особеннымъ вниманіемъ выслушано было заключеніе знаменитаго въ то время врача Ягана Костеріуса (фонъ-Розенбурга старшаго), бывшаго лейбъ-медика короля Шведскаго Карла XI-го. Костеріусъ, отличавшійся «глубокою проницательностію» въ опредѣленіи болѣзни и въ прописываемыхъ имъ рецептахъ [210], сказалъ: «Его государская болѣзнь не отъ внѣшняго случая и ни отъ какой порчи, но отъ его, царскаго величества, природы, а именно та бо-

---

[210] Рихтеръ. Исторія Медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. стр. 239.

лѣзнь цынга. А та цынга была отца его, государева, въ персонѣ. И надобно великому государю давать внутрь лекарства противъ цынги легкія, которыя въ настоящемъ зимнемъ времени пристойно примать, а не проносныя и тяжкія. А какъ, дастъ Богъ, будетъ вешнее время, и въ то время способнѣе и зѣло пристойнѣе ему, великому государю, лекарства противъ той болѣзни примать, потому что въ то время травы изъ земли проникаютъ и кореніи прозябаютъ и лучшую мочь имѣютъ. А ножки его, государскія, надобно мазать мазью, которую нынѣ дѣлаютъ въ Аптекѣ, и сверхъ мази прикладывать пластырь. Кромѣ того, надобно написать образецъ, по которому его царское величество изволилъ бы свое кушанье и питье употреблять». Всѣ врачи въ общемъ согласились съ заключеніемъ Костеріуса. Лейбъ-медикъ Лаврентій Блюментростъ (отецъ), извѣстный въ Европѣ своею ученостію и опытностію въ медицинскихъ наукахъ [211], присовокупилъ отъ себя, что «государскую болѣзнь мочно, за Божіею помощію, вылечить лишь исподоволь,

---

[211] Рихтеръ. Исторія Медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. стр. 246.

а не скорымъ временемъ». А докторъ Стефанъ фонъ-Гаденъ находилъ, что «великому государю надобно сидѣть въ сухой ваннѣ». Аптекарь Яганъ Гутменшъ, соглашаясь съ тѣмъ, что болѣзнь государская есть цынга, сказалъ: «надобно прежде всего лечить тѣ части государской персоны, откуда та болѣзнь произошла, то-есть, печень, стомахъ и селезенку». Докторъ же Михайло Граманъ заявилъ, что онъ «совершенно государской болѣзни выразумѣть не можетъ, а мнитъ быть цынгу» [212].

Докторскій консиліумъ и, какъ послѣдствія его, систематическое леченіе царя Θедора Алексѣевича, также установленіе порядка домашней жизни государя по образцу, предписанному докторами, все это, разумѣется, извѣстно было лишь ближнимъ царскимъ людямъ. Для постороннихъ же лицъ, для людей, непосвященныхъ въ тайны Двора, видимо было лишь то, что все идетъ по заведенному при покойномъ государѣ порядку. Стольникъ Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ, сидѣвшій на воеводствѣ въ Псковѣ, видѣлъ по бумагамъ, что даже Артемонъ Сергѣевичь

---

[212] Замысловскій. Царствованіе Θедора Алексѣевича. Ч. I. Спб. 1871. Приложенія I-го, № 1.

Матвѣевъ, — глава Нарышкинской партіи, оставался, попрежнему, начальникомъ Посольскаго Приказа. Переписка съ Шереметевымъ велась изъ-за подьячаго Трифона Немчинова и толмача Посольскаго Приказа Ѳедота Ѳедорова, слѣдовавшихъ черезъ Псковъ, съ царскими грамотами, къ королю Англійскому Карлу II-му, къ курфюрсту Бранденбургскому Фридриху-Вильгельму и къ Голландскимъ Штатамъ [213]. «И вы бъ, —сказано было въ царской грамотѣ Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву и дьяку Минѣ Гробову, отъ 13 февраля, — давъ Немчинову и Ѳедорову подводы по подорожнымъ, изо Пскова отпустили ихъ за Свѣйской рубежъ на Ригу, противъ ихъ братьи иныхъ такихъ же посыльщиковъ. А котораго числа отпустите ихъ изо Пскова, и вы бъ о томъ къ намъ, великому государю, писали, а отписку велѣли подать въ Посольскомъ Приказѣ боярину нашему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да дьякамъ нашимъ» [214].

---

[213] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Томъ V. С.-Петербургъ. 1858. столб. 413 и слѣд.

[214] Тамъ же, столб. 456.

Любопытны наставленія, преподанныя въ Москвѣ подьячему Немчинову и толмачу Ѳедорову, какъ держать себя при чопорномъ Англійскомъ дворѣ. Въ Памяти, полученной ими изъ Посольскаго Приказа, накрѣпко приказывалось, чтобы они у короля Англійскаго «сидѣли за столомъ чинно и остерегательно и не упивались и словъ дурныхъ не говорили, а своихъ людей въ палату съ собою не имать, для того, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было, а велѣть имъ сидѣть въ другой палатѣ по тому жъ стройно; а бражниковъ и дураковъ на королевской дворъ не имать» [215].

Отъ 5 марта, стольникъ Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ и дьякъ Мина Гробовъ донесли государю, что того числа, они, давъ Немчинову и Ѳедорову государево жалованье, муку, крупу, толокно, сухари, ветчину и вина указное число, и снабдивъ ихъ подводами по подорожнымъ, отпустили изъ Пскова за Свѣйскій рубежъ, въ Ригу [216].

Да и находившійся въ то время въ Мо-

---

[215] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными Т. V. Спб. 1858, столб. 449.

[216] Тамъ же, столб. 458.

сквѣ посолъ Голландскихъ Штатовъ фанъ-Кленкъ не примѣтилъ никакихъ перемѣнъ въ нашемъ высшемъ государственномъ управленіи, по крайней мѣрѣ, до 11 іюня, когда онъ уѣхалъ изъ Москвы. Изъ обстоятельнаго и весьма подробнаго, почти изо дня въ день, Описанія пребыванія въ Москвѣ фанъ-Кленка, составленнаго двоpяниномъ посольства Балтазаромъ Койэтомъ, ясно видно, что за все это время, «у власти» оставались, попрежнему, четыре лица: князь Никита Ивановичь Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ, Богданъ Матвѣевичь Хитрово и Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ.

По случаю траура, фанъ-Кленкъ съ большимъ трудомъ добился наконецъ до представленія царю Ѳедору Алексѣевичу. Это было 14 апрѣля, въ среду Ѳоминой недѣли. Дворянинъ Койэтъ, въ своемъ Описаніи [217] говоритъ, что фанъ-Кленка и всѣхъ членовъ посольства разставили въ аудіенцъ-залѣ такъ, что «всѣ они могли видѣть его величество прямо въ лицо. Это былъ молодой государь,

[217] Посольство Кунраада фанъ-Кленка (описанное дворяниномъ посольства Балтазаромъ Койэтомъ). По переводу Александра Михайловича Ловягина. Спб. 1900. стр. 484 и 485.

довольно красивый, но, по болѣзни, съ лица немного желтый и одутловатый. Онъ сидѣлъ на тронѣ отца, покрытомъ чернымъ. Самъ его величество былъ одѣтъ въ черную дамастовую одежду, подбитую соболями. (Короны на головѣ его не было, ни также скипетра въ рукѣ; не видно было и державы) [218]. На головѣ государя была черная суконная шапка, подбитая соболями, а въ рукѣ чернаго дерева костыль, на который онъ часто опирался, такъ какъ былъ очень слабъ... Его царское величество спрашивалъ о здоровьѣ ихъ высокомощности господъ Генеральныхъ Штатовъ и его высочества принца Оранскаго, каждый разъ приподнимая шапку; это было ему такъ трудно, что боярину Одоевскому пришлось поддерживать его руку». Затѣмъ, фанъ-Кленкъ и всѣ члены посольства цѣловали руку его царскаго величества, которая, по словамъ Койэта, «была очень сильно надуше́на какимъ-то бальзамомъ».

---

[218] Заключенное въ скобки взято изъ донесеній фанъ-Кленка (См. Посольство. 5-е подстрочное примѣчаніе, на стр. 484).

ГЛАВА XI.

Во время представленія Голландскаго посольства царю Ѳедору Алексѣевичу,—говоритъ дворянинъ Койэтъ,—предъ государемъ, по обѣ стороны, стояли (рындами) «четыре господина, которыхъ мы раньше видѣли въ бѣлыхъ дамастовыхъ, подбитыхъ собольимъ мѣхомъ одеждахъ и съ топориками на плечахъ». Лица въ описанномъ одѣяніи, которыхъ Голландцы видѣли раньше, именно 17 и 19 января, были стольники Борисъ Петровичь и Ѳедоръ Петровичь Шереметевы съ стряпчими [219]. «Теперь эти господа—продол-

---

[219] Смотри выше, страница 168-я. Въ росписи, находящейся въ дѣлахъ Голландскаго двора (Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, книга № 9), сказано, что при упомянутомъ представленіи Голландскаго посольства, рындами были: Урусовы и Вельяминовы. По всѣмъ вѣроятіямъ, эта заранѣе составленная роспись была потомъ измѣнена, какъ это случалось нерѣдко.

жаетъ Койэтъ—были совершенно въ трауръ вплоть до топориковъ, которые были обтянуты чернымъ» [220].

Отецъ Бориса Петровича и Өедора Петровича, бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ, лишь 9 апрѣля, доѣхалъ наконецъ до мѣста своего новаго служенія, до города Тобольска, столицы Сибирскаго царства. Ему пришлось проѣхать, отъ Москвы до Тобольска, 2310 верстъ, на Ростовъ, Ярославль, Тотьму, Устюгъ, Лальскъ, Соликамскъ, Верхотурье и Туринскъ, «по зимнему пути, саньми» [221].

О назначеніи Петра Васильевича Шереметева на воеводство въ Тобольскъ узнали въ Сибири еще 23 февраля, когда прибылъ туда изъ Москвы стольникъ князь Тимоөей Аөанасьевичъ Козловскій приводить къ присягѣ новому государю, царю Өедору Алексѣевичу, предмѣстника Шереметева, Тобольскаго воеводу боярина Петра Михайловича Салтыкова съ товарищами, головъ, дворянъ, дѣтей

---

[220] Посольство Кунраада фанъ-Кленка (описанное дворяниномъ посольства Балтазаромъ Койэтомъ). По переводу Ловягина. Спб. 1900. стр. 484.

[221] Древняя Россійская Вивліоөика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 224.

боярскихъ, всякихъ чиновныхъ, служивыхъ и жилецкихъ людей и «весь народъ Тобольскаго града и всея Сибири» [222].

Вслѣдъ за княземъ Козловскимъ, въ Тобольскъ пришла (3 марта) грамота новаго государя, царя Ѳедора Алексѣевича, коею онъ пожаловалъ, велѣлъ отпустить изъ опалы, изъ Тобольска, находившихся тамъ ссыльныхъ: дьяка Посольскаго Приказа Ивана Савиновича Горохова, сосланнаго, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, за тайную переписку съ Донскими казаками; двухъ братьевъ Тихона и Авраама Дороѳеевичей Ельчаниновыхъ, сосланныхъ неизвѣстно за что́ незадолго до кончины царя Алексѣя Михайловича, и «Юрья сербянина»,—извѣстнаго Юрья Крижанича, автора любопытнаго сочиненія «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». Всѣхъ ихъ велѣно было отпустить къ Москвѣ [223], и они уѣхали изъ Тобольска 5 марта.

Четыре дня спустя (9 марта), выѣхалъ изъ Тобольска въ Москву, «со всѣмъ домомъ своимъ», и воевода Салтыковъ, не дожидаясь,

---

[222] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 221.

[223] Тамъ же, стр. 224.

согласно государеву указу, прибытія своего преемника Петра Васильевича Шереметева. А на воеводствѣ, вмѣсто Салтыкова, досиживалъ до перемѣны товарищъ его стольникъ Иванъ Ѳедоровичъ Пушкинъ съ дьяками [224].

Бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ, любившій появляться въ людяхъ съ торжественностію, приличествующею его сану, не доѣзжая пяти верстъ до Тобольска, остановился въ попутной деревнѣ Шишкинѣ и стоялъ здѣсь трое сутокъ. Сюда изъ города являлись къ нему «на поклонъ» замѣститель воеводы стольникъ Пушкинъ и дьяки, митрополичій приказный человѣкъ, съ благословеніемъ отъ митрополита Сибирскаго и Тобольскаго Корнилія, и градскіе чиноначальные люди. 9 апрѣля 1676 года, въ недѣлю Святыхъ Женъ Мироносицъ, Шереметевъ вступилъ въ «царствующій градъ» Тобольскъ. Начальники и весь народъ встрѣтили его за Знаменскимъ монастыремъ, у рѣки Иртыша. Стрѣльбы привѣтственной не было [225], и, конечно, только по случаю траура.

---

[224] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 223.

[225] Тамъ же, стр. 225.

Въ самомъ же Тобольскѣ Петра Васильевича Шереметева встрѣчали сыновья нѣкоторыхъ подчиненныхъ ему Сибирскихъ воеводъ, нарочно пріѣхавшіе «съ поклономъ» отъ своихъ отцовъ. Тутъ были: сынъ Сургутскаго воеводы, Иванъ Мироновичь Кологривовъ; сынъ Тюменскаго воеводы, Адріанъ Кирилловичь Загряжскій, сынъ Березовскаго воеводы Никифоръ Евсевьевичь Огаревъ. Съ поклономъ же и повидаться пріѣзжалъ также крестникъ Петра Васильевича, Леонтій Ѳедоровичь Хрущовъ, сынъ Верхотурскаго воеводы, стольника Ѳедора Большого Григорьевича Хрущова [226].

Послѣ долгаго и труднаго путешествія, Петръ Васильевичь Шереметевъ расположился наконецъ въ Тобольскомъ воеводскомъ домѣ, который, при его предмѣстникѣ, бояринѣ Петрѣ Михайловичѣ Салтыковѣ, освятился чудомъ отъ извѣстной Абалацкой иконы Знаменія Божіей Матери.

Нужно сказать, что жена Салтыкова, боярыня Елена Васильевна, заболѣла еще въ Москвѣ, въ 1672 году, и, не получивъ никакой помощи отъ тамошнихъ докторовъ, по-

[226] Древняя Россійская Вивліоѳика. III. М. 1788. стр. 225 и 226.

слѣдовала, въ 1674 году, за своимъ мужемъ, по мѣсту его службы, въ Тобольскъ. Здѣсь недуги боярыни усилились, и она, будучи при смерти, уже два раза соборовалась. Но вотъ, 8 іюля 1675 года, по порядку, установленному Сибирскимъ митрополитомъ Корниліемъ, въ Тобольскъ принесли на двѣ недѣли, изъ села Абалацкаго, чудотворную икону Знаменія Божіей Матери и поставили ее для поклоненія въ Тобольскомъ Софійскомъ соборѣ. Три дня спустя, прибылъ въ соборъ воевода Салтыковъ, съ своею больною женою, и заказалъ молебенъ. По возвращеніи домой, боярынѣ Еленѣ Васильевнѣ пришла мысль заказать для дома точную копію съ Абалацкой чудотворной иконы. Съ благословенія митрополита, лучшій Тобольскій иконописецъ Миронъ Кирилловъ написалъ красками точную копію съ иконы и, предварительно окончательной отдѣлки, принесъ ее напоказъ въ воеводскій домъ для выслушанія отъ заказчиковъ замѣчаній. Боярыня Елена Васильевна, увидѣвъ икону, была такъ поражена совершенствомъ работы и разительнымъ сходствомъ съ подлинникомъ, что пала ницъ предъ чуднымъ изображеніемъ, и, обливаясь слеза-

ми, просила у Божіей Матери исцѣленія отъ терзавшаго ее недуга. По вѣрѣ своей, она тутъ же почувствовала нѣкоторое облегченіе. Когда же воевода Салтыковъ, съ новаго благословенія митрополита Корнилія, принесъ совершенно отдѣланную икону къ себѣ въ домъ, въ сопровожденіи всего городского духовенства и при пѣніи священныхъ пѣснопѣній, то, при самомъ началѣ молебна, боярыня Елена Васильевна внезапно и навсегда исцѣлилась отъ тяжкихъ, многолѣтнихъ страданій. Все это бояринъ Петръ Михайловичь Салтыковъ почелъ священною обязанностію изложить въ особой запискѣ, которую и представилъ митрополиту Корнилію, а тотъ приказалъ внести содержаніе записки въ Книгу чудотвореній отъ Абалацкой иконы Божіей Матери, съ присовокупленіемъ къ сему молитвы своего сочиненія [227].

Въ такомъ-то благодатномъ домѣ поселился въ Тобольскѣ бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, съ своею супругою Анной Өедоровной и тремя младшими сыновьями: Васильемъ, Иваномъ и Владиміромъ.

---

[227] Сулоцкій. Описаніе наиболѣе чтимыхъ иконъ, находящихся въ Тобольской епархіи. Спб. 1864. стр. 59 и 60.

Бояринъ Салтыковъ, какъ мы уже говорили, уѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ изъ Тобольска, не дожидаясь перемѣны, то-есть, пріѣзда Шереметева. Конечно, онъ увезъ съ собою въ Москву и упомянутую копію съ иконы Знаменія Божіей Матери. Икона эта впослѣдствіи могла перейти въ Родъ Шереметевыхъ черезъ родную внучку Петра Михайловича и Елены Васильевны Салтыковыхъ, Анну Петровну, которая была второю женою Бориса Петровича Шереметева. Въ первомъ бракѣ, Анна Петровна была за Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, братомъ царицы Натальи Кирилловны.

Само собою разумѣется, для Петра Васильевича Шереметева не представляло никакихъ удобствъ, что ему пришлось принимать столь трудное воеводство, какъ Тобольское, не отъ самого воеводы,—предмѣстника своего, а отъ товарища его, стольника Ивана Өедоровича Пушкина. Отъѣздъ воеводы, «не дожидаясь перемѣны», не взирая на всю несообразность такого порядка, допускался въ теченіе цѣлаго столѣтія, и былъ безусловно воспрещенъ лишь при Петрѣ, въ 1696 году, когда постановлено, чтобы воеводы не вы-

ѣзжали изъ своихъ городовъ до пріѣзда преемниковъ, не отдавъ отчетовъ въ казенныхъ суммахъ и вещахъ [228].

Въ Тобольскѣ, какъ оказалось, числилось служилыхъ всякихъ чиновъ людей всего 2478 человѣкъ, въ томъ числѣ: 358 рейтаръ, 495 драгунъ, 465 стрѣльцовъ, 630 казаковъ, 256 служилыхъ Татаръ, 180 дѣтей боярскихъ, 38 недорослей дѣтей боярскихъ, 29 начальныхъ людей, 11 пушкарей, 10 толмачей (Татарскихъ, Калмыцкихъ и Остяцкихъ), 4 городовыхъ и острожныхъ воротниковъ, часовникъ, тюремный сторожъ и 2 палача. Налицо же состояло всего 1818 человѣкъ. Остальные 660 находились въ разныхъ служебныхъ посылкахъ: одни отправлены были въ Москву, съ ясачною казною, съ кречетами, Калмыцкими посланцами и съ иными государевыми дѣлами; другіе посланы въ Устюгъ Великій и въ Соликамской, для покупки всякихъ запасовъ на Сибирскіе расходы; третьи—въ Енисейскій острогъ, въ Мангазею, на Лену, въ Даурыи въ Томской, съ государевыми грамотами и отписками, съ зельемъ, свинцомъ и хлѣб-

---

[228] П. Словцовъ. Историческое Обозрѣніе Сибири. М. 1838. стр. 294.

ными запасами и въ провожатыхъ за ссыльными людьми. Болѣе половины отсутствовавшихъ, именно 360 человѣкъ, ушло съ посломъ за Тару, къ соляному Ямышъ-озеру, къ Калмыцкому тайшѣ. Въ составъ посольства входили: письменный голова, сотникъ стрѣлецкій, атаманъ казаковъ, трубачъ, сурначъ, литаврщикъ, Калмыцкій толмачъ, 3 пушкаря, 250 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ и 100 человѣкъ служилыхъ Татаръ.

Согласно воеводскому наказу, Петръ Васильевичь Шереметевъ провѣрилъ по книгамъ весь наличный составъ Тобольскихъ служилыхъ людей, точно такъ же, какъ и хранившіеся въ складахъ пищали, порохъ (зеліе), свинецъ и т. подобн. Всѣхъ пищалей оказалось налицо: 1 желѣзная (полуторная) и 18 мѣдныхъ; изъ послѣднихъ, три названы полковыми, одна—верховою, три—обозными, одна—гладкою, одна—девяти-пядною и одна —полуторною. Въ книгѣ при одной изъ полковыхъ пищалей отмѣчено, что она «лита въ Тобольску»; а при верховой пищали, что она «прислана отъ Уральскихъ горъ». Кромѣ означенныхъ пищалей, въ складѣ хранилась еще одна, о которой въ книгѣ сказано слѣдую-

щее: «Пищаль рваная желѣзная, ни къ чему не годитца, потому что была литая, и тое пищали обрывки отданы на государеву пивную поварню, для пивныхъ варь».

Въ Тобольскихъ складахъ хранилось еще: 315 пулекъ желѣзныхъ; 3058 желѣзныхъ же ядръ къ пищалямъ; 18 шеломовъ и шишаковъ; знамя китайчатое съ древкомъ; 580 стволовъ пищальныхъ, мушкетныхъ, карабинныхъ и пистольныхъ; три «слитка пансырныхъ горѣлыхъ». Далѣе: 22 аршина зеленаго сукна «что̀ обивали при посланцахъ посольскую избу»; 55 пудовъ селитры, 4 пуда сѣры горячей; 4272 пуда свинцу и 802 пуда зелья въ бочкахъ. Относительно зелья, въ книгѣ отмѣчено, что оно «во многихъ бочкахъ изъ давныхъ годовъ въ погребахъ испортилось и помокло и безъ перекруту тѣмъ зельемъ стрѣлять нельзя» [229].

Мы не могли доискаться свѣдѣній о томъ, въ какомъ положеніи нашелъ Шереметевъ Тобольскую денежную казну. Надо думать, что положеніе это было неудовлетворительное. Едва ли не первая служебная бумага,

---

[229] Тобольскъ. Матеріалы для Исторіи города XVII и XVIII столѣтій. М. 1885. стр. 32—34.

которую довелось прочитать Петру Васильевичу Шереметеву, какъ Тобольскому воеводѣ, была отписка Верхотурскаго воеводы стольника Ѳедора Большого Григорьевича Хрущова, въ отвѣтъ на отписку предмѣстника Шереметева, Тобольскаго воеводы боярина Петра Михайловича Салтыкова, полученную Хрущовымъ 4 апрѣля. Вотъ этотъ документъ, свидѣтельствующій о скудости Тобольской денежной казны и открывающій намъ, изъ какихъ источниковъ пользовались тогда Тобольскіе воеводы для покрытія расходовъ по дѣламъ неотложнымъ:

«Господину Петру Болшому Васильевичю, Ѳедоръ Болшой Хрущовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, господине, въ 184 (1676) году, апрѣля въ 4 день, писалъ ко мнѣ бояринъ и воевода Петръ Михайловичь Салтыковъ: по указу великихъ государей (такъ!), велѣти бъ мнѣ прислать денги, которыя есть на Верхотурьѣ въ присылкѣ изъ поморскихъ городовъ, за сошные хлѣбные запасы, съ нарошнымъ посылщикомъ, для того, что де на дощаничное дѣло... на тридцать на пять дощанниковъ, изъ Тоболска послать нечего... потому что въ сборѣ въ Тоболску денегъ ни-

чего нѣтъ... И въ нынѣшнемъ, господине, во 184 году, марта 5 да апрѣля 8... прислали (мнѣ) съ Устюга съ посаду и съ уѣзду, съ жилыхъ платежныхъ становъ и волостей, за Сибирскіе хлѣбные запасы, 1773 рубли... да Соливычегодцкой съ посаду и съ уѣзду... 723 рубли... И изъ тѣхъ присылныхъ Устюжскихъ денегъ на Верхотурьѣ въ казну великихъ государей вычтено, что дано по отпискамъ боярина и воеводы Петра Михайловича Салтыкова, изъ Верхотурскихъ доходовъ, въ зачетъ на Тоболскую покупку, 300 рублевъ денегъ, да преосвященнѣйшему Корнилію, митрополиту Сибирскому и Тоболскому, великихъ государей (такъ!) жалованья на нынѣшній на 184 годъ, 370 рублевъ, а затѣмъ, въ остаткѣ съ Устюга присылныхъ денегъ 1103 рубли. И тѣ Устюжскія и Соливычегоцкой денги, запечатавъ великихъ государей Верхотурскою печатью, послалъ я съ Верхотурья къ тебѣ, господине, въ Тоболескъ... апрѣля въ « » день»[230].

---

[230] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VII. Спб. 1859. № 16. стр. 103. Отписка Хрущову приведена съ выпусками тѣхъ мѣстъ, которыя въ данномъ случаѣ не имѣютъ значенія. Выпуски отмѣчены точками.

Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ пріѣхалъ въ Тобольскъ вмѣстѣ съ назначеннымъ къ нему письменнымъ головою Ѳедоромъ Петровичемъ Кохомъ, который, недѣлю спустя, былъ назначенъ воеводою въ Сибирскій городъ Тару, на мѣсто умершаго тамъ воеводы, письменнаго же головы Ивана Гавриловича Ушакова. Дьяки при Шереметевѣ были временные, впредь до указу: Ѳедоръ Перфильевичь Протопоповъ и Григорій Алексѣевичь Михайловъ. А товарищъ Петра Васильевича, стольникъ Иванъ Ивановичь Стрѣшневъ, прибылъ въ Тобольскъ, вмѣстѣ съ стряпчимъ Ѳедоромъ Петровичемъ Полѣновымъ, лишь 18 мая. Они слѣдовали лѣтнимъ путемъ, «дощаниками» [231].

Стольникъ Стрѣшневъ пріѣхалъ въ Тобольскъ въ то время, когда въ тамошнемъ воеводскомъ управленіи разрабатывался, подъ руководствомъ самого воеводы Шереметева, подробный наказъ Вавилѣ Тихоновичу Вындомскому, котораго Петръ Васильевичь отправлялъ, съ 55-ю служилыми людьми, къ низовьямъ рѣки Оби, для наблюденія за та-

---

[231] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 224 и 225.

моженнымъ сборомъ мѣстнаго таможеннаго головы и цѣловальниковъ, а также за торговыми, промышленными и всякими людьми, проѣзжавшими съ Руси, «черезъ Камень», [232] въ Сибирь и обратно. «А для того — сказано въ наказѣ — велѣно ему, Вавилѣ, смотрѣть надъ таможенными головою и надъ цѣловальники въ таможенномъ сборѣ, что у нихъ, нерадѣньемъ и корыстью ихъ, учалъ быти таможенной пошлины передъ прежними годы недоборъ большой». Выидомскому строго предписывалось, «никакія тѣсноты иноземцамъ не чинить, и служилымъ людемъ тѣснить ихъ не велѣть, чтобъ имъ однолично никакія обиды отъ нихъ не было».

Наказъ Шереметева, данный Выидомскому 21 мая 1676 года, относятъ къ числу «примѣчательнѣйшихъ историческихъ памятниковъ». Онъ оканчивается такъ: «Къ сему наказу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и государя благовѣрнаго царевича и великаго князя Іоанна Алексѣевича (тотъ же малый титулъ), и го-

---

[232] То-есть, Каменныя или Уральскія горы.

сударя благовѣрнаго царевича Петра Алексѣевича (тотъ же титулъ), печать Царства Сибирскаго города Тоболскаго приложилъ бояринъ и воевода Петръ Васильевичь болшой Шереметевъ» [233].

Такое сопоставленіе съ новымъ самодержцемъ, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, обоихъ его братьевъ, царевичей Іоанна и Петра, какъ бы соправителей его, мы уже видѣли и въ отпискѣ Верхотурскаго воеводы Хрущова.

Петръ Васильевичь Шереметевъ, удаленный, вслѣдъ за кончиной царя Алексѣя Михайловича, на службу въ Тобольскъ, будучи поглощенъ тамъ заботами по управленію и устройству порученнаго ему обширнаго Сибирскаго края, конечно, не могъ имѣть точныхъ свѣдѣній о тогдашнихъ Московскихъ дѣлахъ. Тѣмъ болѣе долженъ былъ поразить его разнесшійся позднимъ лѣтомъ по Сибири слухъ, что всесильный сановникъ усопшаго царя, начальникъ Посольскаго Приказа, боя-

---

[233] Акты Историческіе. Т. V. Спб. 1842. № 4 и Предисловіе, стр. I и II.—На приложенной къ наказу черновосковой печати Царства Сибирскаго изображены двѣ лисицы, стоящія на заднихъ лапахъ, и между ними обращенная книзу стрѣла.

ринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, назначенъ, «вмѣсто опалы», воеводою въ подчиненное Тобольску Верхотурское воеводство [234], на мѣсто стольника Ѳедора Большого Григорьевича Хрущова.

---

[234] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 229.

ГЛАВА XII.

Послѣ отъѣзда боярина Петра Васильевича Большого Шереметева на службу въ Сибирь, въ Москвѣ, собственно при Дворѣ, въ теченіе полугода, до самаго вѣнчанія царя Ѳедора Алексѣевича, все шло какъ будто бы попрежнему, какъ было при покойномъ государѣ. Дѣйствительно, особенныхъ перемѣнъ не примѣчалось. Оставался нѣкоторое время на своемъ мѣстѣ и «другъ» тишайшаго царя «Сергѣичь», въ важномъ санѣ великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя. Матвѣевъ все еще былъ «зѣло угоденъ» и новому государю, и «безъ всякой отмѣны, по высокой царскаго величества къ нему милости», попрежнему, приходилъ съ докла-

дами по Посольскому Приказу въ Комнаты государевы[235].

Въ Верху всѣ были озабочены болѣзнію новаго государя. За больнымъ ухаживали три тетки его, царевны Ирина, Анна и Татьяна Михайловны, и шесть цвѣтущихъ возрастомъ и здоровьемъ единоутробныхъ сестеръ-царевень, со всею ихъ роднею Милославскими. Больше всего суетилась давняя приверженица роду Милославскихъ, бывшая мама Ѳедора Алексѣевича, вдовая боярыня Анна Петровна Хитрово, имѣвшая большой вѣсъ при дворѣ своего питомца. Она была сродницей оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, также сохранившаго свое вліятельное положеніе и при молодомъ государѣ. О самомъ Хитрово говорятъ, что онъ былъ «умомъ и совѣстію простой и добрый человѣкъ»[236], отличался «кротостью и привѣтливостію» и неутомимо ходатайствовалъ за несчастныхъ, припадавшихъ къ милосердію государя[237]. Сродница же его, боярыня Анна Петровна Хитрово, ри-

---

[235] Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Изд. 2. М. 1785. стр. 384.

[236] Судебникъ царя Іоанна Васильевича. М. 1768. стр. 35 (Примѣчаніе В. Н. Татищева, б).

[237] Сѣверный Архивъ. Ч. 17. № 20. Спб. 1825. стр. 313.

суется современниками въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Нося образъ постницы, святоши, она была «зѣло продерзостною и злоненавистною» ссорщицею, и, какъ говорятъ, была одною изъ начальныхъ причинъ розни Милославскихъ и Нарышкиныхъ, поддерживая семейную вражду ушничествомъ и ложными наговорами [238]. Горячо любя своего царственнаго питомца, боярыня Хитрово ненавидѣла всѣми силами своей страстной природы царицу Наталью Кирилловну, ея царевича Петра, съ ними всѣхъ Нарышкиныхъ и прежде всего ихъ вдохновителя Артемона Сергѣевича Матвѣева. Современникъ, изъ сторонниковъ Нарышкиныхъ, говоритъ, что Анна Петровна Хитрово во всемъ уподоблялась «древней и окаянной Езавели, иногда алкавшей крови святаго пророка Иліи во Израили» [239].

Въ многочисленномъ женскомъ персоналѣ, окружавшемъ царя Ѳедора, кромѣ боярыни Анны Петровны Хитрово, была еще

---

[238] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 496.

[239] Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева. Изд. 2. М. 1785. стр. 387.

особа, дѣйствительно замѣчательная, это—средняя сестра его, царевна Софья Алексѣевна. Ни одинъ изъ существующихъ портретовъ ея не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Французскій дипломатическій агентъ Нёвиль, видѣвшій царевну Софью нѣсколько времени спустя, такъ описываетъ ея наружность и качества: Царевна «необыкновенно толста, съ головою огромною, какъ подушка; на лицѣ ея ростутъ волосы, на ногахъ наросты. Но насколько талія ея широка, настолько тонокъ, ясенъ и искусенъ ея умъ» [240]. Уму и способностямъ царевны Софьи Алексѣевны отдавали полную справедливость и ея недоброжелатели. Такъ, сынъ Матвѣева говоритъ о ней въ такой риторической формѣ: «великаго ума и самыхъ тонкихъ проницательствъ, больше мужеска ума, исполненная дѣва» [241]. А Карамзинъ прямо говоритъ, что Софья «есть одна изъ великихъ женщинъ, произведенныхъ Россіею» [242].

Царевна Софья Алексѣевна была близка

---

[240] Погодинъ. Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. М. 1875. (Изслѣдованія, стр. 85).

[241] Тамъ же, стр. 18 (Изслѣдованія).

[242] Сочиненія. Т. I. Спб. 1848. стр. 570.

Θедору Алексѣевичу, между прочимъ, и по общности воспитанія и сложившихся идеаловъ, воспріятыхъ отъ общаго наставника Западно-Русскаго монаха Симеона Полоцкаго,—«просвѣщеннѣйшаго мужа своего времени, богослова и стихотворца» [243]. Въ этомъ воспитаніи конечно преобладалъ элементъ церковный... Но церковность Симеона Полоцкаго не могла быть по душѣ, напримѣръ, такимъ строгимъ ревнителямъ Православія, какимъ былъ патріархъ Іоакимъ. Отъ нея вѣяло латинствомъ. Не даромъ же ходилъ слухъ, что Симеонъ Полоцкій былъ воспитанникомъ іезуитовъ [244]. Черезъ Симеона Полоцкаго въ царскую семью проникало западное, преимущественно Польское вліяніе. Отсюда расположеніе Θедора Алексѣевича къ иностранцамъ, особенно къ Полякамъ [245]. Какъ онъ, такъ и царевна Софья знали Польскій языкъ. Лазарь Барановичъ, въ предисловіи къ напечатаннымъ имъ, въ 1670 году, по-Польски, Житіямъ Святыхъ, прямо говоритъ: «Из-

---

[243] Карамзинъ. Сочиненія. Т. I. Спб. 1848. стр. 571.

[244] Л. Н. Майковъ. Симеонъ Полоцкій: Древняя и Новая Россія. Спб. 1875. Т. III. № 10. стр. 124. столб. 2.

[245] Замысловскій. Царствованіе Θедора Алексѣевича. Ч. I. Спб. 1871. стр. 207.

дахъ языкомъ Ляцкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичь, не точію нашимъ природнымъ, но и Ляцкимъ языкомъ чтетъ книги» [246]. Что же касается до природнаго Русскаго языка, то и Ѳедоръ Алексѣевичь, и царевна Софья Алексѣевна владѣли имъ въ такомъ совершенствѣ, что первый изъ нихъ, по словамъ Татищева, «великое искусство въ поэзіи имѣлъ и весьма изрядные вирши складывалъ», а царевна Софья, по свидѣтельству Карамзина, писала трагедіи и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Онъ «читалъ въ рукописи одну изъ ея драмъ» [247].

Царь Ѳедоръ Алексѣевичь обучался у Симеона Полоцкаго также Латинскому языку, и хотя не былъ столь свѣдущъ въ немъ, какъ старшій братъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичь, однако, по словамъ Татищева, «въ Псалтири, стихотворно переложенной Симеономъ Полоцкимъ», Ѳедоръ Алексѣевичь переложилъ «многіе стихи и особливо псалмы 132 и 145, которые въ церкви при немъ всегда пѣвали» [248].

---

[246] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. столб. 806 и 807.

[247] Карамзинъ. Сочиненія. Т. I. Спб. 1848. стр. 570.

[248] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. столб. 807. Подстрочное примѣчаніе 1.

Во всякомъ случаѣ, царь Ѳедоръ Алексѣевичь и царевна Софья Алексѣевна, по меньшей мѣрѣ, были люди любознательные, книжные, и этимъ они всецѣло обязаны своему наставнику старцу Симеону Полоцкому. Но, къ сожалѣнію, если царь Ѳедоръ Алексѣевичь страдалъ болѣзнями, не поддававшимися леченію, то и царевна Софья одержима была своимъ недугомъ, тоже неисцѣлимымъ: она была необузданно властолюбива. Софьѣ Алексѣевнѣ было душно въ скромномъ теремѣ Русской царевны. Начитавшись книгъ по Исторіи Византійскаго Двора, она увлекалась блестящей судьбой Греческой царевны Пульхеріи, выхватившей власть изъ слабыхъ рукъ своего брата. Жажда политической роли мутила свѣтлый умъ царевны Софьи. Ухаживая за больнымъ братомъ, она не могла не видѣть, что онъ недолговѣченъ. Что же будетъ, въ случаѣ его кончины! Вѣдь при полной несостоятельности царевича Ивана, право родового старшинства Милославскихъ неминуемо должно будетъ уступить праву интересовъ государственныхъ. Наслѣдіе престола очевидно склонялось на сторону здороваго, умнаго ребенка царевича Петра, на сторону Нарышки-

ныхъ. Болѣзнь царя Өедора настолько колебала почву подъ Милославскими, что имъ необходимо нужно было заблаговременно принять мѣры къ обезпеченію своего положенія въ будущемъ. На этомъ и завязался узелъ дворской интриги, главными дѣйствующими лицами коей являются двѣ рѣшительныя женщины: царевна Софья Алексѣевна и верховая боярыня Анна Петровна Хитрово. Окружавшіе государя лица мужескаго персонала, большею частью, были ихъ единомышленники,—ненавистники Матвѣева и Нарышкиныхъ: бояринъ Иванъ Михайловичь Милославскій, Богданъ Матвѣевичь Хитрово съ племянникомъ Александромъ Севастьяновичемъ Хитрово, окольничій Василій Семеновичь Волынскій, другой царскій дядька князь Өедоръ Өедоровичь Куракинъ и проч.

Самъ царь Өедоръ Алексѣевичь все это угадывалъ своимъ чуткимъ умомъ, и душа его глубоко скорбѣла. Воспитанный въ строгомъ благочестіи, онъ, какъ поэтъ въ душѣ, жилъ въ мірѣ духовныхъ идеаловъ, сложившихся у него съ дѣтства. Очень любилъ читать житія святыхъ угодниковъ Божіихъ и увлекался ихъ подвижничествомъ. Изъ окружавшихъ

царя Θедора лицъ, наиболѣе соотвѣтствовалъ такому душевному настроенію его постельничій Иванъ Максимовичь Языковъ.

Царь Θедоръ Алексѣевичь, по благодушію своему, относился къ вдовствующей царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, — своей мачихѣ, съ полнымъ уваженіемъ, даже старался предупреждать всѣ ея желанія и оставилъ при ней прежній, хорошо устроенный, придворный штатъ ея [249]. Для бо̀льшаго удобства, царь Θедоръ построилъ и особыя деревянныя хоромы съ комнатнымъ садомъ, для помѣщенія мачихи-царицы съ ея малолѣтнимъ сыномъ царевичемъ Петромъ [250]. Тѣмъ не менѣе, Милославскіе и ихъ приспѣшники съумѣли сдѣлать жизнь царицы Натальи Кирилловны въ Москвѣ до такой степени несносною, что она вынуждена была поселиться, съ царевичемъ Петромъ и двумя своими царевнами, въ Преображенскомъ.

Но Милославскіе не удовольствовались и этимъ. Они добивались во что бы то ни стало отнять у Нарышкиныхъ ихъ главную подпо-

---

[249] Замысловскій. Царствованіе Θедора Алексѣевича. Ч. I. Спб. 1871. Введеніе, стр. 09.

[250] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 62. 79.

ру—ближняго боярина Матвѣева, сильнаго умомъ, опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и личнымъ довѣріемъ царя Ѳедора Алексѣевича. Ежедневные наговоры и нашептыванія воздѣйствовали на молодого государя. Его увѣрили, что Матвѣевъ припряталъ будто бы составленное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, незадолго до смерти, духовное завѣщаніе, коимъ опредѣлялъ своимъ наслѣдникомъ царевича Петра Алексѣевича, а самого Матвѣева—правителемъ государства до совершеннолѣтія царевича [251]. Говорили далѣе, что при такомъ обстоятельствѣ, пожалуй, и опасно давать въ руки столь подозрительнаго лица лекарства, приготовляемыя для особы государя. Какъ извѣстно, Матвѣевъ, по особому довѣрію, надзиралъ за придворной Аптекой и предварительно «накушивалъ» лекарства, а послѣ пріема государя, остатокъ выпивалъ до дна [252]. Матвѣева отстранили отъ надзора за Аптекой [253] и этимъ самымъ какъ бы предрѣшено было его паденіе. По-

[251] Исторія о невинномъ заточеніи боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Изд. 2. М. 1785. стр. XII.

[252] Тамъ же, стр. 8.

[253] Замысловскій. Царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Ч. I. Спб. 1871. стр. 160.

слѣдній, рѣшительный ударъ долженъ былъ разразиться послѣ вѣнчанія на царство Ѳеодора Алексѣевича.

Изъ распоряженій по случаю предстоявшаго торжества царскаго вѣнчанія, нѣкоторыя носили характеръ чего-то опасливаго. Замѣтно было, напримѣръ, стараніе распорядителей ограничить, по возможности, число зрителей торжества, столь рѣдкостнаго. Такъ, дневальному стольнику и полковнику Юрью Лутохину указано, «самому смотрити и сотникомъ приказывати накрѣпко», чтобы на Красномъ Крыльцѣ и другихъ мѣстахъ Кремля, «людей боярскихъ и иныхъ мелкихъ чиновъ отнюдь никого не пускати». Приказано было, чтобъ на рундукѣ у Грановитой Палаты и до Благовѣщенія и на Благовѣщенской паперти «отнюдь никакова человѣка не было и до соборныя церкви»; чтобы тѣхъ людей, которые «не въ золотахъ», отсылали и ставили между Столовою и Сборною Палатами, а на другихъ мѣстахъ «отнюдь никому не быть и смотрѣть того накрѣпко и безпрестанно» [254]. Чѣмъ были вызваны такія предосторожности, неизвѣстно.

---

[254] Разрядныя записки о вѣнчаніи на царство царя Ѳеодора Але-

Какъ бы то ни было, вѣнчаніе новаго царя совершено, 18 іюня, съ обычною торжественностію, по древнему царскому чину. Вѣнчалъ на царство патріархъ Іоакимъ. Онъ былъ въ Греческомъ саккосѣ митрополита Фотія, «на немъ же златошвено все исповѣданіе православныя вѣры въ лицахъ и подписаніе имѣющъ Греческими письмены» [255]. На высокомъ чертожномъ царскомъ мѣстѣ, устроенномъ въ Успенскомъ соборѣ, близъ заднихъ столбовъ, за государемъ стояли бояре: князь Никита Ивановичь Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ и Богданъ Матвѣевичь Хитрово. Держали государя подъ руки его дядьки: бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Куракинъ и окольничій Иванъ Богдановичь Хитрово. Послѣ того, какъ на главу Ѳедора Алексѣевича возложенъ былъ древній Греческій царскій вѣнецъ, «еже есть шапка, зовомая Мономахова», нововѣнчанному царю приносили поздравленія. При этомъ, патріархъ Іоакимъ преподалъ ему наставленіе «о душеполезныхъ всякихъ вещѣхъ»: что-

---

ксѣевича. М. 1883. (Отдѣльн. оттискъ изъ Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1882, кн. I. стр. 6 и 7).

[255] Тамъ же, 10.

бы онъ «любилъ правду и милость и судъ правый»; чтобъ «болярь своихъ и вельможъ жаловалъ и берегъ по ихъ отечеству и службѣ и правдѣ»; чтобы «всѣхъ православныхъ Христіанъ блюлъ и жаловалъ и попеченіе имѣлъ о нихъ отъ всего сердца»; чтобъ «за обидимыхъ стоялъ царски и мужески»; чтобъ «не давалъ воли злотворящимъ человѣкамъ». Особенно выразительны слѣдующія слова святителя: «Языка же льстива и слуха суетна не пріемли, царю, ниже оболгателя слушай, ни злымъ человѣкомъ вѣры емли, но разсуждай все по Бозѣ въ правду, о, Богомъ вѣнчанный царю»[256]!

Свѣдѣній о празднествахъ, сопровождавшихъ вѣнчаніе на царство Ѳедора Алексѣевича, о розданныхъ по этому случаю наградахъ и т. подоб. не сохранилось. Напечатанные Дворцовые Разряды прерываются на 30-мъ числѣ января 1676 года, а затѣмъ продолжаются съ 9-го сентября того же года. Слѣдовательно, перерывъ на цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Можно, однако, предположить, что изъ Шереметевыхъ, при вѣнчаніи царя Ѳе-

[256] Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. II. Спб. 1830. № 648. стр. 42—68.

дора Алексѣевича, присутствовали и принимали соотвѣтственное служебному положенію участіе оба брата, стольники Борисъ Петровичь и Ѳедоръ Петровичь, такъ какъ въ первой же записи послѣ указаннаго перерыва въ Дворцовыхъ Разрядахъ, именно подъ 9-мъ числомъ сентября, о походѣ царя Ѳедора Алексѣевича въ село Коломенское, обоимъ имъ указано быть въ Москвѣ, съ боярами княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ и Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, которые вѣдали столицу, въ отсутствіе государя [257]. Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, какъ извѣстно, находился тогда на воеводствѣ въ Псковѣ, а Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ—въ отдаленномъ Тобольскѣ.

Судя по записямъ въ книгѣ «Выходы царей», празднества были непродолжительны. Въ самый день вѣнчанія, у государя былъ большой церемоніальный столъ въ Грановитой Палатѣ. Такой же столъ былъ 20 іюня, когда къ государю приходили съ дарами: патріархъ Іоакимъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре, окольничіе, думные и ближ-

[257] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 2.

ніе люди, а также дьяки, гости и доктора. Потомъ слѣдуютъ столь часто повторяющіяся въ настоящее царствованіе записи: «Великому государю къ Божественной литоргіи выходу не было, и стола не было жъ». Даже въ Петровъ день, въ имянины царевича Петра Алексѣевича, у государя «имянинныхъ пироговъ не было» [258].

Однимъ словомъ, весьма скоро все вошло въ свою обычную, будничную колею.

Въ эту пору затишья, царь Ѳедоръ Алексѣевичь бесѣдовалъ, однажды, съ своимъ любимцемъ, постельничимъ Иваномъ Максимовичемъ Языковымъ, о жизни современныхъ имъ иноковъ, объ упадкѣ у насъ древняго благочестія. Языковъ замѣтилъ государю, что въ его царской державѣ, въ Гороховецкомъ уѣздѣ, въ глубинѣ дремучихъ вѣковыхъ лѣсовъ Флорищевскихъ, есть такая пустынь, гдѣ иноки вполнѣ осуществляютъ въ своей жизни идеалы подвижничества и что руководитъ ими строгій подвижникъ старецъ Иларіонъ, «святъ житіемъ, сіяющій добродѣтелями, яко единъ отъ древнихъ святыхъ отецъ». Обрадованный царь рѣшилъ было самъ ѣхать

[258] Выходы царей. М. 1844. стр. 623 и 624.

къ старцу Иларіону, въ его чудную пустынь, принять его благословеніе, послушать душеспасительной бесѣды и испросить молитвъ объ исцѣленіи отъ терзающей его скорбутной болѣзни. Но, какъ бы по особому соизволенію Божію, старецъ Иларіонъ былъ въ то время въ Москвѣ, куда прибылъ «нѣкіихъ монастырскихъ потребъ ради», и остановился въ Замоскворѣчьѣ, въ домѣ своего родственника, знаменитаго впослѣдствіи изографа-иконописца Симона Ушакова. Языковъ привезъ старца къ государю.

Предъ лицо царево предсталъ пустынножитель въ убогомъ иноческомъ одѣяніи, съ строгимъ постническимъ ликомъ и вдумчивыми выразительными глазами. Онъ съ перваго же раза произвелъ на царя Ѳедора Алексѣевича глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

«Благослови меня, святый отче», — сказалъ царь Ѳедоръ.

— Я, грѣшникъ, — отвѣтилъ Иларіонъ, — какъ осмѣлюсь дерзнуть возвысить свою худую руку надъ помазанникомъ Божіимъ, — это дѣло преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и архимандритовъ, а не мое, худого инока.

«Не отказывай никому изъ просящихъ у тебя духовнаго дара даяти, — сказалъ царь Ѳедоръ,—но туне пріявше, туне и независтно и подавай. Снова прошу тебя, благослови меня, отче святый, и будь мнѣ добрымъ пастыремъ».

Получивъ благословеніе, царь Ѳедоръ Алексѣевичь посадилъ подвижника рядомъ съ собою и сталъ говорить ему: «Я слышалъ, какъ ты богоугодно живешь съ своими учениками въ пустыни, а потому прошу тебя не оставлять насъ въ святыхъ твоихъ молитвахъ и почаще посѣщать насъ. Я здѣсь никого не могу найти, съ кѣмъ бы могъ искренно побесѣдовать о спасеніи души своей. Всѣ окружающіе меня придворные ищутъ только своей пользы: одинъ добивается быть бояриномъ, другой—окольничимъ, третій—иной какой-либо почести проситъ, а о пользѣ душевной и поговорить не съ кѣмъ; да и времени нѣтъ. Бога ради, отче святый, не оставляй насъ, чтобъ я могъ имѣть тебя всегда пастыремъ добрымъ и собесѣдникомъ о спасеніи нашемъ».

— Да будетъ воля Господня и воля царская,—отвѣчалъ Иларіонъ и приступилъ къ наставительной бесѣдѣ.

«Тебѣ, благочестивый царю, — говорилъ съ одушевленіемъ и слезами на глазахъ Иларіонъ,—тебѣ Богъ вручилъ судъ Свой и правду Свою судити на землѣ, сыновомъ человѣческимъ. Твой, царевъ, судъ, есть Божій судъ, сердце бо царево въ руцѣ Божіи, а посему подобаетъ тебѣ, благочестивый царю, быти благу, кротку, милостиву, долготерпѣливу и непамятозлобну, паче же всѣхъ праведну, всегда поминающу, что слово царево никогда же премѣнно бываетъ, и всѣмъ образъ собою въ добродѣтеляхъ и въ благочиніи даяти и яко солнцу на благія и злыя свѣтити, паче же всѣхъ милостиву быти».

Послѣ этой бесѣды, старецъ Иларіонъ сдѣлался самымъ близкимъ другомъ царя Ѳедора Алексѣевича, который нерѣдко нарочно вызывалъ его изъ Флорищевой пустыни для душеполезной бесѣды, и за царскимъ столомъ ему предоставлялось первое мѣсто [259].

Между тѣмъ, Милославскіе, ихъ родственники и благопріятели продолжали дѣлать свое дѣло. Они постепенно забрали въ свои руки

---

[259] В. Георгіевскій. Флорищева пустынь. Вязники. 1896 г. стр. 56—61.—Графъ М. Толстой. Русскіе подвижники. М. 1868. стр. 44 и 45.

правленіе и полновластно распоряжались именемъ юнаго, болѣзненнаго царя. Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, отстраненный отъ всего, еще оставался въ Москвѣ и, какъ человѣкъ умудренный житейскимъ опытомъ, казалось, могъ бы до нѣкоторой степени помириться съ своимъ положеніемъ сановника не у дѣлъ: новое царствованіе — новые дѣятели. Но развѣ этого было достаточно для мстительныхъ, безпощадныхъ враговъ Матвѣева?

Отпущенный изъ Москвы Датскій резидентъ Магнусъ Гэ прислалъ съ дороги жалобу на Матвѣева, что онъ будто бы не доплатилъ ему 500 рублей, за поставленное ко двору Рейнское вино. Справедливость требовала бы вернуть резидента, допросить и поставить на очную ставку, но этого вовсе не надо было Милославскимъ, которые сами же и подстроили все дѣло. Они поспѣшили къ государю съ новымъ доказательствомъ неблагонадежности Матвѣева, выставляя его, какъ хищника и притѣснителя, награбившаго несмѣтныя сокровища во время управленія разными вѣдомствами. Матвѣева позвали въ Переднюю Палату. Бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрѣш-

невъ вынесъ изъ Комнаты царскій указъ и объявилъ Матвѣеву: «Указалъ великій государь быть тебѣ на своей, великаго государя, службѣ въ Верхотурьѣ воеводою». Это было 4 іюля. Матвѣевъ, озадаченный такою неожиданностію, только и могъ сказать: «Воля его, государская, готовъ» [260].

Ссылка Матвѣева на воеводство въ Сибирскій городъ ужаснула царицу Наталью Кирилловну и всѣхъ обитателей Преображенскаго... Теперь приходилось уже подумать о томъ, насколько безопасно положеніе самого царевича Петра. «Оставалось, кажется,—говоритъ Погодинъ [261],—Преображенскому сдѣлаться Угличемъ... Но, Богъ милостивъ, Преображенское сдѣлается для даровитаго мальчика наилучшею школою... Здѣсь птенецъ оперится, заматорѣетъ, расправитъ крылья, и изъ Преображенскаго гнѣзда вылетитъ орломъ на всю святую Русь».

Но до этого было еще далеко.

---

[260] Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Изд. 2. М. 1785. стр. 201.

[261] Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. М. 1875. стр. 16.

ГЛАВА XIII.

Опальнаго боярина Матвѣева торопили выѣздомъ изъ Москвы. Но, не доѣзжая верстъ пятидесяти до Казани, онъ былъ остановленъ въ глухомъ пригородѣ Лаишевѣ. Сюда же прибыли скакавшіе вслѣдъ изъ Москвы: полуголова Московскихъ стрѣльцовъ Алексѣй Лужинъ, потомъ думный дворянинъ Прокофій Соковнинъ и думный дьякъ Василій Семеновъ. Они подробно осмотрѣли весь скарбъ Матвѣева, какъ будто бы разыскивая какой-то Лечебникъ съ статьями, писанными цыфирью. Затѣмъ Матвѣева, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его сыномъ, отправили въ Казань, гдѣ сидѣлъ воеводою бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій. Бывшаго всесильнаго временщика держали за крѣпкимъ карауломъ и обращались съ нимъ грубо. Стало яснымъ,

что и самое назначенiе его на воеводство въ Верхотурье было сдѣлано лишь для вида, «притворно», какъ выразился очевидецъ [262]. Однажды, ночью, въ дворъ Матвѣева вошелъ съ шумомъ дьякъ Иванъ Гороховъ и сталъ читать только что полученный государевъ указъ. Матвѣевъ началъ было давать отвѣтъ противъ новаго извѣта, изложеннаго въ указѣ. Дьякъ осмѣлился даже крикнуть: «Слушай! Молчи, а не говори». Гороховъ, согласно указу, отобралъ отъ боярина Матвѣева не только грамоты царя Алексѣя Михайловича и всякiя посольскiя письма, но и наказы, дворовыя, отчинныя и помѣстныя крѣпости и даже животы самого боярина и его сына.

Дальнѣйшiя злоключенiя Матвѣева достаточно извѣстны: онъ былъ лишенъ боярства, всего имущества и посланъ въ заточенiе «на послѣднюю черту Государства», въ Пустозерскiй острогъ, гдѣ, по словамъ Матвѣева, «гладомъ и тамошнiе жители таютъ и скончаваются» [263].

---

[262] Исторiя о невинномъ заточенiи боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Изд. 2. М. 1785. стр. 391.

[263] Тамъ же, стр. 76.

Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, какъ Тобольскій воевода, конечно, зналъ изъ первыхъ источниковъ всѣ подробности слѣдованія къ мѣсту заточенія Матвѣева съ сыномъ, въ сопровожденіи пристава, стольника Гаврилы Яковлевича Тухачевскаго, и цѣлаго отряда Московскихъ и Казанскихъ стрѣльцовъ. Извѣстно было, напримѣръ, какъ Осинскіе ямщики, не довезя ихъ до Соли Камской больше ста верстъ, бросили всѣхъ, въ заморозъ, въ вотчинѣ именитаго человѣка Григорья Строгонова, въ селѣ Слуткѣ, а сами сбѣжали въ Осу [264] и т. подоб. Все это происходило хотя и внѣ района Тобольскаго воеводства, но въ мѣстности сопредѣльной, а потому понятно, что слухи о приключеніяхъ опальнаго временщика весьма быстро разносились по всей Сибири. Петръ Васильевичь Шереметевъ хорошо понималъ, что и самъ онъ, хотя и не находился въ положеніи опальнаго, то все же былъ завѣдомо удаленъ отъ центра. Не безъ основанія же многіе смотрѣли на назначеніе воеводою въ Сибирскій городъ, какъ на почетную ссылку. Но горечь такихъ

---

[264] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VIII. Спб. 1862. № 107. стр. 334 столб. 2.

соображенiй во всякомъ случаѣ хорошо вознаграждалась и тѣмъ почетомъ, какимъ окруженъ былъ Тобольскiй воевода, и тѣмъ живымъ интересомъ, который имѣла тогда служба въ Сибири.

Современный авторъ Исторiи о Сибири, крайне загадочный Хорватскiй католическiй священникъ Юрiй Крыжаничъ, тотъ самый «Юрiй сербянинъ», который, за мѣсяцъ до прибытiя въ Тобольскъ Петра Васильевича Шереметева, уѣхалъ оттуда послѣ пятнадцатилѣтней ссылки (за что́, никому неизвѣстно) [265], прямо говоритъ, что Тобольскiй воевода былъ главнымъ и «начальствовалъ надъ прочими Сибирскими воеводами» [266]. Тоже и по словамъ историографа Миллера, Тобольскiе воеводы «надъ всѣми прочими городами и мѣстечками команду имѣли» [267]. Да и самый Тобольскъ именовался «царствующимъ градомъ» и «начальнымъ городомъ въ Сибири». Правда, нѣтъ никакого акта о томъ, чтобы Тобольскому воеводству присвоялось первенство надъ всѣми прочими Сибирскими вое-

---

265 См. выше, стр. 189.

266 А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ. М. 1890. стр. 171.

267 Описанiе Сибирскаго Царства. Кн. I. Изд. 2. Спб. 1787. стр. 171.

водствами, но, дѣйствительно, отдѣльные случаи такого первенства бывали. Кажется, это находилось въ зависимости отъ личнаго достоинства Тобольскаго воеводы. По замѣчанію Чичерина, «Московская Русь не знала общихъ правилъ; безпрестанно дѣлались исключенія» [268]. По общему же правилу, такъ сказать, по нормальному положенію, всѣми дѣлами въ Сибири завѣдывалъ Сибирскій Приказъ, въ которомъ за все время пребыванія Петра Васильевича Большого Шереметева на воеводствѣ въ Сибири, сидѣлъ извѣстный Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ [269]. А по мѣстному управленію Сибирь раздѣлена была на два разряда или на двѣ области: Тобольскую и Томскую. Разряду Тобольска были подвѣдомствены города: Верхотурье, Пелымъ, Туринскъ, Тюмень, Тара, Сургутъ, Березовъ, Туруханскъ (Мангазея) съ малыми острогами и зимовьями. Въ вѣдомствѣ же второго областного города Томска, сидѣвшаго, какъ тогда говорили, «своимъ столомъ», были города: Нарымъ, Кетскъ, Енисейскъ,

---

[268] Областныя учрежденія Россіи. М. 1856. стр. 105.

[269] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XX. М. 1791. стр. 396.

Красноярскъ и Кузнецкъ съ острогами и зимовьями. Тобольскъ и Томскъ были два центра мѣстнаго управленія Сибири. Такъ и говорили: города Тобольскаго разряда и города Томскаго разряда. Воеводою въ Томскѣ, въ бытность Петра Васильевича Шереметева Тобольскимъ воеводою, былъ сперва князь Данило Аѳанасьевичь Борятинскій, а потомъ князь Петръ Лукьяновичь Львовъ. При кажущейся равности въ правахъ обоихъ областныхъ городовъ, Тобольскъ, по городовой лѣствицѣ, былъ старше Томска и это выражалось, напримѣръ, въ томъ, что воеводѣ, назначенному въ Тобольскъ, давали 25 подводъ, а назначенному въ Томскъ—20-ть [270]. И штатъ въ Томскѣ всегда былъ малочисленнѣе противъ Тобольскаго. Органической зависимости Томскаго воеводства отъ Тобольскаго, конечно, не было, но несомнѣнно, что Тобольскій воевода, по отношенію къ Томскому, даже и въ нормальномъ порядкѣ, занималъ положеніе старшаго между равными. Вся обстановка Тобольскаго воеводы имѣла много особенностей. Совмѣстное пребываніе съ митрополитомъ Сибирскимъ, церемоніальные

[270] Акты Историческіе. Т. V. Спб. 1842. № 25.

выѣзды, частые пріемы, по посольскому обычаю, разныхъ посланцевъ контайши, тайшей и князьковъ сосѣдственныхъ инородческихъ племенъ. Невольно составлялось представленіе, что воевода, сидѣвшій въ царствующемъ градѣ Тобольскѣ, не только первенствовалъ, но прямо начальствовалъ въ цѣломъ краѣ. Много способствовала сему и величавая фигура Петра Васильевича Большого Шереметева. Онъ появлялся въ народѣ съ пышностію, поистинѣ царственною. Такъ, 8 марта 1677 года, въ недѣлю Ваій или вербное воскресенье, когда и въ Тобольскѣ совершался обрядъ шествія на осляти, въ воспоминаніе входа Спасителя въ Іерусалимъ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ во всемъ своемъ парадномъ одѣяніи торжественно велъ осля подъ митрополитомъ Сибирскимъ Корниліемъ [271]. Въ рукописной записной книгѣ, хранившейся при Тобольскомъ соборѣ, находится такое любопытное поясненіе: «Существенной разницы между отправленіемъ этого хода въ Тобольскѣ и отправленіемъ въ Москвѣ не могло быть, кромѣ той, что въ Тобольскѣ

[271] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 207.

лицо Іисуса Христа или, что̀ то же, благодатное Царство Христово, представлялъ, вмѣсто патріарха, митрополитъ, ѣздившій на конѣ, а іудейскую превратность, вмѣсто царя, изображалъ первый воевода, водившій коня подъ митрополитомъ» [272].

Въ описываемое время, городъ Тобольскъ, красиво расположенный на крутомъ берегу Иртыша, при сліяніи его съ Тоболомъ, судя по сохранившимся хотя бы и краткимъ описаніямъ, былъ обстроенъ хорошо и сосредоточивалъ въ себѣ довольно значительную торговлю. Черезъ Бухарцевъ, торговавшихъ въ Тобольскѣ въ гостинномъ дворѣ, сюда доходили и Индѣйскіе товары. Ежегодно Тобольскій воевода высылалъ къ Калмыкамъ такую своеобразную торговую экспедицію: Внизъ по Иртышу, выступала цѣлая флотилія парусныхъ судовъ, сорокъ и болѣе, въ Калмыцкую землю, къ Соляному озеру, въ мѣстность, гдѣ сидѣлъ тайша съ своимъ улусомъ, т.-е., подчиненнымъ ему племенемъ. Путь совершался въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. По прибытіи на мѣсто, съ судовъ давали залпъ

---

[272] Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1870 г. Книга 3, смѣсь, стр. 20.

изъ пушекъ; потомъ открывали огонь изъ ручныхъ пищалей. То были привѣтственные салюты тайшѣ. Наши отдавали Калмыкамъ заложниковъ, а тѣ передавали намъ своихъ. Послѣ всѣхъ этихъ формальностей, государевы люди приступали къ добычѣ соли изъ озера. Затѣмъ, открывали мѣновой торгъ. Въ обмѣнъ нашихъ привезенныхъ на судахъ товаровъ, Калмыки предлагали рогатый и вьючный скотъ, свои сласти, Китайскій табакъ, также рабовъ и рабынь,—своихъ свойственниковъ и собственныхъ дѣтей. Добытую соль и вымѣненные товары наши нагружали въ суда, надѣляли тайшу небольшими подарками, обмѣнивались заложниками и, посадивъ съ собою Бухарцевъ, прибывшихъ съ своими товарами, тѣмъ же порядкомъ возвращались въ Тобольскъ [273]. Здѣсь сейчасъ же открывался большой торгъ, точно такъ же, какъ и послѣ каждаго пріѣзда разныхъ инородческихъ посланцевъ, обыкновенно появлявшихся съ цѣлыми караванами. Тобольскъ имѣлъ частыя торговыя сношенія и съ Китаемъ, куда ежегодно высылалъ караваны съ товарами. Все это обогащало Тобольскъ и оживляло его обще-

[273] А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ. М. 1890. стр. 184—186.

ственную жизнь. Но вотъ, и этотъ благополучный городъ посѣтило страшное бѣдствіе. Съ небольшимъ годъ спустя, послѣ прибытія на воеводство Петра Васильевича Большого Шереметева, именно 29 мая 1677 года, «отъ молніи бысть пожаръ и выгорѣлъ на горѣ градъ Тобольскъ рубленой, и соборная церковь (во имя Софіи Премудрости Слова Божія), и архіерейскій дворъ весь, и прочихъ семь церквей, старый и новый приказы, ряды, гостинный дворъ, воеводскіе дворы и пять мірскихъ, а въ Знаменскомъ монастырѣ, подъ горою, три церкви, келліи властелинскія, братскія и обиходныя, сушила, анбары, ограда и дворы сгорѣли всѣ безъ остатку и все въ едино время, во единый часъ, единаго дня»[274].

Сохранилась и другая запись объ этомъ бѣдствіи, весьма краткая, но еще болѣе сильная: «Въ 1677 году, Тобольскъ превратился въ пепелъ, со всѣми мѣстами силы и власти и съ церквами»[275].

---

[274] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 231.

[275] П. Соловцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. М. 1838. стр. 572.

Петръ Васильевичь Шереметевъ со всею энергіею приступилъ къ возобновленію сгорѣвшаго города Тобольска. Къ участію въ этомъ дѣлѣ привлечены были всѣ города Тобольскаго разряда, и натурой, и деньгами. Шереметевъ не замедлилъ разослать отписки о семъ къ воеводамъ означенныхъ городовъ. Вотъ что написано было имъ, напримѣръ, Тюменскому воеводѣ, стольнику Квашнину: «Господину Михайлу Мелетьевичю, Петръ Большой Шереметевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ во 185 году, мая въ 29 день, волею Божіею, сгорѣлъ отъ молніи городъ Тоболескъ и съ башнями, безъ остатку. И нынѣ Тоболескъ городъ розвы(т)ченъ строить Тоболскими и Тоболскаго розряду городовыми и острожными и слобоцкими всякихъ чиновъ людми, противъ прежняго [276]; а по розвыткѣ довелось взять на то городовое строенье съ Тюменскихъ ружниковъ и обротчиковъ, и дѣтей боярскихъ, и служилыхъ людей, и съ ямскихъ охотниковъ, съ денежныхъ окладовъ съ рубля по два алтына по четыре денги, а съ посацкихъ людей, смотря съ пожитковъ

[276] То-есть, какъ было послѣ прежнихъ такихъ же пожаровъ, въ 1629 и 1645 годахъ.

ихъ, съ кого сколько доведетца противъ окладовъ служилыхъ людей; а съ пашенныхъ крестьянъ—съ десятины по двадцати алтынъ по двѣ денги. И тебѣ бъ велѣть на Тюмени... съ кого что̀ доведетца, взять... не замотчавъ, и собравъ, тѣ денги прислать въ Тоболескъ во 186 году, по первому зимнему пути, чтобъ за тѣми денгами Тоболскому городовому дѣлу мотчанья не было, да о томъ ко мнѣ для вѣдома отписать» [277].

Къ довершенію всего, Сибирскіе раскольники поспѣшили воспользоваться бѣдствіемъ, разразившимся надъ Тобольскомъ, и смущали упавшее духомъ населеніе своимъ открытымъ богохульствомъ. Еще свѣжа была здѣсь память о проживавшемъ въ Тобольскѣ, въ ссылкѣ, извѣстномъ протопопѣ Аввакумѣ, переведенномъ потомъ на Амуръ, въ Албазинскій острогъ. Да и послѣ Соловецкаго разгрома, множество иноковъ и старцевъ разбрелось по пустынямъ Сибири. Такъ что почва для церковнаго плевосѣянія была уже совсѣмъ готова. Не только простонародье, но и многіе служилые люди были увлекаемы въ

---

[277] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VII. Спб. 1859. № 38.

сѣти пламенныхъ ревнителей, такъ называемаго, «древняго благочестія».

Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ вынужденъ былъ, для пресѣченія зла, дѣйствовать рѣшительно и строго, въ сознаніи того, что малѣйшее попущеніе могло бы имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Вскорѣ послѣ Тобольскаго пожара, въ Тюмени, сынъ Калмыцкаго толмача Никита Ѳедоровъ всенародно говорилъ про церкви, сгорѣвшія въ Тобольскѣ: То де «были не церкви, а костелы, а священники—псы». На допросѣ, въ Приказной Избѣ, Никита Ѳедоровъ сказалъ, что священниковъ не ругалъ, что же касается до костеловъ, то вѣдь и «въ книгѣ де Кирилла Іерусалимскаго церкви написаны костелами». Никита открыто исповѣдывалъ въ Приказной Избѣ, что «троеперстнымъ сложеніемъ не крестится; тотъ де крестъ Титинъ (?) проклятъ». И отецъ Никиты, толмачъ Ѳедоръ Елизаровъ, тоже заявилъ слѣдователямъ, что «троеперстнымъ сложеніемъ не крестится и четвероконечнаго креста, чѣмъ просфоры печатаютъ, не принимаетъ; это де не крестъ, а антихристова печать». По при-

казанію Петра Васильевича Шереметева, толмачевъ сынъ Никита, «за его непристойныя слова», былъ высланъ за приставомъ въ Тобольскъ, а его отецъ отданъ «подъ началъ» поповскому старостѣ Сидору Сидоровыхъ. Въ Тобольскѣ, Никита Ѳедоровъ въ церковномъ расколѣ не повинился и ему учинено было, въ примѣръ всѣмъ, наказанье: битъ на козлѣ кнутомъ. То же самое приказано было учинить нещадно самому толмачу Елизарову и инымъ такимъ же церковнымъ раскольникамъ, буде они, по троекратному вопросу, въ церковномъ расколѣ не повинятся. Всѣхъ наказанныхъ Шереметевъ велѣлъ отдать на крѣпкія поруки и приказать поручникамъ смотрѣть, чтобъ они «впредь того не чинили, въ церкви Божіи приходили, крестились бы троеперстнымъ сложеніемъ, чтобъ четвероконечнаго креста, чѣмъ просфоры печатаютъ, антихристовою печатью не называли, Святымъ Божіимъ Тайнамъ причащались бы, и ученіе отцовъ своихъ духовныхъ во всемъ слушали, и съ раскольники не знались, и въ домы ихъ свои не пущали».

Но, не взирая ни на что, раскольники не унимались. Дошло даже до того, что 28 ок-

тября того же 1677 года, въ Тюмени же, въ соборную церковь, во время обѣдни, вошли какіе-то «прихожіе» люди, т.-е., пришельцы, три человѣка, четвертая старица, и они, во время пѣнія Херувимской, закричали: «Православные Христіяне, не кланяйтесь, несутъ де мертвое тѣло и на просфорахъ печатаютъ крыжемъ, антихристовою печатью»! На допросѣ, въ Приказной Избѣ, изувѣры твердили одно: «Мы де пришли на Тюмень истинныя вѣры изыскивать». Петръ Васильевичь Шереметевъ приказалъ: «тѣмъ церковнымъ раскольникомъ и мятежникомъ, за ихъ расколъ и мятежъ и за непристойныя страшныя слова, учинить жестокое наказанье, бить кнутомъ нещадно, при многихъ людѣхъ, чтобъ на то смотря, инымъ раскольщикомъ неповадно было воровать и церковной расколъ и мятежъ чинить и православныхъ крестьянъ прельщать, и посадить ихъ въ земляную тюрьму, никого къ нимъ припускать не велѣть, покамѣстъ они обратятся на истинный путь» [278].

Безумныя, буйственныя дѣянія расколь-

[278] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VIII. Спб. 1862. № 50. стр. 214—215.

никовъ крайне удручали Сибирскаго митрополита Корнилія и, можно сказать, сократили дни его. 23 декабря 1677 года, святитель преставился [279], оплакиваемый многими почитателями своими, въ томъ числѣ и бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ.

Несомнѣнно, по волѣ самого владыки, Петръ Васильевичъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по распредѣленію, согласно указаніямъ усопшаго, всего оставшагося послѣ него имущества, по тому времени довольно значительнаго. Сохранилась роспись приказнаго человѣка митрополита Корнилія, «Софійскаго сына боярскаго» Якова Бязева, [280] въ которой показано слѣдующее: «Бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ взялъ послѣ преставленія Корнилія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, изъ Соѳейской домовой и келейной казны: изъ домовой—250 рублевъ да келейныхъ—100 рублевъ, и тѣ деньги отдалъ со-

---

[279] Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. Спб. 1877. столб. 317.

[280] Московскій Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора. № 560.—186 (1677—78 г.).

борнымъ священникомъ, невѣдомо за что̀. Изъ Соѳейской же казны Петръ Васильевичь взялъ 500 рублевъ невступно (т.-е. невполнѣ) и отдалъ товарищу своему стольнику Ивану Стрѣшневу, а у него взялъ въ государеву казну товаровъ, а какіе товары, и тому вѣдомость въ Сибирскомъ Приказѣ». Потомъ пояснено, что «изо взятыхъ митрополичьихъ денегъ (отданныхъ) стольнику Ивану Стрѣшневу за товары, которые у него взяты въ казну великаго государя, роздано рейтаромъ и служилымъ людемъ, въ жалованье, 489 рублевъ».

Далѣе, узнаемъ, что Петръ Васильевичь «изъ Соѳейской же домовой казны взялъ 250 рублевъ, а тѣ деньги роздалъ ратнымъ людемъ въ жалованье. Да келейныхъ денегъ взялъ 1000 рублевъ и роздалъ попамъ по церквамъ да нищимъ въ милостыню.

Да онъ же, бояринъ, взялъ «митропольи келейной рухляди» (т.-е. движимое имущество), оставленной владыкою лично ему, а именно: «посохъ рыбьи кости простой; кресла деревянныя, обиты бархатомъ зеленымъ; часы серебряные, золоченые, столовые; другіе жъ часы серебряные, вызолочены по мѣ-

стамъ; ставъ Нѣмецкій, обитъ кожею и желѣзомъ, съ сахаромъ и леденцомъ; ставъ Нѣмецкій съ сахаромъ чиненымъ; два пуда слишкомъ сахару головного; рукавицы вязанныя шелковыя лѣтнія, шиты золотомъ и серебромъ; двое очки оправлены серебромъ; два кораблика хрустальные въ ковчегѣ; шатеръ китайчатый съ палаткою, шитъ разными цвѣтами; три лошади, на которыхъ ѣздилъ митрополитъ; сани-пошевни.

«Да онъ же, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, роздалъ:

«Митрополичью отцу духовному, Знаменскому архимандриту Герасиму—рукавъ (муфта) черной лисицы, опушенъ соболемъ чернымъ; камку да отласецъ Китайскіе; четки шелковыя, черныя, съ золотомъ; подушку пуховую подъ камкою; тюфякъ, покрытъ сукномъ зеленымъ. Приказному, — камку лауданъ. Соѳейскаго дому дѣтемъ боярскимъ и пѣвчимъ и поддьякамъ роздалъ 25 камокъ Китайскихъ да соболей съ 15 и больше. Поддьякамъ — Степкѣ Иванову, рукавъ, да Митькѣ Япанчину рукавъ же, песцовые голубые, покрыты камкою соломенною, опушены собольми. Ссыльному Нѣжинскому прото-

попу — митрополью рясу камчатную, холодную».

Послѣ раздачи движимаго имущества, находившагося при усопшемъ митрополитѣ Корниліѣ, Петръ Васильевичь Шереметевъ приказалъ сыну боярскому Тимоѳею Лодыженскому ѣхать съ подьячимъ въ Софійскія отчины: Ивановское, Преображенское и на Комарницу, и переписать хранившееся тамъ остальное движимое имущество митрополита. Къ сожалѣнію, Лодыженскій и бывшій съ нимъ подьячій не оправдали довѣрія, дозволивъ себѣ разныя злоупотребленія. Такъ, пріѣхавъ въ Преображенское, гдѣ были митрополичьи келліи, Лодыженскій и подьячій, «у тѣхъ келлій, у верхнихъ сѣней и у шкапа, въ коемъ была всякая посуда, безъ ключей замки сбили и отдирали. И послѣ ихъ переписки, въ шкапу посуды и иной всякой мелочи налицо не объявилося многое».

Впослѣдствіи обстоятельство это причинило много непріятностей Петру Васильевичу Большому Шереметеву. Когда его уже не было на воеводствѣ въ Тобольскѣ, оттуда прислана была въ Москву извѣтная челобитная, кажется, отъ Софійскихъ властей, въ которой,

между прочимъ, сказано, что Лодыженскій и подьячій вывезли «изъ Преображенскаго шатеръ, и тотъ шатеръ отнесли къ товарищу Шереметева, стольнику Ивану Ивановичу Стрѣшневу» и что онъ, Стрѣшневъ, взялъ себѣ изъ привезенной оттуда же рухляди: «чарку раковую, оправлена серебромъ и вызолочена, 10 головъ сахару и часы столовые съ будильникомъ».

Мы видѣли, ка̀къ распорядился Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ имуществомъ и деньгами, взятыми имъ изъ Софійской домовой и келейной казны, послѣ преставленія митрополита Корнилія. Напримѣръ, денегъ имъ взято было всего 2100 рублей, изъ нихъ 350 рублей онъ отдалъ соборнымъ священникамъ, 750 рублей—выданы рейтарамъ и другимъ служилымъ людямъ, въ жалованье, а 1000 рублей—розданы попамъ по церквамъ да нищимъ въ милостыню. А между тѣмъ, преемникъ митрополита Корнилія, преосвященный Павелъ, считалъ эти денги за Шереметевымъ, какъ его личный долгъ, и даже жаловался государю, что онъ не возвращаетъ ихъ въ Софійскую казну. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь не только приказалъ заплатить всю

сумму въ Тобольскѣ, изъ тамошней государевой казны, но еще указалъ митрополиту Павлу, какъ бы въ удовлетвореніе обиды, нанесенной Шереметеву, «послать ему свою архіерейскую грамоту, съ архіерейскимъ благословеніемъ» [281].

---

[281] Московскій Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора: № 156, годъ 186, и столбецъ Оружейной Палаты 189 года. № 276.

ГЛАВА XIV.

Приближался срокъ смѣны Петра Васильевича Большого Шереметева съ Тобольскаго воеводства. 9 апрѣля 1678 г., исполнялось ровно два года, какъ онъ прибылъ въ Тобольскъ. Незадолго до сего, довелось ему быть вѣстникомъ важнаго открытія въ области руднаго дѣла въ Сибири. Онъ узналъ, что въ Нерчинскій острогъ явился посланецъ Мунчальскаго Даинъ-контайши, Бугойца, и заявилъ въ Съѣзжей Избѣ: обыскана де въ степи, близко Аргуни-рѣки, серебряная и оловянная руды; для тѣхъ рудъ Даинъ-контайша посылалъ людей съ верблюды и велѣлъ тѣ руды привезти къ себѣ, въ улусъ. Да у него де, Даинъ-контайши, руды плавить некому и хочетъ той руды, для подлиннаго объявленія,

отвезти вверхъ по Янѣ-рѣкѣ, къ кутухтѣ своему. Бугойца спрашивалъ, нѣтъ ли въ Нерчинскомъ острогѣ Русскихъ людей рудознатцевъ, кои знали бы серебряную и оловянную руду и плавить умѣли бъ. На указанное Бугойцой мѣсто посылали для развѣдокъ, причемъ оказалась и золотая руда. Шереметевъ поспѣшилъ донести обо всемъ этомъ государю. Но отвѣтный указъ царя Ѳедора Алексѣевича пришелъ въ Тобольскъ уже при преемникѣ Шереметева. Государь приказалъ, чтобы на вновь открытомъ мѣстѣ и во всѣхъ прочихъ рудныхъ пріискахъ Забайкальской страны, «руды выискивали, чинили опыты надъ нею и плавили[282].

Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ выѣхалъ изъ Тобольска 4 марта 1678 года, а его товарищъ, стольникъ Иванъ Ивановичь Стрѣшневъ, нѣсколько раньше, именно 1 марта. Городъ Тобольскъ, печать и снарядъ Шереметевъ передалъ Тюменьскому воеводѣ, стольнику Михайлу Мелетьевичу Квашнину, которому, по государеву указу, велѣно

---

[282] Сибирскій Вѣстникъ, издаваемый Григ. Спасскимъ, годъ 1819, часть 7. стр. 128. 144. 145.

было вѣдать Тобольскій разрядъ, впредь до пріѣзда новаго Тобольскаго воеводы [283].

Покамѣстъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ будетъ совершать свой долгій путь къ Москвѣ, мы успѣемъ разсказать о томъ, въ какомъ положеніи находилось столь затянувшееся дѣло о выкупѣ изъ Крымскаго плѣна его двоюроднаго брата, боярина Василья Борисовича Шереметева, и какъ относился къ послѣднему новый государь, царь Ѳеодоръ Алексѣевичь.

Выше было сказано [284], что послѣдняя отписка Василья Борисовича Шереметева, посланная на имя царя Алексѣя Михайловича 5 декабря 1675 года, уже не застала въ живыхъ государя. Въ этой отпискѣ, Василій Борисовичь, изложивъ свой разговоръ съ хановымъ ближнимъ человѣкомъ Батырь-агою, просилъ, чтобъ окупъ за него, а также и то, что̀ собрано въ Москвѣ у жены его Прасковьи Васильевны, были высланы на Донъ, или въ Запороги, или въ Каневъ. Отписка пришла въ Москву 24 февраля 1676 года, какъ разъ

[283] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 230.

[284] См. выше, стр. 167.

въ то время, когда при Дворѣ всѣ были озабочены ходомъ разслѣдованія болѣзни новаго государя. Еще раньше того, вскорѣ послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича, боярыня Прасковья Васильевна Шереметева озаботилась напомнить о своемъ мужѣ-страдальцѣ.

Вотъ ея челобитная: «Царю государю и великому князю Феодору Алексѣевичу... бьетъ челомъ раба твоя, боярина Василья Борисовича Шереметева женишка, Парашка. По указу блаженныя памяти отца твоего, великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... посылана была казна на окупъ мужу моему, а, грѣхъ нашихъ ради, въ то время мужа моего ханъ Крымской на окупъ не отдалъ. А нынѣ мужа моего ханъ Крымской на окупъ отдать хочетъ. Милосердый государь, царь и великій князь Феодоръ Алексѣевичь... пожалуй меня рабу свою, для своего государева многолѣтнаго здравія и для поминовенія блаженныя памяти отца своего государя нашего царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... вели, государь, мужа моего съ Крымскія неволи окупить и свое великаго государя жалованье, окупъ за мужа моего,

Царю г(о)с(у)д(а)рю и великому к(ня)зю Федору
Алексеевичю всеа Великия и Малыя
и Белыя России самодержцу бьет челом
раба твоя боярина вашего Бориса Се-
меновича(?) Шереметева женишка Парашка(?)
по указу благоверныя памяти отца
твоего великого г(осу)д(а)ря ц(а)ря и великого
к(ня)зя Алексея Михайловича всеа Великия
и Малыя и Белыя России самодержца
послана была я на ... [illegible]
к мужу моему а прошлых годех в то
время мужа моего хан крымский
... [illegible] а ныне мужа моего
хан крымский на обмен отдать хочет
милосердый г(осу)д(а)рь ц(а)рь и великий к(ня)зь
Феодор Алексеевичь всеа Великия
и Малыя и Белыя России самодержецъ
пожалуй меня рабу свою для своего
г(осу)д(а)рева многолетнего здравия и для
поминовения благоверныя памяти
отца своего г(осу)д(а)ря нашего ц(а)ря и великого
к(ня)зя Алексея Михайловича всеа Великия
и Малыя и Белыя России самодержца вели
г(осу)д(а)рь мужа моего с крымским ... [illegible]
... [illegible] твоего великого г(осу)д(а)ря указо-
вание ... [illegible] за мужа моего ... [illegible]
ц(а)рь г(осу)д(а)рь смилуйся пожалуй

в ... [illegible]

послать. Царь, государь! Смилуйся, пожалуй» [285].

Лишь за шесть недѣль до вѣнчанія на царство, именно 4 мая 1676 года, послана была Василью Борисовичу Шереметеву слѣдующая грамота, въ отвѣтъ на его послѣднюю отписку:

«Отъ царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича... боярину нашему Василью Борисовичу Шереметеву, нашего царскаго величества милостивое слово. Въ нынѣшнемъ во 184 (1676) году, февраля въ 24 день, писалъ ты къ отцу нашему... (пересказъ челобитной Василья Борисовича, уже извѣстный читателю) [286]. И мы, великій государь, припоминая прежнюю милость и жалованье отца нашего, государева,... къ тебѣ, боярину нашему, указали нашего, великаго государя, окупъ за тебя, боярина нашего, дать противъ прежняго отца нашего указу, 25.000 золотыхъ червонныхъ, а къ тому въ дополнку деньги или червонные жъ золотые взять у жены твоей,

---

[285] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—77 г. Связка 62^{a} (1676 г. № 6), листъ 1.— 1674—76 г. Книга № 59. л. 45 на обор.

[286] См. выше, стр. 166 и 167.

у боярыни у Прасковьи Васильевны. И по нашему, великаго государя, указу, посланъ будетъ тебѣ окупъ съ Москвы на Донъ съ стольникомъ нашимъ и воеводами съ Иваномъ Волынскимъ съ товарищи. И какъ къ тебѣ ся наша, великаго государя, грамота придетъ, и ты бъ, бояринъ нашъ Василій Борисовичь, упованіе во увольненіи своемъ изъ неволи возлагалъ на Всемилостиваго Господа Бога и на Пренепорочную Его Богоматерь Пресвятую Богородицу, и уговорилъ ханову ближнему человѣку Батырь-агѣ и инымъ хановымъ ближнимъ людямъ, чтобъ они хана наговорили, чтобъ онъ тебя, боярина нашего, и стольника князь Андрея Ромодановскаго, также и иныхъ нашихъ взятыхъ людей, которые договорились сами за себя окупомъ, велѣлъ отвезть, для окупу и для размѣна, съ Крыму въ Азовъ» [287].

По челобитной же боярыни Прасковьи Васильевны Шереметевой, составлены были въ Посольскомъ Приказѣ выписки изъ дѣлъ о выкупѣ изъ Крымскаго плѣна ея мужа, боя-

---

[287] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—77 г. Связка 62/а (1676 года. № 1).— 1674—79. Книга № 59. л. 34 на обор.

рина Василья Борисовича Шереметева. 28 мая, «по указу великаго государя, бояре, слушавъ, въ Золотой Палатѣ, эти выписки, приговорили: Дати на окупъ боярину Василью Борисовичу Шереметеву изъ его, великаго государя, казны, изъ Новгородскаго Приказу, противъ прежняго отца его, государева, царя Алексѣя Михайловича указу, 25.000 золотыхъ червонныхъ и послать тѣ золотые на Донъ, съ стольникомъ и воеводами съ Иваномъ Өедоровичемъ Волынскимъ съ товарищи... А на Дону будучи, стольнику и воеводамъ Ивану Волынскому съ товарищи, договариватца объ окупѣ и о размѣнѣ за боярина за Василья Борисовича съ хановыми присланными, въ которыхъ мѣстехъ пристойно, съ великимъ остерегательствомъ, съ обѣихъ сторонъ въ ровномъ числѣ людей, постерегая того, чтобы Крымскіе Татаровя и Азовцы надъ нимъ, стольникомъ и воеводами, и надъ государевою денежною казною, которая послана будетъ на окупъ, хитрости какой не учинили. И къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ великаго государя грамоту о томъ послать, чтобъ они, служа великому государю, по тому жъ въ договорахъ объ откупѣ за боярина за Василья

дарскіе очи и пресвѣтлое твое праведное государское лицо, и я заплачу въ твою государскую казну» [290].

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о высылкѣ окупа за Василья Борисовича Шереметева былъ рѣшенъ окончательно. Изъ доходовъ Новгородскаго Приказа былъ уже купленъ «ящикъ дубовый, небольшой, окованъ желѣзомъ, съ нутрянымъ и съ вислымъ замками», который велѣно было наполнить золотыми червонными окупныхъ денегъ за Шереметева и отдать его стольнику Ивану Ѳедоровичу Волынскому [291]. А Василью Борисовичу Шереметеву приказано было говорить ближнему ханову человѣку Батырь-агѣ, чтобъ онъ уговорилъ хана отпустить его, боярина, для окупа и для размѣны, въ Азовъ, и что окупъ за него посланъ на Донъ.

Окупить Шереметева поручили стольнику Ивану Ѳедоровичу Волынскому, а въ товарищи къ нему назначили стольника Парѳенія Павловича Сомова и дьяка Артемья

---

[290] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 478.

[291] Тамъ же, л. 55 на обор.

Лобкова. Волынскій былъ родной братъ жены Петра Васильевича Большого Шереметева, Анны Өедоровны, а Сомовъ былъ двоюродный братъ покойнаго Никиты Ивановича Шереметева и родной дядя жены Бориса Петровича Шереметева, Евдокіи Алексѣевны. Все свои люди. Кажется, можно было бы разсчитывать, по крайней мѣрѣ, на радѣтельное отношеніе ихъ къ дѣлу избавленія отъ тяжкой бусурманской неволи ихъ свойственника. Но, какъ увидимъ, вышло совсѣмъ не то.

Ближній человѣкъ Батырь-ага, какъ услышалъ отъ Василья Борисовича Шереметева, что окупъ за него посланъ на Донъ, уговорилъ хана Селимъ-Гирея отпустить его на окупъ. 29 іюня 1677 года, мурза Али-ага повезъ изъ Жидовскаго городка въ Азовъ боярина Василья Борисовича Шереметева съ человѣкомъ его Васильемъ Старковымъ, а также стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго и 22 человѣка плѣнныхъ разныхъ городовъ.

Везли нашихъ плѣнниковъ до Керчи сухимъ путемъ, а изъ Керчи, простоявъ тамъ три дня, поплыли Азовскимъ моремъ. Плѣнниковъ усадили въ особое судно, привязан-

ное къ галерѣ (каторгѣ), въ которой сидѣлъ Турецкій паша Бекирь. «И какъ моремъ мы плыли,—писалъ Василій Борисовичь Шереметевъ государю,—по грѣху нашему, вѣтры были на морѣ встрѣчные и волненіе было великое, мало и не потопило насъ» [292]. Наконецъ, 25 іюля, пріѣхали въ Азовъ, а 2 августа Азовскій паша Магметъ послалъ на Донъ, въ Черкасскій городокъ, къ стольнику Ивану Ѳедоровичу Волынскому записку слѣдующаго содержанія: «Бояринъ Василій Шереметевъ и стольникъ князь Андрей Ромодановскій въ Азовъ привезены, а окупъ за нихъ прислать бы въ Азовъ безъ мотчанья»[293].

На другой же день, Волынскій прислалъ въ Азовъ полуголову Ѳедора Рахманова, къ Магмету-пашѣ и къ прибывшему изъ Крыма мурзѣ Али-агѣ, говорить о мирномъ договорѣ, а объ окупахъ не было и рѣчи. Держальникъ же Волынскаго Ѳедоръ Волковъ, присланный имъ къ Шереметеву, прямо сказалъ ему, что у стольника Волынскаго такого указа нѣтъ, чтобъ окупить его, боярина, а есть де у него

---

[292] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 345 на об.

[293] Тамъ же, л. 504 на обор.

указъ заключить съ ханомъ Крымскимъ договоръ о вѣчномъ мирѣ и что по этому предмету онъ и будетъ сноситься съ Азовскимъ пашей и съ мурзою Али-агой [294]. Время тратилось на пересылки и препирательства. Въ концѣ концовъ, присланный отъ Волынскаго подьячій Иванъ Рѣшетовъ категорически заявилъ, чтобы «паша и Али-ага договоръ съ нимъ учинили о вѣчномъ мирѣ, и будетъ они договоръ сей учинятъ, и Шереметева окупятъ, а буде не учинятъ договора о вѣчномъ мирѣ, и они Шереметева не окупятъ». Паша Магметъ велѣлъ Рѣшетову сказать стольнику Волынскому, что ему должно быть вѣдомо, что Азовъ не Крымскаго хана, а Турецкаго султана, что онъ, паша, присланъ въ Азовъ отъ султана Турецкаго и что ему, безъ повелѣнія падишаха, никакого договора учинить не пристоитъ. Точно также и мурза Али-ага сказалъ подьячему, что онъ посланъ изъ Крыма, «съ невольниками», для окуповъ ихъ и что безъ повелѣнія ханова величества, никакихъ иныхъ договоровъ ему чинить не пристоитъ же.

---

[294] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 480 на обор.

Когда же Магметъ-паша и мурза Али-ага доподлинно узнали отъ подьячаго Рѣшетова, что стольникъ Волынскій съ товарищи окупить боярина Василья Борисовича Шереметева не хотятъ и въ окупу его отказать велѣли, тогда они тотчасъ же, въ присутствіи подьячаго, велѣли заковать боярина Шереметева въ кандалы, а мурза Али-ага при этомъ сталъ ему «выговаривать съ большимъ безчестьемъ и поставлялъ слова его въ ложь, что говорилъ ближнему человѣку Батырь-агѣ, будто бы окупъ за него на Донъ присланъ и дадутъ за него».

Мурза Али-паша, видя «нерадѣтельное дѣло» стольника Волынскаго и его товарищей о бояринѣ Шереметевѣ, уѣхалъ изъ Азова, а Василья Борисовича, князя Ромодановскаго и прочихъ плѣнныхъ сдалъ, 16 августа, на галеру или каторгу Турецкаго паши Бекиря. О дальнѣйшемъ разскажетъ самъ Шереметевъ: «Посадилъ насъ Бекирь-паша межъ лопатъ на банкахъ и въ рементахъ приковалъ насъ къ чепямъ съ каторжными невольники вмѣстѣ, и кормить насъ не велѣлъ и выговаривать намъ велѣлъ, что мы учинили неправду и въ окупахъ своихъ солгали. А толь-

ко бы мы не солгали и окупы бъ наши за насъ присланы были, и насъ бы и окупили и стольникъ Волынскій не сказалъ бы, что великаго государя указу у него нѣтъ насъ окупить. Что де насъ онъ, паша, велѣлъ къ чепямъ приковать и кормить насъ не велѣлъ и то де намъ не отъ нево стало, а будемъ терпѣть отъ себя, за свою неправду. И мы прикованы были къ чепямъ на каторгѣ и съ голоду умирали; только бы не каторжные невольники втайнѣ кормили и не давали воды намъ, и мы бъ на каторгѣ съ голоду и безъ воды померли».

Бекирь-паша привезъ плѣнниковъ тѣмъ же путемъ въ Крымъ, въ Керчь, а оттуда ихъ отвезли на арбахъ въ Жидовскій городокъ. «И здѣсь — разсказываетъ далѣе Шереметевъ — мучимся въ кайдалахъ и не кормятъ насъ, а говорятъ намъ, что мы нынѣ въ кайдалахъ и не кормятъ насъ, и то намъ за наши неправды, что за насъ окуповъ нѣтъ. И мы на каторгахъ мучились и нынѣ въ Крыму нужу большую терпимъ и кайдалы носимъ, но злѣя прежняго, для непріятельскаго дѣла стольника Ивана Волынскаго съ товарищи. Дѣлали они надо мною, не боясь Бога и великаго государя, и въ томъ непріятельскомъ

дѣлѣ, Богъ судитъ ихъ со мною и жалобу свою возсылаю къ Господу Богу на нихъ со слезами и слезы мои вопіютъ къ Богу. Да не только слезы мои вопіютъ къ Богу, но и кровь моя вопіетъ ко Господу Богу на нихъ».

Василій Борисовичь Шереметевъ просилъ царя Ѳедора Алексѣевича, быть «милостивымъ разсмотрителемъ дѣла непріятельскаго Ивана Волынскаго». Онъ писалъ, что если бы только про то вѣдалъ, что Ивану Волынскому съ товарищи не окупить его, и онъ, «для прибавочныхъ своихъ великихъ бѣдъ и напастей и для страху великаго морского, какъ видѣлъ страхъ сей отъ волненія морского, и онъ бы въ Азовъ не поѣхалъ, а кончался бы и умиралъ въ Жидовскомъ городкѣ, въ заточеньѣ своемъ. Ужъ то такъ Богу изволишу стало, что ему, убогому и заточенному вязню, 17 лѣтъ случится мучиться и умирать въ бусурманскомъ государствѣ».

Въ заключеніе всего, Василій Борисовичь Шереметевъ просилъ государя, что если окупъ за него привезенъ съ Дону назадъ въ Москву, то чтобы онъ велѣлъ опять послать его на Донъ, нынѣ же зимнимъ путемъ, и чтобы его царское величество поручилъ окупить его,

боярина, Донскому атаману Михаилу Самарину и казакамъ, мимо воеводъ, «для того, что казаки знаютъ какъ съ Азовцы дѣлать и межъ себя имѣютъ вѣру въ дѣлахъ, а дѣло окупное ханъ положилъ на Азовцевъ» [295].

Все прописанное Василій Борисовичь Шереметевъ изложилъ въ отпискѣ своей къ государю, отъ 31 октября 1677 года, которую 1 ноября отправилъ изъ Крыма въ Москву, съ человѣкомъ своимъ, ѣздившимъ съ нимъ въ Азовъ, съ Васильемъ Старковымъ.

Вмѣстѣ съ Старковымъ, ближній хановъ человѣкъ Батырь-ага отправилъ въ Москву татарина Асана-Ахмета Аліева, съ письмомъ отъ себя къ посольскому думному дьяку, начальствовавшему тогда въ Посольскомъ Приказѣ.

За мѣсяцъ съ небольшимъ до отъѣзда Старкова съ отпиской къ государю Василья Борисовича Шереметева, возвратился въ Крымъ ханъ Селимъ-Гирей изъ-подъ Чигирина, куда, по требованію Турецкаго султана Мухаммеда IV-го, онъ ходилъ, 21 іюля 1677 года, съ войскомъ, къ осаждавшему Чигирин-

---

[295] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79 г. Книга № 59. л. 480 на об. и далѣе.

скую крѣпость Турецкому главнокомандующему Ибрагиму-пашѣ. Какъ извѣстно, Турецко-Татарское полчище, въ концѣ концовъ, было на-голову разбито соединенными войсками князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго и гетмана Ивана Самойловича. Непріятель въ великомъ страхѣ бѣжалъ отъ Чигирина, побросавъ свои запасы и пушки, и оставивъ подъ городомъ четыре тысячи труповъ янычарскихъ.

ГЛАВА XV.

Послѣ того, какъ боярина Василья Борисовича Шереметева увезли изъ Азова назадъ, въ Крымъ, стольнику Ивану Ѳедоровичу Волынскому указано было, «съ образомъ Іоанна Предтечи, со всѣми ратными людьми, съ пушками, съ пушечными и со всякими ратными воинскими припасами, съ денежною и соболиною казною, устроясь на стругахъ, итить вверхъ Дономъ рѣкою, къ Воронежу, ратнымъ строемъ, всѣмъ вмѣстѣ, 1 сентября 1677 года. А которая окупная казна прислана на окупъ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, и тое великаго государя казну, поставя на струги, везти съ собою» [296].

---

[296] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 504 на обор.

Между тѣмъ, 24 декабря прибыли въ Москву человѣкъ Василья Борисовича Шереметева, Василій Старковъ, и посланный съ нимъ отъ ближняго ханова человѣка Батырь-аги татаринъ Асанъ-Ахметъ Аліевъ.

Старковъ подалъ въ Посольскомъ Приказѣ вышеизложенную отписку Василья Борисовича. Ее прочли государю и она произвела впечатлѣніе. Думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ Пашинъ сдѣлалъ на отпискѣ такую помѣту: «186 году, декабря въ 24 день, великій государь... слушавъ сей отписки, указалъ и бояре приговорили: стольника Ивана Волынскаго и товарищей его, которые въ Азовѣ были въ пересылкахъ о размѣнномъ дѣлѣ и объ окупу, разспросить» [297].

По обыкновенію, сняли допросъ съ самого Старкова, который былъ при Шереметевѣ и въ Азовѣ. Но онъ прямо сказалъ, что не вѣдаетъ, почему стольникъ Волынскій не окупилъ боярина Василья Борисовича и князя Ромодановскаго. «А послѣ де привозу боярина изъ Азова въ Крымъ, — говорилъ Старковъ, — ханъ Крымскій Селимъ-Гирей при-

---

[297] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 480 на обор.

шелъ изъ-подъ Чигирина; только де никакихъ рѣчей, будучи въ Крымѣ, о той войнѣ я ничего не слыхалъ, потому что по-Татарски говорить не умѣю. Слышалъ только отъ другихъ полоняниковъ, что Татары чаютъ себѣ на лѣто (1678 года) опять походу подъ Чигиринъ: а впрямь ли пойдутъ, того не вѣдаю» [298].

А прибывшій съ Старковымъ татаринъ подалъ начальствовавшему въ Посольскомъ Приказѣ, со времени ссылки Матвѣева, думному дьяку Ларіону Иванову, письмо ближняго ханова человѣка Батырь-аги.

Вотъ полный текстъ этого письма, въ современномъ переводѣ съ Татарскаго языка:

«Божіею милостію, великія орды и великаго юрта Крымскаго государства Кипчатцкія степи великаго государя, благосчастнаго Селимъ-Гирея, ханова величества, большой визирь Батырь-ага, христіанскаго великаго государя и многихъ государствъ обладателя, его царскаго величества ближнему думному человѣку, ото многа много поздравленье, а послѣ поздравленья, слово наше то. Напредь сего, государь вашъ ко государю нашему пи-

---

[298] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1677 г. Связка 62/в. № 29.

салъ, чтобъ вашихъ вязней, которые есть у насъ, прислать ихъ въ Азовъ, а вы за нихъ окупъ пришлете въ Азовъ же. И по тому письму, государь нашъ вязней вашихъ въ Азовъ посылалъ. И бояринъ вашъ, которому указано было размѣну учинить, говорилъ, какъ бы межъ обоихъ юртовъ быть дружбѣ, чего съ сей стороны ему было не приказано. И посланные наши люди въ Азовѣ жили 27 дней, а потомъ пришли къ намъ назадъ. И на размѣнѣ тотъ присланный вашъ бояринъ *собою* вязнемъ такую досаду учинилъ? Или ему такъ словомъ отъ васъ было наказано? А чтобъ межъ обоихъ юртовъ доброе совершилось, и то дѣло въ руцѣ Божіей, и аже дастъ Богъ, то межъ обоихъ юртовъ дружба учинится и юртамъ настоятели ссылками о добромъ дѣлѣ договорятся. А въ окупѣ плѣннымъ людемъ, отъ кого спо̀на учинилась, то Богъ вѣсть. А въ то дѣло иныхъ словъ вмѣщать было не для чего. И нынѣ у насъ будучи ваши вязни, слезно докучали, чтобъ о томъ къ вамъ отписать, и для ихъ докуки, тебѣ объявляю: буде, по прежнему договору, размѣняться желаете, и вамъ бы иныхъ словъ не вмѣщать и о томъ бы наказать. А мы, жа-

лѣючи вашихъ вязней, для ихъ прошенія, послали нынѣ къ вамъ человѣка. Да напредь сего, въ нашей грамотѣ къ вамъ писано, чтобъ здѣшнихъ вашихъ пословъ на тамошнихъ нашихъ пословъ учинить бы размѣну. И тому доброму дѣлу буди помощникъ, чтобъ на обѣ стороны бѣднымъ учинить свободу. А противъ прежняго нашего письма, отвѣту къ намъ не отписали вы, а то было дѣло доброе. И буде то дѣло доброе вамъ надобно будетъ, и мы здѣшнихъ вашихъ пословъ отпустимъ; а сего посланнаго нашего отпустить бы вамъ, не задержавъ» [299].

Человѣкъ Василья Борисовича Шереметева, Старковъ, остался въ Москвѣ; а вмѣсто него, съ татариномъ Асаномъ-Ахметомъ Аліевымъ, посланъ въ Крымъ, изъ дома Василья Борисовича Шереметева, отъ «семьи его», то-есть, отъ жены его, боярыни Прасковьи Васильевны, другой его человѣкъ, Китайка Фроловъ. Онъ, вмѣстѣ съ татариномъ, выѣхалъ изъ Москвы въ февралѣ 1678 года.

Но еще до ихъ отъѣзда, въ Посольскомъ Приказѣ, во исполненіе помѣты на отпискѣ

---

[299] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Крымскія дѣла 1677 г. Связка 62/в. № 29.

Василья Борисовича Шереметева, производились допросы лицъ, участвовавшихъ въ Азовскомъ дѣлѣ.

Стольникъ Иванъ Өедоровичь Волынскій оправдывался, какъ могъ. Онъ говорилъ, что дѣйствовалъ по грамотамъ изъ Посольскаго Приказа, и письменно сносился съ Азовскимъ пашею и Крымскимъ мурзою «по образцовому письму». Будто бы ему приказано было, «перво учинить договоръ о вѣчномъ мирѣ, а потомъ окупить боярина Шереметева, князя Ромодановскаго и иныхъ взятыхъ людей». Далѣе, Волынскій показывалъ, что паша и мурза требовали, чтобъ окупная казна за Шереметева была выслана въ Азовъ, но что указа государева на это не было да и самъ Шереметевъ будто бы просилъ, чтобы окупную казну отнюдь не высылали въ Азовъ. Я де — продолжалъ Волынскій — настаивалъ только на томъ, чтобы паша и мурза назначили мѣсто, гдѣ съѣзжаться для договора о вѣчномъ мирѣ и о размѣнѣ и объ окупѣ Шереметева и князя Ромодановскаго, а иныхъ словъ, ни съ Рахмановымъ, ни съ Рѣшетовымъ ничего не приказывалъ; что дѣло не состоялось не отъ него, Волынскаго, а потому, что Василій

Борисовичъ Шереметевъ былъ въ Азовѣ недолго: не было времени снестись съ Москвою и договориться окончательно о мирѣ и выкупѣ съ пашою и мурзою. Въ заключеніе, Волынскій сказалъ: Я дѣлалъ все по указу великаго государя и по совѣту съ товарищами своими, безъ всякой хитрости. Дѣйствительно, я посылалъ къ Василью Борисовичу Шереметеву держальника своего Ѳедора Волкова, но только для того, чтобъ спросить его о здоровьѣ, а иныхъ никакихъ словъ съ нимъ не приказывалъ[300].

Товарищъ Волынскаго, стольникъ Парѳеній Павловичъ Сомовъ, на допросѣ сказалъ, что онъ ничего не вѣдаетъ по настоящему дѣлу, ка́къ оно велось, ибо еще до пріѣзда въ Азовъ боярина Шереметева и князя Ромодановскаго, онъ заболѣлъ и въ той болѣзни его исповѣдовали, причастили и масломъ соборовали. Могу сказать только,—продолжалъ Сомовъ,—что «въ окупѣ боярскомъ отказывать я не веливалъ»; напротивъ того, о томъ радѣлъ, чтобъ окупить боярина Василья Борисовича и даже давалъ отъ себя взаймы въ

---

[300] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 490 на обор. и 493.

окупъ ему, боярину, чего не достанетъ, своихъ денегъ триста рублевъ. А за какими де причинами окупъ Шереметева не учинился, того не вѣдаю. Только какъ бояринъ Василій Борисовичь присылалъ къ намъ, на Донъ, человѣка своего Ваську, съ вѣдомостью, что его заковали въ кайдалы, я посылалъ къ стольнику Ивану Ѳедоровичу Волынскому, чтобъ онъ пріѣхалъ навѣстить меня, больного, и я говорилъ ему: «боярина Василья Борисовича не упустить въ Крымъ и окупить, чтобъ его, боярина, остановить и дать за него окупъ». Волынскій послалъ для этого къ пашѣ и мурзѣ подьячаго Ивана Рѣшетова, которому я о томъ приказывалъ накрѣпко, говорить отъ нихъ, воеводъ, пашѣ и мурзѣ, «чтобъ боярина Василья Борисовича въ Крымъ не увозили и отдали бы его на окупъ, учинили бы съѣздъ и на томъ съѣздѣ отдали бы боярина, а казну за него приняли бы, приславъ отъ себя въ Черкасскій городокъ, кому казну принять и перечесть». Та́къ говорилъ Рѣшетову я,—продолжалъ Сомовъ.—«А что̀ приказывалъ ему самъ Волынскій, у себя, на дому, и что̀ говорилъ Рѣшетовъ въ Азовѣ пашѣ и мурзѣ, того не вѣдаю».

Въ показаніи Сомова находимъ еще одну любопытную подробность: «По приказу боярина Василья Борисовича Шереметева, человѣкъ его Василій Бибиковъ приходилъ многажды къ Донскимъ казакамъ, чтобъ они дали боярину взаемъ денегъ, въ дополнку казны, и чтобы они взяли его, боярина, изъ Азова на свои руки. У казаковъ былъ о томъ кругъ, и они, съ атаманомъ Михайломъ Самаринымъ, ходили совѣтоваться съ стольникомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Волынскимъ. Но тотъ объявилъ имъ, что окýпитъ боярина Шереметева и безъ нихъ. Казаки сказали на это, что возьмутъ боярина и безъ окупной казны; Азовцы де въ томъ повѣрятъ имъ». Все это слышалъ де отъ самого Бибикова. Сомовъ показывалъ далѣе, что и самъ онъ, по указу великаго государя, «говорилъ Донскимъ казакамъ, чтобъ они въ окупѣ боярина Василья Борисовича учинили вспоможенье, и они де вспоможенье чинить обѣщали и хотѣли послать о томъ въ Азовъ. Но посылали ли въ Азовъ или нѣтъ, того онъ, Сомовъ, не помнитъ за болѣзнію» [301].

---

[301] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 493 на обор.

Другой товарищъ стольника Волынскаго, дьякъ Артемій Лобковъ, точно такъ же, какъ и подьячій Иванъ Рѣшетовъ, на допросѣ лишь вторили Волынскому и ничего существеннаго не показали. А полуголова Ѳедотъ Рахмановъ отсутствовалъ: изъ Воронежа онъ уѣхалъ къ себѣ домой, въ деревню; Ѳедоръ же Волковъ, ѣдучи изъ Черкасскаго городка, въ дорогѣ рѣкою Дономъ, померъ [302].

Допросы по Азовскому дѣлу окончились 31 декабря, а 17 января 1678 года, царь Ѳедоръ Алексѣевичь послалъ Василью Борисовичу Шереметеву слѣдующую грамоту съ милостивымъ словомъ: «По челобитью твоему, указали мы, великій государь, жалованье, окупную казну 25 тысячь золотыхъ червонныхъ и достальной окупъ изъ твоего боярскаго дому, послать на Донъ, къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ. Да и пословъ Крымскихъ Сеферъ-агу съ товарищи на размѣну посланниковъ нашихъ, подьячаго Гаврила Михайлова съ товарищи, отпустить указали жъ. И по нашему, великаго государя, указу, окупная казна и послы, на Донъ, къ Донскимъ атама-

---

[302] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—79. Книга № 59. л. 497 на обор. и л. 502.

намъ и казакамъ, къ Корнилу Яковлеву съ товарищи, посланы съ полковникомъ Ѳаддеемъ Тумашевымъ да съ подьячимъ Ѳедоромъ Мартыновымъ, января въ 14 день. И къ тебѣ, боярину нашему, послано нашего, великаго государя, жалованья сто золотыхъ червонныхъ да на триста на сорокъ рублевъ соболей. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ сей нашъ, великаго государя, милостивый указъ вѣдалъ и наше великаго государя жалованье, которое послано къ тебѣ съ людьми твоими, принялъ и хановымъ ближнимъ людямъ говорилъ, чтобъ ханъ тебя, боярина нашего, и стольника князя Андрея Ромодановскаго и посланниковъ нашихъ, подьячаго Гаврилу Михайлова съ товарищи, отпустилъ въ Азовъ. А окупъ вашъ, по договору, и послы ихъ, Сеферъ-ага съ товарищи, на обмѣну нашимъ посланникамъ на Донъ, къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ посланы» [303].

Царскую грамоту привезъ въ Крымъ толмачъ Посольскаго Приказа Иванъ Кучумовъ 22 февраля 1678 года. Къ ней приложенъ былъ списокъ съ привезенной Кучумовымъ

[303] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1678 г. Св. 63. № 1.

же грамоты царя Ѳедора Алексѣевича къ хану Селимъ-Гирею. Шереметеву приказано было, примѣнительно къ той грамотѣ государя къ хану, говорить ближнимъ людямъ, чтобы ханово величество съ царемъ, «по прежнему своему доброначатому дѣлу, учинилъ совершеніе» и отпустилъ бы его, Шереметева, и князя Ромодановскаго на окупъ. Но въ то время Селимъ-Гирей уже не былъ Крымскимъ ханомъ.

Еще 9 февраля, въ Козловъ пришелъ изъ Царьграда корабль, а на томъ кораблѣ присланъ былъ въ Перекопъ, отъ новаго хана Муратъ-Гирея, янычейскій голова объявить въ Крымскомъ улусѣ, что Турецкій султанъ велѣлъ ему быть въ Крымѣ ханомъ, на мѣсто Селимъ-Гирея, и что ему, Селимъ-Гирею, калгѣ Селеметъ-Гирею и нураддину Сафатъ-Гирею, приказано изъ Крыма идти въ Царьградъ. Ханъ Муратъ-Гирей, еще не пріѣзжая на ханство, уже назначилъ ближнимъ человѣкомъ Хаджи Ахмета-агу, на мѣсто извѣстнаго намъ Батырь-аги.

Въ самый день пріѣзда, толмачъ Кучумовъ ѣздилъ въ Бахчисарай къ новому ближнему человѣку Ахмету-агѣ и, съ его разрѣшенія,

отправился въ Жидовскій городокъ, къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, и подалъ ему милостивую грамоту государеву. Василій Борисовичь, распечатавъ грамоту, велѣлъ подьячему Гаврилѣ Михайлову читать ее вслухъ, въ присутствіи находившагося тутъ размѣннаго бея Велишъ-аги Сулешева. И бояринъ Шереметевъ «на милости великаго государя билъ челомъ, покланяяся въ землю трижды» [304].

Ханъ Селимъ-Гирей хорошо зналъ, что ему не сдобровать и онъ самъ, заблаговременно, ушелъ съ своими калгою, нураддиномъ и ближними людьми, «за море», еще до прибытія упомянутаго посланца отъ Муратъ-Гирея. Но его не оставили въ покоѣ. Нужно сказать, что для Селимъ-Гирея лично, смерть Турецкаго верховнаго визиря Фазиль-Ахметъ-паши, послѣдовавшая еще въ октябрѣ 1676 года, отъ водянки, была большою, невознаградимою потерею. Этотъ замѣчательный по уму визирь провелъ Селимъ-Гирея въ ханы и никогда не оставлялъ его поддержкою. Новый визирь, Кара-Мустафа-паша, напро-

---

[304] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1678 г. Связка 63. № 1.

тивъ того, терпѣть не могъ Селимъ-Гирея и воспользовался послѣднимъ Чигиринскимъ пораженіемъ, чтобъ свергнуть его съ престола. Онъ объяснилъ султану Мухаммеду, что главный виновникъ Чигиринскаго погрома былъ ханъ Крымскій. «Такъ возьмите прочь этого гяура» [305]! закричалъ султанъ, взбѣшенный тѣмъ, что не могли взять Чигиринъ, эту—какъ онъ выражался—«ничтожную крѣпостишку». Селимъ-Гирея, разумѣется, разыскали и доставили въ Царьградъ, къ Порогу. Здѣсь его арестовали и отправили въ ссылку, на островъ Родосъ, а Ибрагима-пашу посадили въ Еди-Куль [306].

Новый Крымскій ханъ Муратъ-Гирей приходился, кажется, двоюроднымъ братомъ сверженному хану Селимъ-Гирею. Это былъ тотъ самый царевичъ Муратъ-Гирей, который нѣкогда, будучи въ санѣ нуррадина, прославилъ себя разбитіемъ Московскаго войска подъ Чудновымъ. Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, своимъ Крымскимъ плѣномъ и долголѣтними полонными страданіями, прямо обязанъ былъ именно ему, Му-

---

[305] Смирновъ. Крымское ханство. Спб. 1887. стр. 591.

[306] Тамъ же.

ратъ-Гирею, и брату его Сеферъ-Гирею,—тѣмъ двумъ царевичамъ, о которыхъ онъ съ такимъ негодованіемъ писалъ царю Алексѣю Михайловичу, вслѣдъ за Чудновской катастрофой: «Царевичи нечестивые шертовали и души свои дали, что было имъ меня съ товарищи и всѣхъ великаго государя ратныхъ людей изъ обозу моего выпустить совсѣмъ вцѣлѣ. И нечестивые царевичи за шертью солгали: взяли меня и многихъ великаго государя ратныхъ людей, какъ вязней и какъ кто бываетъ взятъ саблею, такъ и меня, привезли въ Крымъ, нечестивые, и отдали хану Мухаммедъ-Гирею» [307].

1 марта, ближній человѣкъ Ахметъ-ага, карачеи и прочіе ближніе люди поѣхали въ Перекопъ, встрѣчать новаго Крымскаго хана Муратъ-Гирея, но онъ прибылъ лишь 12 апрѣля, а въ Бахчисарай въѣхалъ 13 числа.

Василій Борисовичь Шереметевъ не былъ допущенъ къ Муратъ-Гирею и его вовсе устранили отъ совѣщаній по государеву дѣлу. Несомнѣнно, новые ближніе люди нахо-

---

[307] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1661 г. Связка 54/в. № 4.

дились подъ впечатлѣніемъ Азовскаго приключенія. Василій Борисовичь Шереметевъ съ горечью писалъ царю Ѳедору Алексѣевичу: «Ближніе люди не велѣли мнѣ говорить о твоихъ, великаго государя, дѣлахъ и о мирномъ утверженіи; а сказали мнѣ, что о твоихъ государевыхъ дѣлахъ и о миру говорить мнѣ не пристоитъ, и о чемъ я буду говорить имъ, и они де мнѣ вѣрить не будутъ, потому что я у нихъ невольникъ».

15 апрѣля, ханъ Муратъ-Гирей принялъ подьячаго Гаврилу Михайлова и толмача Ивана Кучумова, вмѣстѣ съ переводчикомъ Кутлу-Маметомъ. Когда они вошли въ палату, гдѣ сидѣлъ ханъ, размѣнный бей, взявъ подьячаго Гаврилу Михайлова, «наклонилъ его предъ ханомъ въ неволю, а толмачу и переводчику велѣлъ предъ ханомъ поклонитися».

Муратъ-Гирей сказалъ, что боярина Шереметева, стольника князя Ромодановскаго и подьячаго Гаврилу Михайлова съ людьми ихъ онъ отпуститъ въ Азовъ, на размѣну за Сеферъ-агу съ товарищи; а для отпуску и окупу пошлетъ знающаго человѣка, чтобъ за боярина Шереметева и князя Ромодановскаго

окупныя деньги взять, а то де Селимъ-Гирей ханъ посылалъ въ Азовъ, для окупа, Алеямурзу, человѣка незнающаго, которому такое дѣло было не въ обычай [308].

Но предварительно на Донъ послали «для провѣдыванія окупной казны, точно ли привезена на Донъ и вся ли привезена». Это дѣло поручили сыну стараго Крымскаго посла Сеферъ-аги, уѣхавшаго въ Москву еще при ханѣ Аадиль-Гиреѣ и нынѣ привезеннаго на размѣну. Сеферъ-агинъ сынъ окупную казну досматривалъ и съ отцомъ своимъ Сеферъагой видѣлся. Осмотрѣвъ казну, агинъ сынъ сказалъ находившимся тутъ Донскимъ казакамъ и полковнику Ѳаддею Тумашеву, что бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ, стольникъ князь Андрей Григорьевичь Ромодановскій и подьячій Гаврила Михайловъ съ товарищи «на окупъ на Донъ, отпущены будутъ вскорѣ».

По возвращеніи въ Крымъ, Сеферъ-агинъ сынъ съ удивленіемъ узналъ, что хана нѣтъ въ Крыму, что онъ «ушелъ на войну». Дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ 1678 года, Ту-

---

308 Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1678 г. Связка 63. № 1.

рецкій султанъ Мухаммедъ IV прислалъ въ Крымъ, къ хану Муратъ-Гирею, своего чауша, который вручилъ ему отъ падишаха кафтанъ, саблю и приказъ, тотчасъ же идти со всею ордою подъ Чигиринъ [309]. Шереметевъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ послалъ вслѣдъ за ханомъ гонца, съ просьбою отпустить его на окупъ. Муратъ-Гирей приказалъ сказать Василью Борисовичу, что, повидавшись съ верховнымъ визиремъ, онъ велитъ отпустить его и пришлетъ де къ нему, боярину, вѣсть объ этомъ.

Упрямый султанъ Мухаммедъ настаивалъ, чтобъ Чигиринъ былъ взятъ и все еще не объявляя войны Россіи, опять послалъ туда многочисленное войско, подъ главнымъ начальствомъ самого верховнаго визиря Кара-Мустафы-паши. Турецкій султанъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Московскій царь вынудилъ Турецкаго вассала Петра Дорошенка сдать Чигиринъ, отречься отъ самозваннаго гетманства и ѣхать на жительство въ Москву.

---

[309] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VII. Спб. 1859. № 40. ст. XII. стр. 215. столб. 2.

На этомъ, покамѣстъ, остановимся и перейдемъ въ Москву, куда уже возвратился съ Тобольскаго воеводства бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ.

ГЛАВА XVI.

Бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ возвратился изъ Тобольска въ Москву въ началѣ мая 1678 года. За мѣсяцъ предъ тѣмъ скончалась тамъ мачиха Василья Борисовича Шереметева, верховая боярыня Ульяна Петровна Шереметева, рожденная княжна Пронская, вдова умершаго, въ 1650 году, боярина и дворецкаго Бориса Петровича Шереметева. Она скончалась 4 апрѣля 1678 года [310], проведя долгіе годы своего вдовства въ высокой придворной должности мамы царевны Марѳы Алексѣевны, второй дочери царя Алексѣя Михайловича. У Ульяны Петровны, хотя и былъ свой собственный дворъ, на углу Знаменки и Большого Знаменскаго

[310] Забѣлинъ. Матеріалы для Исторіи, Археологіи и Статистики города Москвы. Ч. I. М. 1884. столб. 428.

переулка, но, по своей службѣ, она должна была постоянно жить во дворцѣ, сперва въ постельныхъ хоромахъ, а потомъ въ теремахъ, на верху царскихъ палатъ. Она пользовалась полнымъ дворцовымъ содержаніемъ и, какъ мама царевны, получала годовое жалованье, болѣе чѣмъ вдвое превышавшее жалованье другихъ верховыхъ или дворовыхъ боярынь [311]. Ульяна Петровна Шереметева получала въ годъ до ста рублей. Она оставалась мамой царевны Марѳы Алексѣевны и послѣ того, какъ та пришла въ возрастъ; завѣдывала всѣми ея дѣлами и всѣмъ домашнимъ обиходомъ.

Ничего неизвѣстно, какъ относилась Ульяна Петровна Шереметева къ своему несчастному пасынку, Крымскому плѣннику Василью Борисовичу Шереметеву. Казалось бы, что она, занимая столь высокое положеніе въ царской семьѣ, могла бы что-нибудь сдѣлать или, по крайней мѣрѣ, стараться сдѣлать къ облегченію его тяжкой участи, но никакихъ указаній на это, покамѣстъ, не встрѣчается. Возможно предположить, что замкнутая, почти

[311] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 495.

монастырская жизнь царевень, совсѣмъ отдалила ее отъ родныхъ, ихъ нуждъ и заботъ.

Ульяну Петровну Шереметеву отпѣвалъ и хоронилъ, 5 апрѣля, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, самъ патріархъ Іоакимъ [312]. Свѣдѣній о мѣстѣ погребенія Ульяны Петровны въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, объ ея гробницѣ и надписи на ней не сохранилось. Можетъ быть, гробница эта находится въ числѣ тѣхъ двадцати осьми гробницъ, о которыхъ авторъ Историческаго Описанія обители говоритъ, что онѣ «безъ надписей», и что пять изъ нихъ, хотя и «съ надписьми», но ихъ, «за ветхостію, описать невозможно» [313].

Вслѣдъ за Ульяной Петровной Шереметевой, скончался, въ томъ же апрѣлѣ 1678 года, отецъ Домны Парѳеньевны Шереметевой, Парѳеній-Смирной Григорьевичь Свиньинъ. И его отпѣвалъ и хоронилъ, 28 апрѣля, въ Петровскомъ монастырѣ, у Петровскихъ воротъ, патріархъ Іоакимъ [314].

---

[312] Забѣлинъ. Матеріалы для Исторіи, Археологіи и Статистики города Москвы. Ч. I. М. 1884. столб. 428.

[313] Историческое описаніе Московскаго Новодѣвичьяго монастыря. М. 1885. стр. 86 и 87.

[314] Забѣлинъ. Матеріалы для Исторіи, Археологіи и Статистики города Москвы. Ч. I. М. 1884. столб. 541.

Петръ Васильевичь Шереметевъ не засталъ и бывшаго 12 апрѣля того же 1678 года Совѣта, въ присутствіи царя Ѳедора Алексѣевича, духовныхъ особъ и бояръ, по поводу странныхъ поступковъ Турецкаго султана Мухаммеда IV, его открытыхъ военныхъ дѣйствій противъ насъ, безъ объявленія войны. Съ Турками, пользовавшимися тогда большою воинскою славою, мы никогда еще не вступали въ ратоборство, и эта первая война съ ними смущала и устрашала многихъ. Совѣтъ приговорилъ, предварительно поручить боярину и воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, принявъ всѣ потребныя мѣры къ отраженію непріятельскаго нашествія, послать отъ себя къ Турецкому верховному визирю и спросить, «за какія причины салтаново величество, оставя исконную дружбу съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, войну всчалъ»? И чтобъ онъ, визирь, «разсудилъ о томъ, пристойное ль дѣло тому быть, что безъ причины войну всчинать и во обѣихъ сторонахъ кроворазлитіе невинное учинить, которое не токмо великому государю нашему христіанскому то противно, но и салтанову величеству, по долж-

ности своего закона, чинити того не годится»? Если же визирь не захочетъ ничего слушать, и «на украинные городы, подъ Чигиринъ или подъ Кіевъ и подъ иные которые городы, пойдетъ съ войски войною», тогда князю Ромодановскому сказать: «Великій государь нашъ, его царское величество, освидѣтельствовався въ своей правдѣ Господемъ Богомъ и надѣяніе свое возложа на него, Спасителя своего Бога Іисусъ Христа, учнетъ отъ того ихъ наступленія государства свои боронить, сколько ему, государю, той же всемогущій Господь Богъ поможетъ, и которое кроворазлитіе учинится, и то взыщется на салтановѣ величествѣ и на немъ, большомъ визирѣ [315].

Миролюбивыя обращенія Московскаго правительства не были оцѣнены по достоинству горделивыми Турками, и они, не взирая ни на что, опять двинулись съ большимъ войскомъ подъ Чигиринъ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ идти подъ Кіевъ.

По исконному обычаю, на всемъ пространствѣ Святой Руси, во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ, принялись усердно молиться «о

---

[315] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. № 111.

избавленіи нападенія и злого ратоборства отъ устремившихся на Христово стадо безбожныхъ Агарянъ, Турскаго салтана и его визиря, и Крымскаго хана, и иныхъ многихъ государствъ ратоборцевъ, иже съ ними ополчившихся и тѣсноту и нападеніе творящихъ».

Въ началѣ іюля 1678 года, стодвадцатиосьмитысячное Турецко-Татарское полчище обступило Чигиринъ. Собственно Турокъ было 68.000, Крымскихъ Татаръ—50.000 и Молдаво-Валаховъ — 10.000. По свидѣтельству очевидца, Турецкій лагерь, съ великолѣпными шатрами верховнаго визиря, украшенными пятью высокими башнями, раскинувшійся на осьми верстахъ въ длину и на добрую версту въ глубину, придавалъ самому мѣсту расположенія, долинѣ, красивый, но въ то же время и страшный видъ. Турецкое войско явилось отлично вооруженнымъ и въ избыткѣ снабженнымъ всѣмъ нужнымъ. Съ нимъ было 176 орудій: 4 большія пушки, каждую возили 32 пары буйволовъ; 27 большихъ батарейныхъ орудій, разнаго калибра, 130 полевыхъ пушекъ, 6 большихъ мортиръ, стрѣлявшихъ 120-ти фунтовыми бомбами, и 9 меньшихъ мортиръ, стрѣлявшихъ бомбами отъ 30

до 40 фунтовъ. Громадный обозъ Турецкій заключалъ въ себѣ 8000 подводъ, 5000 верблюдовъ, нагруженныхъ аммуниціей и воинскими снарядами. Кромѣ того, было 100.000 повозокъ съ провіантомъ. Особенное вниманіе обращала на себя Турецкая пѣхота. Большая часть ея была вооружена мечами и щитами, на подобіе Римскихъ пращиковъ. Ловкіе, расторопные пѣхотинцы бѣжали рядомъ съ всадниками, поперемѣнно служа другъ другу прикрытіемъ.

Турки не скупились снарядами. Въ теченіе двадцати дней, все дрожало, какъ въ землетрясеніе, отъ непрерывной пальбы по Чигиринской крѣпости, только предъ тѣмъ значительно исправленной Гордономъ. За указанное время попало въ Чигиринъ 11.450 ядеръ, среднимъ числомъ по 570 въ день и 4200 бомбъ—по 210 въ день [316]. Нашего войска было 117.700 человѣкъ. Чигиринъ, въ конецъ раззоренный массой брошенныхъ въ него снарядовъ, подкопами и поджогами, всетаки не былъ покоренъ, но оставленъ на-

---

[316] Всѣ эти свѣдѣнія собраны по мелочи изъ Дневника Гордона за 1678 годъ. (Часть 2. М. 1892).

ми [317] и то по приказанію изъ Москвы, объявленному княземъ Ромодановскимъ. Къ тому же Турецко-Татарское войско, въ ежедневныхъ, самыхъ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ бояхъ съ нами, подъ стѣнами крѣпости, потерпѣло такой страшный уронъ, что ни въ какомъ случаѣ не могло считать побѣду за собою. Оно не дерзнуло даже и подумать идти подъ Кіевъ. Турки впервые убѣдились въ несокрушимой стойкости Московскихъ ратныхъ людей въ открытомъ бою. Чигиринская война, дѣйствительно, была для нихъ «первымъ предостереженіемъ».

Искушенные въ бояхъ старые Татары, возвратившись изъ-подъ Чигирина въ Крымъ, открыто говорили, что «они никогда не слыхали и не видали, чтобъ Московскія войска такъ мужественно бивались съ ними и чтобъ они были такъ многочисленны». По донесеніямъ нашихъ Крымскихъ агентовъ, въ Крымскомъ улусѣ впали въ уныніе отъ результатовъ Чигиринской войны: «Татаровя черные не зѣло ради той войнѣ, потому что, какъ и прошлаго году, многой себѣ упадокъ учинили, а добычи никакой не видали и въ Крымъ по-

[317] Дневникъ Гордона. Ч. 2. М. 1892. стр. 185.

лону ничего не привели, нѣчто кто кого у Турокъ купилъ, а сами нигдѣ не добыли... Татаръ побито много и мурзъ привезли въ Крымъ убитыхъ многихъ же человѣкъ, и въ лошадяхъ де была скудость имъ и нужда большая. А про Чигиринъ де они говорятъ, что не они и не Турки его взяли, Богъ де его выдалъ. А они де чаяли, что и самимъ имъ и Туркамъ, отъ него не отойтить и для того присылалъ ханъ въ Крымъ, до раззоренія Чигирина, чтобъ всѣ постилися и потому де въ Крыму постъ былъ три дни, не ѣли до ночи и молилися въ мечетяхъ; а которые не хотѣли поститься и молиться, тѣхъ били палками» [318].

И такъ, Турецко - Татарскія полчища не были допущены нашими войсками до Кіева. Уже одно это давало право сказать, что побѣда была на нашей сторонѣ, и Москва ликовала. Во вкладной книгѣ любимой обители царя Ѳедора Алексѣевича, Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря, находится слѣдующая запись: «Въ 7186 (1678) году, іюля въ 24 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича,

---

[318] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1679 г. Св. 64/а. № 4.

стольникъ Иванъ Ивановъ сынъ Колычовъ, пріѣхавъ въ Воскресенскій монастырь, къ архимандриту Филоѳею и соборнымъ старцамъ и всей братіи, великаго государя указъ сказалъ, чтобъ архимандритъ соборомъ молебствовалъ о его государскомъ здравіи и побѣдѣ на Турокъ, его де государевымъ счастьемъ тѣхъ Турокъ подъ Чигиринымъ побили» [319].

А нѣсколько позже, на Постельномъ Крыльцѣ, сказанъ былъ царскій указъ всѣмъ ратнымъ людямъ, бывшимъ на Чигиринской службѣ, что великій государь «жалуетъ ихъ милостиво и паки милостиво похваляетъ», что они, «показуя свою природную храбрость, не устрашась басурманскаго многочисленнаго собранья и на себя наступленія, съ ними бились крѣпко и мужественно, и многихъ непріятельскихъ людей побили и языки и знамена поимали». Всѣмъ пожалованы были, по указнымъ статьямъ, къ прежнимъ окладамъ, помѣстныя и денежныя придачи, а имена тѣхъ, кои на бояхъ съ басурманами побиты или отъ ранъ померли, велѣно было, «на Москвѣ, въ

[319] Русскій Архивъ. 1878 годъ. книга 2. стр. 275 (сообщеніе архимандрита Леонида).

соборѣхъ и въ монастырѣхъ, и въ городѣхъ— въ соборѣхъ же и въ монастырѣхъ, написать въ вѣчные синодики и поминать незабвенно» [320].

Какъ извѣстно, царь Ѳедоръ Алексѣевичь, по слабости здоровья, выходилъ мало, но выпадали такіе благополучные дни, когда онъ въ состояніи былъ, въ довольно продолжительный періодъ времени, участвовать въ торжествахъ церковныхъ и совершать дальніе богомольные походы. Онъ любилъ пышность и великолѣпіемъ одежды и утвари (украшеній, убранства) превосходилъ самого царя Алексѣя Михайловича [321]. На дѣйство новаго лѣта, 1 сентября 1678 года, онъ вышелъ, опираясь на Индѣйскій посохъ съ каменьи, въ аломъ суконномъ опашнѣ, съ нашивкой и кружевомъ, унизанными жемчугомъ. На головѣ его была шапка горлатная съ колпакомъ» [322]. Вся соборная площадь, посреди коей, противъ Краснаго Крыльца, возвышался помостъ, съ роскошно убранными мѣстами

---

[320] Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Собраніе первое. Т. II. Спб. 1830. № 739.

[321] Строевъ. Выходы царей. М. 1844. Указатель. стр. 108.

[322] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 61.—Выходы царей. М. 1844. стр. 664.

для царя и патріарха, была устлана Турецкими и Персидскими коврами и огорожена рѣшетками точеными, писанными разными красками. Дѣйство новаго лѣта совершалось по установленному порядку, по чиновной книгѣ. Легко себѣ представить, чтὸ долженъ былъ чувствовать и думать бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, какъ бывшій нѣкогда Кіевскій воевода, глядя на Архангельскую паперть, на которой стоялъ, рядомъ съ сыномъ гетмана Ивана Самойловича, Семеномъ, столь хорошо извѣстный ему Петръ Дороѳеевичь Дорошенко [323], который причинялъ ему столько безпокойствъ и тревогъ своею азартною политическою игрою. Теперь его уже не узнать. Историческая роль знаменитаго Чигиринскаго гетмана, этого даровитаго представителя казачества, уже окончилась, и онъ, не взирая на весь вредъ, нанесенный Московскому государству, мирно проживалъ на почетномъ покоѣ въ Москвѣ, въ подаренномъ ему обширномъ домѣ и съ значительнымъ по тому времени денежнымъ содержаніемъ, по тысячѣ рублей въ годъ. Дорошенку объявлено было, что всѣ вины его про-

[323] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 62.

щаются и никогда не будутъ вспомянуты. Впослѣдствіи, именно въ 1684 году, Дорошенкѣ, вмѣсто денежнаго содержанія, пожаловано было, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, государево дворцовое село Ярополчь [324], гдѣ онъ и скончался въ 1698 году.

Послѣ праздника новолѣтія, царь Өедоръ Алексѣевичь предпринялъ походъ въ свое излюбленное богомолье, въ Воскресенскій монастырь, что̀ на Истрѣ, плѣнявшій его своимъ мѣстоположеніемъ. Поэтической душѣ царя Өедора Алексѣевича была люба и самая мысль Никона, создать, вблизи царствующаго града, точное подобіе преславнаго Іерусалимскаго храма Воскресенія Господня, дабы доставить возможность благочестивому Русскому народу, созерцать у себя дома хотя бы подобіе мѣстъ спасительныхъ страстей Христовыхъ. Въ отсутствіе Никона, тщаніемъ царя Өедора Алексѣевича, величественное зданіе соборнаго храма обители было доведено до сводовъ [325].

---

[324] Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1896 г. Кн. IV. Отд. 1. стр. 15.

[325] Архимандритъ Леонидъ. Историческое описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря. М. 1876. Предисловіе, стр. 1.

Необходимо замѣтить, что царь Ѳедоръ Алексѣевичь, подъ вліяніемъ своей тетки, царевны Татьяны Михайловны, съ ранняго дѣтства полюбилъ патріарха Никона. Прійдя въ возрастъ, онъ, по свидѣтельству Шушерина, самолично разсматривалъ дѣло Никона, «како изгнанъ и заточенъ, и много о семъ всячески испытуя». По вступленіи же на престолъ, Ѳедоръ Алексѣевичь выразилъ желаніе, чтобъ Никонъ, по крайней мѣрѣ, былъ освобожденъ отъ заточенія и водворенъ въ основанной имъ Воскресенской обители. Патріархъ Іоакимъ, «сія слышавъ, нача отрицатися, глаголя, яко сіе дѣло учинися отъ великаго собора святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, и безъ вѣдома ихъ, учинить ничего невозможно». Вельми опечаленный симъ царь, паки по-часту напоминая патріарху о Никонѣ, умолялъ, «да получитъ онъ отъ заточенія свободу»; патріархъ же, «нимало на сіе изволяющу, но паче отрицающуся и возброняющу о семъ» [326]. Съ формальной стороны, патріархъ Іоакимъ, быть можетъ, былъ и правъ, но это

---

[326] Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1871. стр. 94, 98.

ни въ какомъ случаѣ не могло умалить уваженія царя Ѳедора Алексѣевича къ опальному патріарху Никону. Мы увидимъ, что въ концѣ концовъ онъ добился своего, но уже было поздно.

Достойно примѣчанія, что въ богомольномъ походѣ въ Воскресенскій монастырь, съ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ слѣдовало все царское семейство: вдовствующая царица Наталья Кирилловна, съ шестилѣтнимъ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ и царевной Натальей Алексѣевной; братъ государя, царевичъ Иванъ Алексѣевичъ; тетки его—царевны Ирина Михайловна и Татьяна Михайловна, и всѣ сестры-царевны: Евдокія, Марѳа, Софья, Екатерина, Марья и Ѳеодосья Алексѣевны [327]. Въ свитѣ государя, между прочимъ, былъ бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, съ своими сыновьями, стольниками: Борисомъ Петровичемъ и Ѳедоромъ Петровичемъ Шереметевыми [328].

Царственные богомольцы прибыли въ Воскресенскій монастырь 5 сентября, въ 9

---

[327] Архимандритъ Леонидъ. Историческое описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря. М. 1876. стр. 32.

[328] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 62 и 95.

часовъ утра, и были всѣ у обѣдни. Стояли «у Креста Животворящаго, въ каменной церкви, что́ именуется Голгоѳа». Въ тотъ же день, царь Ѳедоръ Алексѣевичь, по обѣщанію, пожаловалъ обители «церковную утварь: ризу и стихарь съ принадлежностями». Въ трехдневное пребываніе въ Воскресенской обители, государь подолгу бесѣдовалъ съ архимандритомъ Филоѳеемъ, строителемъ Германомъ (бывшимъ нѣкогда келейникомъ патріарха Никона), казначеемъ Сергіемъ и прочими соборными старцами. Бесѣдовали о церковномъ уставѣ и о чинѣ монастырскомъ. Царь безпрестанно вопрошалъ: «Како было при святѣйшемъ» [329], то-есть, при Никонѣ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь хорошо зналъ церковный уставъ. А въ пѣніи церковномъ былъ прямо знатокъ. Весьма часто онъ самъ пѣвалъ на клиросѣ и исправлялъ должность регента [330]. Тѣмъ съ бо̀льшимъ сокрушеніемъ сердца видѣлъ царь Ѳедоръ Алексѣевичь, что въ его любимомъ богомольѣ, «ничтоже въ чинѣ цер-

---

[329] Архимандритъ Леонидъ. Историческое описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря. М. 1876. стр. 34.

[330] Берхъ. Царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича. Ч. I. Спб. 1834. стр. 100.

ковномъ и уставѣ согласуется съ тѣмъ, что было при святѣйшемъ», что въ пѣніи и въ чтеніи и во всякомъ благочиніи церковномъ и монастырскомъ, «все превращенно и нововводно и что въ пѣніи, ни Русское, ни Греческое, ни Кіевское» [331]... Въ поясненіе этихъ послѣднихъ словъ слѣдуетъ напомнить, что патріархъ Никонъ, который, по словамъ его жизнеописателя, «превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія», впервые ввелъ у насъ Греческіе и Кіевскіе распѣвы. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь вполнѣ сочувствовалъ этому возвращенію къ старинѣ.

Государь приказалъ соборнымъ старцамъ Воскресенской обители, «хранити во вѣки твердо, нерушимо уставъ церковный и чинъ монастырскій, како было предано церкви святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ», и сейчасъ же приступить къ написанію этого устава, который и представить ему.

При отъѣздѣ изъ Воскресенскаго монастыря, у Святыхъ вратъ, архимандритъ и вся братія поднесли государю образъ Воскресенія Христова, хлѣбъ и рыбу; а царь Ѳедоръ

[331] Архимандритъ Леонидъ. Историческое описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря. М. 1876. стр. 34.

Алексѣевичъ, помолясь образу, написанному на Святыхъ вратахъ, на прощанье пожаловалъ братіи полтораста рублей [332].

Изъ Воскресенскаго монастыря царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, со всѣмъ своимъ государскимъ домомъ, ходилъ, по обѣщанію, молиться въ Савинъ-Сторожевскій монастырь, куда прибылъ къ празднику, 8 сентября [333], и возвратился въ Москву 11 сентября [334].

Къ немалому удивленію братіи Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ прислалъ имъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, грамоту, что онъ, по обѣщанію, опять собирается въ ихъ обитель помолиться, чтобъ «въ монастырѣ все учинить стройно и ожидать его, государскаго, пришествія вскорѣ». Дѣйствительно, 4 декабря, «въ седьмомъ часу нощи», Ѳеодоръ Алексѣевичъ снова прибылъ въ Воскресенскій монастырь. На другой день, 5 декабря, онъ слушалъ обѣдню на Голгоѳѣ и въ самой церкви вручилъ братіи жалованную грамоту на двѣ соляныя вар-

---

[332] Архимандритъ Леонидъ. Историческое описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря. М. 1876. стр. 33, 34.

[333] Тамъ же, стр. 33.

[334] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 63.

ницы, въ Камскихъ усольяхъ, и кромѣ того, пожаловалъ «сосуды церковные, что́ по его, государеву, указу строены тѣ сосуды на Москвѣ». Согласно приказанію государя въ предыдущее его посѣщеніе обители, братія поднесла царскому величеству письменно изложенный уставъ обители. Царь Өедоръ Алексѣевичь, пересмотрѣвъ уставъ, «изволилъ приказать изъ устъ своихъ царское свое слово», архимандриту Филоѳею, строителю Герману и казначею Сергію, «чтобы у нихъ, въ церкви Божіей, церковное пѣніе, чтеніе и чинъ весь монастырской, какъ было при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ, все хранилось твердо и неизмѣнно» [335].

---

[335] Архимандритъ Леонидъ. Историческое описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря. М. 1876 г. стр. 35.

ГЛАВА XVII.

Между тѣмъ, всю осень 1678 года, въ Москву приходили вѣстовыя письма и отписки изъ Малороссійскихъ городовъ и изъ разныхъ иныхъ мѣстъ о томъ, что «Турской салтанъ, не отмѣняя злого своего намѣренія, хочетъ со многими своими бусурманскими силами приходить къ Кіеву и къ инымъ великаго государя Малороссійскимъ и украинныммъ городамъ, по веснѣ, рано». Царь Өедоръ Алексѣевичь, «для отвращенія того бусурманскаго намѣренія и для обороны его, великаго государя, отчины, богоспасаемаго града Кіева и иныхъ Малороссійскихъ и украинныхъ городовъ, указалъ быть на государевой службѣ боярамъ и воеводамъ по росписи изъ Разряда» [336].

[336] Матеріалы для Исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Кн. 1. Воронежъ. 1861. стр. 75. № LIII.

«Вѣдуще извѣстно,—писалъ царь Ѳедоръ въ Флорищеву пустынь, отъ 27 августа 1678 года, къ своему другу и собесѣднику Иларіону съ братіею,—яко теплая преподобныхъ отецъ молитва много поспѣшествуетъ всяческимъ нуждамъ человѣческимъ, просимъ ваше преподобіе, честніи отцы, потщитеся молити Господа Бога теплыми вашими прошеньми, о избавленіи нападенія и злого ратоборства отъ устремляющихся на Христово стадо безбожныхъ Агарянъ» [337]...

5 ноября, царь Ѳедоръ Алексѣевичь, «совѣтовавъ въ дусѣ» съ отцомъ своимъ и богомольцомъ, святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ и, поговоря съ боярами въ Передней Палатѣ, прежде всего указалъ, чтобы въ предстоявшемъ походѣ, боярамъ и воеводамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и иныхъ чиновъ ратнымъ людямъ, «у всякихъ дѣлъ и въ посылкахъ быть межъ себя всѣмъ безъ мѣстъ, покамѣста Турская война минетца, и никому ни съ кѣмъ нынѣшнимъ разрядомъ нынѣ и впредь въ отечествѣ не считатца, и нынѣшняго розряду въ отеческихъ дѣлѣхъ въ случай никому не ставить и никому ни на

[337] Акты Археографической Экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. № 227.

кого тѣмъ не попрекать, и въ Розрядъ къ отеческимъ къ счетнымъ дѣламъ нынѣшнихъ случаевъ ни у кого ни на кого не принимать. А будетъ кто учнетъ, мимо сего государева указу, по нынѣшнему розряду въ отечествѣ на кого великому государю бить челомъ, или впредь нынѣшнимъ розрядомъ кто кого въ отечествѣ учнетъ попрекать, и тѣмъ людемъ отъ великаго государя быть въ жестокомъ наказаньѣ, и въ разореньѣ, и въ ссылкѣ, безо всякаго милосердія и пощады, и изъ чиновъ, кто въ которомъ былъ, будутъ отставлены; и впредь тѣмъ людемъ за тѣ свои вины и упрямство, въ прежнихъ чинѣхъ и въ чести не быть» [338].

Со временъ Грознаго, почти предъ каждымъ походомъ объявляли «быть безъ мѣстъ» и что сдѣланныя для похода воеводскія назначенія не будутъ принимаемы въ расчетъ при мѣстническихъ спорахъ. Но приведенный указъ по тому же предмету царя Ѳедора Алексѣевича, своею рѣшительностію и даже рѣзкостью, представлялъ чтó-то необычное и могъ наводить на мысль, что недалеко то время, когда традиціонное объявленіе, быть

[338] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1043, 1044.

въ походѣ безъ мѣстъ, замѣнится указомъ, «быть *всегда* безъ мѣстъ».

8 ноября, строгій царскій указъ былъ сказанъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ въ Передней Палатѣ, въ присутствіи государя. А стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и жильцамъ, указъ прочиталъ на Постельномъ Крыльцѣ думный разрядный дьякъ Василій Семеновъ [339]. Далѣе, предстояло подумать о средствахъ для веденія страшной войны съ Турками. И вотъ, царь Ѳедоръ Алексѣевичь, опять посовѣтовавшись съ патріархомъ Іоакимомъ и поговоря съ боярами, указываетъ взять, на военныя надобности, со всѣхъ помѣстій и вотчинъ, съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ, по полтинѣ со двора. Какъ ни тяжело было такое обложеніе, всѣ спѣшили съ своими взносами, въ виду того, что собранныя деньги должны пойти, какъ сказано въ царскомъ указѣ, «на избавленіе святыхъ Божіихъ церквей и для сохраненія православныхъ христіанъ» [340].

---

[339] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1045.

[340] Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Собраніе первое. Т. II. Спб. 1830. № 750.

Тѣмъ временемъ, въ украинныхъ городахъ сосредоточивали многочисленное войско, подъ главнымъ начальствомъ воеводы большого полка боярина князя Михаила Алегуковича Черкасскаго. Прежній воинскій распорядокъ, когда выступавшая противъ непріятеля армія дѣлилась на большой полкъ, передовой и сторожевой, на правую руку и лѣвую, былъ уже давно оставленъ. Въ описываемую пору сохранился только большой полкъ, старшій воевода коего былъ главнокомандующимъ всей арміи, которая состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ ратей, именуемыхъ разрядами, съ полками, называвшимися по мѣстностямъ. Въ росписяхъ настоящаго похода находимъ названія разрядовъ: Тульскій, Казанскій и Рязанскій, а полковъ: Сѣвскій, Бѣлогородскій и Новгородскій [341]. Боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву указано было быть въ Рязанскомъ разрядѣ первымъ [342].

---

[341] Книга записная о полковыхъ дѣлѣхъ полку боярина и воеводъ князя Михаила Алегуковича Черкасскаго съ товарыщи 187 и 188 году. Напечатана во II томѣ Книгъ разрядныхъ. Спб. 1855. столб. 1043 и слѣд.

[342] Первоначально онъ былъ назначенъ въ Тульскій разрядъ, потомъ въ Казанскій и окончательно—въ Рязанскій разрядъ.

Начальникъ разряда, также какъ и главнокомандующій, назывался воеводою; къ нему также назначался товарищъ. Разница была лишь въ томъ, что при немъ не было дьяковъ. Начальники разрядовъ, въ своихъ полкахъ, имѣли ту же власть, что и главнокомандующій въ своихъ. Да и зависѣли они весьма мало отъ главнокомандующаго, хотя и должны были доносить ему о своихъ дѣйствіяхъ [343].

Боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву, какъ начальнику Рязанской рати или разряда, выпало на долю быть главнѣйшимъ дѣйствующимъ лицомъ въ намѣченныхъ Разряднымъ Приказомъ военныхъ операціяхъ. Онъ и выступилъ изъ Москвы раньше другихъ, именно въ половинѣ января 1679 года, и сталъ, по указу, въ Мценскѣ. Съ нимъ былъ старшій сынъ его, стольникъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Къ 25 марта, Петръ Васильевичъ долженъ былъ прибыть въ Рыльскъ, а къ 1 апрѣля—въ Кіевъ, оставивъ въ Рыльскѣ «сына своего стольника Бориса». Послѣднему велѣно было сби-

---

[343] Бѣляевъ. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ него, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ. М. 1846. стр. 102—105.

раться съ ратными людьми Рязанскихъ и Заоцкихъ городовъ, а собрався, итти въ Кіевъ, къ отцу своему, мая съ 15 числа. Въ росписи пояснено, что стольнику Борису Петровичу Шереметеву «въ товарищахъ съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ не быть», а только, собравъ ратныхъ людей, отвести ихъ въ Кіевъ, къ боярину Петру Васильевичу [344].

22 января 1679 года, по указу государя, бояринъ, дворецкій и оружейничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово и стольникъ Иванъ Степановичь Телепневъ, послали изъ Оружейнаго Приказа въ Разрядъ полковое знамя, съ чемоданомъ и со втокомъ [345], для отправки его во Мценскъ, въ полкъ боярина и воеводы Петра Васильевича Большого Шереметева. По червчатой камкѣ присланнаго въ Разрядъ знамени, «писанъ образъ Спасовъ Нерукотворенный съ оба лица; по сторонамъ Спасова образа написаны Ангелы. Во втокѣ писаны звѣзды золотомъ; каймы писаны по золоту чернилами, да по зеленой землѣ травы. Къ

[344] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: столбецъ Московскаго стола, № 621. Склейки 67—73.

[345] Металлическая трубка, въ которую втыкается знамя.

тому знамени крестъ серебряный, позолоченый. Древко тощее, стараго письма, писано золотомъ и краски. На знамѣ сорочка сукна краснаго [346].

Въ составъ рати Петра Васильевича Шереметева входили: ратные люди, конные и пѣшіе Сѣвскаго полка, четыре солдатскихъ полка, съ пушкарями и драгунами, и пять приказовъ Московскихъ стрѣльцовъ. Всѣ они должны были собраться въ Рыльскѣ къ 25-му марта; ратнымъ же людямъ Рязанскихъ и Заоцкихъ городовъ назначено собраться въ Рыльскѣ же къ 9 мая.

Такъ было указано въ росписи. Но по новымъ вѣстямъ, Петру Васильевичу приказали, 21 февраля, съ государевыми людьми, которые у него были налицо, идти «наспѣхъ» изъ Мценска въ Рыльскъ, гдѣ стать на срокъ 28 февраля и сбираться тамъ съ ратными людьми, коимъ велѣно быть съ нимъ по наряду, именно: Рязанцамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ всѣхъ становъ и Рейтарскаго Приказа рейтарскимъ полкамъ — Рязанцамъ тѣхъ же становъ; да Сѣвскаго полка:

---

[346] Московскій Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора: столбецъ Оружейной Палаты (по 13 описи) 187 года. № 241.

Бѣлевцамъ, Болховичамъ, Карачевцамъ, Новгородка-Сѣверскаго, Черниговцамъ, Рылянамъ, Орлянамъ, Кромчанамъ, Стародубцамъ и Рославцамъ, «которые живутъ въ Сѣвску». А ратнымъ людямъ Заоцкихъ городовъ, «Колужаномъ, Мядынцомъ, Воротынцомъ, Мещаномъ, Козличамъ, Лихвинцомъ, Серпьяномъ, Мещеряномъ и Ряшеномъ», указано быть съ товарищемъ Шереметева, окольничимъ и воеводою Александромъ Севастьяновичемъ Хитрово. «А какъ онъ, бояринъ и воевода Петръ Васильевичь,—читаемъ въ царскомъ указѣ,—съ ратными людьми изъ Рыльска къ Кіеву пойдетъ, и ему оставить въ Рыльску товарища своего окольничаго Александра Севастьяновича Хитрово, для сбора ратныхъ людей; а собрався, идти въ полкъ къ боярину Петру Васильевичу, въ Кіевъ, мая съ 15 числа» [347].

Такимъ образомъ, отмѣнено было первоначальное распоряженіе, въ силу коего, въ Рыльскѣ, послѣ ухода боярина Петра Васильевича Шереметева въ Кіевъ, долженъ былъ остаться, для сбора ратныхъ людей, сынъ его, стольникъ Борисъ Петровичь Шереметевъ, но это потому, что послѣднему го-

[347] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1043—1053.

товили иное назначеніе, по его чину и годамъ весьма значительное. Видно уже замѣчены были выдающіяся дарованія будущаго фельдмаршала. Но, разскажемъ все по порядку.

По новому распоряженію, Борисъ Петровичъ Шереметевъ остался въ полку отца своего и вмѣстѣ съ нимъ, въ маѣ мѣсяцѣ, выступилъ изъ Рыльска въ Кіевъ. Петру Васильевичу Большому Шереметеву и на этотъ разъ предоставлено было титуловаться намѣстникомъ Смоленскимъ. Отъ 27 мая 1679 года, гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ царю Ѳеодору Алексѣевичу: «Увѣдомився я о приближеніи вашего царскаго пресвѣтлаго величества боярина и воеводы и намѣстника Смоленскаго Петра Васильевича Шереметева, съ вашими государскими ратными людьми, въ Кіевъ съ нимъ идущими, къ здѣшнимъ городамъ Малороссійскимъ, ѣздилъ есмь нарочно, съ старшиною войсковою, за двадцать верстъ отъ Батурина, въ поле, къ нему на дорогу, которая лежитъ въ Кіевъ, гдѣ честно съѣхався, о всемъ, что̀ належало, переговорилъ есмь съ нимъ. Боярину, хотя и былъ таковъ вашъ, государской, указъ, чтобъ онъ, пришедъ въ Кіевъ, на Печерской горѣ сталъ

и крѣпости для обозначаго стану, гдѣ бъ подлинно нужда указывала, съ войскомъ, при немъ обрѣтающимся, дѣлалъ, однакожъ увидѣлъ есмь, что войскъ при немъ, бояринѣ и воеводѣ, зѣло мало, едва съ пять тысячь будетъ, которымъ Печерской городъ не осадитъ и крѣпости на ней дѣлать не возможетъ. Тѣхъ ради мѣръ, совѣтовалъ ему, боярину, чтобъ, пришедъ въ Кіевъ, сталъ выше великаго города по горѣ, у пробитаго валу, взявъ отъ Львовскихъ воротъ до Щаковицы, и крѣпости... промысломъ своимъ строилъ тамъ; зѣло суть надобны крѣпости отъ насильствія непріятельскаго». Въ концѣ листа Самойловичъ писалъ: «Какъ увидѣвся съ бояриномъ и воеводою Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, разговаривали о дѣлахъ вашихъ, государскихъ, тогда онъ, бояринъ, сказалъ мнѣ въ разговорѣ, что Путивльскій воевода не далъ ему, боярину, огненокъ (фитилей) и гранатовъ, что́ зѣло надобно есть къ войнѣ противъ Турковъ, и надобно скораго вашего государскаго указу къ Путивльскому воеводѣ, чтобъ то отдалъ».

Подъ начальствомъ Петра Васильевича Шереметева была армія въ 19.260 ратныхъ

людей (6988—конныхъ и 12.272—пѣшихъ), считая въ томъ числѣ полкъ генерала Аггея Алексѣевича Шепелева (4518 человѣкъ) и ратныхъ людей, которые находились при товарищѣ Шереметева, окольничемъ Александрѣ Севастьяновичѣ Хитрово (6272 человѣка)[348]. Но полкъ Шепелева и ратные люди Хитрово «разошлись» съ Шереметевымъ, то-есть, шли разными дорогами, и поотстали. Такъ что отрядъ, съ которымъ Петръ Васильевичъ пришелъ въ Малороссію, дѣйствительно, былъ немногочисленъ. Если бы и всѣ ратные люди его разряда были въ сборѣ, то и тогда при немъ лично находилось бы всего 8470 человѣкъ.

Гетманъ Самойловичъ приходилъ въ отчаяніе и умолялъ государя «поновить» свой государскій указъ, чтобъ бояре и воеводы, съ войсками своими, какъ можно скорѣе шли, днемъ и ночью, къ мѣстамъ, назначеннымъ имъ подъ Кіевомъ. «Зѣло опасаюсь,—писалъ гетманъ, —чтобъ насъ непріятели бусурманы приходомъ своимъ не упредили» [349].

Вслѣдствіе сего, царь Ѳедоръ Алексѣе-

---

[348] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Дѣла Московскаго стола. Записная книга 1679 г. № 19. л. 333 на обор.—л. 336.

[349] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1204—1207.

вичь велѣлъ стольнику Василью Савичу Нарбѣкову ѣхать съ Москвы «наспѣхъ, не мѣшкая нигдѣ, ни зачѣмъ, ни мало времени», во всѣ полки, къ боярамъ и воеводамъ. Прежде всего спросить ихъ о здоровьѣ и сказать, что великій государь жалуетъ ихъ за службу, «что дорогою шли немедленно», и милостиво похваляетъ. А за тѣмъ говорить, чтобъ они, «сшодчись съ бояриномъ и воеводою княземъ Михаиломъ Алегуковичемъ Черкасскимъ, шли бы въ Малороссійскіе городы вмѣстѣ, устроясь обозомъ, со всякою осторожностью отъ приходу воинскихъ людей» [350].

Стольникъ Нарбѣковъ еще не успѣлъ объѣхать всѣ полки, какъ состоялось вышеупомянутое назначеніе Бориса Петровича Шереметева. Въ чинѣ стольника и имѣя всего 27 лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ, 17 іюня 1679 года, въ товарищи къ воеводѣ большого полка или главнокомандующему, боярину князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь поспѣшилъ порадовать извѣстіемъ объ этомъ отца Бориса Петровича, боярина Петра Васильевича Большого Шереметева. Въ грамотѣ, отъ 18 іюня,

[350] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1139—1142.

онъ писалъ къ нему: «Указали мы, великій государь, стольнику нашему и воеводѣ, сыну твоему Борису, быть на нашей великаго государя службѣ въ большомъ полку съ бояриномъ нашимъ и воеводою со княземъ Михаиломъ Алегуковичемъ Черкасскимъ въ товарищахъ... И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ, бояринъ нашъ и воевода, стольника нашего и воеводу сына своего Бориса отпустилъ въ полкъ къ боярину и воеводѣ ко князю Михаилу Алегуковичу безъ мотчанья. А въ которомъ числѣ онъ въ полкъ отпущенъ будетъ, и ты бъ о томъ къ намъ, великому государю, писалъ» [351].

Однако, гетманъ Самойловичъ напрасно такъ тревожился. Рядомъ съ приготовленіями къ войнѣ, у насъ шли дипломатическіе переговоры, имѣвшіе цѣлію во что бы то ни стало избѣгнуть кроваваго поединка съ такимъ сильнымъ врагомъ, какимъ была въ то время Турція. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь, еще въ декабрѣ 1678 года, отправилъ въ Константинополь дворянина Даудова съ грамотою къ султану Мухаммеду IV-му, въ которой предлагалъ падишаху возстановить прежнія дру-

[351] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1229—1231.

жественныя отношенія между Россіею и Портою. Кромѣ того, и патріархъ Іоакимъ послалъ отъ себя грамоту къ муфтію, съ выраженіемъ надежды, что тотъ, какъ «первый и начальнѣйшій блюститель мусульманскаго закона», потщится о сохраненіи покоя и тишины всенародной, и «всякимъ образомъ, хитростно, военное расширеніе удержитъ, и плодъ въ томъ правды предъ Господа Бога въ даръ принести похощетъ, и народамъ своимъ милость и покой ходатайствомъ у султанова величества упроситъ» [352].

Оказалось, что въ Константинополѣ, не меньше нашего, были расположены къ миру. Послѣ значительнаго урона подъ Чигиринымъ, когда Турки потеряли свыше трети своей арміи, у нихъ не было большой охоты идти подъ Кіевъ, тѣмъ болѣе, что тамъ ожидало ихъ уже совсѣмъ готовое къ бою многочисленное Московское войско. Султанъ, ничего еще не зная о посольствѣ къ нему дворянина Даудова, далъ порученіе Валахскому господарю Іоанну Дукѣ быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Портою.

Однимъ словомъ, вмѣсто новаго нашествія

[352] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. 3. столб. 849.

на Малороссію, Турецкій султанъ, уподобляемый Украинскимъ лѣтописцемъ змію, «заразъ въ клубъ звившися, въ себе свою ядоносную и зѣло возносившуюся сокрилъ главу, и не идучи уже войною на Кіевъ, повернулъ зо всѣми силами своими зъ походу, до своей въ Царигородѣ язвини» [353].

6 августа 1679 года, въ Москвѣ уже признали возможнымъ сдѣлать распоряженіе объ отозваніи всѣхъ войскъ изъ Малороссіи. Имъ приказано было «итти къ Путивлю безсрочно (то-есть, не стѣсняясь срокомъ), развѣдавъ про приходъ воинскихъ людей подлинно: будетъ впрямь къ Кіеву и въ Малороссійскіе и въ украинные городы Турскаго салтана войскъ приходу не чаять. А пришедъ къ Путивлю, ратныхъ людей распустить по домамъ» [354].

Въ Путивлѣ войска были встрѣчены посланнымъ государемъ наспѣхъ стольникомъ княземъ Юрьемъ Великаго-Гагинымъ. Войдя въ шатеръ, гдѣ находились главнокомандующій князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій

---

[353] Величко. Лѣтопись событій въ Юго-Западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 478.

[354] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1334.

и всѣ его сотрудники—начальники разрядовъ и прочіе воеводы,—князь Великаго-Гагинъ сказалъ имъ по листу слѣдующую рѣчь:

«Бояря и воеводы князь Михайло Алегуковичь съ товарищи! Великій государь, царь и великій князь Өеодоръ Алексѣевичь, велѣлъ вамъ говорить: въ нынѣшнемъ во 187-мъ году, по его, великаго государя, указу, вы, бояря и воеводы, съ государевыми ратными людьми, для его государевы службы, въ указныхъ мѣстѣхъ собрались вскорѣ и шли въ Малороссійскіе городы и къ Кіеву съ поспѣшеньемъ; и пришедъ къ Кіеву,... по совѣту... съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, около Кіева и Печерскаго монастыря, городовыхъ всякихъ крѣпостей и рвовъ осмотрили сами, и которые городовые крѣпости и рвы, по вашему, бояръ и воеводъ, осмотру, довелось сдѣлать вновь, а иные починить, и вы, бояря и воеводы, тѣ всѣ крѣпости, росписавъ, сдѣлали вскорѣ. Да вы жъ, бояря и воеводы, будучи въ Малороссійскихъ городѣхъ и у Кіева, про всякіе непріятельскіе замыслы провѣдывали, и что̀ у васъ было какихъ вѣдомостей, и о томъ о всемъ писали вы къ нему, великому государю. И великій государь, царь и вели-

кій князь Өеодоръ Алексѣевичь пожаловалъ тебя, боярина и воеводу князя Михайла Алегуковича, и товарищевъ твоихъ бояръ же и воеводъ, за тое вашу службу и радѣнье, и за строенье у Кіева городовыхъ всякихъ крѣпостей, и за всякіе ваши полковые радѣтельные промыслы, велѣлъ васъ спросить о вашемъ здоровьѣ, и жалуетъ вашу службу, милостиво похваляетъ».

Изговоря рѣчь, князь Великаго-Гагинъ подалъ князю Черкасскому листъ, на которомъ она была написана.

По царскому указу, посланному изъ Москвы 23 сентября, воевода большого полка князь Михаилъ Алегуковичь Черкасскій и начальники разрядовъ покинули наконецъ Путивль и подошли къ Москвѣ тремя разными дорогами: самъ князь Черкасскій — по Серпуховской дорогѣ, начальникъ Казанскаго разряда, князь Михайло Юрьевичь Долгоруковъ — по Каширской, а бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ—по Калужской. Не доѣзжая Москвы, воеводы должны были остановиться на указанныхъ мѣстахъ для принятія новой встрѣчи отъ государя и вторичнаго выслушанія той рѣчи, которую

они уже слышали въ Путивлѣ. На встрѣчу воеводъ, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ послалъ изъ Москвы стольника Семена Ивановича Языкова, который отправился съ царскимъ милостивымъ словомъ, сперва къ князю Черкасскому — на мѣсто его остановки, въ деревню Чертанову, потомъ къ князю Долгорукову—на Черную Грязь и, наконецъ, къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву — въ село Семеновское. По прибытіи въ Москву и по сдачѣ бывшихъ въ походѣ образо̀въ въ церковь Николая Чудотворца, что̀ на Берсеневкѣ, воеводамъ предоставлено было «ѣхать по домамъ» [355].

---

[355] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 1363—1398.

ГЛАВА XVIII.

Мы оставили двоюроднаго племянника боярина Петра Васильевича Большого Шереметева и его тезку, стольника Петра Васильевича Меньшого Шереметева, на воеводствѣ во Псковѣ, куда онъ былъ посланъ вскорѣ послѣ воцаренія Ѳедора Алексѣевича, почти одновременно съ назначеніемъ его дяди на воеводство въ Тобольскъ [356].

Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ былъ посаженъ на мѣстѣ, на которомъ столь трагически погибъ, въ Смутное время, его родной прадѣдъ Псковской воевода бояринъ Петръ Никитичь Шереметевъ, павшій жертвою раздиравшей Псковъ борьбы тамошнихъ, такъ называемыхъ, «лучшихъ и

---

[356] См. выше, стр. 178. 182. 183.

меньшихъ людей». Это «нелюбовное житіе» Псковскихъ гражданъ пережило поколѣнія. Даже при правнукѣ погибшаго воеводы, во Псковѣ все еще ссорились средніе и меньшіе люди съ лучшими, старые посадскіе люди— съ новыми, богатые—съ бѣдными.

Прямыхъ свѣдѣній о характерѣ дѣятельности Петра Васильевича Меньшого Шереметева, какъ Псковского воеводы, не имѣемъ, но можно думать, что онъ держался порядковъ, заведенныхъ въ Псковѣ, въ 1665 году, извѣстнымъ любимцемъ царя Алексѣя Михайловича, Аѳанасьемъ Лаврентьевичемъ Ордынымъ - Нащокинымъ. На это указываетъ уже то, что Шереметевъ оставилъ при себѣ дьяка Мину Гробова, который находился и при Нащокинѣ, будучи самымъ довѣреннымъ лицомъ его и сотрудникомъ по устройству Псковского края и поднятію благосостоянія города. Всѣ благія начинанія и попытки Нащокина, напримѣръ, по улучшенію заграничной торговли Пскова, стоявшаго на двухъ рубежахъ, по упорядоченію винной продажи, составлявшей одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ дохода для казны и т. д. [357], находили

[357] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Т. III. столб. 716 и сл.

себѣ полное сочувствіе въ Петрѣ Васильевичѣ Меньшомъ Шереметевѣ, и онъ, при помощи опытнаго дьяка Мины Гробова, по возможности, возстановлялъ все учрежденное при Нащокинѣ, все то, что такъ легкомысленно было заброшено послѣ того, какъ этотъ замѣчательный государственный человѣкъ былъ отозванъ въ Москву, для веденія мирныхъ переговоровъ съ Польскими уполномоченными.

Всѣ выѣзжіе въ Россію на государево имя иноземцы, также мастера, техники и проч., слѣдовали преимущественно черезъ Псковъ. Воевода Псковскій, въ Съѣзжей Избѣ, отбиралъ отъ нихъ сказки, кто они родомъ, ихъ званіе или предметъ занятій, какія вѣсти вѣдаютъ и т. подоб. Распросныя рѣчи воевода, при отпискѣ, отправлялъ къ государю. Вотъ, для образца, такая отписка стольника Петра Васильевича Меньшого Шереметева и дьяка Мины Гробова, отъ 3 марта 1676 года: «Генваря въ 28 день, вышелъ во Псковъ изъ-за Литовскаго рубежа, на его, великаго государя, царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича... имя, шляхтичъ, а въ роспросѣ сказался Аврамомъ, зовутъ Будрѣевской, съ же-

ною (Катериною) и съ дѣтьми (Иваномъ, Оленой и Настасьей) самъ-пятъ, Полоцкаго повѣту, съ мѣстечка Омерья; а въ нынѣшнемъ де во 184 году въ войскѣ нигдѣ не бывалъ и вѣстей никакихъ не вѣдаетъ. И билъ челомъ великому государю, царю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу. Къ Москвѣ его, Аврама, съ женою и съ дѣтьми сама-пята, послали мы съ сотникомъ стрѣлецкимъ Шандинымъ, февраля въ 18 день» [358].

Въ другой отпискѣ, полученной въ Москвѣ 13 апрѣля 1677 года, Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ писалъ къ государю о выѣзжемъ Польскомъ шляхтичѣ Янѣ Василевскомъ. Этотъ въ распросѣ сказалъ: служилъ де онъ Польскому королю въ полку гетмана Паца, надворной хорунги у гусарскаго товарища у Яна Гудовича, шляхетскую службу; и слыша де онъ къ своей братьѣ, иноземцомъ, государскую премногую милость,

---

[358] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. IX. Спб. 1875. № 17. столб. 50. Въ Москвѣ, въ Разрядѣ, шляхтичъ Будрѣевскій показалъ, что онъ «служилъ Польскому королю хорунжимъ у польнаго гетмана князя Несвицкаго, что онъ пріѣхалъ во Псковъ, на имя великаго государя, служить въ вѣчномъ холопствѣ, потому что помѣстье де у него было во Псковскомъ и въ Смоленскомъ уѣздѣ 24 двора, и нынѣ де за великимъ государемъ». Будрѣевскому дано государево жалованье за выѣздъ.

выѣхалъ изъ Польши на его, государево, имя, въ вѣчное холопство, и служить ему, великому государю, въ Сибирскихъ и въ Понизовыхъ городѣхъ, гдѣ великій государь укажетъ [359].

Въ слѣдующемъ 1678 году, дьяка Мину Гробова перевели въ Якутскъ,—дьякомъ же, къ воеводѣ Ѳомѣ Ивановичу Бибикову, а Петра Васильевича Меньшого Шереметева пожаловали въ бояре [360] и назначили воеводою въ царствующій градъ Тобольскъ, на мѣсто дяди его боярина Петра Васильевича Большого Шереметева. На воеводство же во Псковъ прислали боярина князя Владиміра Дмитріевича Долгорукова.

Сообщенныя нами свѣдѣнія о Петрѣ Васильевичѣ Меньшомъ Шереметевѣ, до назначенія его на воеводство въ Псковъ, такъ от-

---

[359] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. IX. Спб. 1875. № 17. столб. 55.—По указу великаго государя, Василевскому дано за выходъ: 5 рублевъ, сукно Аглинское, да кормовыхъ денегъ, по 8 денегъ на день. Да кромѣ того, Василевскому дано за крещенье (а во крещеніи имя ему Прохоръ): жалованье великаго государя 5 рублевъ да, вмѣсто сукна, 3 рубли, кормовыхъ денегъ на два мѣсяца, по 8 денегъ на день.

[360] Спиридовъ, Матвѣй. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ (Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. Ч. 5. стр. 176).

рывочны и разбросаны, что необходимо наконецъ оріентироваться въ нихъ и поговорить нѣсколько подробнѣе о немъ лично и объ его любимомъ помѣстьѣ Уборахъ, Звенигородскаго уѣзда.

Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву шелъ всего второй годъ, когда скончался, 12 января 1652 года, отецъ его, стольникъ Василій Ивановичь Шереметевъ. А его мать Ксенія Ивановна, рожденная Коробьина, умерла еще ранѣе, именно 5 мая 1650 года. Петръ Васильевичь былъ у нихъ единственный сынъ. Родной братъ покойнаго Василья Ивановича Шереметева, стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, какъ ближайшій родственникъ, долженъ былъ взять сироту-племянника на свое попеченіе и вести всѣ его дѣла. Лишь въ 1672 году, съ наступленіемъ гражданскаго совершеннолѣтія, Петръ Васильевичь введенъ былъ во владѣніе всѣми имѣніями отца, у котораго онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ. Такъ, въ дѣлѣ Вотчинной Коллегіи сказано, что именно по дачѣ 7180, то-есть 1672 года, ему дана «дѣда его», въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ Городскомъ станѣ, деревня Уборы, на рѣкѣ Москвѣ; пустошь, что была дерев-

ня Дубецъ, Степановская тожъ; пустошь Ананьина; пустошь Череповская; пустошь Борисовская; пустошь Упаткинская. Пашни середнія земли и съ тѣмъ, что̀ въ Луковицѣ (?), 180 чети, 18 дворовъ» [361]. Упомянутый въ данной дѣдъ Петра Васильевича Шереметева, бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ, въ свою очередь, получилъ Уборы, въ 1610 году, по данной, отъ своей тещи вдовы Степаниды Елизаровны Вылузгиной [362]. Въ 1624 году, писцы князь Иванъ Леонтьевичь Шаховской и подьячій Иванъ Волковъ описывали Уборскую вотчину [363] и нашли ее въ довольно жалкомъ положеніи. Земли въ вотчинѣ было 540 четвертей или 270 десятинъ, была тамъ, на рѣчкѣ Уборѣ, и наливная мельница—«вотчинниково строенье», но всѣ крестьяне, за исключеніемъ одной семьи, сбѣжали еще въ 1621 году. У писцовъ, двора вотчинникова въ Уборахъ, не показано, хотя встрѣчающіяся въ ихъ Описи названія долж-

---

[361] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, старыхъ лѣтъ, кн. № 98. дѣло № 20. л. 11 на обор.

[362] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Писцовая книга Звенигородскаго уѣзда 132—133 г. л. 192 на обор.—196.

[363] Тамъ же.

ностныхъ лицъ: «вотчинный конюхъ», «дворовые люди»... ясно указываютъ, что въ Уборахъ былъ вотчинниковъ дворъ, который, можетъ быть, сгорѣлъ до прiѣзда писцовъ и сохранились только дворы названныхъ должностныхъ лицъ. И въ боярской книгѣ 1646 года тоже не показано вотчинникова двора въ Уборахъ, хотя и тамъ встрѣчаемъ «задворныхъ людей», то-есть, дворовыхъ, жившихъ за господскимъ дворомъ, въ особыхъ избахъ. А въ слѣдующемъ 1647 году, iюня 8, бояринъ Иванъ Петровичь скончался, сдѣлавъ, за недѣлю до смерти, слѣдующiя распоряженiя относительно своихъ имѣнiй: 1) женѣ (второй) Маѳѣ Васильевнѣ (рожденной княжнѣ Веригиной-Волконской, по первому мужу Нагой) отказалъ купленную отъ нея же вотчину въ Романовскомъ уѣздѣ, деревню Веригино, и дворъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ переулкѣ, что̀ онъ «взялъ за нею въ приданые»; 2) старшему сыну Василью Ивановичу (отъ первой жены, Марьи Елизарьевны Вылузгиной)—дворъ въ Москвѣ, на Никольской; да матери его приданую вотчину въ Муромскомъ уѣздѣ, въ Дубровскомъ станѣ, сельцо Пертово съ деревнями и пустошами; да въ

Звенигородскомъ уѣздѣ, въ Городскомъ станѣ, деревню Убору, да деревню Дубецъ, «со всѣмъ строеніемъ»; да въ Московскомъ уѣздѣ, въ Сѣтунскомъ станѣ, пустошь, что̀ было сельцо Бузаево, съ пустошьми, и деревню Борокъ; 3) второму сыну, Никитѣ Ивановичу Шереметеву (отъ второго брака, съ Мареой Васильевной), отказана купленная вотчина, деревня Подлѣсова, Нижегородскаго уѣзда, Закудемскаго стана, да приданая вотчина матери сельцо Іевлево, Царево тожъ, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Вори и Корзеневѣ станѣ, съ деревнями и пустошами и 4) дочери-дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ — приданую вотчину матери, сельцо Новосильево, Кашинскаго уѣзда, Дубенскаго стана [364].

Новый владѣлецъ Уборъ, стольникъ Василій Ивановичъ Шереметевъ, вскорѣ послѣ кончины родителя, именно въ 156 (1647—48) году, продалъ изъ Уборской вотчины своему сосѣду, патріарху Іосифу, вотчина коего, деревня Грибанова, находилась всего въ двухъ верстахъ отъ Уборъ, «отхожія земли и сѣн-

---

[364] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Вотчинной Коллегіи, по городу Москвѣ, молодыхъ лѣтъ, книга № 65, № 18. л. 131—132.

ные покосы, въ Гущицахъ, среди луговъ» [365]. Это единственное, извѣстное намъ, распоряженіе Василья Ивановича Шереметева въ кратковременное владѣніе его Уборами. Онъ скончался 12 января 1652 года, переживъ отца только на четыре съ половиною года. Наслѣдникомъ его остался двухлѣтній сынъ Петръ Васильевичъ, которому потомъ присвоено было названіе Меньшой, для отлички отъ его тезки и двоюроднаго дяди Петра Васильевича Большого Шереметева.

Является вопросъ, кто же былъ устроителемъ той грандіозной усадьбы въ Уборахъ, съ роскошнымъ липовымъ садомъ и прудами, слѣды коихъ явственно видны и въ настоящее время? Нѣкогда я полагалъ, что все это было при бояринѣ Иванѣ Петровичѣ Шереметевѣ и высказывалъ догадку, что онъ могъ отъѣзжать въ это прохладное мѣсто въ льготное полугодіе своей стольничьей службы [366]. Но почему же, при жизни Ивана Петровича, въ офиціальныхъ документахъ, даже и не упоминалось о существованіи вотчинникова

---

[365] Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. 15. М. 1852. стр. 77.

[366] Родъ Шереметевыхъ. Кн. II. стр. 369.

двора въ Уборахъ? Преемникъ Ивана Петровича, его сынъ, стольникъ Василій Ивановичь Шереметевъ, владѣлъ Уборами всего четыре съ половиною года. Но онъ могъ облюбить эту чудную благоухающую Уборскую гору, надъ Москвой-рѣкой, и положить основаніе и усадьбѣ, и саду, и прудамъ. Конечно, все это догадки, но какъ же быть, когда въ данномъ случаѣ нѣтъ, пожалуй, не найдется и впредь какихъ-либо документальныхъ свѣдѣній.

Въ 1668 году, когда Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву шелъ 18-й годъ, онъ показанъ въ боярскомъ спискѣ стольникомъ, безъ всякаго оклада [367]. А приблизительно осенью 1669 года, онъ женился на Татьянѣ Аѳанасьевнѣ Матюшкиной, дочери Московскаго ловчаго Аѳанасья Ивановича Матюшкина, который, по матери (Ѳедосьѣ Лукьяновнѣ Стрѣшневой), приходился двоюроднымъ братомъ царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1670 году, Петръ Васильевичь Шереметевъ былъ пожалованъ въ Комнату [368]. Лишь въ

---

[367] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Списки боярскіе 1668 г. Книга 6. л. 63 на обор.

[368] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Списки боярскіе 1670 г. № 6. л. 56.

1672 году, какъ сказано выше, Петръ Васильевичь сталъ полноправнымъ хозяиномъ наслѣдственныхъ имѣній. Всю свою душу онъ положилъ на устройство Уборъ и, въ 1673 году, тамъ была уже окончена постройкой деревянная церковь, во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа [369]. Это узнаѐмъ изъ приходной окладной книги Патріаршаго Приказа за 182 (1674) годъ, гдѣ подъ Звенигородскою десятиною записано: «По книгамъ прошлаго 181 (1673) году сбору старосты поповскаго, Звенигородскаго уѣзду, государева дворцоваго села Архангельскаго, попа Ивана, прибыла вновь церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа въ селѣ Уборы; дани три алтына, двѣ деньги, заѣзду гривна» [370]. Съ тѣхъ поръ деревня Уборы стала называться селомъ, а по церкви Спасскимъ.

Нужно имѣть въ виду, что село Уборы находится всего верстахъ въ 18-ти отъ Савино-Сторожевскаго монастыря,—любимаго бого-

---

[369] Мы держимся предположенія графа Павла Сергѣевича Шереметева, что въ Уборахъ первоначально построена была деревянная церковь. Нынѣшняя каменная Уборская церковь построена лишь въ 1700 г.

[370] Выписка изъ Книги Патріаршаго Приказа 1673 г. № 79, сообщенная графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ.

молья царя Алексѣя Михайловича, гдѣ онъ нерѣдко проживалъ дней по десяти. «Тишайшій» могъ бывать неподалеку и въ Уборахъ. Вѣдь тамошняя хозяйка, Татьяна Аѳанасьевна Шереметева, была его племянница. Природа Уборъ одна и та же, что Савина монастыря: то же раздолье, чудные виды, то же богатство растительнаго царства. Какъ и въ Савинскомъ монастырѣ, липы и дубы Уборскіе, трава и полевые цвѣты исполнены какой-то особенной силы и свѣжести. Немудрено, что Петръ Васильевичь Меньшой и Татьяна Аѳанасьевна Шереметева полюбили этотъ пріютный уголокъ и занялись его устройствомъ, любовно продолжая начатое Васильемъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Что царь Алексѣй Михайловичь зналъ и любилъ Уборы, доказательствомъ можетъ служить то, что въ самый годъ построенія тамъ церкви, онъ сдѣлалъ въ нее вкладъ, именно книгу Тріодь постную, на поляхъ которой, внизу, по листамъ, находится слѣдующая надпись: «Лѣта 7182 (1673) года, декабря въ 3 день, по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца, дана сия

книга ис Приказу ево, государевыхъ, Тайныхъ Дѣлъ, Московскаго (такъ!) уѣзду, въ вотчину столника Петра Васильева сына Шереметева села Уборъ, въ церковь Нерукотвореннаго Спасова Образа [371].

Четыре дня спустя, 7 декабря 1673 года, царь Алексѣй Михайловичь прислалъ въ Уборскую церковь другую книгу съ такою же надписью по листамъ, именно: «Пентикостарій или служба на Пятидесятницу», изданіе 1670 года [372].

Обѣ книги государь прислалъ изъ Савина-Сторожевскаго монастыря, куда онъ выѣхалъ изъ Москвы на праздникъ преподобнаго Савы, Сторожевскаго чудотворца, еще 30 ноября 1673 года, при чемъ возницею у него былъ стольникъ Борисъ Петровичь Шереметевъ (будущій фельдмаршалъ) [373].

Во вновь построенную Уборскую церковь благочестивый храмоздатель поставилъ икону Спаса Нерукотвореннаго, весьма хоро-

---

[371] Текстъ надписи сообщенъ графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ.

[372] Сообщено тоже графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ.

[373] Дворцовые Разряды. Т. Ш. Спб. 1852. столб. 913 и 914.

шаго письма. По описанію графа Павла Сергѣевича Шереметева, она въ серебряномъ, золоченомъ окладѣ съ богатымъ рисункомъ травами. Вѣнецъ и гривна украшены сафирами, рубинами и изумрудами, а на поляхъ, по краямъ, навѣски съ каменьями и эмалью. Вышина иконы 11½ вершковъ, ширина 9½ вершковъ. На обратной сторонѣ иконы, графъ Павелъ Сергѣевичъ прочиталъ надпись: «Писалъ сей образъ игуменъ Антоній Корсунскаго монастыря». Дѣйствительно, подъ августомъ 1664 года, въ Корсунскомъ Спасскомъ монастырѣ, Кіевской епархіи, показанъ строитель Антоній [374].

Описанная икона вставлена въ средину другой большой иконы, съ 14-ю изображеніями чудесъ отъ Нерукотвореннаго Образа и Исторіи владѣтеля Едесскаго Авгаря. Подъ иконою Спаса слѣдующая надпись въ два столбца, современными виршами:

Іисусе, сыне Бога,
Милосердія пучина премнога!
Вѣмы, яко на Тя ктȏ уповаетъ,
Отъ всѣхъ злыхъ спасенъ бываетъ.

---

[374] Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. Спб. 1877. столб. 31.

Авгарь князь на Тя надежду имяше,
Симъ Твоимъ зракомъ съ домомъ спасенъ бяше.
И нынѣ зрящимъ, Христе, на образъ Твой,
Всѣмъ приносящимъ къ Тебѣ гласъ свой,
Петру, вѣрну рабу своему,
Милость свою подаждь и дому всему
Немятежное даруй блаженство,
По семъ въ небеси вѣчное блаженство[375].

Въ началѣ 1678 года, когда Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ уже выѣхалъ изъ Пскова, въ село Уборы пріѣзжали, для описанія вотчины, писцы: Артемій Ивановичъ Козловъ и подьячій Григорій Салтановъ. Въ ихъ переписныхъ книгахъ, подъ Городскимъ станомъ, Звенигородскаго уѣзда, записано: «За бояриномъ за Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ село Спасское, Убора тожъ, а въ немъ: дворъ боярской, дворъ прикащиковъ (прикащикъ Иванъ Аркатовъ), дворъ конюшенной и скотной, а во дворехъ люди». 8 дворовъ «людскихъ», а въ нихъ—8 дворохозяевъ и 25 ихъ дѣтей и родственниковъ (племянниковъ, зятьевъ и друг.). «А тѣ люди крѣпостные, кабальные, а крѣпостей на тѣхъ людей (владѣльцы) не положили». Въ томъ же селѣ 1 дворъ крестьян-

[375] Сообщено графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ.

скій, а въ немъ 5 человѣкъ.—«Деревня Дубецъ, а въ ней крестьянъ»: 6 дворовъ, въ нихъ—6 дворохозяевъ и 19 человѣкъ дѣтей и родственниковъ, да 3 двора бобыльскихъ. «Въ той же деревнѣ Дубецъ, послѣ переписныхъ книгъ, отдѣлились отъ отцовъ крестьянскія дѣти»—5 дворовъ. Послѣ перечня ихъ, замѣчено: «Перевезены изъ Коломенской вотчины изъ села Кочемы» [376]. Всего, въ селѣ Уборахъ, съ деревнею Дубецъ, находилось: три двора боярскихъ; 8 дворовъ людскихъ, въ нихъ 33 человѣка; 12 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 35 человѣкъ и 3 двора бобыльскихъ, въ нихъ 3 человѣка [377].

У Петра Васильевича Меньшого Шереметева, кромѣ отцовскихъ вотчинъ, была еще во владѣніи материнская вотчина въ Суздальскомъ уѣздѣ, село Горицы. Оно нѣкогда было за великимъ княземъ, какъ это видно изъ грамоты великаго князя Василья Ивановича, отъ 4 марта 1515 года, хранящейся въ Дмитріевскомъ соборѣ города Владиміра на

---

[376] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Переписная книга. № 11.838. л. 398. 424 об.—426.

[377] Холмогоровы. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Выпускъ 2-й: Звенигородская десятина. М. 1882. стр. 102 и 103.

Клязьмѣ [378]; потомъ перешло въ родъ князей Шуйскихъ, а въ Смутное время, именно въ 1610 году, жалованною грамотою Польскаго короля Сигизмунда III, по случаю избранія сына его, королевича Владислава, на Московскій царскій престолъ, село Горицы было дано дворянамъ: Василью, Борису да Ивану Гавриловичамъ Коробьинымъ [379]. Дочь послѣдняго, Ксенія Ивановна Коробьина, была за Васильемъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Село Горицы, по всѣмъ вѣроятіямъ, было дано ей въ приданое. Что оно находилось потомъ во владѣніи сына Ксеніи Ивановны, Петра Васильевича Меньшого Шереметева, доказательствомъ можетъ служить слѣдующая челобитная государю его крестьянина Васьки Давыдова 1674 года, которая, между прочимъ, ярко рисуетъ распущенность дворцовыхъ чиновниковъ того времени:

«Въ нынѣшнемъ, государь, во 183 году, декабря въ 26 день, посыланы были крестьяне государя моего, стольника Петра Васильевича

---

[378] Доброхотовъ, В. Памятники древности во Владимірѣ на Клязьмѣ. М. 1849. стр. 161.

[379] Акты, относящіеся къ Исторіи Западной Россіи. Т. IV. Спб. 1851. № 183. стр. 395. столб. 1. статья DCXC.

Шереметева, Суздальской вотчины села Горицъ, Пронька Левонтьевъ (и другіе двое) въ твое, государево, дворцовое село Дунилово, купить про обиходъ государя моего, стольника Петра Васильевича Шереметева, свиныхъ мясъ. И шли тѣ крестьяне домой, и на встрѣчу попались имъ: стряпчій твоего, великаго государя, Кормового Дворца Ѳедоръ Борковъ да подьячій Съѣзжей Избы твоего жъ, государева, села Григорій Ивановъ. Напився пьяны, вылѣзши изъ саней, Ѳедоръ Борковъ съ чеканомъ, а Григорій Ивановъ съ саблей наголо, тѣхъ крестьянъ били и увѣчили: двухъ на дорогѣ замертво положили, а третій, Пронька, отъ нихъ въ вотчину государя моего, въ село Горицы, уволокся чуть живъ, при смерти. А за Пронькой, Ѳедоръ Борковъ да Григорій Ивановъ, взявъ лошадей изъ-подъ людей своихъ, въ село Горицы, въ улицу, пріѣзжали, а знатное дѣло, что его, Проньку, хотѣли убить до-смерти» [380].

---

[380] Старинные акты, собранные Владиміромъ Борисовымъ. М. 1853. стр. 232 и 233.

ГЛАВА XIX.

Вслѣдъ за окончаніемъ переписи Уборской вотчины, приблизительно въ мартѣ 1678 года, вновь пожалованный бояринъ Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ отправился къ новому мѣсту своего служенія, въ отдаленный Тобольскъ. Гдѣ нибудь въ дорогѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ своимъ предмѣстникомъ, старымъ Тобольскимъ воеводою, бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ, возвращавшимся изъ Тобольска въ Москву.

Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ прибылъ въ Тобольскъ 2 мая 1678 года, въ четвергъ пятой недѣли по Пасхѣ. При немъ состояли два дьяка: Иванъ Алмазовъ сынъ Чистово и Перфилій Өедоровичъ Оловенни-

ковъ да письменные головы: Иванъ Лукьяновичь Талызинъ и Дмитрій Григорьевичь Ушаковъ [381]. А въ товарищи къ Шереметеву назначенъ былъ стольникъ Михайло Ивановичь Глѣбовъ, о чемъ прислана память въ Тобольскъ, изъ Сибирскаго Приказа, лишь 16 мая [382].

Благодаря распорядительности и чрезвычайнымъ мѣрамъ прежняго Тобольскаго воеводы, боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, Тобольскъ, столь пострадавшій при немъ отъ пожара, обстроился весьма скоро. Ко времени пріѣзда туда Петра Васильевича Меньшого Шереметева, относится слѣдующая запись по этому предмету: «Городъ Тобольскъ деревянной, о девяти башняхъ, рубленой, построенъ на старомъ мѣстѣ прежнемъ, да десятая (башня) церковь Вознесенская въ стѣнѣ. Съ основанія срубленъ и покрытъ наготово весь, въ полъ 5 мѣсяца [383].

Но едва отстроился Тобольскъ, какъ но-

---

[381] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 232.

[382] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Записная книга челобитныхъ Помѣстнаго Приказа 186 (1678 г.). № 5. Дѣло 389.

[383] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 233.

вые пожары, уже при Петрѣ Васильевичѣ Меньшомъ Шереметевѣ, вскорѣ послѣ его пріѣзда, повергли еще въ бо́льшій ужасъ упавшихъ духомъ Тобольцевъ, такъ какъ на сей разъ открылось, что пожары были дѣломъ воровъ-зажигальщиковъ. Подробностей не знаемъ. Имѣется только краткая запись: «186 (1678) года, въ маѣ и въ іюнѣ мѣсяцахъ, въ Тобольскомъ, на горѣ, на посадѣ, отъ воровъ зажигальщиковъ выгорѣло дворовъ ста три и больше, по Дѣвичь монастырь» [384].

Первый же прочитанный Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ въ Тобольскѣ царскій указъ, посланный на его имя изъ Москвы, еще 8 марта 1678 года, прямо вводилъ новаго воеводу въ кругъ невѣдомыхъ ему сношеній съ Калмыцкими тайшами. Указъ этотъ состоялся по старому дѣлу, начатому въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при Тобольскомъ воеводѣ бояринѣ князѣ Иванѣ Борисовичѣ Репнинѣ. Еще въ 1672 году, Калмыцкіе тайши Малай и братъ его Бабай, съ своими улусными людьми, прикочевали изъ дальняго кочевья къ рѣкамъ Исети

---

[384] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 233.

и Тоболу. Отъ нихъ приходили въ Тобольскъ посланцы съ просьбою, чтобъ имъ разрѣшили кочевать въ тѣхъ мѣстахъ, а прикочевали де они, надѣясь на милость великаго государя, и служить ему готовы. Изъ Москвы постоянно приказывали, не чинить никакихъ задоровъ съ Калмыцкими людьми, а потому прикочевавшихъ съ улусами тайшей оставили въ покоѣ и ратныхъ людей противъ нихъ не посылали. Но Калмыки, осмотрѣвшись, стали мало-по-малу сами тѣснить мѣстныхъ ясачныхъ и пашенныхъ людей. Нашлись охотники проучить Калмыковъ за земляковъ. Слободчикъ Тобольскаго уѣзда Осипъ Давыдовъ и Тобольскій подьячій Ѳедоръ Креневъ, набравъ семьдесятъ человѣкъ изъ драгунъ Исетской слободы, изъ бѣломѣстныхъ казаковъ, пашенныхъ крестьянъ и кречетьихъ помытчиковъ, ударили въ степь и погромили Калмыковъ тайши Малая. Людей его кочевныхъ побили, женъ и дѣтей ихъ взяли, а погромную рухлядь раздѣлили по себѣ. Давыдовъ и Креневъ, за своеволіе, были наказаны и все награбленное отняли у нихъ. Калмыцкихъ ясырей, то-есть, плѣнныхъ, также лошадей и животину, отдали кормить и беречь

Тобольскимъ юртовскимъ служилымъ Татарамъ и Бухарцамъ, а рухлядь сдали, до указу, цѣловальнику. Тѣмъ какъ бы и кончилось дѣло. Калмыки молчали. Но вотъ, лѣтъ пять спустя, они подкочевали еще ближе къ государевымъ городамъ и черезъ своихъ посланцевъ въ Тобольскъ, стали требовать, чтобъ «тотъ громленый ясырь» сыскивали и прислали къ нимъ. Это было въ концѣ 1677 года, при Петрѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевѣ. Тотъ отказалъ, потому что изъ Калмыцкихъ ясырей, многіе померли, а иные де и нынѣ живы, но отдать ихъ безъ царскаго указа нельзя, тѣмъ болѣе, что сами Калмыки, не только отказывались возвратить нашихъ полоняниковъ, но даже задерживали у себя государевыхъ служилыхъ людей, которые посылались къ тайшамъ съ государевымъ жалованьемъ. Калмыки и къ этимъ послѣднимъ относились какъ къ плѣннымъ и продавали ихъ въ иныя государства.

Не взирая на все это, изъ Москвы, вслѣдствіе жалобы тайшей, присланъ былъ на имя новаго Тобольскаго воеводы, боярина Петра Васильевича Меньшого Шереметева, вышеупомянутый указъ, чтобъ онъ велѣлъ: «Кал-

мыцкой ясырь, которые не крещены, и лошади и верблюды и рухлядь отдать Калмыцкимъ тайшамъ и Калмыкомъ имянно, и у Калмыковъ на тѣхъ полоненныхъ людей вымѣнить Русскихъ людей, которые посланы и въ полонъ взяты напередъ сего. А впредь однолично бъ съ Калмыцкими людьми задоровъ не чинить и дѣлать о томъ по нынѣшнему великаго государя указу и по наказамъ, каковы даваны изъ Сибирскаго Приказу» [385].

Если сопоставить вышеизложенныя обстоятельства дѣла съ присланными изъ Сибирскаго Приказа распоряженіями, приходишь въ недоумѣніе, какимъ же способомъ могъ Шереметевъ исполнить только что приведенный указъ о возвращеніи Калмыкамъ все пограбленное у нихъ еще въ 1672 году! Лошади и верблюды, уже при дядѣ его, Петрѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевѣ, были розданы въ Тобольскѣ служилымъ людямъ въ денежное жалованье и въ оклады, а ясыри многіе померли, а оставшіеся въ живыхъ были разбросаны на громадномъ пространствѣ, проживая безъ всякаго правительственнаго

[385] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VIII. Спб. 1862. № 15. Статья I.

надзора у инородцевъ, которымъ ихъ отдали на прокормленіе. А главное, сами Калмыки и слышать не хотѣли объ обмѣнѣ находившихся у нихъ въ плѣну Русскихъ людей. Конечно, такого рода положеніе весьма затрудняло Тобольскихъ воеводъ. Слишкомъ очевидна была ненормальность порядка, по которому Сибирскій Приказъ, изъ своего далека, завѣдывалъ рѣшительно всѣми дѣлами Сибири, даже и такими, которыя непремѣнно требовали знанія своеобразныхъ условій края. Но такъ было заведено, и на мѣстахъ старались приспосабливаться къ неудобствамъ заведеннаго порядка, хотя бы ради того, что тогдашняя служба въ Сибири, дѣйствительно, представляла живѣйшій интересъ. Тамъ еще во очію совершался историческій процессъ распространенія Русскихъ владѣній, поступательнаго, какъ бы стихійнаго, движенія къ Восточному океану и къ границамъ Китайскаго государства. По необозримымъ пустыннымъ пространствамъ еще двигались отряды смѣльчаковъ, отыскивавшихъ новыхъ землицъ. Бой съ туземцами, Бурятами, Тунгузами, Остяками и съ появившимися въ Сибирскихъ предѣлахъ Калмыками, шелъ не на

животъ, а на смерть. Русскіе люди неустанно пролагали въ пустыняхъ Сѣверной Азіи пути гражданственности. На отвоеванныхъ земляхъ охотно селились разные гулящіе люди и промышленники. На торгахъ и по деревнямъ, то и дѣло кликали, чтобъ садились на государеву пашню, съ извѣстными льготами. На мѣстахъ селитьбы выросталъ городокъ; воздвигался храмъ Божій.

Движеніе шло именно стихійно, безъ нарочитаго плана и руководства изъ главнаго пункта мѣстнаго Сибирскаго управленія, Тобольска. Но тамошній воевода все зналъ и, какъ говорятъ нынѣ, постоянно былъ въ курсѣ дѣла. Благодаря вѣстовщикамъ изъ степей, Тобольскій воевода весьма скоро узнавалъ объ опасности, грозившей которому либо городу его Тобольскаго разряда и дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Такъ, въ сентябрѣ 1678 года, Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ, узнавъ изъ распросовъ, въ Приказной Палатѣ, юртовскихъ служилыхъ Татаръ, что Калмыки съ Башкирцами готовятся итти войною подъ государевы городы, сейчасъ же предупреждаетъ объ этомъ Тюменскаго воеводу Михайла Мелетьевича Кваш-

нина и приказываетъ ему, «на Тюмени и въ Тюменскомъ уѣздѣ, заказать всякихъ чиновъ служилымъ и желецкимъ людемъ, чтобъ они на Тюмени и въ Тюменскомъ уѣздѣ жили съ великимъ береженіемъ неоплошно, и по городу и по острогу велѣть караулить днемъ и ночью безпрестани, и надъ караульщики надсматривать почасту, и въ проѣзжія станицы и на отъѣзжіе караулы посылать служилыхъ людей, до коихъ мѣстъ пристойно, чтобъ Тобольскаго розряду подъ городы и подъ слободы воинскіе люди безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили. Да что̀ какихъ воинскихъ вѣстей объявится, и о тѣхъ вѣстяхъ писать въ Тоболескъ, съ нарочными посыльщики тотчасъ» [386].

Въ то время, среди Калмыковъ и Башкирцевъ ходили темные слухи о нашей войнѣ съ Турками въ Малороссіи, о взятіи мусульманами Чигирина и т. побод. Слухи разростались въ цѣлыя сказки о нашихъ пораженіяхъ. Всѣ были въ возбужденномъ состояніи и дѣятельно готовились итти войною подъ Сибирскіе города великаго государя. Любопытно

[386] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VIII. Спб. 1862. № 15. статья VI. стр. 38. столб. 2.

показаніе прикащика Аятской слободы Фрола Арапова. 15 декабря 1678 года, онъ ѣздилъ въ деревню Архну, Кунгурскаго уѣзда, для своей покупки у Татаръ. При немъ пріѣхали туда Башкирцы, человѣкъ съ десять. «Уѣзжай вонъ изъ Аятской слободы, — сказали они Арапову,—ты намъ родня[387], а вѣдь мы на весну, какъ снѣгъ сойдетъ, хотимъ итти воевать великаго государя городъ Кунгуръ и Сибирскія слободы и подгороды». Араповъ зналъ Татарскій и Башкирскій языки и записалъ разговоръ Башкирцевъ промежъ себя: «Городъ де Чигиринъ, —говорили они,—Турскіе и Крымскіе люди взяли и государевыхъ людей побили, а мы потому и будемъ воевать, что ихъ одна родня и душа[388]. Они де, Турскіе и Крымскіе, тамъ станутъ биться; а мы, Башкирцы и Татара, станемъ здѣсь биться и воевать. А Татаровя де всѣ и Башкирцы лошади кормятъ и луки и стрѣлы дѣлаютъ». Араповъ сказывалъ, что самъ видѣлъ вооруженіе Башкирцевъ: «ружьѝ де у нихъ немѣрно много, у всякаго человѣка по двѣ и по три пищали винтовки». Съ тяжелымъ чувствомъ

---

[387] Въ другомъ спискѣ: намъ свой.

[388] Въ другомъ спискѣ: одна вѣра.

приходилось сравнивать, что̀ было у насъ. Даже въ Верхотурьѣ, этомъ важнѣйшемъ городѣ Тобольскаго разряда, городѣ, которому ближайшимъ образомъ угрожала опасность отъ нападенія Башкирцевъ и Калмыковъ,—имѣлись только двѣ мѣдныя пищали да двѣ небольшія пушечки, одна мѣдная, другая желѣзная; пушечныхъ запасовъ было всего: пять пудовъ съ небольшимъ зелья пушечнаго, 63 пуда зелья ручного, 107 пудовъ свинцу. Ружья же мелкаго совсѣмъ не было. А въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ слободахъ, не было ни одной пушки, ружья̀ же, зелья и свинцу весьма мало, а въ нѣкоторыхъ слободахъ не было рѣшительно ничего. По словамъ мѣстнаго воеводы, «въ приходъ воинскихъ людей, борониться будетъ нечѣмъ» [389].

Но, до воинскаго прихода, до войны, дѣло не дошло. Калмыки и Башкиры, получивъ болѣе точныя извѣстія о Чигиринской войнѣ и ея послѣдствіяхъ, присмирѣли; а Калмыцкій контайша Галданъ, путемъ внушеній изъ Тобольска, пришелъ къ сознанію необходимости

---

[389] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VIII. Спб. 1862. № 15. стр. 40. статья IX.—См. также Т. VII. Спб. 1859. № 74. стр. 350. столб. 1.

отправить отъ себя посланца въ Москву, къ великому государю, для испрошенія милости царскаго величества. Онъ возложилъ это дѣло на калмыка Себядиходжу. Петръ Васильевичь Шереметевъ назначилъ къ посланцу въ приставы Тобольскаго служилаго человѣка Филиппа Вакулина, которому особою памятью приказалъ: «Ѣхать изъ Тобольска къ великому государю, къ Москвѣ, не мѣшкая нигдѣ ни часу, днемъ и ночью; а дорогою идучи, того смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ Себядиходжа и люди его, городовъ и остроговъ не разсматривали, и никто бы къ нимъ не приходилъ и ни о чемъ съ ними не говорилъ, и ото всякихъ людей оберегать, чтобъ посланцу и людемъ его въ дорогѣ и въ городѣхъ никто никакого безчинства и дурна не учинилъ. Да и самому ему, Вакулину, къ посланцу держать честь и береженье и ласку, и не пить и не бражничать, и никакимъ воровствомъ не воровать; и надъ служилыми людьми того смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобы служилые люди, ѣдучи дорогою, никакимъ воровствомъ не воровали, не пили бы и не бражничали, и къ посланцу честь и береженье держали. А буде посланецъ учнетъ съ нимъ, Вакули-

нымъ, говорить о всякихъ дѣлахъ, и ему къ посланцу говорить остерегательно, чтобъ великаго государя имени во всемъ было къ чести и къ повышенью... Да съ нимъ же, Филиппомъ Вакулинымъ, посланы дары, которые объявилъ Себядиходжа въ Тобольску, да два листа контайши Галдана да товары, которые у посланца въ Тобольску объявились въ ширàхъ [390], за государевою Тобольскою печатью. И ему, Вакулину, ѣдучи дорогою, у тѣхъ даровъ и у ширей печатей беречь, чтобъ посланецъ съ тѣхъ ширей до Москвы печатей не сымалъ и товаровъ изъ ширей не вынималъ и дорогою не продавалъ». Подпись на документѣ такая: «Къ сей наказной памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, печать приложилъ бояринъ и воевода царства Сибирскаго города Тоболска, Петръ Васильевичь Шереметевъ» [391].

Немало хлопотъ и безпокойства причинялъ Петру Васильевичу Меньшому Шереме-

---

[390] Ширы́ = кожа, служащая для обвертки товара.

[391] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VIII. Спб. 1862. № 15. стр. 39. статья VIII.

теву также сборъ ясака, то-есть, дани съ туземцевъ соболями, лисицами, бобрами, песцами бѣлыми и голубыми, куницами, горностаями и т. подоб. По заведенному обычаю, Сибирскіе воеводы ежегодно посылали для сбора ясака казаковъ. Въ этомъ дѣлѣ издавна укоренились разные подлоги, ухищренія и даже прямой грабежъ. Ясачныхъ сборщиковъ не пронимали, ни наказы царскіе, ни милостивыя обѣщанія, ни угрозы. Какого рода были злоупотребленія ясачныхъ сборщиковъ и какія отношенія правительство царя Ѳеодора Алексѣевича, собственно Сибирскій Приказъ, въ лицѣ его начальника Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, признавало необходимымъ установить съ инородцами, ясачными людьми, можно видѣть изъ наказовъ ясачнымъ сборщикамъ. Имъ предписывалось, прежде всего, говорить ясачнымъ людямъ «государево жаловальное милостивое слово», а ясакъ великаго государя «собирать ласкою и привѣтомъ». Потомъ ясачныхъ людей «накормить и напоить довольно и дать государева жалованья подарки: сукна, олово и мѣдь, смотря по службѣ и по ихъ радѣнью». Далѣе, внушалось сборщикамъ, подъ стра-

хомъ жестокаго наказанія и торговой казни, безъ пощады, «прежъ государева ясачнаго сбору и послѣ, своими товары съ иноземцы не торговать, и ясачныхъ людей въ обиду и въ изгóню (то-есть, въ притѣсненіе) никому не давать, и самимъ имъ, для своей бездѣльной корысти, никакими приметы не приметываться (то-есть, не придираться) и налогъ и насильствъ никакихъ не чинить... и хитрости никакой въ государевѣ казнѣ и въ ясачномъ сборѣ не чинить, и государевыхъ соболей своими плохими собольми не перемѣнять и на промыслы ихъ покрученикамъ (наемнымъ работникамъ) и самимъ не ходить... Аманатамъ (заложникамъ) жесточи напрасно не чинить и государевымъ жалованьемъ кормить и поить довольно и держать къ нимъ ласку и привѣтъ.... У ясачныхъ людей куплею и насильствомъ женокъ и дѣвокъ и робятъ не имать и у себя не держать... Въ ясачныя волости, своихъ Русскихъ товаровъ, вина и табаку не возить и не торговать». Строго наказывалось, чтобъ «винà не курили, и пивъ, и брагъ, и меду продажнаго, и корчмы, и блядни, и зерни, и воровства отнюдь не было, и зернью бъ служилые люди не играли и ве-

ликаго государя жалованья, и пищалей, и платья съ себя не проигрывали» [392].

Но ка́къ было услѣдить за дѣйствіями и поведеніемъ ясачныхъ сборщиковъ, разбросанныхъ по отдаленнымъ ясачнымъ зимовьямъ! А между тѣмъ, выходившія отъ времени до времени наружу дѣянія сборщиковъ, иногда прямо злодѣйскія, относили къ недосмотру воеводы и ставили ему въ вину.

Теперь о Сибирскихъ раскольникахъ. Ихъ нимало не вразумили строгія мѣры стараго Тобольскаго воеводы, Петра Васильевича Большого Шереметева. Напротивъ того, они ожесточались все болѣе и болѣе. При Петрѣ Васильевичѣ Меньшомъ Шереметевѣ, эти несчастные дошли до послѣдняго предѣла отчаянія: до самосожигательства...

Нужно сказать, что въ Сибирь уже давно стали ссылать раскольниковъ изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Еще въ 1660 году, въ Тюмень привезли изъ Казани лжечернеца Іосифа, по прозванію Астòменъ, родомъ армянина. Тамъ онъ сошелся съ другимъ ссыльнымъ раскольникомъ Яковомъ

---

[392] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VII. Спб. 1859. № 23. стат. I и II.

Лепихинымъ. Эти два изувѣра, по свидѣтельству Тобольскаго митрополита Игнатія, впервые стали учить невѣжествующихъ людей «сожигатися, акибы за Христа» [393]. Самымъ ревностнымъ пособникомъ изувѣровъ былъ раскольничій старецъ Данила, бывшій нѣкогда православнымъ священникомъ Тюменьской Знаменской церкви. Старецъ Данила устроилъ въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, Пустынь. Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву донесли, что «многіе люди, въ числѣ ихъ служилые люди изъ Тюмени, ямщики, пашенные и оброчные крестьяне, Тюменьскаго уѣзда, съ женами и съ дѣтьми, покиня дворы свои и животы, бѣжали къ старцу Данилу, и чаять де отъ того всякаго дурна». Шереметевъ послалъ на Березовку, для досмотра, подьячаго Приказной Палаты Степана Шишкина, который показалъ, что при немъ, въ Пустынѣ, старецъ Данила съ товарищами, пѣли молебенъ, часы, вечерню, святили воду, и въ томъ пѣніи, въ ектиньяхъ и въ молитвахъ, нигдѣ не вспоминали, ни царя, ни митрополита; и что «пѣли

---

[393] Розыскъ о Раскольнической Брынской Вѣрѣ. Кіевъ. 1866. л. 300 и слѣд.

не по новоисправленнымъ книгамъ», а крестились не троеперстнымъ сложеніемъ. Въ кельѣ старца Данилы, Шишкинъ видѣлъ двухъ черницъ и двухъ дѣвокъ, кои, по его словамъ, «предъ иконами бѣсновались, а въ бѣснованіи возлагали хулу на церковь Божію»... Всѣхъ постригшихся у старца Данилы оказалось больше 300 человѣкъ.

По распоряженію Петра Васильевича Меньшого Шереметева, въ Березовскую Пустынь ѣздили, для уговору старца Данилы и его единомышленниковъ, архимандритъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря Герасимъ, протодіаконъ Софійскаго собора Меѳодій и ключарь Константинъ. Духовныя особы скоро возвратились въ Тобольскъ, объявивъ, что старецъ Данила и его единомышленники «отъ прелести своей нимало не обратились». Тогда Шереметевъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: 10 января 1679 года, онъ поручилъ головѣ стрѣлецкому Ивану Аршинскому, отправленному съ отрядомъ служилыхъ людей, захватить старца Данила и доставить его въ Тобольскъ. Но еще до пріѣзда Аршинскаго, именно въ ночь на 6-е января, Данила и его единомышлен-

ники, въ своихъ избахъ, сожглись заживо. Отъ Березовской Пустыни остались только кучи пепла [394].

По примѣру старца Данила, самосожигались раскольники и изъ другихъ мѣстъ Сибири. Жители всякихъ чиновъ Тобольскаго, Верхотурскаго и Тюменскаго уѣздовъ и изъ городовъ, «прельщенные ученiемъ неправымъ» старца Данила, поднимались съ женами, дѣтьми и съ животами, изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ, въ раскольничьи поселки вверхъ Тобола рѣки, на рѣчкѣ Березовкѣ, для самосозженiя, Христа ради... Въ одномъ 1679 году, въ бытность на Тобольскомъ воеводствѣ Петра Васильевича Меньшого Шереметева, сгорѣло, такимъ образомъ, 2700 душъ христiанъ [395].

Добровольные мученики идеи умирали съ проклятiями на устахъ... Они говорили православнымъ: «Мы горимъ здѣшнимъ огнемъ, вы же огнемъ вѣчнымъ и нынѣ горите, и тамо горѣти будете» [396].

---

[394] Дополненiя къ Актамъ Историческимъ. Т. VIII. Спб. 1862. № 50.

[395] Древняя Россiйская Вивлiоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 234.

[396] Розыскъ о Раскольнической Брынской Вѣрѣ. Кiевъ. 1866. л. 309.

Эти страшныя изувѣрства не прекратились и послѣ пріѣзда въ Сибирь новаго митрополита Павла, прибывшаго въ Тобольскъ, на свой Богомъ порученный престолъ, въ самый день Благовѣщенія 1679 года.

Преосвященный Павелъ весьма скоро лично убѣдился въ томъ, съ какими чадами новой паствы приходилось ему имѣть дѣло. Въ томъ же 1679 году, при пасхальномъ служеніи преосвященнаго, когда вмѣсто дониконовскаго смертію наступи на смерть, пѣвчіе запѣли смертію смерть поправъ, три старика, въ буйственной дерзости своей, пошли за митрополитомъ и на всю церковь кричали, называя его латинщикомъ [397].

Отношенія Петра Васильевича Меньшого Шереметева къ Сибирскому митрополиту Павлу не могли вполнѣ выясниться, по краткости времени ихъ совмѣстнаго пребыванія въ Тобольскѣ; а поднятое преосвященнымъ дѣло о взысканіи лично съ Петра Васильевича Большого Шереметева денегъ, взятыхъ имъ изъ Софійской казны на служебныя на-

---

[397] П. Словцовъ. Историческее обозрѣніе Сибири. М. 1838. стр. 308.

добности [398], должно было скорѣе неблагопріятно отразиться на этихъ отношеніяхъ.

Какъ бы то ни было, 18 декабря 1679 года, за недѣлю до Рождества Христова, Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, по государеву указу, поѣхалъ изъ Тобольска въ Москву. Послѣ него временно воеводствовалъ въ Тобольскѣ, до пріѣзда новаго воеводы, товарищъ Шереметева, стольникъ Михаилъ Ивановичь Глѣбовъ [399].

---

[398] См. выше, стр. 243 и 244.

[399] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. III. М. 1788. стр. 233.

ГЛАВА XX.

Мы оставили боярина Василья Борисовича Шереметева въ томительномъ ожиданіи обѣщаннаго ему новымъ Крымскимъ ханомъ Муратъ-Гиреемъ, въ маѣ 1678 года, извѣщенія относительно вторичнаго отпуска его, боярина, въ Азовъ, на окупъ. Въ то время ханъ Муратъ-Гирей, во исполненіе приказанія султана Турецкаго Мухаммеда IV, со всею ордою выступалъ изъ Крыма подъ Чигиринъ, и велѣлъ сказать Василью Борисовичу, что по его дѣлу необходимо предварительно переговорить съ верховнымъ визиремъ Кара-Мустафой пашой и что о послѣдствіяхъ этихъ переговоровъ онъ извѣститъ его [400]. Шереметевъ такъ и не дождался обѣщаннаго извѣ-

[400] См. выше, стр. 280.

щенія. Чигиринская осада, столь дорого стóившая Турецко-Татарскому войску, а затѣмъ приготовленія къ походу подъ Кіевъ, достаточно объясняютъ, почему обѣщаніе хана не было исполнено.

Обстоятельства остудили воинственное настроеніе мусульманъ. У нихъ, какъ и у насъ, только и говорили, что о мирѣ. Крымскій ханъ, съ своей стороны, послалъ, 1 декабря 1678 года, къ царю Ѳедору Алексѣевичу гонца Садыкъ-агу съ товарищами, всего 15 человѣкъ, съ листами отъ себя, отъ калги и нурадина, а въ тѣхъ листахъ писано было, чтобъ царскому величеству быть съ султаномъ Турецкимъ и съ ханомъ Крымскимъ въ дружбѣ и для мирныхъ дѣлъ послалъ бы въ Крымъ посланниковъ съ любительною грамотою. Вмѣстѣ съ Садыкъ-агой, Василій Борисовичь Шереметевъ послалъ своего человѣка Китайку Фролова съ отпискою къ государю.

Отъ 15 апрѣля 1679 года, царь Ѳедоръ Алексѣевичь писалъ Шереметеву: По посылкѣ хана Муратъ-Гирея, указали мы «послать въ Крымъ, для нашихъ, великаго государя, дѣлъ, посланниковъ нашихъ Бориса Пазухина да дьяка Герасима Долгова. И какъ къ

тебѣ ся наша грамота придетъ, а посланники наши въ Крымъ прiѣдутъ, и ты бъ, бояринъ нашъ Василiй Борисовичь, о томъ вѣдалъ; а имъ, посланникамъ, видѣться, напередъ бытiя ихъ у хана, съ тобою и о нашихъ дѣлехъ совѣтовать, велѣно».

Царь Ѳедоръ Алексѣевичь поручилъ посланнику Борису Андреевичу Пазухину передать Шереметеву еще слѣдующую грамоту: «Боярину нашему Василью Борисовичу Шереметеву наше, царскаго величества, милостивое слово. По нашему указу, послано къ тебѣ нашего жалованья съ посланники нашими, съ стольникомъ Борисомъ Пазухинымъ да съ дьякомъ Герасимомъ Долговымъ, 200 золотыхъ червонныхъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ, бояринъ нашъ Василiй Борисовичь, наше великаго государя жалованье у посланниковъ принялъ и впредь бы тебѣ на нашу, великаго государя, милость къ свободѣ изъ неволи быти надежну».

Но стольнику Борису Андреевичу Пазухину [401] не суждено было доѣхать до Крыма.

---

[401] Предокъ исторiографа Карамзина, по матери, Екатеринѣ Петровнѣ, рожденной Пазухиной.

Какъ увидимъ сейчасъ, его убили въ степи воровскіе казаки.

Вмѣстѣ съ стольникомъ Пазухинымъ отпущенъ былъ изъ Москвы и Крымскій гонецъ Садыкъ-ага съ товарищами. Съ Пазухинымъ были: дьякъ Герасимъ Долговъ, переводчикъ, толмачи, три человѣка Василья Борисовича Шереметева, въ томъ числѣ Китайка Фроловъ, и человѣкъ князя Андрея Ромодановскаго; всего 27 человѣкъ. Государеву казну, рухлядь посланниковъ, а также Василья Борисовича Шереметева, князя Ромодановскаго и Татарскую, везли въ телѣгахъ. При Садыкъ-агѣ былъ человѣкъ переводчика Кутлу-Маметъ - Устькосимова, татаринъ Сингильдейка и другіе Татары, всего 17 человѣкъ.

Все было благополучно до самого города Тора, что̀ нынѣ заштатный городъ Славянскъ, Харьковской губерніи. Здѣсь провожатые посланниковъ и Татаръ казаки Харьковскаго полка, ихъ было всего 200 человѣкъ, вдругъ объявили Пазухину, что далѣе они не пойдутъ. А между тѣмъ, именно въ Торѣ стольникъ Пазухинъ получилъ изъ Запорогъ, отъ кошевого атамана Ивана Сѣрка, извѣстіе, что «воры казаки изъ Запорогъ вышли для него,

посланника Пазухина, и Крымскаго гонца Садыкъ-аги, чтобъ ихъ на степи побить и чтобы онъ, Пазухинъ, про то вѣдалъ, и отъ воровъ въ степи оберегался».

Пазухинъ сказывалъ про то провожатымъ, просилъ, чтобъ они не покидали его, показывалъ государевъ указъ, что имъ велѣно провожать до Конскихъ-Водъ и далѣе, но все было напрасно. Провожатые «учинились непослушны». Волей-неволей, посланники должны были продолжать путь по степи одни, безъ конвоя.

Переѣхавъ рѣку Конскія-Воды и, не доѣзжая до Молочныхъ-Водъ, усталые путники наши расположились станомъ, какъ нарочно, на такомъ мѣстѣ, которое слыло какъ «самое причинное воровское мѣсто». Ночью, за часъ до свѣта, на посланниковъ напали воры казаки и прежде всего отогнали ихъ лошадей. Случайно уцѣлѣли лошади только у Крымскаго гонца Садыкъ-аги да еще у одного татарина. Садыкъ-агѣ удалось подслушать, что разбойники требовали у Пазухина выдать имъ ханскаго гонца и всѣхъ Татаръ. Услышавъ такія «воровскія слова», Садыкъ-ага вскочилъ на своего коня и умчался впередъ,

въ степь, вмѣстѣ съ тѣмъ татариномъ, у котораго тоже уцѣлѣла лошадь. Это было 10 іюня 1679 года. Садыкъ-ага достигъ Крыма 14 числа и былъ тамъ первымъ вѣстникомъ о несчастіи, постигшемъ царскаго посланника. Впрочемъ, никакихъ подробностей онъ сообщить не могъ: «А что де надъ посланникомъ Борисомъ Пазухинымъ съ товарищи и надъ Татары послѣ него, Садыкъ-аги, какъ онъ побѣжалъ отъ воровъ казаковъ, учинилось, и про то ему невѣдомо». Садыкъ-ага видѣлъ только, что съ напавшими ворами былъ также одинъ изъ бывшихъ провожатыхъ, знаменщикъ Харьковскаго казачьяго полка.

Двѣ недѣли спустя, именно 28 іюня, привезли въ Крымъ, къ хану, одного поднятаго въ степи татарина, изъ бывшихъ при гонцѣ Садыкъ-агѣ. То былъ человѣкъ переводчика Кутлу-Маметъ-Устькосимова, Сингильдейка. Онъ былъ «еле живъ, весь израненъ». Въ тотъ же день, ближній человѣкъ Ахметъ-ага, разспросивъ обо всемъ Сингильдейка, отправилъ его къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву. «Котораго дня,—разсказывалъ Сингильдейка Шереметеву, — воры на насъ напали и лошади у насъ отогнали, и Татаръ

побили всѣхъ, а посланника Бориса со всѣми людьми взяли,—и съ того мѣста воры съѣхали, а ѣхали назадъ тою же дорогою, которою Борисъ ѣхалъ съ Москвы. А Бориса и дьяка Герасима везли на лошадяхъ безъ сѣделъ; а переводчика, толмачей, твоихъ (тоесть, Шереметева) трехъ человѣкъ, Китайку Фролова съ товарищи, и человѣка князя Ромодановскаго, всѣхъ перевязавъ, пометали на телѣги, которыя телѣги у Бориса были. Переѣхавъ рѣчку Ташлыки, того же дни какъ Татаръ побили, они, воры, Бориса, дьяка Герасима, переводчика, толмачей, людей Шереметева и князя Ромодановскаго всѣхъ побили, 27 человѣкъ; а Татаръ побили 14 человѣкъ. А у меня, Сингильдейка, пересѣкли шею въ двухъ мѣстахъ да поколотъ въ десяти мѣстахъ». «А что̀ было, — продолжалъ Сингильдейка, — великаго государя казны у Бориса Пазухина и рухляди его, и что̀ везли Шереметеву да князю Ромодановскому люди ихъ, и что̀ было у Татаръ, все воры казаки взяли и повезли съ собою на тѣхъ же телѣгахъ, на чемъ везено было съ Москвы. Сингильдейка все это видѣлъ своими глазами. Онъ «лежалъ межъ мертвыхъ» и въ числѣ

воровъ узналъ трехъ казаковъ Харьковскаго полка изъ провожатыхъ посланниковъ».

Сейчасъ же послѣ сказки татарина Сингильдейка, а также и на другой день (29 іюня), Василій Борисовичь, вмѣстѣ съ переводчикомъ Кутлу-Маметъ-Устькосимовымъ, ѣздилъ къ ближнему человѣку Хаджи-Ахметуагѣ и просилъ его уговорить хана поскорѣе послать съ гонцомъ грамоту къ царскому величеству, объ убіеніи посланника его стольника Пазухина; безъ этого де великому государю ничего не будетъ извѣстно о печальномъ происшествіи, ибо, по словамъ татарина Сингильдейка, послѣ казацкаго разгрома, «утеклецовъ въ государевы городы никого нѣтъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шереметевъ обнадеживалъ ближняго человѣка государевымъ жалованіемъ и говорилъ ему, чтобъ «царскому величеству служилъ и хана наговаривалъ къ миру и ко всякому доброму дѣлу приводилъ».

Ахметъ-ага выразилъ свое полное согласіе, и когда Василій Борисовичь возвратился въ Жидовскій городокъ, прислалъ къ нему слѣдующее письмо, приводимое здѣсь въ современномъ переводѣ:

«Шеремету князю поздравленіе. Вѣдомо тебѣ да будетъ, что говорилъ было ты, что̀ намъ надобно, ты пришлешь. А намъ только надобна шуба соболья, что себѣ носить. Прикажи принести. А какъ прикажешь и пришлешь, и мы здѣсь съ вами разочтемся. Потомъ здравствуй».

Шереметевъ не могъ исполнить просьбу ближняго человѣка Ахметъ-аги о шубѣ, такъ какъ въ то время совсѣмъ оскудѣлъ въ средствахъ. Онъ отправилъ письмо Ахметъ-аги къ царю Θедору Алексѣевичу, съ человѣкомъ своимъ Иваномъ Старковымъ, при отпискѣ, отъ 12 іюля 1679 года, въ которой, послѣ извѣстныхъ уже намъ подробностей убіенія стольника Бориса Пазухина, писалъ: «Прислалъ ко мнѣ ближній человѣкъ письмо, а въ письмѣ его написано, чтобъ мнѣ велѣть привезти ему шубу соболью добрую отъ себя, и у меня шубы нѣтъ, а привезти ему нѐчего, а купить нѐчѣмъ: человѣкъ я убогой. И о шубѣ милости у тебя, великаго государя, прошу, пожалуй, укажи дать шубу соболью ближнему человѣку, чтобъ по твоему государьскому милосердому жалованью, ближнему человѣку, впредь говорить мнѣ о твоихъ, великаго го-

сударя, дѣлахъ быти надежну. А нынѣ я говорилъ ближнему человѣку и впредь говорить буду о твоихъ, великаго государя, дѣлахъ, по твоему указу. А подьячій Гаврила Михайловъ болѣнъ, одряхлѣлъ, обезпамятѣлъ да и переводчикъ Кутлу-Маметъ-Устькосимовъ ѣздитъ со мною къ ближнему человѣку по большой нужи, безъ ногъ, стоять не сможетъ, говоритъ лежа». Далѣе, въ отпискѣ своей, Василій Борисовичь Шереметевъ писалъ: «Какъ воля твоя, великаго государя, будетъ, изволишь послать съ своею государевою грамотою посланника своего въ Крымъ, къ ханову величеству, и у тебя праведнаго и милосердаго великаго государя милости прошу, помилуй холопа своего плѣннова, для Бога, для Пречистой Богородицы и своего государскаго многолѣтнаго здоровія, и поминая душу праведную отца своего, государева, блаженныя памяти великаго государя царя Алексѣя Михайловича, пожалуй, вели окупить холопа своего, укажи послать свое жалованье окупъ мой и что́ есть собрано у женишки моей, вмѣстѣ съ посланникомъ своимъ на Валуйку или въ Новый Осколъ. А какъ посланникъ твоего царскаго величества будетъ въ Крымъ,

къ ханову величеству, для договору мирнаго утверженія, и какъ Богъ дастъ, мирный договоръ утвердится, и размѣна будетъ, и по милости твоей окупъ мой готовъ будетъ и близокъ. А будетъ мирный договоръ зачѣмъ и не утвердится, и Муратъ-Гиреево ханово величество пожалуетъ меня, невольника своего, на окупъ отпуститъ и на Валуйкѣ окупъ за меня взять велитъ. О томъ я говорилъ съ ближнимъ человѣкомъ съ Ахметъ-агою и о томъ Ахметъ-ага писалъ къ твоимъ думнымъ людямъ. Умилосердися, государь праведный!.. А какъ въ неволѣ мучусь я, и тому уже 20 лѣтъ».

Приведенную отписку Василья Борисовича Шереметева повезъ въ Москву въ тотъ же день, то-есть, 12 іюля, человѣкъ его Иванъ Старковъ, которому разрѣшено было ѣхать туда вмѣстѣ съ посланникомъ ханскимъ Алишъ-Азѣемъ. Въ грамотѣ, врученной Алишъ-Азѣю, для представленія великому государю, ханъ Муратъ-Гирей писалъ, что посланникъ его царскаго величества Борисъ Пазухинъ и Татары побиты, а съ чѣмъ посланъ былъ Пазухинъ и что̀ въ любительной грамотѣ царскаго величества писано было къ

нему, ханскому величеству, про то неизвѣстно; и чтобы великій государь изволилъ писать и посланника своего съ грамотою прислать противъ прежняго, съ чѣмъ посланъ былъ Борисъ Пазухинъ, и гонца бы ханова съ людьми указалъ отпустить вскорѣ, не задержавъ.

Ханъ Муратъ-Гирей намѣревался послать къ царю Ѳедору Алексѣевичу и свидѣтеля казацкаго разгрома, татарина Сингильдейка, но сдѣлать этого было нельзя для того, что онъ, Сингильдейка, «израненъ, больной, и ѣхать не смогъ, лежитъ болѣнъ отъ ранъ» [402].

Ханскій гонецъ Алишъ-Азѣй, съ бывшими при немъ 14 Татарами, а также человѣкъ Василья Борисовича Шереметева, Иванъ Старковъ, прибыли въ Москву 15 августа, а возвратились въ Крымъ лишь 16 января 1680 года, вмѣстѣ съ новыми царскими посланниками дворяниномъ Иваномъ Сухотинымъ и дьякомъ Васильемъ Михайловымъ. Кромѣ Сухотина и Михайлова, тогда же прибыли въ Крымъ, для государевыхъ же дѣлъ, Леонтій Григоровъ, а съ нимъ посланный гетмана

[402] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1679 года. связка 64/а. № 1.

Ивана Самойловича, писарь его Иванъ Скоропадскій.

12 февраля 1680 года, по указу великаго государя, всѣ четверо пріѣзжали въ Жидовскій городокъ, къ боярину Василью Борисовичу, «напередъ бытія у хана», и совѣтовались съ нимъ о государскихъ дѣлахъ [403].

И новые посланники не привезли окупа, о которомъ такъ просилъ Шереметевъ въ послѣдней отпискѣ къ царю Ѳедору Алексѣевичу. Не было доставлено и обѣщанной имъ ближнему человѣку Ахметъ-Агѣ собольей шубы. Сухотинъ вручилъ Василью Борисовичу только царскую милостивую грамоту съ обычнымъ увѣреніемъ, «быти надежну на милость великаго государя къ свободѣ изъ неволи». Вмѣстѣ съ грамотою, Шереметеву прислано было государево жалованье, 200 золотыхъ червонныхъ да на 200 рублей соболей [404].

Ближніе ханскіе люди, провѣдавъ, что новые Московскіе посланники были у боярина Василья Борисовича Шереметева напередъ бытія у хана, что они совѣтовались съ нимъ

---

[403] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1680 года. св. 65/а. № 7.

[404] Тамъ же: Крымскія дѣла 1679 года. св. 64/а. № 1.

о государскихъ дѣлахъ и привезли ему государево жалованье, задумали извлечь изъ сего свою выгоду. «Босурмане—писалъ государю Василій Борисовичь—похотѣли *взять* у меня, нужетерпца, а иные и въ запросъ просили да и ханово величество пожаловалъ, принялъ у меня, что̀ я послалъ. А чтобъ не такъ, и тому было быть нельзя. И твое, великаго государя, жалованье, что̀ было соболей у меня на пропитанье, и соболи изошли, и впредь о чемъ договоръ чинить будутъ твои посланники, и мнѣ не отбыть, что не дать, а дать нечего. А неволя моя великая, бѣда мнѣ, что и словъ, что мучатъ меня и тѣснятъ кайдалами» [405].

Къ великому горю Василья Борисовича Шереметева, новые государевы посланники дворянинъ Иванъ Сухотинъ и дьякъ Василій Михайловъ, будучи въ Крыму, дѣлали многія государскія дѣла не такъ, какъ имъ было написано въ государевѣ указѣ; вели съ ханскими ближними людьми разговоры и отвѣты давали не по посольскому обычаю и неостерегательно. Кромѣ того, постоянно ссорились

---

[405] Тамъ же: Крымскія дѣла 1680 года. св. 65/а. № 7.

другъ съ другомъ, бранились и тою своею ссорою, сверхъ своихъ неразумныхъ разговоровъ и отвѣтовъ, учиняли пущее зло государскимъ дѣламъ, особенно по вопросу о разграниченіи земель между государствами. Въ разное время, помимо государева указа, посланники отдали ханскимъ ближнимъ людямъ чертежи городамъ, землямъ, рѣкамъ и инымъ урочищамъ той стороны Днѣпра; дали ханскимъ ближнимъ людямъ списокъ съ грамоты царскаго величества къ султану Турецкому, тогда какъ имъ слѣдовало держать документъ этотъ въ великой тайнѣ. Въ довершеніе всего посланники то и дѣло доводили другъ на друга. Сухотинъ называлъ дьяка Михайлова воромъ, а Михайловъ доводилъ, что Сухотинъ дѣлаетъ не по государеву указу. Однимъ словомъ, оба посланника «своею глупостью и неостерегательствомъ, въ государственныхъ великихъ и въ земскихъ дѣлѣхъ учинили великую поруху». Именно такъ выражено было потомъ въ большомъ наказѣ, данномъ стольнику Тяпкину. Даже самъ ханъ Муратъ-Гирей вынужденъ былъ отправить къ царю Ѳедору Алексѣевичу нарочнаго гонца, Халиль-агу, съ листомъ, въ коемъ писалъ,

что отъ посланниковъ Сухотина и Михайлова «къ дѣламъ Московскаго государства полезныхъ словъ не было, только въ рукахъ своихъ держали нѣкакой чертежъ», и чтобы царское величество, «для тѣхъ посольскихъ мирныхъ договоровъ и о постановленіи межъ государствъ разграниченія земель, изволилъ прислать иныхъ посланниковъ» [406].

Дьякъ же Василій Михайловъ, въ своей дерзости дошелъ до того, что рѣшилъ самовольно уѣхать въ Москву. Это было въ мартѣ 1680 года. Ближній человѣкъ Ахметъ-ага пригласилъ къ себѣ боярина Василья Борисовича Шереметева и, между разговорами о государскихъ дѣлахъ, сказалъ ему, что дьякъ Михайловъ ѣдетъ въ Москву. «Можно ли ему ѣхать»?—спросилъ ближній человѣкъ.— Дьяку,—отвѣтилъ Шереметевъ,—безъ государева указу, покиня великаго государя дѣла и товарища своего, ѣхать къ Москвѣ не пристоитъ. Василій Борисовичь сейчасъ же написалъ письмо къ Леонтію Григорову, чтобъ тотъ говорилъ дьяку Василью Михайлову, къ Москвѣ не ѣздить, чтобъ отъ дѣлъ

---

[406] Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. II. Отдѣленіе 2. Одесса. 1850 г. стр. 642. 650.

великаго государя не отбывалъ и товарища своего, дворянина Ивана Сухотина, одного въ Крыму не покинулъ бы.

Дьякъ Михайловъ жестоко оскорбилъ и безъ того истерзаннаго всевозможными бѣдствіями несчастнаго Крымскаго плѣнника. Вотъ что писалъ объ этомъ случаѣ государю самъ Василій Борисовичь Шереметевъ: «Дьякъ Василій Михайловъ, смотря на письмо мое, лаелъ меня матерны, и родителей моихъ и меня называлъ Новгородцами и будто мы, въ Новѣгородѣ, бывали у его братьи, дьяковъ, въ разсыльщикахъ. И у тебя, великаго государя, прошу, умилосердися, государь, пожалуй меня, вели оборонить отъ дьяка Василья Михайлова и въ безчестьѣ моемъ, пожалуй, государь, вели дать оборонь на дьяка Василья Михайлова, чтобъ, по твоей, великаго государя, милости, впредь отъ такихъ же пьяныхъ и озорниковъ лаенъ и безчестенъ не былъ я. Братъ мой бояринъ Петръ Васильевичь (Большой) и племянникъ бояринъ Петръ Васильевичь (Меньшой) и брата моего боярина Петра Васильевича дѣти, племянники мои, будутъ бить челомъ тебѣ, великому государю, и милости просить, а я

оборони, на дьяка Василья Михайлова, что онъ насъ обезчестилъ. А какъ дьякъ Василій Михайловъ лаелъ меня матерны и безчестилъ, и называлъ насъ худыми людишками —Новгородскими разсыльщиками, и то слышали Леонтій Григоровъ и присыльный гетмана Ивана Самойловича, писарь его Иванъ Шкуропацкой».

24 марта 1680 года, ханъ Муратъ-Гирей отпустилъ въ Москву, вмѣстѣ съ нарочнымъ гонцомъ своимъ Халиль-агой, Леонтія Григорова и писаря Ивана Скоропадскаго. Дня съ три предъ тѣмъ отправленъ былъ отъ хана и въ Константинополь, съ листомъ къ султану, диванскій кятипъ Мустафа-ага.

Дьякъ Василій Михайловъ, не взирая на отзывъ Василья Борисовича Шереметева о непристойности оставлять постъ безъ указа великаго государя, добился, подкупомъ ближнихъ людей, того, что ханъ не только отпустилъ его въ Москву, но еще подарилъ ему при прощаньѣ кафтанъ.

Въ тотъ же день, 24 марта, Леонтій Григоровъ былъ у ближняго человѣка Ахметъ-аги, который велѣлъ при этомъ свиданіи быть и боярину Василью Борисовичу Шере-

метеву. Тутъ же былъ и посланникъ Иванъ Сухотинъ. Ахметъ-ага, какъ бы желая ввести Шереметева во всѣ обстоятельства дѣла и ознакомить его съ тѣмъ, что̀ говорилъ ханъ Леонтію Григорову на отпускѣ, обратился лично къ Василью Борисовичу съ такими объясненіями:

«Какъ царское величество изволитъ помириться съ ханомъ на томъ, о чемъ ханово величество писалъ къ нему, а на отпускѣ говорилъ Григорову и къ великому государю приказывалъ, и на томъ ханъ мириться и шертовать будетъ. А именованіе царское и титлу будетъ ханъ писать въ грамотахъ своихъ, какъ великій государь описуетъ самъ въ грамотахъ своихъ. А что ханъ писалъ прежде о Кіевѣ, о городахъ Малой Россіи и о казакахъ, и о чемъ ближніе люди говорили и спорили много съ посланниками государевыми, чтобъ царское величество уступилъ хану Кіевъ, города Малой Россіи и казаковъ, и то нынѣ ханово величество, хотя быть съ великимъ государемъ въ миру и братской дружбѣ, отставляетъ: Кіевъ, съ повѣтомъ Кіевскимъ, города Малой Россіи и казаковъ уступаетъ (такъ!) царскому величеству, и на

томъ шертовать будетъ. Да и нынѣ ханъ шертовать хотѣлъ, но того не похотѣли посланники, что о межѣ договора не учинено. А ханъ хочетъ, чтобъ межѣ быть Кіеву и по повѣтъ Кіевскій и по Днѣпръ. Что же касается до окупа твоего, боярина, и князя Андрея Ромодановскаго, и у хана давно о томъ положено на мѣрѣ, что отпустить васъ на окупъ, но за васъ окуповъ нѣтъ, а безъ окуповъ ханъ отпустить васъ николи не изволитъ. Вы му̀читесь и умираете въ неволѣ не отъ насъ, отъ себя. И нынѣ, какъ царское величество изволитъ помириться съ ханомъ и размѣна будетъ, и на размѣнное мѣсто окупы ваши привезены будутъ,—и ханъ отпуститъ васъ на окупъ тотчасъ. А будетъ царское величество помириться съ ханомъ и не изволитъ и размѣны не будетъ, а будутъ окупы ваши, а также посолъ ханова величества Сеферъ-ага привезены будутъ на Донъ,—и ханово величество васъ пошлетъ въ Азовъ вскорѣ; а изъ Азова васъ на окупъ, а переводчика Кутлу-Маметъ-Устькосимова и подьячаго Елдина на размѣну, пошлетъ вскорѣ же».

Все изложенное Василій Борисовичь Шереметевъ помѣстилъ въ своей обширной от-

пискѣ къ царю Ѳедору Алексѣевичу, въ той самой, въ которой онъ просилъ оборонить его отъ дьяка Василья Михайлова. Отписку эту повезъ въ Москву Леонтій Григоровъ. Въ заключеніе Шереметевъ писалъ: «Буде ты, великій государь, не изволишь помириться съ хановымъ величествомъ, укажи послать окупъ за меня на Донъ; а изволишь помириться, укажи послать окупъ на размѣнное мѣсто, на Торъ» [407].

---

[407] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1680 г. Св. 65/а. № 7.

ГЛАВА XXI.

30 апрѣля 1680 года, ханскій гонецъ Халиль-ага и нашъ посланникъ Леонтій Григоровъ съ товарищами уже были въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ въ этотъ день, царь Ѳедоръ Алексѣевичь слушалъ читанную ему думнымъ дьякомъ Посольскаго Приказа Ларіономъ Ивановичемъ Пашинымъ отписку Василья Борисовича Шереметева. Выслушавъ отписку, государь, въ тотъ же день, указалъ боярамъ допросить по ней, въ Передней Палатѣ, посланника Леонтія Григорова, писаря Ивана Скоропадскаго и дьяка Василья Михайлова. Находившіеся въ то время въ Москвѣ бояре Петръ Васильевичь Большой и Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевы, узнавъ подробности о продерзостной выходкѣ

дьяка Михайлова, 3 мая подали государю челобитную слѣдующаго содержанія: «Бьютъ челомъ холопи твои Петрушка Большой да Петрушка Меньшой Шереметевы. По твоему, великаго государя, указу, посланъ въ Крымъ посланникъ Иванъ Сухотинъ, а съ нимъ дьякъ Василій Михайловъ. И, будучи въ Крыму, дьякъ Василій моего, Петрушкина, брата, а моего, Петрушкина, дядю, боярина Василья Борисовича, и насъ всѣхъ безчестилъ и говорилъ всякія поносныя слова; а чѣмъ безчестилъ и какія слова безчестныя про насъ говорилъ, и о томъ у тебя, великаго государя, милости проситъ и въ отпискѣ своей изъ Крыму бояринъ Василій Борисовичь пишетъ. Милосердый государь, царь... пожалуй насъ, холопей своихъ, вели по отпискѣ боярина Василья Борисовича въ безчестьѣ нашемъ на дьяка Василья Михайлова оборонь дать. Царь, государь, смилуйся, пожалуй»!

На допросѣ по отпискѣ Василья Борисовича Шереметева, посланникъ Леонтій Григоровъ сказалъ, что то все, какъ написано въ отпискѣ боярина Василья Борисовича, было, и онъ, Леонтій, его, дьяка Василья Михайлова, унималъ.

Самъ дьякъ Василій Михайловъ, на допросѣ, во всемъ запирался.

Писарь Иванъ Скоропадскій сказалъ то же, что́ написано въ отпискѣ боярина Василья Борисовича, а говорилъ де онъ, дьякъ Михайловъ, тѣ рѣчи «подпилымъ временемъ», и Леонтій де Григоровъ отъ того унималъ его многажды.

Настоящее дѣло рѣшено было слѣдующею резолюціею царя Ѳедора Алексѣевича: Дьяку Василью Михайлову, «за то озорничество учинить наказанье—бить на козлѣ кнутомъ, чтобъ впредь неповадно было ему такихъ честны̀хъ и родословныхъ людей безчестить» [408].

Что же касается до государскихъ посольскихъ дѣлъ, по привезенному гонцомъ Халиль-агой листу Крымскаго хана и проч., то царь Ѳедоръ Алексѣевичь, на первыхъ же порахъ, рѣшилъ, не отзывая изъ Крыма Сухотина, послать туда новаго посланника. На этотъ разъ, выборъ государя палъ на искуснаго, умудреннаго опытомъ дипломата,—на стольника Василья Михайловича Тяпкина;

---

[408] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1680 г. Св. 65/а. № 7.

а въ товарищи ему назначенъ знаменитый дьякъ Никита Моисеевичь Зотовъ [409].

Посланники отпущены были изъ Москвы порознь: дьяку Зотову указано ѣхать съ Крымскимъ гонцомъ Халиль-агой напередъ, 18 августа, Крымскою дорогою: на Тулу, Мценскъ, Орелъ, Курскъ, Суджу и Сумы. Въ Сумахъ, Зотову велѣно стоять и дожидаться стольника Тяпкина. Послѣдняго оставили, для посольскихъ дѣлъ, въ Москвѣ и отпустили лишь 26 августа, указавъ ему ѣхать на Кромы, Сѣвскъ, оттуда Малороссійскими городами въ Батуринъ. Здѣсь Тяпкинъ долженъ былъ отдать гетману Ивану Самойловичу грамоту и тайныя посольскія дѣла, а затѣмъ ѣхать въ Сумы, на соединеніе съ Зотовымъ, для дальнѣйшаго совмѣстнаго слѣдованія въ Крымъ.

Въ самый разгаръ работы въ Посольскомъ Приказѣ по составленію наказовъ Тяпкину и гетману Самойловичу, а главное, статей мирнаго договора съ Крымскимъ ханомъ, — въ царской семьѣ совершилось неожиданное со-

---

[409] Всѣ подробности посольства Тяпкина и Зотова взяты изъ ихъ статейнаго списка, напечатаннаго во II томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1850 (отдѣленіе 2. стр. 568—658).

бытіе: царь Θедоръ Алексѣевичь, все еще одолѣваемый недугами, сочетался бракомъ съ дѣвицей Агаѳьей Семеновной Грушецкой. До сихъ поръ бракъ этотъ представляется загадкой и долженъ былъ произвести большой переполохъ въ теремахъ царевень и у всѣхъ Милославскихъ, и ихъ приспѣшниковъ. О самой Агаѳьѣ Семеновнѣ знаемъ только, что до брака съ царемъ, она жила у своей родной тетки,—жены думнаго дьяка Семена Ивановича Заборовскаго, что она была замѣчена царемъ Θедоромъ Алексѣевичемъ въ одномъ крестномъ ходу и полюбилась ему [410]. Изъ документовъ извѣстно также, что Агаѳья Семеновна имѣла двухъ сестеръ: Анну Семеновну, которая была за царевичемъ Сибирскимъ Васильемъ и Θеклу Семеновну, — за княземъ Θедоромъ Урусовымъ [411].

Казалось страннымъ и то, что бракосочетаніе царя не сопровождалось обычными церемоніями и торжествами. По крайней мѣрѣ извѣстно только то, что «18 іюля 1680 года, въ день недѣльный, по святой литургіи, вѣн-

[410] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. 3. стр. 822.

[411] Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго. Т I. Спб. 1858. Примѣч. 27-е.

чалъ царя Ѳедора Алексѣевича съ царицею Агаѳіею Семеновною, въ соборной велицѣй церкви, Іоакимъ патріархъ. При немъ были токмо два ключаря; иныхъ же церковниковъ никого не было. Читали и пѣли въ дѣйство вѣнчанія ключари. За патріархомъ единъ былъ соборный діаконъ, иныхъ не было. А съ Верху, предъ государемъ, въ соборную церковь, съ крестомъ шелъ духовникъ, а кропилъ Спасскій протопопъ» [412].

Ко времени женитьбы царя Ѳедора Алексѣевича относится его первое богомольное путешествіе во Флорищеву пустынь [413]. Старецъ Иларіонъ давно ожидалъ въ пустынь своего царственнаго друга и собесѣдника, для пріема коего заблаговременно построилъ небольшой деревянный дворецъ, существовавшій еще въ 1808 году, когда его почему-то сломали [414].

Царь Ѳедоръ прибылъ во Флорищеву пустынь по особой проложенной для него изъ

---

[412] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XI. М. 1789. стр. 192.

[413] Замысловскій. Царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Ч. I. Спб. 1871. стр. 158.

[414] Ратшинъ. Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ и церквахъ Россіи. М. 1852. стр. 35.

Вязниковъ, прямо лѣсомъ, дорогѣ, называемой и донынѣ царскою.

Иларіонова пустынь весьма полюбилась государю именно своимъ убожествомъ. Она показалась ему, «яко рай едемскій, на востоцѣ насажденный». Съ одной стороны, «всякое пустынное озлобленіе» обители и крайняя скудость ея, а съ другой стороны,—строгіе порядки жизни монашеской, по Аѳонскому уставу, и древнее столповое пѣніе, поражавшее своимъ величіемъ... Царь Ѳедоръ прослезился и сказалъ: «О, окаянный азъ! Въ какомъ довольствѣ пребываю! Сіи же рабы Господни, какую скорбь, ради славы имени Твоего, терпятъ» [415]!

Уѣзжая изъ Флорищевой пустыни, царь Ѳедоръ Алексѣевичь сдѣлалъ значительный денежный вкладъ въ казну пустыни и, между прочимъ, повелѣлъ приступить къ построенію въ обители каменной соборной церкви во имя Успенія Божіей Матери.

Но, поспѣшимъ за новыми царскими посланниками въ Крымъ, которымъ выпалъ счастливый жребій быть нѣкоторымъ образомъ участниками избавленія доблестнаго боя-

[415] Георгіевскій. Флорищева пустынь. Вязники. 1896. стр. 62.

рина Василья Борисовича Шереметева отъ многолѣтняго плѣна у басурманъ.

25 сентября 1680 года, прибылъ, наконецъ, въ Сумы стольникъ Василій Михайловичь Тяпкинъ, а съ нимъ отпущенный, въ Батуринѣ, гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, для государскихъ посольскихъ дѣлъ, писарь Прилуцкаго полка Семенъ Раковичъ, «человѣкъ значный, бусурманскихъ и Латинскаго языковъ свѣдущій» [416]. Три дня спустя, 28 сентября, стольникъ Тяпкйнъ, дьякъ Зотовъ, писарь Раковичъ, ханскій гонецъ Халиль-ага и прочіе двинулись въ путь. Въ Ольшанкѣ они стояли два дня, для заготовки хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ въ степную дорогу до перваго Крымскаго пограничнаго города Перекопа. Слѣдуя по выжженной степи, путники наши, 15 октября, достигли, наконецъ, рѣки Молочныя-Воды, впадающей въ Черное море. Въ тѣхъ мѣстахъ передовая сторо́жа посланниковъ съѣхалась съ воровскими подъѣзчиками и за ними гонялись. И тѣ воры, увидѣвъ съ посланниками многихъ людей, у нихъ было 600 человѣкъ провожатыхъ, побѣжали на утекъ. На дру-

[416] Костомаровъ. Руина. Спб. 1882. стр. 615.

гой день, 16 октября, рано утромъ, съ посланниками случилось буквально то же самое, что было при проѣздѣ покойнаго посланника Пазухина. Начальникъ конвоя, маіоръ Дмитрій Моканаковъ, взбунтовавъ своихъ рейтаръ и всѣхъ казаковъ, объявилъ, что дальше они не пойдутъ. Какъ ни уговаривали маіора, показывая ему государевъ указъ, онъ остался неумолимъ и со всѣми ратными людьми покинулъ посланниковъ. Пришлось ночевать какъ разъ на томъ мѣстѣ, на которомъ были убиты Пазухинъ и всѣ его товарищи. Однако, все обошлось благополучно. Впереди было еще одно, уже прямо разбойничье мѣсто, именно на попутной рѣчкѣ Другія-Уклюки. Сюда непрестанно выходили Калмыки — съ Азовской степи и съ Дона, казаки—изъ Запорожья и Татары—изъ Крыма и Ногай. Посланники ночевали посреди степи, «никѣмъ же брегомы, кромѣ Спасителя нашего Господа», какъ сказано въ статейномъ спискѣ [417]. Они немного свернули съ дороги и стояли «съ великимъ страхомъ, оружіе и кони въ рукахъ держащи».

[417] Статейный списокъ писалъ самъ дьякъ Никита Моисеевичь Зотовъ.

Въ ночь на 18 октября, посланники пришли на Черный колодезь. Тутъ они наѣхали Перекопскихъ Татаръ подъѣзчиковъ, которые пасли въ степи Крымскія стада. Послыша обозный звукъ, подъѣзчики, думая, что идутъ многолюдныя рати, со страху попрятались въ камышъ и въ терникъ; а когда подъѣхали къ нимъ совсѣмъ близко, стали окликать: кто ѣдетъ? Бывшіе съ Халиль-агой Татары объяснили землякамъ въ чемъ дѣло, и тѣ успокоились. Подъѣзчики сказали, что отъ настоящаго мѣста до самого Перекопа, по степи, вездѣ Крымскіе Татары стада пасутъ и проѣздъ къ Перекопу будетъ безопасенъ. Посланники, услышавъ эти разговоры, «радости исполнились и воздали всемогущему избавителю Богу и Пречистой Его Богоматери веліе благодареніе, за еже препроводилъ ихъ такимъ страшнымъ путемъ здравыхъ, и не попустилъ на нихъ враговъ, мечемъ поядающихъ, которые дни и ночи повсюду въ томъ пути по сторонамъ ихъ стерегли, желаючи погубить ихъ, корысти ради своея разбойническія».

На ночлегѣ, въ 20 верстахъ отъ Перекопа, «подлѣ морскіе заливы Гнилыхъ-Водъ», по-

сланники рѣшили послать въ Крымъ, къ хану и боярину Василью Борисовичу Шереметеву, татарина Акжейку, — вѣстникомъ о своемъ приходѣ [418]. Такое рѣшеніе было тѣмъ болѣе умѣстно, что въ Крыму, дѣйствительно, сильно безпокоились, что такъ долго не получали никакихъ извѣстій о ханскомъ гонцѣ Халиль-агѣ и о царскомъ посланникѣ Леонтіѣ Григоровѣ съ ихъ товарищами. Случай съ посланникомъ Пазухинымъ и гонцомъ Садыкъ-агой былъ у всѣхъ на свѣжей памяти. Уже 6 сентября, ближній человѣкъ Ахметъ-ага вызывалъ къ себѣ боярина Василья Борисовича Шереметева и говорилъ ему: «Какъ поѣхалъ изъ Крыма гонецъ хановъ Халиль-ага и Леонтій Григоровъ, и тому нынѣ шестой мѣсяцъ, а про то невѣдомо хану, что гонецъ его и Григоровъ къ Москвѣ пріѣхали ль, и на Москвѣ они задержаны ль, или отпущены, а на дорогѣ побиты. А ханово величество, хотя быть съ великимъ государемъ въ братской дружбѣ и любви и въ миру, ожидалъ гонца своего и Леонтія Григорова вскорѣ. И нынѣ ханово величество посылаетъ къ вели-

---

[418] Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. II. Отдѣленіе 2. Одесса. 1850. стр. 570.

кому государю другого гонца, съ грамотою своею, именно татарина Ахметя, для подлиннаго провѣдыванья: первый его гонецъ Халиль-ага, въ Москвѣ ль и задержанъ ли, или съ Москвы отпущенъ, а на дорогѣ убитъ, что по се число въ Крымъ не бывалъ. А ханово величество миру съ великимъ государемъ желаетъ и къ султану Турскому писалъ о томъ, что его царскаго величества посланники о миру договоръ учинили, и тѣмъ султана Турскаго и рать задержали». Ахметъ-ага предложилъ Василью Борисовичу о всемъ этомъ написать государю, и чтобъ царское величество указалъ отпустить гонца Халиль-агу, равно какъ и нынѣшняго гонца татарина Ахметя. Шереметеву оставалось только исполнить по предложенію ближняго человѣка, и онъ отправилъ въ Москву отписку къ государю съ человѣкомъ своимъ Никитой Араповымъ, который выѣхалъ изъ Крыма вмѣстѣ съ новымъ ханскимъ гонцомъ татариномъ Ахметемъ и толмачемъ Иваномъ Свиридовымъ [419].

Новый ханскій гонецъ Ахметъ, Араповъ

---

[419] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1680 г. Связка 65/в. № 17.

и Свиридовъ пріѣхали въ Москву 18 октября. Мы знаемъ, что въ этотъ самый день, отъ Крымскаго гонца Халиль-аги и царскихъ посланниковъ Тяпкина и Зотова уже скакалъ къ хану и боярину Василью Борисовичу Шереметеву татаринъ Акжейка съ извѣстіемъ объ ихъ приближеніи къ предѣламъ Крымскимъ.

Татаринъ Акжейка прибылъ въ Жидовскій городокъ, къ Василью Борисовичу Шереметеву, 26 октября, и, по порученію посланника Тяпкина, подалъ ему письмо изъ Москвы отъ князя Ивана Петровича Пронскаго [420] и князя Якова Алексѣевича Голицына [421]. Изъ письма этого Василій Борисовичь узналъ о послѣдовавшей, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кончинѣ его жены, Прасковьи Васильевны, и о разграбленіи его Московскаго двора и деревень. Вѣрно говоритъ пословица: бѣда по бѣдѣ, какъ по ниткѣ идетъ. Письмà князя Прон-

---

[420] Бояринъ Иванъ Петровичь Пронскій, — родной братъ покойной мачихи Василья Борисовича, Ульяны Петровны, былъ женатъ вторымъ бракомъ на родной сестрѣ второй жены Василья Борисовича, — Ксеніѣ Васильевнѣ Третьяковой.

[421] Князь Яковъ Алексѣевичь Голицынъ (родившійся въ 1659 г.), былъ женатъ на единственной дочери Василья Борисовича Шереметева, Евфимьѣ Васильевнѣ.

скаго и князя Голицына не сохранилось, но съ содержаніемъ его вполнѣ знакомитъ нижеслѣдующая челобитная Василья Борисовича Шереметева царю Ѳедору Алексѣевичу:

«Бьетъ челомъ холопъ твой, отъ убогихъ убогой и разореной и нужетерпецъ Крымской и заточеной въ Жидовскомъ городкѣ двадцать и одинъ годъ, Васка Шереметевъ. Въ онынѣшнемъ, государь, во 189 (1680) году, октября 26 числа, писали ко мнѣ съ Москвы въ Крымъ, въ Жидовской городокъ, бояринъ князь Иванъ Петровичь Пронской да зять мой князь Яковъ Алексѣевичь Голицынъ, что, волею Божіею, жена моя умерла въ прошломъ во 188 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. И по смерти жены моей, призрили на домишко мое и убогіе мои животишки досмотрѣли и переписать велѣли: бояринъ князь Иванъ Петровичь да зять мой князь Яковъ Алексѣевичь. И ту роспись убогимъ моимъ животишкамъ прислали ко мнѣ, въ Крымъ, въ Жидовской городокъ. И въ росписи чево не написано, а я въ многолѣтней бѣдѣ своей и въ полону про что̀ упомнилъ, про платьишко свое и про служивую и про конную рухледишку, и въ росписи того нѣту. И я чаю, чего въ росписи нѣтъ,

то пропало. А у жены моей приказано было въ домишку и животишки мои вѣдалъ и письма человѣкъ мой Оска Садовской. И онъ, Оска, не проча меня, и, мимо воли Божіей, не чаялъ того и на мысли своей имѣлъ, что я изъ неволи своей не увольнюсь и живъ не буду, въ домишку моемъ будучи, воровалъ,升кралъ и въ деревнишкахъ моихъ крестьянишкамъ моимъ большое разоренье чинилъ и небреженьемъ своимъ, какъ дворишко мой горѣлъ дважды, письма пожегъ. А на нерадѣнье и на воровство человѣка моего Оски Садовскаго призрить было некому. А жена моя была баба безумная и для того, человѣкъ мой Оска и воровалъ, въ домишку моемъ кралъ, и въ деревнишкахъ моихъ разоренье болшое чинилъ. Человѣкъ же мой Оска воровалъ, отпускалъ людишекъ моихъ на волю, безъ моего велѣнья, и отпускныя имъ давалъ, а отпускныя писалъ своею рукою; а кто къ тѣмъ воровскимъ отпускнымъ руки прикладывалъ, и про то мнѣ невѣдомо. А что̀ у меня онъ, Оска, въ домишку моемъ, кралъ всякой рухледишки, и то онъ отдавалъ Смольяномъ мѣщаномъ и инымъ людемъ. А кто къ нему пріѣзжалъ изъ Смоленска, и про то вѣдаетъ жена его Дунка, про

все воровство мужа своего, что́ онъ у меня кралъ и кто къ нему пріѣзжалъ изъ Смоленска и кому онъ что́ отдавалъ. Да и людишкамъ моимъ всѣмъ, Васкѣ Бибикову съ товарыщи, вѣдомо жъ про то, кто къ вору человѣку моему, Оскѣ Садовскому, изъ Смоленска пріѣзжалъ. А нынѣ Оски Садовскаго жива нѣтъ: умеръ послѣ жены моей вскорѣ. А какъ жена моя умирала, кончалась, и въ то время ключишки и перстнишко съ печатью съ руки, за которою печатью рухлядишка моя и жены моей была, взяла Оскина жена Садовскаго, Дунка. Пожалуй меня, вели, государь, се мое челобитье записать, а Оскину жену Садовскаго, Дунку, укажи распросить противъ сего моего челобитья, и послѣ распросу, вели Оскину жену вкинуть въ тюрьму, чтобъ Оскина жена безвѣстно не пропала. А милостію Божіею, буду живъ и по милости твоей, великаго государя, какъ изъ неволи увольнюсь и увижу твои, великаго государя, очи и пресвѣтлое твое праведное лицо, и какъ въ домишку своемъ осмотрюсь, и что у меня пропало изъ животишекъ моихъ и гдѣ и у кого про что увѣдаю, и въ то время буду милости просить у тебя о праведномъ сыску. А буде

гдѣ крѣпости какія объявятся или иныя какія воровскія письма человѣка моего, Оски Садовскаго, писаны рукою, и чтобъ мнѣ въ тѣхъ воровскихъ крѣпостяхъ и письмахъ виноватымъ не быть. А Оска Садовской во дворишкѣ моемъ человѣкъ былъ новый: принятъ безъ меня. Царь, государь, смилуйся» [422].

Василій Борисовичь Шереметевъ, удрученный новымъ упавшимъ на него горемъ, какъ бы облегчилъ свою душу, написавъ приведенную челобитную. Онъ хорошо зналъ, что пока не съ кѣмъ было отправить челобитную въ Москву и что во всякомъ случаѣ приходилось ожидать окончанія великаго государскаго дѣла, порученнаго Тяпкину и Зотову, а оно еще не начиналось.

19 октября, рано утромъ, посланники Тяпкинъ и Зотовъ съ товарищами, поднялись съ послѣдняго ночлега и пошли степью къ Перекопу. «Для степного безпокойства и безсоннаго томленья, также и для присталыхъ лошадей», посланники располагали отдохнуть въ Перекопѣ, по крайней мѣрѣ, дня съ два. Бея Перекопскаго въ городѣ не было, онъ

[422] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 г. Св. 66/а. № 7.

уѣхалъ къ хану, и посланниковъ принималъ намѣстникъ бея Ибрагимъ-ага. Онъ прислалъ имъ: барана освѣжеваннаго (то-есть, убитаго), тридцать лепешекъ пшеничныхъ, нѣсколько вязанокъ соломы ячной да ячменя четвериковъ съ шесть. Это на 26 человѣкъ посольскихъ людей и на 64 лошади посольскія... За такою великою скудостію конскихъ кормовъ, Тяпкинъ и Зотовъ рѣшили только переночевать въ Перекопѣ и на другой же день, 20 октября, пошли на своихъ усталыхъ лошадяхъ «по-малу, съ великою нуждою». Имъ даже не дали подводъ, а нанять было негдѣ.

20 октября, посланники ночевали въ селѣ Азетмалѣ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ присланный отъ размѣннаго бея Авелши-мурзы-Сулешева сторожъ посольскаго двора татаринъ Джумалей, спросить о здоровьѣ отъ хана и отъ бея. Джумалей сказалъ, что ему велѣно принять и проводить посланниковъ, не занимая Бахчисарая, на рѣку Альму, на старый посольскій станъ, въ 10 верстахъ отъ Бахчисарая. Татаринъ объяснилъ, что и самъ ханъ Муратъ-Гирей вышелъ изъ Бахчисарая и живетъ, «бѣгаючи отъ морового повѣтрія», на

той же рѣчкѣ Альмѣ, въ деревнѣ, недалеко отъ посольскаго стана.

25 октября, посланники прибыли, наконецъ, на посольскій станъ, гдѣ застали прежняго посланника Ивана Сухотина и еще пять человѣкъ Московскихъ подьячихъ и толмачей. Посланники пришли въ ужасъ отъ предоставленнаго имъ помѣщенія, о которомъ вотъ что̀ сказано въ ихъ статейномъ спискѣ: «Четыре пунишки [423] складены изъ дикого нетесанаго камени, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ и безъ мосту и безъ лавокъ и безъ дверей; а для свѣту учинено по одному окошку. И воистину объявляемъ о томъ строеньѣ, яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ, посланникомъ царскаго величества. А лошадямъ не только какихъ конюшень не учинено, и привязать ихъ незачто». О кормахъ и говорить нечего. Ихъ совсѣмъ не давали посланникамъ, и они сами покупали, съ великою нуждою, хлѣбъ, ячмень и солому, да и то самою дорогою цѣною. Если такова обстановка была у самихъ царскихъ посланниковъ, то каково же было положе-

[423] Пўня = хлѣвъ.

ніе несчастнаго невольника, боярина Василья Борисовича Шереметева!

На другой же день, 26 октября, къ посланникамъ, на посольскій станъ, прибылъ размѣнный бей Авелша-мурза-Сулешевъ. Онъ объявилъ Тяпкину и Зотову, что назначенъ быть у нихъ приставомъ и что ханъ указалъ имъ немедленно ѣхать съ нимъ, Сулешевымъ, къ его ханову величеству, съ грамотою великаго государя, и править посольство. Посланники отказались ѣхать, такъ какъ было уже поздно.

Въ слѣдующій день, 27 октября, посланники Тяпкинъ и Зотовъ, убравшись по посольскому чину и взявъ съ собою грамоту великаго государя и легкіе поминки, поѣхали съ приставомъ Сулешевымъ къ хану, въ его село, верстахъ въ пяти отъ посольскаго стана. Тамъ Сулешевъ, поставивъ посланниковъ на Татарскомъ дворишкѣ, пошелъ пѣшкомъ къ хану и къ ближнему человѣку Ахметъ-агѣ, съ докладомъ. Возвратясь къ посланникамъ, Сулешевъ сказалъ, чтобъ они шли сперва къ ближнему человѣку и отдали бы письмо къ нему отъ думнаго дьяка Посольскаго Приказа. «Но вѣдь ты — возразили посланники —

звалъ насъ съ грамотою великаго государя къ ханову величеству, а не къ ближнему человѣку. Непригоже намъ, прежде хана, быть у его ближняго человѣка, для того, что съ нами есть грамота великаго государя къ ханову величеству. А отъ думнаго дьяка къ ближнему человѣку никакого письма съ нами не послано; а хотя бъ и было, и то бъ письмо годилось отдать ему послѣ».

Сулешевъ опять пошелъ къ хану и къ ближнему человѣку, и возвратился отъ нихъ уже самъ-другъ, съ аталыкомъ, то-есть, съ дядькой ханскихъ дѣтей. Оба «съ великимъ шумомъ» говорили посланникамъ, чтобъ они исполнили приказаніе хана, что если даже у нихъ и нѣтъ письма отъ думнаго дьяка, всетаки шли бы съ грамотою великаго государя сперва къ ближнему человѣку; такъ де испоконъ ведется у нихъ.

«Если бы — отвѣчали посланники — приставъ звалъ насъ для повиданья прежде быть у ближняго человѣка, и мы бы грамоту великаго государя оставили у себя на стану, а сами были бы у ближняго человѣка, для разговоровъ о государственныхъ дѣлахъ, безпрекословно. А съ грамотою великаго государя, не

бывъ у ханова величества, по инымъ дворамъ волочиться намъ не пригоже. Знайте о томъ подлинно, что вы грозами, безчестными словами, обыклою неволею и тѣснотами своими, какъ чинили надъ прежними посланниками царскаго величества, насъ не устрашите. Прежде ханова величества, съ грамотою великаго государя къ ближнимъ людямъ ни къ кому не пойдемъ и мимо его ханскихъ рукъ, никому изъ ближнихъ его людей царской грамоты не дадимъ».

— Въ такомъ случаѣ,—сказали аталыкъ и приставъ,—ханово величество велѣлъ взять грамоту великаго государя силою, а васъ сослать на посольскій станъ.

«Гдѣ головы наши будутъ, — отвѣчали царскіе посланники, — тамъ и грамота великаго государя нашего при насъ; а когда уже увидите насъ мертвыхъ предъ собою, тогда и грамоту царскаго величества возьмете».

ГЛАВА XXII.

Какъ ни шумѣли, какъ ни «споровались» ханскіе ближніе люди, стольникъ Тяпкинъ и дьякъ Зотовъ оставались непреклонны и твердили одно: Съ грамотою великаго государя, прежде хана, къ ближнему человѣку не пойдемъ и мимо ханскихъ рукъ, никому не дадимъ грамоты.

Ханскіе люди долго совѣтовались между собою, а затѣмъ возвратились къ посланникамъ и уже «тихо, склонно» предложили, чтобъ одинъ изъ нихъ остался съ царскою грамотою на подворьѣ, а другой шелъ бы повидаться прежде съ ближнимъ человѣкомъ Ахметъ-агой, для разговоровъ о государственныхъ дѣлахъ. Зотовъ остался съ грамотою, а Тяпкинъ, вмѣстѣ съ приставомъ Суле-

шевымъ, сопровождаемый переводчикомъ и подьячими, отправился къ ближнему человѣку. Войдя въ хоромы Ахметъ-аги, Тяпкинъ привитался съ нимъ. «Бусурманъ, — говоритъ Тяпкинъ,—надувся своею поганою гордостью, сидѣлъ на коврахъ, облегшись на бархатныя золотныя подушки. Онъ привитался сидя и велѣлъ мнѣ сѣсть противъ себя, по-близку, на уготованномъ мѣстѣ. Спросилъ меня прежде всего о здоровьѣ и о путномъ нашемъ шествіи». По словамъ Тяпкина, Ахметъ-ага, «образомъ и саномъ человѣкъ природной, рѣчью свободенъ и тихословенъ; портище (то-есть, платье) на немъ суконное, цвѣтомъ мурамъ-зелено [424], на соболяхъ, Турецкимъ строемъ; глава его въ бѣломъ завоѣ. Стѣны въ избѣ его обиты завѣсы золотными и бархатными, черезъ полосу сшиваны».

— Для чего вы — заговорилъ Ахметъ-ага — упрямо дѣлаете и ханова величества не слушаете и прежде у меня быти не хочете? А у насъ то изстари повелось, что прежде бытности у хана, посланники царскіе бывa-

---

[424] Цвѣтъ мурамнозеленый (см. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ Русскихъ утварей, одеждъ и проч. Спб. 1896. стр. 161).

ютъ у ближнихъ людей. Иль честью въ вашу пору посланниковъ здѣсь не бывало?

«Прежнихъ царскихъ посланниковъ—отвѣчалъ Тяпкинъ — лучше и хуже себя мы не ставимъ; а хотя у васъ прежде сего такъ и было, какъ ты сказываешь, только мы сего вашего указу не пріемлемъ. Должны прежде исполнить врученныя намъ всякія государскія посольскія дѣла по государеву указу, а не по ханскому изволенью и твоему желанью. Ни у которыхъ государей нигдѣ того не повелось, чтобъ ближнимъ людямъ, мимо государя, грамоты у пословъ великаго государя нашего принимать. И тотъ у васъ въ Крымѣ обычай и поступокъ зѣло грубъ и государской дружбѣ и любви противенъ. А мнѣ, по благодати Бога моего и по изволенію царскаго величества, въ послѣхъ быть у посторонних многихъ великихъ государей не первое посольство, и тѣ ихъ государскіе посольскіе чины и поступки знаю. А что ты показуешь прикладъ о прежде бывшихъ въ Крымѣ царскихъ посланникахъ, что они съ госуревыми грамотами прежде хана бывали у ближнихъ людей и грамоты имъ отдавали, и тому я не дивлюсь, потому что у васъ всегда

царскимъ посланникамъ бываетъ великая неволя, тѣснота и безчестье, для выможенья отъ нихъ себѣ великія корысти и богатыхъ даровъ, какъ мы теперво то и надъ собою видимъ. И такіе отъ нихъ были поступки по неволѣ вашей, а не своею охотою. А мы присланы къ хану и къ вамъ не дары раздавать, только добрыя дѣла дѣлать, которыя надлежатъ межъ великими государями къ мирному постановленію».

Ахметъ-ага слушалъ рѣзкую отповѣдь царскаго посланника «прилѣжно» и, ничего не сказавъ въ отвѣтъ на нее, прямо сталъ требовать, чтобъ ему было отдано письмо къ нему отъ думнаго дьяка Посольскаго Приказа. Тяпкинъ говоритъ въ статейномъ спискѣ, что Ахметъ-ага, «какъ того письма у меня спрашивалъ, и въ то время говорилъ зѣло запальчиво, острыми и гордыми словами, которыя трудно и писанію предать».

— Вы — говорилъ Ахметъ-ага — письмо тайте, или, для своей гордости, не хотите и его объявить прежде бытности у хана? Отдайте, а если теперь не отдадите, и впредь бы у васъ того письма не было.

«Чего намъ таить! — отвѣчалъ Тяпкинъ. —

Еслибъ то письмо съ нами послано было, мы бъ его отдали».

По окончаніи разговоровъ, Ахметъ-ага велѣлъ подать кофе. Онъ самъ выпилъ чашку и потчивалъ Тяпкина, а затѣмъ велѣлъ ему идти съ приставомъ на подворье и готовиться къ хану, на посольство.

Уходя, Тяпкинъ сказалъ Ахметъ - агѣ, чтобъ онъ великому государю послужилъ и показалъ бы свою любовь имъ, посланникамъ, въ то время, когда они будутъ предъ хановымъ величествомъ на посольствѣ и станутъ ему по чину честь и поклонъ отдавать, «чтобъ ихъ за шеи не брали и силою до земли не нагибали и тѣмъ ихъ не безчестили». Мы де и сами поклонимся по надлежащему чину.

— Для добраго вашего посольства, — отвѣтилъ Ахметъ-ага,—нагибать васъ силою не велю, буде вы сами до земли поклонитесь. Но пусть царское величество, и съ своей стороны, изволитъ учинить повольность въ нагибаньѣ поклоновъ Крымскимъ посланникамъ и гонцамъ.

На подворьѣ посланники одѣлись въ доброе платье и, устроясь по посольскому чину, сѣли на лошадей, и поѣхали, съ приставомъ

Сулешевымъ, къ хану, имѣя съ собою грамоту великаго государя и царскіе любительные поминки. Сажень за тридцать до воротъ ханскаго двора, посланники, по требованію копычей и сейменовъ, сошли съ лошадей и отправились пѣшкомъ. Ихъ встрѣчали «многіе князи, мурзы, знатные и честные люди». Въ хоромахъ ханскихъ, посланники стали посреди палаты и, увидѣвъ хана, сняли шапки и поклонились ему до земли, «собою, безо всякія неволи». Ханъ Муратъ-Гирей сидѣлъ въ правой сторонѣ палаты, опершися о подушки золотныя. Онъ былъ одѣтъ въ «портище суконное, мурамъ зеленое, на соболяхъ, Турецкимъ строемъ; подъ исподомъ кафтанъ тафтяной, алой цвѣтъ; шапка—сукно красное, съ соболемъ, Татарская. Въ палатѣ, по стѣнамъ, обитья никакого не было, только надъ ханомъ висѣли на гвоздѣ саадакъ его, сабля и пиногоръ бархатной. Ближніе люди въ чалмахъ и шапкахъ стояли по обѣ стороны подлѣ стѣнъ въ рядъ, въ одинъ человѣкъ. Платье на нихъ Турецкимъ и Татарскимъ строемъ».

Тяпкинъ подалъ хану царскую любительную грамоту, завернутую въ тафту, а тотъ

передалъ ее ближнему человѣку Ахметъ-агѣ. Поминки являлъ Зотовъ по росписи, безъ цѣны и безъ ярлыковъ: 40 соболей; вмѣсто лисицы черной, пара соболей да еще двѣ пары соболей. Поминки изъ рукъ Тяпкина принималъ большой казнодаръ.

Посольское дѣло объявлялъ хану Тяпкинъ. Онъ сказалъ, что его царское величество указалъ послать ихъ, посланниковъ, «для договору, который надлежитъ къ постановленію сосѣдственной дружбы съ его хановымъ величествомъ, а съ салтановымъ величествомъ Турскимъ—ко укрѣпленію исконной братской дружбы и любви». Тяпкинъ просилъ хана, чтобъ онъ «велѣлъ своимъ ближнимъ людямъ тѣхъ дѣлъ у нихъ выслушать и договоръ учинить, чтобъ ханово величество съ великимъ государемъ имѣлъ сосѣдственную дружбу и любовь, попрежнему, а плѣнъ и войну на обѣ стороны оставить и невольникамъ размѣну учинить».

Въ то время, какъ посланники правили свое посольство, «въ палатѣ молчаніе и тихость были велія, и ханъ слушалъ посольство внятно и прилѣжно».

Въ заключеніе хану принесли кафтаны

золотные. Первый кафтанъ надѣли на пристава мурзу Сулешева и тотъ, одѣтый въ жалованный кафтанъ, снялъ съ себя шапку и, приступивъ къ хану, наклонился и поцѣловалъ его правую полу. Потомъ надѣли кафтаны на посланниковъ и велѣли имъ ѣхать на подворье, гдѣ и быть до указу.

Послѣ представленія хану, посланники Тяпкинъ и Зотовъ говорили приставу мурзѣ Сулешеву, чтобъ ханъ позволилъ имъ видѣться съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, для того, что есть къ нему отъ великаго государя милостивая грамота да «и по должности своей христіанской, посѣтить его и челомъ ударить».

30 октября, Сулешевъ пріѣхалъ на Посольскій дворъ и сказалъ посланникамъ: Ханъ велѣлъ вамъ быть въ отвѣтѣ у ближнихъ людей, а прежде чтобъ вы заѣхали въ Жидовскій городокъ и видѣлись съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ, и уже отъ него ѣхали бы въ отвѣтъ къ ближнимъ людямъ. Кстати, — продолжалъ Сулешевъ, — ближніе люди велѣли мнѣ спросить у васъ, можно ль при отвѣтѣ вашемъ быть тутъ же и боярину Василью Борисовичу? Посланники

отвѣтили: «То дѣло доброе, боярину Василью Борисовичу Шереметеву мы рады».

Послѣ того, Тяпкинъ и Зотовъ, сѣвъ на коней, отправились, вмѣстѣ съ своимъ приставомъ мурзой Сулешевымъ, въ Жидовскій городокъ, къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву.

Къ сожалѣнію, въ посольскомъ статейномъ спискѣ нѣтъ описанія, ни наружности Василья Борисовича, ни обстановки его. Посланники поднесли ему милостивую грамоту великаго государя и его царское жалованье 100 червонныхъ золотыхъ да 40 соболей, цѣною въ 50 рублей; а стольнику князю Андрею Григорьевичу Ромодановскому, который, повидимому, жилъ вмѣстѣ съ Шереметевымъ, — 50 золотыхъ червонныхъ да 40 соболей, цѣною въ 25 рублей. Василій Борисовичь Шереметевъ,—читаемъ въ статейномъ спискѣ, — выслушавъ государеву милостивую грамоту и принявъ царское жалованье, «на государской милости благодарственно, съ радостными слезами, билъ челомъ. А что ему предъ прежними годами государское жалованье прислано съ убавкою, о томъ зѣло опечалился и плакалъ горько,

разумѣваючи на себя нѣкакой гнѣвъ государской».

Засимъ, когда Татары ушли, Василій Борисовичь Шереметевъ говорилъ съ Тяпкинымъ и Зотовымъ «въ тайнѣ» о Крымскихъ посольскихъ дѣлахъ и спросилъ посланниковъ:

«Тѣ дѣла, съ которыми вы присланы, мнѣ, боярину, вѣдать указано-ль»?

— Такого указа, — отвѣтили посланники, — чтобъ тебѣ, боярину, тѣ дѣла вѣдать, съ нами не прислано.

Василій Борисовичь Шереметевъ благодарилъ Бога и государскую милость, что онъ отъ того дѣла учиненъ свободенъ. «А прежде сего — сказалъ онъ — отъ посольства Ивана Сухотина въ государскихъ дѣлѣхъ, которыя я вѣдалъ, имѣлъ отъ бусурмановъ великое подозрѣніе и убытки и невольныя трудности».

На вопросы Тяпкина о посольствѣ Ивана Сухотина, Василій Борисовичь отвѣчалъ нѣсколько уклончиво: «Въ совершеніе Ивановы договоры не приведены для того, что межъ государствъ учинился споръ о разграниченіи земель. Да и ближніе хановы люди въ отвѣтѣ

вамъ объявятъ, зачѣмъ тѣ договоры въ совершеніе не приведены».

Переговоривъ обо всемъ, бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ, вмѣстѣ съ мурзой Сулешевымъ, стольникомъ Тяпкинымъ и дьякомъ Зотовымъ, поѣхали въ отвѣтъ къ ближнимъ людямъ, въ то село, гдѣ наши посланники были на пріѣздѣ у хана. Тамъ ихъ поставили до указу въ переднемъ Татарскомъ дворишкѣ. По слову мурзы Сулешева, всѣ пошли въ отвѣтную палату. Она была обита золотными и бархатными завѣсами, весь полъ устланъ коврами и попонами цвѣтными. Бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ вошелъ въ палату первымъ, за нимъ посланники — стольникъ Тяпкинъ и дьякъ Зотовъ, переводчики, подьячіе и толмачи. Ахметъ-ага и прочіе ближніе люди сидѣли, опершись о бархатныя подушки. Не перемѣняя позы, они, спросивъ о здоровьѣ, сперва Шереметева, потомъ посланниковъ, предложили имъ сѣсть противъ себя, по-близку, на уготованныхъ низкихъ скамейкахъ, покрытыхъ коврами.

Когда всѣ усѣлись, ближніе люди, помолчавъ немного, сказали посланникамъ:—Объявите намъ о вашемъ посольствѣ самую

правду не пространными бесѣдами и разговорами, безъ всякихъ околичностей и лишнихъ словъ, которыя въ дѣлахъ чинятъ только трудности и препинаніе.

«За нами—отвѣчалъ Тяпкинъ—лишнихъ словъ нѣтъ и не будетъ, а что̀ намъ отъ великаго государя нашего наказано, то вамъ и объявимъ, взаимно желая, чтобъ вы насъ выслушали съ вниманіемъ и тихостью».

— Говорите, а мы рады со вниманіемъ слушать.

Тяпкинъ разсказалъ вкратцѣ исторію переговоровъ о мирномъ постановленіи, но въ сущности и это было излишне, ибо для всѣхъ ясно было, что дѣло тормозилось лишь вопросомъ о новой границѣ между государствами. Ближніе люди, согласно воли султана Турецкаго, настаивали на рубежѣ по Днѣпръ, а Тяпкинъ съ Зотовымъ, какъ и Сухотинъ, предлагали границу по Рось, Тясминъ и Ингулъ. Когда посланники наши отказали наотрѣзъ въ Днѣпровской межѣ, ближніе люди «осердились на нихъ и съ великимъ невѣжливымъ шумомъ велѣли имъ ѣхать на Посольскій станъ». Этимъ и кончился первый отвѣтъ.

На второмъ отвѣтѣ, бывшемъ 3 ноября, въ томъ же селѣ, Тяпкинъ и Зотовъ, на предложеніе ближнихъ людей объявить о межѣ «послѣднее намѣреніе», — попрежнему, отказали въ Днѣпровской межѣ. То де дѣло нестаточное и указа великаго государя о Днѣпровской межѣ нѣтъ и не будетъ. «А есть намъ — продолжали посланники — новый государевъ указъ о межѣ, которой быть въ разграниченіи земель на обѣ стороны съ добрымъ пожиткомъ и безобидно. Выслушайте этотъ указъ прилѣжно, съ добрымъ радѣніемъ, а не съ шумомъ, а выслушавъ, донесите то объявленіе наше ханову величеству».

Затѣмъ, Тяпкинъ и Зотовъ на словахъ изложили довольно запутанную межу съ множествомъ мѣстечекъ, урочищъ и рѣчекъ: начиная отъ мѣстечка Василькова, на мѣстечки Ракитну, Ольшанку, до рѣки Роси, потомъ Тясминъ и такъ далѣе до рѣчки Носаковки, впадающей въ Днѣпръ.

Ближніе люди, выслушавъ объявленіе посланниковъ, разсмѣялись и съ подивленіемъ говорили имъ: Будетъ только за вами дѣла есть, что̀ вы теперь намъ объявляете и такову межу показуете, то непошто было вамъ

сюда и ѣздить, потому что въ той межѣ отказано еще прежнимъ посланникамъ... Если по Днѣпръ изволитъ великій государь межу учинить, на томъ и миръ станется.

Тяпкинъ и Зотовъ,—какъ они сами говорили,—«приводили ближнихъ людей къ склоненію всякими пріятными разговоры, сколько было возможно, и государевымъ жалованьемъ обнадеживали, а инымъ и давали, только они отнюдь по наговору и обѣщанію, склоненіе къ миру не показали».

Пошептавшись между собою, ближніе люди сказали посланникамъ: «По словесному вашему пространному объявленію, межи вашей выразумѣть не можемъ и урочищъ таковыхъ не знаемъ. Вы бъ тѣмъ урочищамъ дали письмо да чертежъ и подписали бы Татарскимъ письмомъ. А какъ мы по тому вашему письму и по чертежу о межѣ и объ урочищахъ выразумѣемъ, и о томъ доложимъ хану. А какое будетъ о томъ ханово изволеніе, тогда мы учинимъ вамъ извѣстно и велимъ быть въ отвѣтѣ».

На третьемъ отвѣтѣ, бывшемъ 8 ноября, въ Греческомъ селѣ Мангушѣ, въ 20 верстахъ отъ Посольскаго стана, когда Тяпкинъ и Зотовъ, «положась на помощь Господа Бо-

га», вручили ближнимъ людямъ письмо и чертежъ вновь объявленной межи, ближній человѣкъ Ахметъ-ага совершенно неожиданно спросилъ пословъ: — Если ханъ учинитъ межу и разграниченіе земель по вашему объявленію, и великій государь вашъ изволитъ ли обѣщать ему, за такое дружелюбіе, какіе любительные въ дарахъ поминки, а намъ, ближнимъ людямъ, жалованье, также и султану Турецкому и его визирю? Посланники отвѣчали, что великій государь, конечно, пришлетъ и любительные поминки, и жалованье, а въ какомъ количествѣ, объявлено будетъ въ свое время. Ближніе люди сказали на это, что имъ уже извѣстно въ какомъ количествѣ. Сухотинъ обѣщалъ отъ той объявленной межи: султанову визирю и хану 45.000 рублей да имъ, ближнимъ людямъ, 5000 червонныхъ золотыхъ.

«Про такое обѣщаніе Сухотина, — отвѣчали посланники,—мы ничего не знаемъ».

— Какъ не знаете, Сухотину въ томъ обѣщаніи казны запереться невозможно. Это было при бояринѣ Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ.

«До такого обѣщанія Сухотина,—сказали

посланники,—намъ и дѣла нѣтъ, потому что въ хановѣ грамотѣ великому государю посольство его опорочено, и за такимъ порокомъ, про посольство Сухотина и поминать было не для чего».

Засимъ, посланникамъ велѣно было ѣхать ночевать къ себѣ, на подворье. Они нарочно ѣздили на Посольскій станъ, спросить у Сухотина объ «обѣщательной казнѣ», но тотъ наотрѣзъ сказалъ, что ничего не суливалъ и что это затѣваютъ на него напрасно. Спрошенный затѣмъ при бояринѣ Шереметевѣ, онъ «много мялся» и того своего дѣла объявить не хотѣлъ. Тогда Василій Борисовичь Шереметевъ сталъ «выговаривать Сухотину, что онъ напрасно въ томъ мнется и на себя тѣмъ своимъ запоромъ стыдъ наводитъ, для того, что то обѣщаніе отъ него, Сухотина, съ товарищи, было при немъ, бояринѣ, и запираться въ томъ стыдно. Да и на него де, боярина, тѣмъ своимъ запоромъ наводитъ отъ бусурманъ подозрѣніе великое, и нынѣшнему посольскому дѣлу тѣмъ чинитъ препону немалую и на посланниковъ тѣмъ своимъ запоромъ отъ хановыхъ ближнихъ людей кладетъ такое недовѣрство».

Сухотинъ долженъ былъ, наконецъ, сознаться, что за Тясминскую межу обѣщалъ: хану 10.000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ его людямъ 3000 червонныхъ золотыхъ, а султану Турецкому и его визирю — на 5000 рублей соболей. «А что — продолжалъ Сухотинъ — хановы ближніе люди объявляютъ обѣщательной казны больше того числа, и то хотя и сулено, но только отъ первыхъ, дальнихъ рубежей: по Днѣстръ или по Бугъ. А и за Тясминскій рубежъ, ка́къ казна обѣщана и каковымъ случаемъ посулена, и то единъ Богъ вѣстъ. Только я теперво все то одинъ на себя перенимаю для того, чтобъ посольскому новому дѣлу остановки не учинить».

На 15 ноября, Василью Борисовичу Шереметеву, посланникамъ Тяпкину, Зотову, а также Сухотину велѣно было быть у хана Муратъ-Гирея, въ его загородномъ дворцѣ (или бакчѣ) Шю́ря, на рѣчкѣ Качѣ, въ 10 верстахъ отъ села Мангуша.

Пріѣхавъ къ ханову двору, у воротъ, Шереметевъ и посланники ссѣли съ коней и пошли пѣшкомъ. Въ хоромы, по посольскому чину, всѣ вошли въ шапкахъ. Послѣ двадцати лѣтъ тяжкой неволи, Василій Борисо-

вичь Шереметевъ впервые увидѣлъ предъ собою въ лицѣ хана, коему представлялся, того самаго царевича Муратъ-Гирея, съ которымъ нѣкогда имѣлъ дѣло подъ Чудновымъ и который доставилъ его въ Крымъ, какъ плѣнника. Ханъ Муратъ-Гирей имѣлъ видъ человѣка средняго вѣка. Онъ былъ строенъ и дороденъ, лицо красное, волосомъ черенъ съ сѣдиною, борода крашеная; «взоромъ свѣтелъ и веселообразенъ».

Посреди палаты, Василій Борисовичь Шереметевъ и всѣ прочіе, снявъ шапки, поклонились хану Муратъ-Гирею до земли. Шереметевъ, подступя къ хану ближе, черезъ переводчика Кутлу-Маметъ-Устькосимова, спрашивалъ его о здоровьѣ: «Я отъ ханова величества невольникъ, видя ваше государское здоровье, радуюсь и вопрошаю, какъ Господь Богъ ваше ханово величество милуетъ и поздорову ли пребываеши, понеже много лѣтъ, сидючи въ неволѣ, очей твоихъ не видалъ»?

Въ посольскомъ статейномъ спискѣ сказано: «Ханъ, выслушавъ сіе веселымъ лицемъ, отвѣщалъ самъ и рекъ: тебя де взаимно помилуетъ Богъ и здорово ли ты пребываешь»?

Василій Борисовичь отвѣтилъ: «Милостію Божіею и твоимъ государскимъ жалованьемъ, въ живыхъ, яко убогій невольникъ, обрѣтаюсь».

Тогда ханъ боярина Василья Борисовича «почтилъ и велѣлъ ему сѣсть». Тотъ «за такое милосердіе» билъ челомъ ханову величеству, а не сѣлъ, сказавъ черезъ того же переводчика: «Сидѣть мнѣ теперво не годится, для того, что посланники великаго государя, его царскаго величества, призваны править посольство». На эти слова Шереметева, ханъ «умолчалъ».

Обращаясь къ посланникамъ Тяпкину и Зотову, ханъ сказалъ: «Разграниченіе земель на чертежѣ вашемъ выразумѣлъ. Чертежъ учиненъ самымъ дѣльнымъ расположеніемъ урочищъ, рѣкъ, рѣчекъ и земель. Но салтаново величество Турской приказываетъ границѣ быть по рѣку Днѣпръ и по Кіевъ, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нога войскъ его, салтановыхъ, заступала; а уступки, по нашему мусульманскому закону, не будетъ. Мусульманскихъ царей слово едино и непремѣнно и къ содержанію крѣпко».

— Великому государю нашему, — отвѣ-

чали посланники,—каковыя бы ради неволи или упадку и безсильства, по Днѣпръ и по Кіевъ уступить, понеже при ближней помощи въ великихъ и несмѣтныхъ и сильныхъ ратѣхъ своихъ, мечъ свой государской высоко содержитъ и далеко повсюду простираетъ, и всякому непріятелю отпоръ даетъ всегда, и впредь, при надеждѣ Божія милосердія, силы его, государскія, не ослабѣютъ».

«Въ томъ дѣлѣ,—сказалъ ханъ,—кому Богъ поможетъ?... Радъ бы учинить разграниченіе земель по вашему объявленію, только я въ томъ самъ не воленъ и безъ указа салтана Турскаго учинить мнѣ невозможно. Иного указа отъ него о разграниченіи земель, кромѣ Днѣпра и Кіева, у меня нѣтъ и впредь не будетъ».—Въ такомъ случаѣ,—сказали посланники,—отпусти насъ, съ нашимъ посольствомъ, къ салтану Турскому, а если на это не соизволишь, вели насъ отпустить въ Москву, къ великому государю нашему.

На это ханъ Муратъ-Гирей сказалъ: «Воля Божія да будетъ надъ всѣми нами!.. Отпустить васъ къ салтану непочто и невозможно. А если вы желаете отпуска къ вашему вели-

кому государю, и вы, какъ у насъ съ честію приняты, такъ съ честію здравы отпущены будете вскорѣ и провожатые вамъ даны будутъ даже до Запорожья».

Засимъ, по приказанію хана, посланники поѣхали на Альму, на Посольскій станъ, готовиться къ отпуску и въ путь, а бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ — къ себѣ, въ Жидовскій городокъ.

Тяпкинъ и Зотовъ, потерявъ всякую надежду столковаться съ Татарами насчетъ границы, принялись за приготовленія къ отъѣзду въ Москву. На основаніи словъ самого хана, посланники считали себя вполнѣ обезпеченными относительно отпуска изъ Крыма. Но они очень ошиблись въ своихъ разсчетахъ.

26 ноября, когда дорожные сборы посланниковъ уже приходили къ концу, къ нимъ, на посольскій дворъ, пріѣхалъ приставъ Авелша-мурза Сулешевъ и повелъ такую рѣчь: «Утріе, ханово величество хочетъ быть ко мнѣ въ гости; онъ будетъ у меня дневать и ночевать, а затѣмъ поѣдетъ въ дальнія мѣста, для полевыя потѣхи. На тотъ случай, когда ханъ спроситъ у меня о васъ, скажите мнѣ:

Есть ли отъ васъ въ прибавку новаго и угоднаго дѣла, къ миру склоненіе»?

— Скажи хану,—отвѣтили посланники,—если по нашему объявленному рубежу межа состоится, мы, по обѣщанію прежняго посланника Ивана Сухотина, сверхъ годовой дачи великаго государя казны, обѣщаемъ ханову величеству 10.000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ людямъ 3000 червонныхъ золотыхъ, а султану и визирю его соболей на 5000 рублей.

Ханъ Муратъ-Гирей, дѣйствительно, былъ у мурзы Сулешева, трапезовалъ у него и ночевалъ. Все шло хорошо, но когда Сулешевъ передалъ хану слова посланниковъ, тотъ разъярился гнѣвомъ и пришелъ къ такому рѣшенію, котораго никакъ нельзя было и предвидѣть. Сейчасъ узнаемъ въ чемъ дѣло.

Послѣ того, какъ Муратъ-Гирей уѣхалъ на охоту, Сулешевъ прибылъ къ посланникамъ, и хановымъ словомъ сказалъ: «По вашей межѣ мирному постановленію отнюдь не бывать, хотя бъ и 100.000 червонныхъ золотыхъ было сулено. Ханъ уже послалъ диванскаго кятипа Мустафу-агу къ султану Турецкому, доложить ему, что отъ васъ, какъ и отъ прежнихъ посланниковъ, кромѣ упорства и

первыхъ рѣчей, ни ханово величество, ни ближніе люди его, ничего добраго не слыхали. А до указа султана, ханъ велѣлъ васъ, посланниковъ, содержать «въ великой тѣснотѣ и въ голодной скудости и на стужѣ, въ земляной ямѣ, гдѣ нѣтъ, ни печи, ни лавокъ, ни потолку, ни окошекъ. Есть только дверцы съ окошечкомъ малымъ, въ которыя входятъ и исходятъ, да сверху накрыто хворостомъ и наметано землею».

Этого мало, мурза Сулешевъ «крѣпко кричалъ» на посланниковъ: «Для чего вы безъ дѣла пришли? Вѣдь отъ хана было писано къ великому государю, если межѣ быть по Днѣпръ, только тогда и посланниковъ своихъ прислалъ бы. А вы только ѣздите въ Крымъ, со многими своими ратьми, провожатыми, и высматриваете шляховъ и прямыхъ переходовъ къ воинскому способу! Подлинно вѣдайте, что межи, кромѣ Днѣпра рѣки, далѣ султанъ Турецкой не уступитъ, потому что законъ нашъ мухамеданской зѣло того повелѣваетъ хранити,—гдѣ султана Турскаго, въ войнѣ будучи, нога конская заступитъ, того мѣста не токмо за 10 или за 100.000 червонныхъ золотыхъ, ни за многіе милліоны того

не уступить... Ну, вотъ, теперь и поживите у насъ въ ямахъ, на Альмѣ».

Дерзкая рѣчь мурзы Сулешева не осталась безъ возмездія. Посланники наши отвѣтили ему: «Воля въ томъ ханская и салтанова, а намъ неволя ваша и тѣснота не страшны. Готовы за повелѣніе своего государя еще и до смерти отъ васъ пострадать. А что мы къ вамъ въ посольство присланы, и мы васъ въ томъ не изубыточили. Насъ же всегда, пріѣзжаючи на станъ, грабите и тѣснотами своими подарки на насъ вымогаете. И по се число отъ хана вашего не токмо намъ пищи, ни конемъ нашимъ соломы охапки, ни полѣна дровъ, чѣмъ на такой стужѣ живучи, обогрѣться, не видали. Да и слова добраго отъ хана вашего и отъ васъ, ближнихъ людей, по се число не слышимъ. А что ханъ послалъ кятипа диванскаго къ салтану Турскому, на насъ извѣстить, что будто мы пріѣхали не съ прямымъ посольствомъ, а съ обманомъ, и тѣмъ вы хотите салтана поострить къ злобѣ и вооружить къ воинскому великому подвигу подъ Кіевъ и на иные великаго государя городы. Но тѣ ваши вооружительства намъ вѣдомы и не страшны. Дознàлъ салтанъ Тур-

ской и визирь войско царскаго величества подъ Чигиринымъ и на горахъ Чигиринскихъ, гдѣ Турокъ пропало больше 300.000. А ваши Татарскія орды! Издревле намъ вѣдомы ваши вѣтреныя воинства. Будетъ государь вашъ, ханъ, насъ задержитъ и къ великому государю, царскому величеству, не отпуститъ, значитъ слово свое объ отпускѣ нашемъ перемѣнитъ? А самъ же говоритъ, что мусульманскихъ царей слово едино и непремѣнно и къ содержанію крѣпко... А нынѣ въ такихъ малыхъ дняхъ отмѣнилось? И впредь христіанскимъ государямъ и посламъ ихъ, такимъ непостояннымъ словамъ вашимъ вѣрить будетъ невозможно».

Сулешевъ былъ такъ раздраженъ словами посланниковъ, что, уѣзжая отъ нихъ, приказалъ сторожу Посольскаго двора татарину Джумалейкѣ, чтобъ онъ «не пропускалъ къ посланникамъ никакихъ народовъ людей съ харчами, съ конскимъ кормомъ и съ дровами». Да и съ Посольскаго двора не пускалъ бы никого изъ посольскихъ людей въ Бахчисарай и въ окрестныя деревни.

ГЛАВА XXIII.

27 декабря 1680 года, исполнился мѣсяцъ, какъ посланники наши Тяпкинъ и Зотовъ были засажены въ свой страшный затворъ. Объ нихъ какъ будто бы и забыли. «Видя надъ собою конечную бѣду и тѣсноту», посланники упали духомъ, убѣдившись на дѣлѣ, что Крымцевъ не переспоришь, что они ни за что не примутъ объявленной имъ межи и что безъ Днѣпровской границы ни къ какимъ мирнымъ договорамъ не приступятъ. А между тѣмъ, приспѣвало время «ратнымъ приготовленіямъ къ вешнему подъему». Ханъ Муратъ-Гирей, какъ подлинно довѣдались посланники, уже велѣлъ кликать по всѣмъ Крымскимъ юртамъ и Ногайскимъ улусамъ, чтобъ готовились на весну къ войнѣ въ государевыхъ Украинныхъ городахъ,

а калга и нурадинъ получили приказаніе послать подъѣзды въ Русь, для добычи языковъ. Тяпкинъ припомнилъ, что самъ гетманъ Самойловичъ предостерегалъ его не тянуть переговоровъ и совѣтовалъ, ничтоже сумняся, согласиться даже и на Днѣпровскую межу. Да и бывшій при посланникахъ писарь Семенъ Раковичъ говорилъ имъ, что при такомъ упорствѣ Крымцевъ, опасно откладывать дѣло въ даль, до весны, «понеже искони тотъ врагъ обычай свой прегордой содержитъ, егда выходитъ въ поле и войска свои на христіанскихъ границахъ поставитъ, тогда уже отнюдь никакова посольства и миру не пріемлетъ ни отъ кого, и пословъ задерживаетъ въ великой тѣснотѣ у себя, даже до совершенія своего воинскаго промыслу того. А намъ того выходу къ христіанскимъ границамъ ждать будетъ недолго: всѣ войска Турецкія уже стоятъ въ готовности по Дунаю и въ Волоской землѣ».

Тяпкинъ и Зотовъ, сообразивъ все это, и опасаясь стать виновниками новаго «разлитія невинной крови христіанской», рѣшили воспользоваться тайнымъ наказомъ и итти на уступки. 28 декабря, они послали своего

пристава Авелшу-мурзу Сулешева къ ближнему ханову человѣку Ахметъ-агѣ, сказать, чтобъ онъ велѣлъ имъ быть у себя на разговорѣ о государскихъ мирныхъ дѣлахъ.

На другой же день, 29 декабря, Сулешевъ сказалъ посланникамъ, что Ахметъ-ага велѣлъ имъ быть у себя на разговорѣ, но чтобы предварительно посланники объявили о дѣлѣ ему, Сулешеву.

«Ты насъ въ томъ не досаждай — сказали посланники — о теперешнихъ новыхъ посольскихъ дѣлахъ мы можемъ объявить только хану и, лишь поневолѣ, его ближнему человѣку Ахметъ-агѣ». Татаринъ Джумалейка отправился извѣстить ближняго человѣка о такомъ отвѣтѣ, а самъ Сулешевъ поѣхалъ съ Тяпкинымъ и Зотовымъ въ село Мангушъ. Дорогою, онъ сказалъ посланникамъ, что ханъ велѣлъ при ихъ отвѣтѣ у ближняго человѣка, быть «для прислушиванья и свидѣтельства» боярину Василью Борисовичу Шереметеву. «И вамъ — спросилъ Сулешевъ — та бытность боярская годна-ль»? Посланники отвѣтили: «Тому зѣло ради и благодаримъ государю вашему хану за то, что велитъ боярину Василью Борисовичу съ нами видѣться

и при отвѣтѣхъ нашихъ посольскихъ быть, и впредь того желаемъ».

По пріѣздѣ въ село Мангушъ, въ тотъ же день о полудни, прежде отвѣта, посланникамъ дозволено было повидаться съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, только что прибывшимъ изъ Жидовскаго городка.

Поздоровавшись съ бояриномъ Шереметевымъ, и «споболѣзнуючи — читаемъ въ посольскомъ статейномъ спискѣ—его горькимъ невольнымъ терпѣніямъ и плѣнному страданію», Тяпкинъ и Зотовъ, «съ нимъ, бояриномъ, поплакали и свои трудности и бѣды ему извѣстили». Посланники втайнѣ объявили Василью Борисовичу о своемъ новомъ посольствѣ и просили его совѣта, какъ имъ говорить и объявлять о томъ новомъ дѣлѣ въ отвѣтѣ съ ближними людьми?

Бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ, выслушавъ Тяпкина и Зотова, сказалъ имъ: «Жаль того зѣло, что вы напрасно такъ долго держались и великія нужды терпите сами отъ себя. Давно бы вамъ то дѣло годилось объявить потому, что у бусурмановъ то исконно въ крѣпости, на чемъ постановятъ, слова того держатся неотмѣнно».

Посланники сказали, что дѣлали по указу великаго государя, а не собою, того ради и объявить вскорѣ не смѣли.

Земляки, обрадованные тѣмъ, что допущены были къ свиданію глазъ на глазъ, заговорились до ночи и въ тотъ день къ отвѣту не поспѣли.

Къ удивленію, и на новомъ (четвертомъ) отвѣтѣ у ближнихъ людей, происходившемъ, въ присутствіи боярина Василья Борисовича Шереметева, 30 декабря, Тяпкинъ и Зотовъ опять начали объявлять свою межу, обѣщая хану и прочимъ належащимъ особамъ государеву казну по разговорамъ Сухотина. А если де имъ, ближнимъ людямъ, кажется того мало, сказали бы свои запросы. Можемъ де и прибавить, поелику пристойно и возможно.

«Тогда — читаемъ въ статейномъ спискѣ посланниковъ — всѣ ближніе люди, воззрѣвъ на насъ зѣло свирѣпымъ образомъ», стали съ шумомъ говорить:

— Этого вашего дѣла мы слышать не хочемъ и въ постановленіи ему не бывать. Давно вѣдь вамъ въ томъ отказано. Не токмо тысячи, хотя бы миліоны вы обѣщали, того учинить салтанъ Турской не изволитъ, да не

явится для того разорителемъ нашего мусульманскаго закона. И если за вами только это дѣло, идите вонъ, пока не обезчещены! Живите тамъ, на Альмѣ.

«И мы, — писали посланники — видя ихъ поганую гордость и злобу и несклонность, говорили имъ, не показуючи по себѣ противности, тихо и учтиво, съ подивленіемъ на нихъ: Такова де обычая у государей великихъ нигдѣ нѣтъ, чтобъ на пословъ гнѣваться и кричать и съ безчестьемъ высылать. Есть то грубость странная. Но знайте, что мы вашего крику и никакихъ грозъ и тѣсноты не боимся, хотя бы вы намъ и муками и смертію претили, и намъ то не страшно, яко готовы есмы за пресвѣтлѣйшее достоинство великаго государя нашего хотя и до горькія смерти пострадати. И будетъ вы впредь станете намъ такія свои нелѣпыя слова испущать и на насъ кричать, мы и сами говорить съ вами не хочемъ и пойдемъ вонъ, и впредь къ вамъ въ отвѣтъ не поѣдемъ, хотя и звать будете. А таперво мы къ вамъ пріѣхали было съ добрымъ новымъ дѣломъ».

Ближніе люди, выслушавъ посланниковъ, умолкли гораздо и учали вопрошать ихъ тихо

и любовно: «Что̀ есть за вами новаго дѣла? Объявите намъ».

— Сверхъ изволенія великаго государя нашего, — сказали посланники, — хотя и гнѣвъ и опалу его государскую на себѣ понесемъ, однакоже дерзаемъ по Днѣпровой межѣ въ новое дѣло вступити. Только мы съ вами, ближними людьми, говорить о тѣхъ статьяхъ не хочемъ для того, что вы радѣнія своего ничего не показуете, только больше на насъ вымогаете корыстей и пожитковъ своихъ. Доложите ханову величеству, чтобъ онъ велѣлъ насъ взять предъ себя, выслушалъ бы новообъявленнаго нашего посольства статьи о Днѣпровой межѣ, и впредь бы о всѣхъ статьяхъ перемирные договоры изволилъ въ постановленіе съ нами приводить.

Ахметъ-ага и всѣ прочіе ближніе люди опять вышли изъ себя и съ сердцемъ и шумомъ говорили посланникамъ: «Иль прежде сего лучше васъ посланниковъ отъ царскаго величества въ Крыму не бывало, что вы гордитесь нами, ближними людьми ханова величества, и договоровъ чинить съ нами не хочете и домогаетесь такой высокости, чего изстари не повелось, чтобъ государю нашему,

хanову величеству самому съ вами посольскіе договоры чинить»!

Посланники повторили свою просьбу, чтобъ ихъ слова донесли ханову величеству, а самихъ отпустили бы на станъ.

Пріѣхавъ на Посольскій станъ, Тяпкинъ и Зотовъ позвали къ себѣ пристава мурзу Сулешева и втайнѣ сказали ему, что они обѣщаютъ хану подарки, если онъ призоветъ ихъ къ отвѣту предъ себя и обо всемъ учинитъ съ ними договоры самъ своею особою. Обѣщали также подарки, если порадѣютъ въ ихъ пользу, ближнимъ людямъ: Ахметъ-агѣ и казнодару большому Садыкъ-агѣ, и самому мурзѣ Сулешеву, его матери, женѣ, дѣтямъ его и племянникамъ.

Ханъ Муратъ-Гирей, узнавъ отъ Сулешева о посуленныхъ его ханову величеству подаркахъ, сказалъ, что это ему «годно», и велѣлъ привезти къ себѣ посланниковъ, съ объявленіемъ статей и межи ихъ новаго посольства. Да и бояриву Василью Борисовичу Шереметеву приказалъ при томъ объявленіи быть предъ собою же. Шереметевъ самъ недоумѣвалъ, для чего нужно было его присутствіе при всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ. По это-

му поводу, онъ писалъ государю: «Какъ посланники Тяпкинъ и Зотовъ пріѣзжали для договору къ хану и къ ближнему человѣку, и меня волочили жъ и неединова къ хану и ближнему человѣку; а словъ отъ нихъ не было мнѣ никакихъ, и я безмолвствовалъ, будучи у нихъ. А для чего меня таскали къ нимъ, и про то Богъ вѣсть» [425].

2 января 1681 года, Тяпкинъ и Зотовъ, взявъ съ собою гетманскаго писаря Семена Раковича, поѣхали съ своимъ приставомъ мурзой Сулешевымъ, на рѣку Качу, гдѣ стоялъ въ бакчахъ ханово величество. Не доѣхавъ ханскаго двора, въ стрѣльбищѣ, посланниковъ задержали и, сведя ихъ съ бояриномъ Шереметевымъ, велѣли подождать пока доложатъ хану. Пришлось ожидать часа съ два.

Ханъ Муратъ-Гирей спросилъ о здоровьѣ сперва боярина Василья Борисовича, потомъ посланниковъ, и, умолчавъ немного, пока ближніе люди разобрались, стали по своимъ мѣстамъ и утихли, сказалъ посланникамъ, чтобъ они объявили ему свое дѣло

---

[425] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 г. Св. 66/а. № 7.

о Днѣпровой межѣ и належащія къ миру статьи.

Посланники Тяпкинъ и Зотовъ говорили рѣчи свои статьями, по перемѣнамъ. Они предложили: быть перемирію на 20 лѣтъ (начиная съ 3 января 1681 года) и на этотъ срокъ быть рубежомъ рѣкѣ Днѣпру; въ перемирные годы, султану и хану не ставить вновь городовъ между Бугомъ и Днѣпромъ, а старыхъ казацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать; Кіевъ, съ монастырями, городами, мѣстечками и селами всего своего стараго уѣзда, точно такъ же какъ Запорожье, должны остаться въ сторонѣ царскаго величества; плѣнниковъ, боярина Василья Борисовича Шереметева, стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго и всѣхъ прочихъ, отпустить на окупъ и на размѣну.

Ханъ, выслушавъ «прилѣжно и милостиво» словесное объявленіе посланниковъ, приказалъ имъ, не ѣздя на Альму, на посольскій станъ, переночевать въ сосѣдней деревнѣ, съ версту разстоянія отъ ханскихъ бакчей, написать тамъ, не мѣшкавъ, свои статьи и завтра же поднести ихъ ему на Русскомъ языкѣ. Засимъ, Тяпкинъ и Зотовъ уѣхали въ назна-

ченную имъ для ночлега деревню, а Василій Борисовичь Шереметевъ къ себѣ — въ Жидовскій городокъ.

На другой день, 3 января, ханъ велѣлъ вычесть предъ собою представленныя посланниками письменныя статьи о перемирныхъ договорахъ, на Русскомъ языкѣ. Ханъ слушалъ черезъ переводчиковъ нашихъ: Кутлу-Маметъ-Устькосимова, Ахмета Шакулова и Сулеймана Тонкачеева. Во время чтенія статей, ханъ многажды кручинился на переводчиковъ, что они переводить и толмачить не умѣютъ и велѣлъ, наконецъ, привести своего толмача, бывшаго человѣка боярина Василья Борисовича Шереметева, Мишку, который добровольно обусурманился. Услышавъ, что Мишка еще хуже переводчиковъ «бредитъ», ханъ велѣлъ ударить его въ шею и выслалъ вонъ.

По выслушаніи статей, Муратъ-Гирей сказалъ Тяпкину и Зотову, что онѣ написаны «разумно и ему годны». Теперь ханъ велѣлъ посланникамъ изготовить еще образцовую шертную грамоту на Татарскомъ языкѣ, и чтобъ они, не ѣздя на Посольскій станъ, помѣстились бы, для близости, въ Жидовскомъ

городкѣ или въ селѣ Марьинѣ, — предмѣстьѣ Бахчисарая, населенномъ Греками, у которыхъ была и церковь во имя Успенія Богоматери.

Посланники предпочли стать въ Жидовскомъ городкѣ, въ мѣстѣ страданій боярина Василья Борисовича Шереметева. Они расположились въ «жидовскихъ домахъ» и приступили къ трудному дѣлу: составленію для хана образцовой шертной грамоты на Татарскомъ языкѣ.

Исполнено было и это порученіе хана. Прочтя грамоту, ханово величество сказалъ, что она «добра». Затѣмъ, онъ отправилъ къ султану Турецкому Мухаммеду IV-му гонца Халиль-агу (того самаго что̀ былъ въ Москвѣ), съ извѣстіемъ о состоявшемся соглашеніи съ посланниками Московскаго царя.

Въ ожиданіи возвращенія изъ Цареграда Халиль-аги, Тяпкинъ и Зотовъ поселились въ селѣ Марьинѣ.

Къ вящшему утѣшенію Василья Борисовича Шереметева, 13 января, прибылъ въ Крымъ толмачъ Посольскаго Приказа Андрей Щербининъ съ извѣстіемъ, что окупъ за него, боярина, и за князя Ромодановскаго, госу-

дарь велѣлъ отправить въ Бѣлгородъ. Грамота объ этомъ прислана была, какъ Шереметеву, такъ и посланникамъ. Послѣднимъ указано говорить ближнему человѣку Ахметъ-агѣ и самому хану объ отпускѣ Василья Борисовича Шереметева и князя Ромодановскаго на окупъ, въ городъ Торъ, на размѣнное мѣсто, и что окупныя деньги за нихъ, безъ мотчанья, будутъ привезены туда изъ Бѣлгорода [426].

Кромѣ того, съ Щербининымъ прислана была грамота великаго государя на имя хана, которую посланники Тяпкинъ и Зотовъ должны были представить ханову величеству по установленному посольскому чину. Но ближній человѣкъ Ахметъ-ага, не допустя Щербинина до посланниковъ, взялъ его на ханскій дворъ и тутъ, «отнявъ у него силою» государеву грамоту, поднесъ ее хану. Тяпкинъ и Зотовъ, узнавъ объ этомъ, «съ шумомъ» выговаривали своему приставу, что не годилось бы чинить такое насиліе присланному отъ царскаго величества толмачу и отымать у него государеву грамоту, что

[426] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 г. Св. 66/а. № 7.

этимъ учинено умаленіе чести пресвѣтлѣйшему престолу царскаго величества. Посланники выражали увѣренность, что ханъ велитъ возвратить Щербинину царскую любительную грамоту и что имъ, посланникамъ, предоставлено будетъ самимъ поднести ее ханову величеству, по посольскому чину.

На другой же день, 14 января, Тяпкинъ и Зотовъ, вмѣстѣ съ приставомъ мурзой Сулешевымъ, отправились къ хану, на Качу, и поставлены были подъ бакчами. Василій Борисовичь Шереметевъ былъ уже тамъ. Немного погодя, мурза Сулешевъ привелъ толмача Андрея Щербинина. Посланники приняли отъ него царскую грамоту. Они не мало дивились, разсматривая, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, растворенную грамоту съ отнятою печатью.

По полденномъ ханскомъ богомольномъ времени, посланники, бояринъ Шереметевъ и приставъ, сѣвъ на коней, поѣхали къ ханову двору. Везти явно, посольскимъ чиномъ, государеву грамоту, неимѣвшую печати, было «непристойно», и Тяпкинъ держалъ ее за пазухой.

Поднося хану грамоту великаго государя,

Тяпкинъ горячо говорилъ о «необыкломъ въ государскихъ дѣлѣхъ» поступкѣ ближнихъ хановыхъ людей, дерзнувшихъ отнять грамоту у царскаго толмача и распечатать ее, просилъ обороны и проч.

Ханъ, выслушавъ Тяпкина, сказалъ посланникамъ «тихо и милостиво усмѣхаючись, чтобъ они объ отнятой у толмача и распечатанной грамотѣ не сомнѣвались и въ умаленіе чести царскаго величества и въ противность мирныхъ договоровъ» того не ставили, и что ближніе люди тутъ ни при чемъ. «Я самъ—продолжалъ ханъ—велѣлъ ту грамоту у толмача взять и принести къ себѣ. Самъ я и печать отнялъ, и грамоту отворилъ и велѣлъ предъ собою вычесть. Похотѣлось мнѣ видѣть грамоту царскаго величества вскорѣ. Вѣдь она писана ко мнѣ, а не къ вамъ, посланникамъ».

Такое откровенное и благодушное объясненіе хана совсѣмъ обезоружило посланниковъ. Они только и могли сказать въ отвѣтъ: «По волѣ твоей, государской, да будетъ»!

Затѣмъ, бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и посланники объявили хану присланныя къ нимъ съ толмачемъ Андреемъ

Щербининымъ грамоты великаго государя объ окупныхъ деньгахъ его, Шереметева, и стольника князя Ромодановскаго, что тѣ окупныя деньги, равно какъ и ханскій посолъ Сеферъ-ага, присланы будутъ въ Бѣлгородъ и чтобъ ханово величество, боярина Василья Борисовича Шереметева и стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго на окупъ, а переводчика Кутлу-Маметъ-Устькосимова и подьячаго Дементья Елдина на размѣну, за посла Сеферъ-агу, велѣлъ отпустить на Торъ или Донъ. А какъ де они на Торъ или Донъ привезены будутъ, и изъ Бѣлгорода окупныя деньги за Шереметева и князя Ромодановскаго присланы будутъ.

Ханъ отвѣчалъ: «Теперь, милостію Божіею, учинился межъ государи миръ, и бояринъ Василій Борисовичь и стольникъ князь Андрей Ромодановскій на окупъ, а переводчикъ и подьячій на размѣну, за Сеферъ-агу, будутъ присланы въ тотъ городъ царскаго величества, подъ которымъ размѣна имѣетъ быть».

Уже потомъ, отъ другихъ, Василій Борисовичь Шереметевъ узналъ, что размѣнному мѣсту назначено быть не въ Торѣ, а въ мѣ-

стечкѣ Переволочнѣ [427], на лѣвомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Ворсклы.

Наконецъ, возвратился въ Крымъ и гонецъ ханскій Халиль-ага съ указомъ Турецкаго султана. 29 января, посланники были у хана, на бакчѣ Ашлама, неподалеку отъ села Марьина. Ханово величество сказалъ посланникамъ: «Присланъ указъ султана. Онъ велѣлъ, по нашимъ перемирнымъ договорнымъ статьямъ и по образцовой шертной грамотѣ, учинить мирное постановленіе, выдать шертную грамоту за золотою печатью и отпустить васъ, посланниковъ, вскорѣ. При этомъ ханъ, вынувъ изъ-за пазухи султанскій указъ, показалъ его посланникамъ, а шертную образцовую грамоту, на Татарскомъ языкѣ, держалъ въ другой рукѣ.

Посланники, получивъ приказаніе готовиться къ отпуску, на что̀ имъ данъ былъ десятидневный срокъ, доложили ханову величеству объ отпускѣ на окупъ боярина Василья Борисовича Шереметева и стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго. Ханъ отвѣтилъ отрывисто: «Отпущу ихъ съ вами вмѣстѣ».

---

[427] Полтавской губерніи, Кобелякскаго уѣзда.

31 января, къ посланникамъ, на станъ въ село Марьино, пріѣхалъ отъ хана приставъ мурза Сулешевъ съ объявленіемъ, что по приказу ханова величества, къ нему, въ бакчи, на рѣкѣ Качѣ, съѣхались и засѣли въ думу: калга, нурадинъ, султаны, представители пяти честныхъ Крымскихъ родовъ и проч., для прочтенія договорныхъ статей и прикладованія къ шертной грамотѣ рукъ своихъ.

Весь февраль мѣсяцъ, въ самый разгаръ морового повѣтрія, свирѣпствовавшаго съ наибольшею силою именно на посольскомъ станѣ, посланники наши сидѣли на мѣстѣ. Ихъ не звали, ни къ хану, ни къ ближнимъ людямъ.

Наконецъ, 1 марта, на станъ къ посланникамъ, пріѣхали приставъ Авелша-мурза-Сулешевъ и племянникъ его Кеманъ-мурза-Сулешевъ и сказали, чтобъ они поскорѣе совсѣмъ изготовились къ отпуску. Тяпкинъ и Зотовъ объявили, что прежде отпуска, пусть покажутъ имъ и дадутъ перевести шертную грамоту, какову ханъ даетъ его царскому величеству. Оказалось, что грамота написана съ убавкою противъ составленной посланниками образцовой шертной грамоты.

— Такой грамоты мы не примемъ, — заявили посланники. — Доложите хану, чтобъ онъ велѣлъ написать грамоту безъ убавки.

Сулешевы отказали посланникамъ «съ большимъ гнѣвомъ и упорными словами», говоря: «Или вы государей нашихъ учить пріѣхали и свои упрямые обычаи и лишнія слова писать?... Всякій государь воленъ на своемъ государскомъ престолѣ, и дѣлаетъ что̀ хочетъ, а вы насъ не учите и не указывайте!.. Если грамоты не примете, васъ, за упрямство ваше, велятъ держать въ кандалахъ и зашлютъ въ вѣчную неволю».

Посланники стояли на своемъ и требовали, чтобы слова ихъ доложили хану.

Въ тотъ же день, Авелша-мурза-Сулешевъ объявилъ Тяпкину и Зотову, что его ханово величество въ ихъ домогательствѣ «вовсе отказалъ», что султанъ Турецкій велѣлъ отпустить ихъ, посланниковъ, изъ Крыма «тотчасъ», для чего нарочно прислалъ чауша, которому приказано дожидаться выѣзда посланниковъ изъ Крыма. Спорить дальше было уже невозможно.

4 марта, Тяпкинъ и Зотовъ взяты были предъ ханово величество къ отпуску.

Въ полѣ, близъ Бахчисарая, были раскинуты ханскіе шатры [428]. Когда посланники, вшедъ въ шатеръ, поклонились хану, тотъ спросилъ у нихъ о здоровьѣ и «споболѣзнуючи объ упадкѣ умершихъ (отъ повѣтрія) людей ихъ, говорилъ, чтобъ они о томъ не оскорблялись; то де учинилось по волѣ Божіей»!

За такія милостивыя слова посланники благодарственно челомъ ударили.

Потомъ ханъ велѣлъ ближнему человѣку Ахметъ-агѣ подступить ближе съ шертною грамотою, а самъ, держа въ рукахъ своихъ коранъ, по мусульманскому закону, шертовалъ. Цѣлуючи коранъ, ханово величество произнесъ обѣтъ содержать мирное постановленіе непорочно на 20 лѣтъ. Сейчасъ же онъ велѣлъ привѣсить къ шертной грамотѣ золотую печать, положить ее въ золотной мѣшечекъ и отдать посланникамъ въ руки, при чемъ сказалъ имъ, чтобы они не оскорблялись, что принимаютъ грамоту не изъ его

---

[428] «Въ Бахчисарай на дворъ свой ханъ посланникамъ ѣздить не велѣлъ для того, что у нихъ, на стану, на люди ихъ было моровое повѣтріе» (Изъ отписки государю боярина Василья Борисовича Шереметева).

ханскихъ рукъ и не спорывались бы для того, что «самому ханову величеству изъ своихъ рукъ отдать не годится, для страху морового повѣтрія, а не для какія гордости и нелюбви».

Затѣмъ принесли золотные кафтаны. Первый кафтанъ надѣли на пристава мурзу-Сулешева, послѣ же него на посланниковъ, а послѣдніе поднесли хану обѣщательные дары. Ханово величество велѣлъ принять тѣ дары «благодарно» и, съ своей стороны, пожаловалъ Тяпкину коня, а Зотову — обьярь. Посланники не упустили случая опять напомнить хану о бояринѣ Шереметевѣ, объ обѣщаніи отпустить его съ ними. «Въ шертной грамотѣ — говорили они — написано, быть размѣнному мѣсту подъ Переволочной, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ размѣнѣ быть, того въ ней не написано; также и объ отпускѣ съ нами боярина Василья Борисовича Шереметева да стольника князя Андрея Ромодановскаго».

Ханъ отвѣтилъ, что «о размѣнномъ срокѣ и объ иныхъ многихъ дѣлахъ, наказано полномочному послу Кеманъ-мурзѣ-Сулешеву, а боярина де Василья Борисовича Шереметева да стольника князя Андрея Ромодановскаго

велитъ отпустить на размѣнное мѣсто и что дожидаться того отпуску не многое время».

Въ заключеніе всего ханъ, «съ свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ», сказалъ посланникамъ:

— Какъ за помощію Божіею, достигнете царствующаго града Москвы и сподобитесь видѣть великаго государя своего пресвѣтлое лице, тогда поклонитесь отъ насъ его царскому величеству. А вамъ счастливый путь, устрой Боже, въ благое путешествіе!

Посланники поклонились хану до земли и вышли изъ шатра. Ихъ провожали до лошадей беи, карачеи и мурзы, и «любовно» прощались съ ними. Около шатра — читаемъ въ статейномъ спискѣ посланниковъ — «было множество христіанскихъ и бусурманскихъ народовъ, и слыша о благополучномъ, при Божіи помощи, мирномъ утверженіи, зѣло благодаря Бога, радовалися и съ нами прощались съ любовію и радостными словами, и провожали далеко, спривѣтствующи намъ счастливый путь и добраго здоровья».

Въ тотъ же день, Тяпкинъ и Зотовъ ѣздили въ церковь Пречистой Богородицы, въ селѣ Марьинѣ, помолиться предъ тамошнею

чудотворною иконою Богоматери. Соверша молебное пѣніе за государское здоровье, приложившись къ иконѣ и взявъ благословеніе у священниковъ, посланники поѣхали на свой станъ, на рѣку Альму, и оттуда, 9 марта, въ среду крестопоклонной недѣли, рано утромъ, помолясь Богу и поклонясь оружію Его непобѣдимому на врага, святому и животворящему Кресту, пустились въ дальній и не безопасный въ тѣ времена путь къ Москвѣ.

ГЛАВА XXIV.

Стольникъ Василій Михайловичь Тяпкинъ и дьякъ Никита Моисеевичь Зотовъ уѣхали изъ Крыма, «не повидався» съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, «для того, что у нихъ было повѣтріе на люди». Такъ писалъ царю Ѳедору Алексѣевичу самъ Василій Борисовичь, отъ 10 марта 1681 года, присовокупивъ, что «въ Жидовскомъ городкѣ повѣтріа не бывало и нынѣ нѣтъ же».

Вмѣстѣ съ Тяпкинымъ и Зотовымъ поѣхали въ Москву: новый ханскій посолъ Кеманъ-мурза-Сулешевъ (племянникъ пристава посланниковъ Авелши - мурзы - Сулешева), Иванъ Сухотинъ и переводчикъ Сулейманъ. Шереметева же и князя Ромодановскаго не

отпустили, главнымъ образомъ, потому, что въ Крыму все еще не было прямого извѣстія о томъ, высланы ли изъ Москвы окупныя деньги за нихъ. Самъ Василій Борисовичь Шереметевъ, въ отпискѣ къ государю, отъ 7 марта, повезенной въ Москву стольникомъ Тяпкинымъ, говоритъ: «Невѣдомо, привезены ли (окупныя деньги) въ Бѣлгородъ и нынѣ есть ли» [429]. Къ этой отпискѣ Шереметевъ приложилъ, между прочимъ, и вышеприведенную челобитную по поводу кончины его жены, боярыни Прасковьи Васильевны [430].

Причиною замедленія высылки окупныхъ денегъ изъ Москвы было, на этотъ разъ, моровое повѣтріе. Сейчасъ увидимъ, что тамъ возникло даже предположеніе, отложить размѣну и окупъ до другого, болѣе благопріятнаго времени. Это бѣдственное для Шереметева предположеніе не осуществилось благодаря лишь гетману Ивану Самуиловичу Самойловичу.

Дѣло о Крымской размѣнѣ подъ Переволочной и о выкупѣ боярина Василья Борисо-

---

[429] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 г. Связка 66/а. № 7.

[430] См. выше, стр. 394 и слѣд.

вича Шереметева изъ плѣна, возложено было на Курскаго воеводу, боярина князя Петра Ивановича Большого Хованскаго, который и самъ нѣкогда томился въ плѣну у Поляковъ [431]. Для вновь указанной посольской службы, князю Хованскому предоставили титуловаться намѣстникомъ Бѣлогородскимъ.

О назначеніи князя Хованскаго, царь Ѳедоръ Алексѣевичь увѣдомилъ гетмана Ивана Самойловича, при чемъ поручилъ ему «провѣдывать всякими мѣрами о моровомъ повѣтріѣ» и имѣть по сему предмету частыя пересылки съ княземъ Хованскимъ. А въ заключеніе, царь спрашивалъ гетмана: Можетъ ли нынѣ, при существованіи повѣтрія, состояться размѣна, и не отложить ли ее на другое время? А если отложить, то ханъ Крымскій не поставитъ ли это въ нарушеніе договора?

Гетманъ Самойловичъ отвѣтилъ, что откладывать размѣну не слѣдуетъ, и что желательно, чтобы мирные договоры утвердилися вскорѣ въ своемъ, какъ належитъ, совершенствѣ, понеже уже пронеслися здѣ таковы голосы отъ нарочитыхъ выходцовъ, будто ханъ,

---

[431] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. стр. 116. 119—121.

не имѣя подлинной вѣдомости о возвращеніи отъ царскаго величества посла своего, такова мнѣнія есть, что размѣны не будетъ, чего онъ и желаетъ крѣпко, хотя, конечно, взять окупъ за боярина Василья Борисовича Шереметева. И для того, будто бы, всѣ орды Крымскія подвигъ за собою, чтобы ихъ всѣхъ, если бы размѣны не учинилось, въ благочестивую державу монаршескую пустить для добычи. Что же касается до моровего повѣтрія, то гетманъ Самойловичъ, сколько могъ, успокоивалъ государя, что онъ «имѣетъ отъ себя надежнаго человѣка, Василья Кочубея, канцеляриста своего, у берега Днѣпровскаго, у мѣстечка Переволочны, для береженья отъ морового повѣтрія», и что онъ безпрестанно получаетъ отъ него, Кочубея, вѣдомости о движеніи повѣтрія [432].

Лишь 30 сентября привезены были, наконецъ, въ Курскъ, къ князю Петру Ивановичу Хованскому, окупныя деньги за боярина Василья Борисовича Шереметева. Ихъ привезли маіоръ Евсевій Журавлевъ да подьячій Андрей Кондратьевъ, съ грамотою изъ По-

---

[432] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 г. дек. 31. № 13.

сольскаго Приказа, въ которой написано: «Послано на размѣну великаго государя жалованья, на окупъ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, 11.205 золотыхъ съ полузолотымъ червонныхъ, 5000 ефимковъ да 400 ефимковъ же, что̀ прислали ему жъ, боярину, на окупъ, бояря Петръ Васильевичь Шереметевъ да Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ. А достальные золотые червонные, въ дополнку въ двадцать въ пять тысячь, присланы будутъ вскорѣ. А что̀ за тѣмъ окупу не достанетъ, и то платить ему, боярину Василью Борисовичу, собою; а посланъ (тотъ достальной боярскій окупъ) изъ ево боярскаго дому съ людьми ево. Да послано же съ маіоромъ Журавлевымъ и съ подьячимъ Кондратьевымъ великаго государя казны на окупъ государевымъ плѣннымъ людемъ денегъ 7 тысячь рублевъ да мѣховъ заечьихъ и юѳтей красныхъ на 367 рублевъ» [433].

Василью Борисовичу Шереметеву предоставлялось платить собою, то-есть, изъ своихъ собственныхъ средствъ, только то, что̀ не достало бы на раздачу въ почесть хан-

---

[433] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ № 67. 7190/1682. генв. 16.

скимъ ближнимъ людямъ. Это достаточно разъяснено въ наказѣ, данномъ князю Петру Ивановичу Хованскому. Тамъ, между прочимъ, сказано: «Буде за боярина Василья Борисовича Шереметева окупныхъ золотыхъ или ефимковъ, что́ ему платить собою ближнимъ людемъ, чего не достанетъ, и ему, князю Хованскому, говорить размѣнному бею, чтобы онъ, размѣнный бей, взялъ въ томъ на боярина письмо, что ему тѣ деньги заплатить. А буде размѣнный бей учнетъ въ томъ просить письма на боярина на Василья Борисовича за руками его, князя Петра Ивановича Хованскаго, и ему говорить: которыхъ денегъ у боярина Василья Борисовича въ почесть ближнимъ людемъ не достанетъ, и въ томъ онъ, бояринъ, дастъ на себя письмо самъ, за своею рукою; а онъ, князь Хованскій, по немъ пору̀чится въ томъ, что ему тѣ деньги или ефимки или золотые заплатить на будущей размѣнѣ; а онъ бы, размѣнный бей, тому ихъ письму вѣрилъ. И учинить о томъ, какъ можно договориться, а чтобъ боярина Василья Борисовича, конечно, на окупъ взять».

Наказъ предписывалъ, «дѣлать все по

тому, чтобъ дѣла не разорвать и не испортить и, не размѣнясь бы, послы не разъѣхались» [434].

Недосланные золотые червонные на окупъ Шереметева, которые обѣщали прислать «вскорѣ», въ дополнку въ 25.000, всего 13.794 золотыхъ съ полузолотымъ червонныхъ, привезъ изъ Москвы поручикъ Иванъ Лебедевъ только 1 ноября [435], когда князя Хованскаго уже не было въ Курскѣ.

Не дождавшись означенныхъ дополнительныхъ окупныхъ денегъ, князь Петръ Ивановичь Хованскій, 26 октября, выступилъ, съ государевыми ратными людьми и окупною казною, изъ Курска на Ахтырку, и 29 октября, прибывъ къ размѣнному мѣсту, въ Переволочну, сталъ, укрѣпясь обозомъ, между Днѣпромъ и Ворсклой, рядомъ съ своимъ товарищемъ думнымъ дворяниномъ и воеводой Кириллой Осиповичемъ Хлоповымъ, который пришелъ туда изъ Курска и расположился обозомъ же еще 23 октября.

Одновременно съ тѣмъ, какъ князь Хо-

---

[434] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 года. іюня 30. № 14.

[435] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ. № 67. 7190/1682. генв. 16.

ванскій выступилъ изъ Курска, Василій Кочубей писалъ гетману Ивану Самойловичу, что утромъ 26 октября, «пришли съ Ингула къ берегу Днѣпровскому, на пристань Переволочанскую, два татарина отъ размѣннаго бея и два Русскихъ человѣка, съ сейменомъ,— отъ боярина Василья Борисовича Шереметева, къ размѣннымъ воеводамъ посланные, а сказали въ роспросѣ, что «тотъ размѣнный бей, съ войскомъ Татарскимъ, котораго съ 15.000 человѣкъ быти сказываютъ, конечно, къ Днѣпру, октября въ 27 день, имѣетъ прійтить, и вѣрити тому мочно, понеже стрѣльцы Переволочанскіе, по ту сторону, на поляхъ, на ловляхъ звѣриныхъ будучіе, пришедши еще вчерась домой сказали, что у Кривого-Рогу [436] оскочили было ихъ того войска Татарскаго загонные Татары; и на Желтыхъ-Водахъ, еще въ понедѣльникъ, ночью, видѣли они отъ огневъ воинскихъ зарево. А о томъ размѣннаго бея поспѣшеньѣ, и ко мнѣ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ писалъ же».

---

[436] Это село Григорьевка (въ просторѣчіи Кривой-Рогъ), Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, верстахъ въ 40 отъ Днѣпра.

Теперь понятно, почему князь Хованскій вдругъ заторопился выступленіемъ къ размѣнному мѣсту. Онъ и самъ имѣлъ свѣдѣнія, что Татары, узнавъ, что окупная казна за Василья Борисовича Шереметева, дѣйствительно, привезена изъ Москвы, быстро поднялись изъ Крыма со всѣми плѣнниками на посольскій съѣздъ, подъ Переволочну, для размѣны.

Къ сожалѣнію, подробностей объ отпускѣ изъ Крыма Василья Борисовича Шереметева не сохранилось. Покамѣстъ извѣстно только, что Шереметевъ лично порученъ былъ Каплану-мурзѣ Мансурову, который долженъ былъ, принявъ окупъ за боярина, сдать его Московскимъ размѣннымъ воеводамъ; на размѣннаго же бея (или князя) Авелшу-мурзу-Сулешева возложено было общее веденіе посольскаго размѣннаго дѣла. Подъ видомъ охраненія отъ возможныхъ случайностей значительной окупной казны, которую предстояло получить за Василья Борисовича Шереметева и доставленія ея степью въ Крымъ, ханъ отправилъ на посольскій съѣздъ, подъ Переволочну, цѣлую орду въ 15.000 человѣкъ. Ханъ Муратъ-Гирей лично слѣдовалъ за 30

верстъ отъ Перекопа, до селенія Каланчакъ, гдѣ назначенъ былъ сборъ ратныхъ людей. Ханъ везъ съ собою боярина Василья Борисовича Шереметева и стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго. Въ Каланчакѣ онъ простился съ ними и уѣхалъ назадъ, къ себѣ, въ Бахчисарай.

Гетмана Самойловича, находившагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ княземъ Хованскимъ, весьма смущала самая численность Татарскаго войска, шедшаго на размѣну. Онъ совѣтовалъ князю Хованскому, предварительно послать «кого вѣрнаго» (въ дорогу) къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву «съ словеснымъ разговоромъ, довѣдываяся отъ него: моровое повѣтріе утихаетъ ли въ Крыму, а у хана и у всего государства Крымскаго въ полѣ, на становищѣ, нѣтъ ли какого урону и въ дорогѣ не будетъ ли? И ка̀къ скоро съ своей стороны къ размѣнному мѣсту достигнутъ, и не чаять ли какой хитрости отъ нихъ во время самой размѣны»?

Самойловичъ преподалъ князю Хованскому «два способы, чтобъ оберечься отъ морового повѣтрія: Одинъ, — чтобъ онъ, князь, «самъ размѣннаго дѣла не договаривая, поло-

жилъ его на нѣкакихъ пригожихъ людей, при немъ обрѣтающихся, которые бы такъ же бы опасно (то-есть, осторожно) черезъ огонь съ Татары разговаривая, черезъ листы ему все, что̀ надобно, доносили». Другой способъ,—«по размѣнѣ, съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ и съ стольникомъ княземъ Ромодановскимъ, лицомъ къ лицу и руки въ руки не витататься, а издалеча ставъ, гдѣ на чистомъ мѣстѣ, по вѣтру, видѣться бы съ ними. А видѣвся, послать ихъ тотчасъ въ какой крайній городокъ слободской, и тамъ, съ своею челядью, быть имъ, покамѣстъ гораздо вывѣтрѣютъ отъ морового повѣтрія».

Слѣдуя совѣту гетмана Самойловича, князь Петръ Ивановичь Хованскій, въ тотъ же день, какъ пришелъ въ Переволочну, то-есть, 29 октября, послалъ состоявшаго при немъ полковника Московскихъ стрѣльцовъ Григорья Горюшкина на ту сторону Днѣпра, провѣдывать о пріѣздѣ размѣнныхъ мурзъ, а главное, о моровомъ повѣтріѣ. Оказалось, что размѣнный бей Авелша-мурза-Сулешевъ на размѣну, а Капланъ-мурза Мансуровъ съ Татарскимъ войскомъ, прибыли двумя днями раньше князя Хованскаго и распо-

ложились таборами въ виду Переволочны, по ту сторону Днѣпра, въ урочищахъ за рѣкою Омельникъ, всего въ пяти верстахъ отъ нашего обоза. Въ таборѣ у Каплана-мурзы-Мансурова находился и бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ съ стольникомъ княземъ Ромодановскимъ.

Полковникъ Горюшкинъ, не доѣхавъ полверсты до Татарскихъ таборовъ, и, оставаясь на сей сторонѣ рѣки Омельникъ, отправилъ курченина Луку Денисова къ размѣнному бею Авелшѣ-мурзѣ-Сулешеву, объявить о своемъ пріѣздѣ и о посылкѣ. Размѣнный бей послалъ къ Горюшкину Кеманъ-мурзу, съ 30 Татарами, который, и съ своей стороны, не доѣзжая до полковника десяти сажень, говорилъ ему, чтобъ ѣхалъ въ таборы къ размѣнному бею и объявилъ, зачѣмъ присланъ отъ князя Хованскаго. «А моровое повѣтріе—продолжалъ Кеманъ-мурза въ Крыму, и въ Крымскихъ городкахъ, и дорогою въ городахъ, которыми размѣнный князь шелъ съ Крымскими войсками, нигдѣ нѣтъ никакими мѣрами, а гдѣ моръ и былъ, и въ тѣхъ де мѣстахъ утихъ. А если бы гдѣ моръ былъ, и онъ бы, Кеманъ-мурза, за многую государеву милость,

не потаилъ бы про такое великое дѣло. Говорю правду». При этомъ мурза «по своей вѣрѣ божился».

Полковникъ Горюшкинъ, «повѣря Кемановымъ словамъ и клятвѣ», отправился въ Татарскіе таборы, къ размѣнному бею Авелшѣ-мурзѣ-Сулешеву, и сталъ, не доѣзжая его палатки сажень 15-ть. Увидя Горюшкина, размѣнный бей вышелъ изъ палатки и звалъ его къ себѣ, но тотъ не пошелъ, объявивъ, что присланъ говорить о размѣнномъ дѣлѣ и о повѣтріѣ спрашивать, черезъ огонь.

Авелша-мурза-Сулешевъ сказалъ полковнику Горюшкину, черезъ огонь, что у нихъ, въ Крыму, начался моръ въ то время, какъ пріѣзжалъ для договора стольникъ Тяпкинъ и послѣ де отъѣзда Тяпкина, моровое повѣтріе въ Крыму перестало, тому нынѣ уже седьмой мѣсяцъ. «А если бы—продолжалъ Сулешевъ—повѣтріе не утихло, и я бы, для такого страшнаго дѣла, изъ моровыхъ мѣстъ и не поѣхалъ бы». Размѣнный бей, по своей бусурманской вѣрѣ, клялся и черезъ огонь же подалъ руку Горюшкину на томъ, что «въ Крыму и въ Крымскихъ городкахъ и въ мѣстахъ, гдѣ былъ моръ, нынѣ мору нѣтъ, утихъ

вездѣ въ дальнихъ числахъ, и въ войскѣ де ихъ, въ дорогѣ, и на станахъ, и у Днѣпра, на послѣднемъ стану, упадка не бывало».

Отъ размѣннаго бея, полковникъ Горюшкинъ отправился къ нашимъ плѣнникамъ, привезеннымъ на окупъ и на размѣну. Горюшкинъ потребовалъ, чтобъ Василій Борисовичь Шереметевъ, какъ и всѣ другіе плѣнники, сказалъ по евангельской правдѣ «объ утихости моровоо повѣтрія». А если—говорилъ Горюшкинъ съ великимъ подтвержденіемъ,—они, бояринъ Василій Борисовичь, стольникъ князь Андрей Ромодановскій и всѣ плѣнные люди, «о моровомъ повѣтріѣ скажутъ неправду и отъ того учнется какое зло, и они за тѣ свои неправыя сказки, отъ великаго государя милости къ себѣ не увидятъ и плѣнное ихъ терпѣнье не воспомянется».

Шереметевъ и всѣ прочіе плѣнники, черезъ огонь, передали Горюшкину сказки за своими руками, въ которыхъ, свидѣтельствуясь Богомъ, объявили, что моровое повѣтріе на люди прекратилось и что, въ противномъ случаѣ, они и не поѣхали бы изъ Крыма [437].

---

[437] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 года, декабря 31. № 13.

Бывшіе съ Горюшкинымъ стрѣльцы, впервые видѣвшіе Василья Борисовича Шереметева, обратили вниманіе на то, что онъ былъ совсѣмъ сѣдой [438].

Въ присылкѣ полковника Горюшкина, для провѣдыванія о пріѣздѣ размѣнныхъ мурзъ, Авелша-мурза-Сулешевъ усмотрѣлъ какъ бы напоминаніе себѣ, со стороны князя Хованскаго, объ обязанности извѣстить, по посольскому обычаю, о своемъ прибытіи на размѣну. На другой же день, 30 октября, къ князю Петру Ивановичу Хованскому пріѣхалъ отъ Сулешева аталыкъ Джанъ-Жигинъ, съ листомъ, въ коемъ размѣнный бей извѣщалъ, что онъ, для размѣнныхъ дѣлъ, а Капланъ-мурза-Мансуровъ, съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, стольникомъ княземъ Андреемъ Ромодановскимъ и прочими плѣнниками и съ войскомъ, прибыли на размѣну и расположились въ урочищахъ на рѣчкѣ Омельникъ [439].

Какъ уѣхалъ аталыкъ Джанъ-Жигинъ,

---

[438] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 года, декабря 31. № 13.

[439] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ № 67. 7190/1682. генваря 16.

князь Петръ Ивановичь Хованскій послалъ того же полковника Григорья Горюшкина къ размѣнному бею Авелшѣ-мурзѣ-Сулешеву, чтобъ онъ ѣхалъ къ нему, князю, въ обозъ, для договора о размѣнномъ дѣлѣ. Тотъ долго и упорно отказывался ѣхать на нашу сторону. Сулешева поддерживалъ Капланъ-мурза-Мансуровъ. Оба твердили одно, что сперва надо размѣняться послами и дать окупъ за боярина Василья Борисовича Шереметева, стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго и за иныхъ плѣнныхъ людей. Въ концѣ концовъ, князь Хованскій настоялъ на своемъ.

1 ноября, послѣ многихъ пересылокъ, Авелша-мурза-Сулешевъ, съ мурзами и «лучшими людьми», которые были присланы отъ хана на посольскій съѣздъ, всего 23 человѣка, пріѣхалъ изъ-за Днѣпра въ обозъ князя Хованскаго, договариваться, въ государевомъ шатрѣ, о размѣнныхъ дѣлахъ. «А въ то время,—писалъ князь Хованскій государю,—ратные великаго государя люди устроены были полками, какъ ратное ополченіе бываетъ, и караулы по обозу, и сторожи объѣзжіе за обозомъ поставлены были крѣпкіе. И о раз-

мѣнныхъ дѣлехъ договоры съ нами у размѣнного мурзы были упорные и запросные, и сверхъ прежнихъ дачь и размѣнныхъ дѣлъ, запросы были многіе».

Съѣздъ повторился и 2 ноября. Послѣ долгихъ споровъ, князю Хованскому удалось наконецъ добиться включенія въ текстъ шертной грамоты и сдѣланную ближними ханскими людьми убавку противъ образцовой записи, составленной стольникомъ Тяпкинымъ. Размѣнные мурзы приложили къ переписанной по новому шертной грамотѣ свои руки и печати и затѣмъ, шертовали на коронѣ. По окончаніи этого труднаго дѣла, размѣнныхъ мурзъ потчивали въ государевомъ шатрѣ медомъ и виномъ, а размѣнному бею Авелшѣ-мурзѣ-Сулешеву подносили платье: князь Хованскій—шубу соболью нагольную, въ 15 рублей, да шубу черева бѣльи, въ два рубля; товарищъ князя, думный дворянинъ Хлоповъ—шубу кунью, въ 12 рублей, да бѣлій хребтовый мѣхъ, въ два рубля [440].

Самый размѣнъ и выкупъ плѣнныхъ совершились гораздо проще.

---

[440] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ № 67. 7190/1682 г. генваря 13.

Окупныя деньги за боярина Василья Борисовича Шереметева внесены были въ государевъ шатеръ и вручены Татарамъ. Всего принесли: «Изъ пріему маіора Евсевья Журавлева да подьячаго Андрея Кондратьева, червонныхъ золотыхъ 11.205 золотыхъ съ полузолотымъ, 5400 ефимковъ; да изъ пріему поручика Ивана Лебедева 13.794 золотыхъ съ полузолотымъ червонныхъ да 5400 ефимковъ». А достальной окупъ Василій Борисовичь заплатилъ изъ своихъ пожитковъ. Окупную казну принималъ и считалъ ханскій писарь съ четырьмя жидами [441].

Громадность окупной казны, взятой Татарами за Шереметева, поразила Малороссіянъ. Въ лѣтописи ихъ бытописателя Самойлы Величка [442] записано: «Того-жъ 1681 лѣта, на повторной размѣнѣ Переволочанской, выкупленъ великій бояринъ Шереметъ (который року 1660, подъ Чудновомъ, взятъ въ неволю бѣсурманскую), за сорокъ тысячь рублей сребреной монеты [443], по глаголу слу-

---

[441] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ. № 67. 7190/1682 г. генваря 13.

[442] Лѣтопись событій въ Юго-Западной Россіи, въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 526.

[443] По выкладкамъ В. О. Ключевскаго, нашъ рубль второй по-

живыхъ Московскихъ людей, на той размѣнѣ бывшихъ».

3-е число ноября 1681 года было поистинѣ знаменательнымъ днемъ въ жизни боярина Василья Борисовича Шереметева. Съ утра, оба берега Днѣпра, у Переволочанской переправы, представляли картину необычнаго оживленія. На той сторонѣ, на самомъ берегу, стояли всѣ орды Татарскія съ Капланомъ-мурзою-Мансуровымъ; на этой сторонѣ—пѣшіе и конные царскіе люди, въ боевомъ порядкѣ, «съ готовностію наряду». Впереди всѣхъ былъ бояринъ князь Петръ Ивановичь Хованскій со всею казацкою старшиною. На нашей сторонѣ грузили въ суда окупныя деньги, и какъ увидѣли, что съ Татарской стороны отчалила лодка съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, сейчасъ же, по выраженію очевидца, «отпихнули отъ берега окупныя деньги».

Какъ только лодка съ Шереметевымъ подплыла къ нашему берегу, князь Хованскій поѣхалъ въ государевъ шатеръ, оставивъ на

ловины XVII вѣка равняется 17-ти нынѣшнимъ (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1884 г. Книга первая. Отд. IV. стр. 61).

берегу, для первой встрѣчи освобожденнаго изъ плѣна боярина, казацкихъ полковниковъ. Прибывъ въ государевъ шатеръ, князь Хованскій «велѣлъ перво изъ мелково ружья, а потомъ изъ пушекъ стрѣлять, показуя свидѣтельство радости». А Шереметевъ, принявъ первую встрѣчу, сѣлъ на подведеннаго коня и поѣхалъ къ государеву шатру, въ сопровожденіи «немалаго числа конницы». Недалеко отъ шатра выѣхалъ на вторую встрѣчу Василья Борисовича думный дворянинъ Кириллъ Осиповичь Хлоповъ, съ дьякомъ Петромъ Исаковымъ. Въ это время, «въ барабаны и въ литавры били и въ трубы трубили». Князь Хованскій встрѣтилъ боярина Шереметева у самаго шатра и «здравствовалъ ему освобожденіемъ». Тотъ, ссѣвъ съ коня, горячо благодарилъ и «много кланялся до земли».

Въ государевомъ шатрѣ всѣ сѣли за обѣденный столъ и долго тѣшились дружескою бесѣдою, «учиняя освобожденію боярина здравствованія» [444].

---

[444] Донесеніе гетману Ивану Самойловичу Гадяцкаго полковника Михайла Васильевича, посланное изъ-подъ Переволочны «ноября въ 3 день поздо, 1681 году» (Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Малороссійскія дѣла 1681 г. № 16).

ГЛАВА XXV.

8 ноября 1681 года, въ день Безплотныхъ Силъ, князь Петръ Ивановичь Хованскій, окончивъ всѣ дѣла по размѣнѣ плѣнныхъ, выступилъ изъ Переволочны въ Курскъ. Онъ шелъ, ополчась обозомъ. Съ княземъ Хованскимъ былъ и бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ съ стольникомъ княземъ Андреемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ. Не доѣзжая 40 верстъ до Ахтырки, въ городкѣ Рублевѣ, они встрѣтились съ стольникомъ Иваномъ Герасимовичемъ Соловцовымъ, ѣхавшимъ изъ Москвы, наспѣхъ, съ указомъ великаго государя князю Петру Ивановичу Хованскому. Въ этомъ указѣ было сказано, чтобы Василій Борисовичь Шереметевъ и князь Ромодановскій, съ ихъ людьми, отправлены

были, для опасенія бывшаго въ Крыму морового повѣтрія, въ городъ Хотмыжскъ и оставались бы тамъ до указа.

Отдавъ царскій указъ, стольникъ Соловцовъ остался при князѣ Хованскомъ и слѣдовалъ съ нимъ три дня. «И какъ—пишетъ онъ—ѣхалъ я съ княземъ Хованскимъ, въ полку его, отъ Рублева городка, и бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и стольникъ князь Андрей Ромодановскій съ княземъ Петромъ Ивановичемъ Хованскимъ ѣхали вмѣстѣ, всѣ верхами. И сидитъ на конѣ бояринъ Василій Борисовичь мочно и бодро, а въ коляску и на иноходца не садится, а ѣдетъ въ епанечькѣ въ Черкаской въ короткой и въ саблѣ. А ѣхали въ сутки верстъ по сороку и больше» [445].

Въ Ахтырку полкъ пришелъ 12 ноября. Тутъ князь Петръ Ивановичь Хованскій отпустилъ Василья Борисовича Шереметева и князя Ромодановскаго въ Хотмыжскъ, а самъ пошелъ далѣе, въ Курскъ.

Городъ Хотмыжскъ, нынѣ заштатный городъ Грайворонскаго уѣзда, находится въ

[445] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 г. декабря 31. № 13.

226 верстахъ на юго-западъ отъ Курска. Онъ расположенъ на крутомъ косогорѣ праваго берега рѣки Ворсклы. Лѣтъ за тридцать до описываемаго времени, онъ былъ укрѣпленъ землянымъ городомъ съ башнями и рвомъ [446].

Здѣсь то, въ 640 верстахъ отъ Москвы, Василью Борисовичу Шереметеву пришлось выжидать царскаго указа, съ разрѣшеніемъ ѣхать дальше, домой.

Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ и о другихъ представителяхъ Рода Шереметевыхъ. Мы уже знаемъ изъ челобитной боярина Василья Борисовича Шереметева, что, въ апрѣлѣ 1680 года, за два мѣсяца съ небольшимъ до женитьбы царя Θедора Алексѣевича на Агаθьѣ Семеновнѣ Грушецкой, скончалась жена его, боярина, Прасковья Васильевна. Послѣ этого домъ Василья Борисовича Шереметева окончательно опустѣлъ. Единственная его дочь, къ тому же и нелюбимая имъ, Евθимія Васильевна, была уже за-мужемъ, за комнатнымъ стольникомъ царевича Ивана Алексѣевича, княземъ Яковомъ Алексѣевичемъ Голи-

[446] Семеновъ. Географическо-Статистическій Словарь. Спб. 1863—1885.

цынымъ. По-видимому, изъ родныхъ, только онъ да дядя Василья Борисовича Шереметева, по мачихѣ, бояринъ князь Иванъ Петровичь Пронскій, были при кончинѣ боярыни Прасковьи Васильевны. Они распорядились осмотрѣть и переписать оставшееся послѣ покойницы имущество и составленную опись отправили въ Крымъ, къ Василью Борисовичу Шереметеву, съ стольникомъ Васильемъ Михайловичемъ Тяпкинымъ. Ближайшихъ родныхъ Василья Борисовича, бояръ Петра Васильевича Большого и Петра Васильевича Меньшого Шереметевыхъ, въ то время, не было въ Москвѣ. Правительство царя Ѳедора Алексѣевича какъ будто задалось мыслію не оставлять ихъ по-долгу въ столицѣ, на глазахъ у юнаго царя; а можетъ быть, оно и опасалось частаго общенія ихъ съ вдовствующею царицею Натальей Кирилловной. Имѣлъ же основаніе современникъ, въ своей хроникѣ, включить въ число сторонниковъ Натальи Кирилловны «двухъ Петровъ Васильевичей, Большого и Меньшого, и Бориса Петровича Шереметевыхъ» [447].

Припомнимъ, что не прошло и недѣли,

[447] Записки Русскихъ людей. Спб. 1841. стр. 6. столб. 1.

какъ воцарился Θедоръ Алексѣевичь, а Петра Васильевича Большого Шереметева уже отправили въ Сибирь, на воеводство Тобольское; племянника же его, Петра Васильевича Меньшого Шереметева, — на воеводство во Псковъ. Въ апрѣлѣ 1678 года, окончился двухлѣтній срокъ Сибирской службы Петра Васильевича Большого и, въ началѣ 1678 года, онъ возвратился въ Москву. На его мѣсто, въ Тобольскъ, спѣшатъ отправить изъ Пскова Петра Васильевича Меньшого Шереметева. Самого же Петра Васильевича Большого Шереметева, осенью того же года, назначаютъ начальникомъ Рязанской рати въ войскѣ, собранномъ противъ Турокъ. Въ половинѣ января 1679 года, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Борисомъ Петровичемъ, выступаетъ въ Малороссію и лишь въ концѣ сентября того года возвращается въ Москву. Два мѣсяца спустя, въ декабрѣ того же 1679 года, окончился срокъ Сибирской службы Петра Васильевича Меньшого Шереметева. Въ февралѣ 1680 года, мы его видимъ (17 числа) въ свитѣ государя, въ походѣ царскаго величества въ село Преображенское [448], а 22 апрѣля,

[448] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 139.

онъ уже выступилъ на-спѣхъ въ Новый-Осколъ [449], съ выданнымъ изъ Разряда его полку знаменемъ, на червчатой камкѣ коего изображенъ былъ Нерукотворенный Образъ Спаса [450]. Еще раньше, именно 31 марта, состоялся царскій указъ, за приписью дьяка Ларіона Пашина, коимъ великій государь указалъ, «боярина Петра Меньшого Васильевича Шереметева, для своей государевой службы, велѣлъ ему въ Помѣстномъ Приказѣ, въ судныхъ и во всякихъ дѣлехъ, опричь татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ, до своего, великаго государя указу, отсрочить» [451]. Крайнимъ срокомъ сбора ратныхъ людей въ полкъ Петра Васильевича Меньшого Шереметева, въ городъ Новый-Осколъ, назначено 19 число мая [452]. Изъ Новаго-Оскола Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ переведенъ былъ полковымъ воеводою въ городъ

---

[449] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VII. Спб. 1859. стр. 88. столб. 2.

[450] Яковлевъ. Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію: Русскія старинныя знамена. М. 1865. II. стр. 92.

[451] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Записная книга челобитныхъ Помѣстнаго Приказа. 7188 года. № 8. дѣло 333.

[452] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. VII. Спб. 1859. стр. 82. столб. 2.

Казань. Тамъ оставался онъ и по кончинѣ царя Өедора Алексѣевича.

Свѣдѣнія о службѣ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева за 1680 годъ, довольно скудны. Извѣстно только, что онъ тоже былъ на границѣ Малороссіи, переполошенной вѣстями изъ Турецкихъ владѣній, о намѣреніи Турецкаго султана идти съ большимъ войскомъ войною на Кіевъ [453]. Извѣстно также, что онъ начальствовалъ полками Владимірскаго Разряда и, въ сношеніяхъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и съ коронными Литовскими гетманами, писался намѣстникомъ Нижегородскимъ [454].

Правда, разрядная запись указываетъ на то, что въ іюлѣ 1680 года, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ былъ въ Москвѣ, что 28 числа этого мѣсяца, въ день празднованія чудотворной иконѣ Богоматери Смоленской, онъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ въ Новодѣвичій монастырь [455]. А извѣстно, что въ 1680 году, сынъ Петра Васильевича Боль-

---

[453] Костомаровъ. Руина. Спб. 1882. стр. 606. 607.

[454] Справка изъ дѣлъ Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о службѣ предковъ Шереметевыхъ, пунктъ 8.

[455] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 170.

шого Шереметева, стольникъ Иванъ Петровичь Шереметевъ, женился на Натальѣ Петровнѣ Сѣверовой. Приведенная разрядная запись только утверждаетъ насъ въ предположеніи, что свадьба Ивана Петровича Шереметева была именно въ іюлѣ 1680 года, и Петръ Васильевичь могъ нарочно пріѣхать въ Москву для этой семейной радости.

Въ боярскихъ книгахъ 1661—78 годовъ, отецъ Натальи Петровны Сѣверовой, Петръ Ивановичь, показанъ Московскимъ дворяниномъ [456]. Сѣверовы, кажется, были въ родствѣ съ знаменитымъ дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ, потому что въ числѣ приданыхъ вотчинъ Натальи Петровны Сѣверовой, была старая вотчина Щелкалова, сельцо Шолохово, на рѣчкѣ Вздериногѣ, Московскаго уѣзда, Манатьина - Быкова - Коровина стана [457]. Изъ архивной справки видно, что стольнику Ивану Петровичу Шереметеву были «даны приданыя вотчины жены его, Натальи, дочери Сѣверова, выслуженныя, родовыя и

---

[456] Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ. М. 1853. стр. 402. столб. 2.

[457] Писцовыя книги Московскаго государства. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 179.

купленныя дѣда (Ивана Сѣверова) и отца ея (Петра Ивановича Сѣверова) вотчины въ Московскомъ, Козельскомъ, Галицкомъ и Нижегородскомъ уѣздехъ, 552 четьи безъ третника. По переписнымъ книгамъ написано въ нихъ дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ: въ Московскомъ уѣздѣ, въ Манатьинѣ и въ Быковѣ и въ Коровинѣ стану, въ деревнѣ Шолоховѣ, 9 дворовъ; въ Козельскомъ уѣздѣ, въ Луганскомъ стану, село Покровское, 25 дворовъ; въ Галицкомъ уѣздѣ, въ Черномъ стану, въ селѣ Кочаловѣ, Кочальцово тожъ, съ деревнями, 35 дворовъ; въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ стану, въ селѣ Петровскомъ, съ деревнями, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, 67 дворовъ. Всего 136 дворовъ» [458].

Нѣсколько времени спустя, бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ женилъ и другого своего сына, Василья Петровича Шереметева, на княжнѣ Настасьѣ Семеновнѣ Звенигородской. Сговоръ состоялся 9 января 1681 года, при чемъ отецъ невѣсты, князь Семенъ Юрьевичъ Звенигородскій, далъ ряд-

---

[458] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Записная книга челобитныхъ Помѣстнаго Приказа 7188 (1680) года. № 8. дѣло № 497.

ную запись весьма богатаго приданаго своей дочери. Документъ этотъ довольно пространный и настолько любопытенъ, что мы помѣщаемъ его цѣликомъ въ Приложеніяхъ. Богатство приданаго объясняется, разумѣется, и тѣмъ, что княжна Настасья Семеновна была единственная дочь князя Звенигородскаго. Кромѣ нея, въ семьѣ у него никого не было. «У записи сидѣли» и подписали ее: бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, бояринъ Иванъ Михайловичь Милославскій и Ѳедоръ Прокофьевичь Соковнинъ.

Весьма характерна собственноручная росписка на рядной записи жениха, Василья Петровича Шереметева: «По сей записи до меня, Василья Шереметева, приданоя и низанья и платья и кузня дошло все сполна, опричь ожерелья большова да серегъ большихъ». (Нѣсколько ниже:) «Да по сей же рядной записи, что́ было до меня не дошло, ожерелья большова и серегъ большихъ, и ныне тое ожереля и серги до меня, Василья Шереметева, все дошло» [459].

[459] Изъ Архива Сердобскаго помѣщика г. Рунича. Рядная князя Звенигородскаго найдена въ бумагахъ Бутурлиныхъ, доставшихся г. Руничу отъ его бабки, Варвары Аркадіевны Руничъ, рожденной Бутурлиной.

Характерно и сохранившееся свадебное поручительство, которое, въ январѣ же мѣсяцѣ, взялъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ съ князя Звенигородскаго. Вотъ полный его текстъ:

«Се азъ, князь Семенъ Юрьевичь Звенигороцкой, зговорилъ есми дочь свою дѣвицу княжну Настасью Семеновну за-мужъ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева за сына ево Василья Петровича. А выдать мнѣ, князь Семену Юрьевичю, дочь своя дѣвица княжна Настасья Семеновна, за него, Василья Петровича, на срокъ въ нынѣшнемъ во сто осмьдесятъ девятомъ (189 = 1681) году, генваря въ двадесятъ третій день. А будетъ я, князь Семенъ Юрьевичь, дочь свою дѣвицу княжну Настасью Семеновну на тотъ вышеписанный срокъ за него, Василья Петровича, не выдамъ, и на мнѣ, князь Семенѣ Юрьевичѣ, взяти ему, боярину Петру Васильевичю, по сей записи четыре тысящи шесть сотъ рублевъ денегъ» [460].

Вѣнчаніе совершено въ Москвѣ, согласно заключенному условію, 23 января 1681 года;

---

[460] Архивъ Сердобскаго помѣщика г. Рунича.

послѣ чего Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ уѣхалъ на службу въ Путивль.

Уже 26 февраля того года, находившійся съ полкомъ въ Казани бояринъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, которому, царскою грамотою изъ Разряда, велѣно было собрать на государеву службу ратныхъ людей изъ Казанцевъ, Свіяженъ и Уржумцевъ, писалъ въ Москву: «Какъ тѣ ратные люди изъ пригородовъ высланы будутъ въ Казань, и я, по указу великаго государя, пересмотря всѣхъ налицо, учиня имъ наличные списки и выдавъ государево жалованье, по рублю человѣку, вышлю ихъ, съ присланнымъ полковникомъ Владиславомъ Сербинымъ и начальными людьми, на службу великаго государя въ Путивль, въ полкъ дяди моего боярина и воеводы Петра Большого Васильевича Шереметева тотчасъ, чтобъ имъ поспѣть въ Путивль на срокъ марта къ 9 числу. Однако, лишь 15 марта, изъ Казани могли отпустить съ полковникомъ Сербинымъ всего 900 человѣкъ, а остальные 590 человѣкъ посланы были съ оставленнымъ въ Казани подполковникомъ Васильемъ Ивановскимъ, только 19 апрѣля. Въ оправданіе такой медлительности

въ сборѣ ратныхъ людей, Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ выставлялъ, что «многіе пригороды отъ Казани въ дальнихъ мѣстехъ, верстъ по пятисотъ и по шестисотъ и по семисотъ» [461].

Бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ такъ и не дождался ратныхъ людей изъ Казани. 20 апрѣля, онъ былъ уже въ Кіевѣ, куда опять назначенъ былъ воеводою. Какъ и въ первый разъ, въ 1666 году, онъ титуловался намѣстникомъ Смоленскимъ. Первымъ товарищемъ Петра Васильевича былъ его сынъ Ѳедоръ Петровичь Шереметевъ, а вторымъ — Леонтій Романовичь Неплюевъ [462].

На этотъ разъ, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ оставался въ Кіевѣ три мѣсяца съ небольшимъ, и мы не имѣемъ, покамѣстъ, рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ столь кратковременнаго пребыванія его на воеводствѣ Кіевскомъ. Извѣстно только, что 1 августа 1681 года, Петръ

---

[461] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Столбецъ Московскаго стола № 606. Склейки 55—59.

[462] Закревскій. Описаніе Кіева. Изд. 2. М. 1868. стр. 904. столб. 2.

Васильевичъ, вмѣстѣ съ сыномъ Ѳедоромъ Петровичемъ, «изъ Кіева пошелъ къ Москвѣ», а на его мѣстѣ, въ Кіевѣ, велѣно быть извѣстному читателямъ окольничему Ивану Ѳедоровичу Волынскому [463].

Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ пріѣхалъ въ Москву, когда въ церквахъ еще правились сорочины по вновь преставившейся царицѣ Агаѳьѣ Семеновнѣ. 11 іюля, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ, а на третій день, 14 іюля, скончалась отъ родильной горячки. Новорожденный же царевичъ, нареченный, въ память Ильи Даниловича Милославскаго, Ильею, не прожилъ и недѣли послѣ матери. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ могъ только проводить тѣло царицы до Краснаго Крыльца, а на погребеніи ея не былъ, «скорби ради», какъ сказано было въ оповѣщенномъ объявленіи [464].

По возвращеніи въ Москву, Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ узналъ также о кончинѣ бывшаго патріарха Никона.

---

[463] Закревскій. Описаніе Кіева. Изд. 2. М. 1868. стр. 904. столб. 2.

[464] Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. II. Спб. 1830. стр. 331. № 877 и 878.

Страдальцу разрѣшили, наконецъ, возвратиться въ созданную имъ Воскресенскую обитель. Но было уже поздно. Блаженный Никонъ, «вельми изнемогавшій отъ болѣзней», только что пособоровался и пріялъ схиму. Еле живого повезли его изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, сперва Шексною, потомъ Волгою, въ стругѣ, и на немъ, не доплывъ полверсты до Толгскаго монастыря, Никонъ отдалъ Богу душу, 17 августа 1681 года, на 77-мъ году отъ рожденія.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ пожелалъ, чтобъ Никонъ былъ похороненъ въ Воскресенскомъ, Новый-Іерусалимъ именуемомъ монастырѣ со всѣми почестями, присвоенными сану патріарха, и чтобы на всѣхъ ектеніяхъ его именовали патріархомъ. Онъ рѣшилъ самъ ѣхать въ Воскресенскій монастырь, на погребеніе Никона, и звалъ туда съ собою патріарха Іоакима со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Іоакимъ рѣшительно сказалъ: «Буди по твоей волѣ государской, готовъ есмь азъ, иду на погребеніе; но токмо именовать Никона патріархомъ не буду, а просто монахомъ, како нарекли его вселенскіе патріархи и соборъ присуди».

Патріархъ Іоакимъ, какъ ни упрашивалъ его государь, оставался непреклоненъ, и на погребеніе Никона послалъ митрополита Новгородскаго Корнилія, сказавъ ему: «Како благочестивый царь повелитъ поминати Никона, тако и твори».

Царь Ѳедоръ Алексѣевичь прибылъ въ Воскресенскій монастырь 25 августа, вмѣстѣ съ вдовствующею царицею Натальей Кирилловной, съ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ и со всѣми царевнами. По словамъ очевидца, царь Ѳедоръ, идя за гробомъ Никона, самъ пѣлъ «съ клирики своими стихиру 6-го гласа, Кіевскимъ согласіемъ: Днесь благодать Святаго Духа насъ собра»... Во время возслѣдованія надгробнаго пѣнія, государь самъ «читалъ каѳизму и апостолъ, и во всемъ съ пѣвцы своими пояше». А когда пришло время послѣдняго цѣлованія, царь Ѳедоръ, взявъ «десницу патріаршу изъ-подъ схимы, цѣлова ее любезно, со слезами» [465].

Пробывъ «дни довольныя въ Воскресенской обители и братію удоволивъ», царь Ѳе-

---

[465] Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1871. стр. 104—108.

доръ Алексѣевичь, черезъ Савинъ монастырь, возвратился въ Москву къ государственнымъ дѣламъ, которыми занимался въ то время съ какимъ-то особеннымъ напряженіемъ.

Нужно сказать, что за время отсутствія изъ Москвы Петра Васильевича Большого Шереметева окончательно выяснилось, что послѣ кончины Богдана Матвѣевича Хитрово (онъ умеръ въ мартѣ 1680 года) и удаленія отъ Двора Ивана Михайловича Милославскаго, совсѣмъ лишившагося довѣрія государя, первенствующее вліяніе на дѣла перешло отъ нихъ, главнымъ образомъ, къ двумъ лицамъ: къ постельничему царя Ивану Максимовичу Языкову, пожалованному, послѣ смерти Хитрово, въ оружейничіе [466], и къ боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, который, сколько можно думать, уже тогда соединенъ былъ съ царевною Софьею Алексѣевною сердечнымъ союзомъ [467]. «Этотъ князь Голицынъ — говоритъ современникъ [468] — былъ безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ, образован-

---

[466] Дворцовые Разряды. Т. IV. Спб. 1855. столб. 174.

[467] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. столб. 890.

[468] Агентъ Французскій Невиль. См. Погодинъ. Семнадцать лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. М. 1875: Изслѣдованія стр. 77.

нѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ людей, когда либо бывшихъ въ этой странѣ, которую онъ хотѣлъ поставить на ряду съ другими».

Наиболѣе важныя мѣропріятія и постановленія царствованія Ѳедора Алексѣевича относятся именно къ послѣднимъ годамъ, когда главное вліяніе на дѣла имѣлъ князь Василій Васильевичь Голицынъ. Достаточно указать на приведеніе въ лучшій порядокъ и устройство ратнаго дѣла въ Государствѣ, на уничтоженіе мѣстничества, на грандіозный проектъ Академіи, коей царь Ѳедоръ обѣщалъ предоставить царскую Библіотеку, а на содержаніе отдавалъ свою дворцовую Вышегородскую волость, Верейскаго уѣзда, на проектъ учрежденія богадѣленъ и школъ для нищихъ и такъ далѣе. Мы не имѣемъ надобности входить въ подробности, тѣмъ болѣе, что уже пора, наконецъ, возвратиться къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, терпѣливо ожидавшему въ Хотмыжскѣ царскаго указа.

18 ноября 1681 года, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, слушавъ отписки князя Петра Ивановича Хованскаго по размѣнному дѣлу подъ Переволочной, указалъ и бояре приговорили:

«Къ боярину и воеводамъ ко князю Петру

Ивановичу Хованскому съ товарищи послать свою, великаго государя, грамоту съ милостивымъ словомъ.

«Боярина Василья Борисовича Шереметева и стольника князя Андрея Ромодановскаго спросить о здоровьѣ и послать для того нарочно стольника и объявить имъ, что великій государь, милосердуя о ихъ полонномъ терпѣніи, указалъ ѣхать имъ въ вотчины свои: боярину Василью Борисовичу—въ Коломенскую, а стольнику князь Андрею Ромодановскому—въ Епифанскую. А быть имъ въ деревняхъ до указу великаго государя. И о томъ ихъ отпуску написать въ государевѣ грамотѣ къ боярину князю Петру Ивановичу Хованскому».

Боярскій приговоръ поручено было исполнить жильцу князю Ивану Ивановичу Гундорову. Онъ отправился, въ двадцатыхъ числахъ ноября, сперва въ Курскъ, къ князю Хованскому, а потомъ въ Хотмыжскъ.

Согласно полученному наказу, князь Гундоровъ, по пріѣздѣ въ Хотмыжскъ, сейчасъ же пошелъ къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву и сказалъ ему: «Бояринъ Василій Борисовичь! Великій государь, царь и великій

князь Θедоръ Алексѣевичь, всея Великія и Бѣлыя и Малыя Россіи самодержецъ, жалуетъ, велѣлъ тебя спросить о здоровьѣ». Сказавъ рѣчь, князь Гундоровъ подалъ Шереметеву государеву грамоту, а также отписку князя Хованскаго, чтобы онъ, бояринъ Шереметевъ, ѣхалъ въ свою Коломенскую вотчину и оставался тамъ до указа [469].

Въ послѣднихъ числахъ ноября, Василій Борисовичь Шереметевъ выѣхалъ изъ Хотмыжска. Путь его лежалъ на Бѣлгородъ, Курскъ, Тулу и Каширу. Въ назначенную ему для временнаго жительства старинную вотчину Шереметевыхъ, село Чиркино, онъ пріѣхалъ въ началѣ декабря 1681 года.

По преданію, любимыми занятіями Василья Борисовича Шереметева, въ это подневольное пребываніе въ Чиркинѣ, были: чтеніе Священнаго Писанія и бесѣды съ архіепископомъ Коломенскимъ Никитой [470], только за мѣсяцъ до пріѣзда Шереметева

[469] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1681 года. декабря 31. № 13.

[470] Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1844. стр. 74.

хиротонисаннымъ изъ архимандритовъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря [471].

Предъ Рождественскими праздниками Василью Борисовичу Шереметеву разрѣшено было, наконецъ, пріѣхать въ Москву.

Въ самый день праздника Рождества Христова, 25 декабря, Шереметевъ представлялся царю Ѳедору Алексѣевичу. По установленному чину, его «являлъ» государю, въ Передней Палатѣ, думный дьякъ Посольскаго Приказа Ларіонъ Ивановичъ Пашинъ слѣдующимъ пространнымъ извѣщеніемъ, которое само по себѣ составляетъ весьма любопытную историческую справку:

«Бояринъ и воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ. По указу отца твоего, государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, былъ на вашей, великаго государя, службѣ въ Кіевѣ со 166 по 168 годъ. И какъ, по ссылкѣ измѣнниковъ Гришки Гуленицкаго съ товарищи, корунные гетманы Станиславъ Потоцкой да Юрій Любомірской, собрався съ Польскими и Литовскими людьми

---

[471] Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. Спб. 1877. столб. 1032.

и съ Крымскими Татары, наступили на вашихъ, великаго государя, подданныхъ Войска Запорожскаго казаковъ, хотя ихъ отъ вашего царскаго величества подданства отлучить, и въ то время противъ тѣхъ непріятелей онъ, бояринъ и воевода Василій Борисовичь, съ вашими, великаго государя, ратными людьми ходилъ на Польскую границу. И они, корунные гетманы, случась съ нурадыномъ-салтаномъ Крымскимъ и съ Ногайскими и съ Бѣлогородскими Татары, его, боярина и воеводу, на степи осадили и приступали къ обозу многажды. И онъ, бояринъ и воевода Василій Борисовичь, видя то непріятельское наступленіе, пошелъ назадъ къ Кіеву и дошли до мѣстечка Чюднова. А мочно было ему и до Кіева отойти оборонною рукою, да гетманъ Юраско Хмельницкой писалъ къ нему, боярину и воеводѣ, чтобъ онъ къ Кіеву не уступалъ, а онъ, гетманъ, къ нему, боярину, съ войскомъ Запорожскимъ, противъ корунныхъ гетмановъ и Татаръ, на вспоможеніе идетъ. И послѣ того, не дошедъ до его боярскаго обозу 15-ти верстъ, отцу твоему государеву, великому государю, измѣнилъ и поддался Польскому королю, а его, боярина

твоего и воеводу Василья Борисовича, съ товарищи, выдали, и вмѣстѣ съ корунными гетманы его, боярина и воеводъ, на степи осадили крѣпкою осадою. И были въ той осадѣ многое время до тѣхъ мѣстъ, сколько могли. И какъ отъ осады ваши государскія рати изнемогли и запасовъ воинскихъ и своихъ не стало, а непріятели, видя такое изнеможеніе, крѣпко учали приступать, и его, боярина, и воеводу Василья Борисовича, корунные гетманы взяли и отдали въ Крымъ, а товарищей его отдали въ Польшу. И былъ онъ, бояринъ Василій Борисовичь, въ Крыму 21 годъ и всякую нужу плѣнную терпѣлъ. И въ нынѣшнемъ во 190 году, по твоему государскому милостивому призрѣнію, изъ той неволи выкупленъ».

ГЛАВА XXVI.

Однако, Василью Борисовичу Шереметеву не довелось долго прожить на свободѣ. Трудно себѣ представить, чтобы онъ, послѣ двадцати одного года плѣна и почти безвыходнаго заключенія чуть ли не въ подземеліяхъ Жидовскаго-городка, возвратившись въ отечество и получивъ, наконецъ, разрѣшеніе въѣзда въ Москву, предпочелъ бы остаться жить зимою въ Чиркинѣ. Какъ ни любилъ Василій Борисовичь свою старинную прадѣдовскую вотчину, но для него, сохранившаго на столько жизненности, что могъ еще «мочно и бодро сидѣть на конѣ» и дѣлать по сорока и больше верстъ въ сутки, для такого живого человѣка жизнь въ Москвѣ, въ самомъ главномъ узлѣ государственной жизни, долж-

на была представлять много привлекательнаго и любопытнаго. Весьма естественно было желаніе Василья Борисовича лично ознакомиться съ новыми дворскими отношеніями и теченіями, разобраться въ условіяхъ и причинахъ, такъ долго удерживавшихъ его въ тяжкомъ плѣну у басурманъ. А въ Чиркинѣ, что̀ ему было дѣлать зимою, одному, безъ семьи? Къ тому же на Васильѣ Борисовичѣ, какъ на бояринѣ, лежали и служебныя обязанности, для которыхъ необходимо было жить именно въ Москвѣ, особенно зимою. Нужно сказать, что Василій Борисовичь Шереметевъ, во все время Крымскаго плѣна, не исключался изъ списковъ бояръ. Изъ года въ годъ его имя вносили въ эти списки, съ означеніемъ денежнаго оклада въ 400 рублей и съ отмѣткою: «Въ полону» [472]. По возвращеніи изъ плѣна, Василій Борисовичь прямо сталъ на свое мѣсто въ сонмѣ бояръ Московскаго государства, а мѣсто это было высокое. Въ описываемое время, въ Москвѣ было всего 40 бояръ. 1-е мѣсто занималъ престарѣлый

---

[472] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Списки боярскіе. №№ 5. 6. 7. 10. 11. — Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Книги боярскія. №№ 25. 28.

князь Никита Ивановичь Одоевскій; 2-е мѣсто—князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ; 3-е — князь Григорій Семеновичь Куракинъ; 4-е—князь Иванъ Петровичь Пронскій; 5-е—Василій Борисовичь Шереметевъ; 6-е—Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ; 10-е — князь Яковъ Никитичь Одоевскій; 17-е — князь Василій Васильевичь Голицынъ; 21-е — Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ; 29-е — князь Михаилъ Алегуковичь Черкасскій и такъ далѣе [473].

Занимая столь высокое служебное положеніе, могъ ли Василій Борисовичь Шереметевъ оставить Москву въ такое горячее время, когда работа кипѣла во всѣхъ приказахъ! Царь Ѳедоръ Алексѣевичь, какъ бы предчувствуя близость кончины, торопился осуществленіемъ намѣченныхъ имъ важныхъ мѣропріятій. По нѣкоторымъ выдвинутымъ тогда государственнымъ вопросамъ, мнѣніе Василья Борисовича Шереметева должно было имѣть большое значеніе, напримѣръ, по ратному дѣлу, о мѣрахъ «къ лучшему государевыхъ ратей устроенію и управленію». Царь

[473] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. стр. 407.

Ѳедоръ Алексѣевичъ могъ непосредственно бесѣдовать по этому дѣлу съ Васильемъ Борисовичемъ, — опытнымъ и талантливымъ военачальникомъ, прославившимся на всю Европу. «Вѣдомо намъ учинилось, — писалъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Шереметевымъ, — что въ мимошедшихъ воинскихъ бранѣхъ, будучи на бояхъ съ нашими ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлѣхъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ нашими ратными людьми. Для тѣхъ нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей, нужно учинити въ нашихъ государскихъ ратѣхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, которымъ бы устроеніемъ, ратямъ въ воинскія времена имѣти противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе»[474].

Не могъ не быть авторитетнымъ голосъ Василья Борисовича Шереметева, какъ старѣйшаго члена древняго боярскаго рода, и по другому, обсуждавшемуся тогда, важнѣйшему государственному вопросу, объ уничтоженіи мѣстничества. Какъ на доказатель-

---

[474] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. II. Спб. 1830. стр. 369. столб. 1.

ство непосредственнаго участія Василья Борисовича въ разработкѣ этого вопроса, можно указать хотя бы на слѣдующее мѣсто соборнаго дѣянія: «А въ которыхъ полкѣхъ были бояре и воеводы съ мѣсты, и въ тѣхъ полкѣхъ между бояры и воеводы, для случаевъ отечествія ихъ, многія быша несогласія и ратнымъ людемъ тѣснота, и отъ того ихъ несогласія многой упадокъ ратнымъ людемъ учинился, а именно: подъ Конотопомъ и подъ Чудновымъ и въ иныхъ многихъ мѣстѣхъ»[475].

Только Василій Борисовичь Шереметевъ— главное дѣйствующее лицо Чудновской катастрофы, могъ сдѣлать указаніе на случай мѣстничества подъ Чудновымъ, случай, о которомъ доселѣ никто и не вѣдалъ.

12 января 1682 года, въ теремныхъ покояхъ государя, въ его присутствіи, происходило чрезвычайное сидѣніе. Тутъ были: 1) патріархъ Іоакимъ съ архіереями и властьми; 2) вся царская палата, то-есть, бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки и комнатные стольники и 3) выборные люди: стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы. На этомъ

---

[475] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. II. Спб. 1830. стр. 372. столб. 2.

достопамятномъ соборѣ рѣшена была судьба мѣстничества.

Царь Ѳедоръ Алексѣевичь вопросилъ присутствовавшихъ: «Всѣмъ разрядамъ и чинамъ быти безъ мѣстъ или, по-прежнему, быть съ мѣсты»?

Патріархъ Іоакимъ, который самъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода (Савеловыхъ), за себя и за архіереевъ, отвѣтствовалъ: «Царь царствующихъ и Господь господствующихъ благословитъ и укрѣпитъ тебя на искорененіе братоненавистнаго, преждебывшаго враждотворенія, сирѣчь, отеческихъ мѣстъ».

Съ своей стороны, царская палата и выборные единогласно просили государя, чтобъ онъ указалъ, «всѣмъ во всякихъ чинѣхъ быти безъ мѣстъ, разрядные случаи отставить и совершенно искоренить, чтобъ впредь тѣ разрядные случаи никогда не вспомянулись».

Тогда царь Ѳедоръ Алексѣевичь возгласилъ: «Мы, великій государь, нашимъ царскимъ повелѣніемъ повелѣваемъ, случаи и мѣста совершенно искоренить; а для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки

изволяемъ предати огню, чтобъ та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь непамятна была, и соблазна бъ и претыканія никто никакого не имѣлъ».

Услышавъ такое твердое слово царево, патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и весь государскій сигклитъ воскликнули: «Да погибнетъ во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество, и впредь да не вспомянется вовѣки»!

Въ тотъ же день, въ сѣни Передней Палаты, внесли всѣ книги и записки съ прошеніями о случаяхъ и мѣстахъ, и сожгли ихъ въ печи, въ присутствіи: боярина князя Михаила Юрьевича Долгорукова, думнаго дьяка Василья Семенова и уполномоченныхъ отъ патріарха и властей. Всѣ они оставались въ Палатѣ до тѣхъ поръ, пока не сгорѣли всѣ принесенныя книги и записки.

Царь Өедоръ Алексѣевичь, предавъ огню «всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки», объявилъ представителямъ княжескихъ и иныхъ честныхъ родовъ, что онъ, великій государь, «имъ и впредь будущимъ ихъ родомъ на память, изволитъ быти въ

Разрядѣ родословной книгѣ родомъ ихъ, также и въ домѣхъ своихъ такія родословныя книги имъ держать по-прежнему; а награждая ихъ своею государскою милостію, тое родословную книгу нынѣ повелѣваетъ пополнить, и которыхъ именъ въ той книгѣ въ родѣхъ ихъ не написано, и тѣхъ имена въ тое родословную книгу написать вновь къ сродникомъ ихъ» [476].

Изъ Шереметевыхъ, соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества подписали: Василій Борисовичь, Петръ Васильевичь Большой и сынъ его стольникъ Борисъ Петровичь (будущій фельдмаршалъ). Послѣдній подписался въ числѣ «выборныхъ людей».

Любопытна подпись на актѣ самого царя Ѳедора Алексѣевича: «Во утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе, моею рукою подписалъ».

Въ числѣ властей, подписалъ соборное дѣяніе архіепископъ Суздальскій Иларіонъ [477].

---

[476] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (Собраніе первое). Т. II. Спб. 1830. стр. 374—376.

[477] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. IV. М. 1828. стр. 407—409.

Это тотъ самый подвижникъ Флорищевой пустыни, старецъ Иларіонъ, съ коимъ такъ сблизился царь Ѳедоръ. 30 сентября 1681 года, государь лично присутствовалъ при освященіи вновь построенной во Флорищевой пустынѣ Успенской церкви, послѣ чего онъ взялъ старца Иларіона съ собою, въ Москву [478], гдѣ, въ декабрѣ того же года, его хиротонисали въ архіепископа Суздальскаго [479].

Январь 1682 года ознаменовался печальнымъ событіемъ въ семьѣ Петра Васильевича Большого Шереметева. Вслѣдъ за упраздненіемъ мѣстничества, скончался сынъ его Иванъ Петровичь, который, всего полтора года назадъ, женился на Натальѣ Петровнѣ Сѣверовой.

По приказанію царя Ѳедора Алексѣевича, на погребеніе усопшаго стольника Ивана Петровича Шереметева, была выдана, 17 января, изъ Помѣстнаго Приказа, весьма значительная по тому времени сумма — триста рублей, съ тѣмъ, чтобы «въ доимку тѣхъ денегъ не писать» [480].

---

[478] Георгіевскій. Флорищева пустынь. Вязники. 1896. стр. 68

[479] Строевъ. Списки іерарховъ. Спб. 1877. столб. 657.

[480] Холмогоровы. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Выпускъ шестой: Вохонская десятина. М. 1868. стр. 36.

Самъ царь Θедоръ Алексѣевичь, въ то время, все болѣе и болѣе изнемогалъ подъ бременемъ неизлѣчимой болѣзни. Тѣмъ болѣе смутило всѣхъ извѣстіе, что государь, какъ бы наперекоръ совѣтамъ врачей, вступаетъ во второй бракъ, не смотря на то, что не прошло еще и семи мѣсяцевъ послѣ кончины царицы Агаθьи Семеновны. Онъ выбралъ себѣ въ супруги дѣвицу Марθу Матвѣевну Апраксину, сестру трехъ братьевъ комнатныхъ стольниковъ Петра, Θедора и Андрея Матвѣевичей Апраксиныхъ [481], и свойственницу любимца царскаго величества оружейничаго Ивана Максимовича Языкова [482].

Царскую свадьбу отпраздновали весьма скромно. Вѣнчалъ царя, 15 февраля, не патріархъ, а духовникъ царскій Благовѣщенскій протопопъ Никита Васильевичь, и не въ Успенскомъ соборѣ, а въ дворцовой церкви Живоноснаго Воскресенія Господня. Все время вѣнчанія, Кремль былъ запертъ. Свадебнаго чина никакого не было.

---

[481] Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Апраксиныхъ. Спб. 1841. стр. 16.

[482] Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артемона Сергіевича Матвѣева. Изд. 2. М. 1875. стр. 407.

21 февраля, Василій Борисовичъ Шереметевъ, вмѣстѣ съ прочими боярами и ближними людьми, былъ въ Передней Палатѣ у руки новой царицы Маrоы Матвѣевны, а 23 февраля—за столомъ у государя, въ Столовой Палатѣ [483].

По случаю государевой радости, было много пожалованій. Такъ, младшій сынъ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, Владиміръ Петровичъ, пожалованъ былъ въ стольники, князь Михайло Яковлевичъ Черкасскій,—изъ стольниковъ въ бояре и такъ далѣе. Было также нѣсколько поставленій во власти. Между прочимъ, 2 апрѣля, въ Успенскомъ соборѣ, поставленъ на епископскій престолъ въ богоспасаемый градъ Воронежъ игуменъ Макарьева Унженскаго монастыря Митрофанъ. Сему первопрестольнику Воронежской паствы, впослѣдствіи прославленному Угоднику Божію, въ то время было уже подъ 60 лѣтъ. Ставилъ игумена Митрофана во епископа самъ патріархъ Іоакимъ со властьми; а на поставленьѣ, по указу великаго государя, были: бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, думный дво-

[483] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. IX. Спб. 1875. № 93.

рянинъ Богданъ Ивановичь Палибинъ и думный дьякъ Данила Полянскій [484].

Василій Борисовичь Шереметевъ, съ наступленіемъ весны, конечно, могъ отъ времени до времени наѣзжать въ свое любимое Чиркино, но жилъ онъ постоянно въ Москвѣ, въ старомъ отцовскомъ дворѣ, въ Бѣломъ городѣ, на Срѣтенской улицѣ [485]. Здѣсь, 24 апрѣля 1682 года, на память святого мученика Савы стратилата, и пресѣклась многострадальная жизнь знаменитаго боярина Московскаго государства.

Свѣдѣній о болѣзни и кончинѣ Василья Борисовича Шереметева не сохранилось. Извѣстно только, что за три дня до кончины, именно 21 апрѣля, Василій Борисовичь составилъ духовное завѣщаніе, которое, съ его словъ, написалъ подьячій Ивановской площади Леонтій Тимоѳеевъ, въ присутствіи «сидѣльцевъ»: духовника, протопопа Спасскаго собора, что̀ у государя въ Верху, Ивана Лазарева, Ивана Ивановича Лодыгина, думнаго дворянина Ивана Ивановича Сухотина, который былъ царскимъ посланникомъ въ

---

[484] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. столб. 943—947.

[485] Памятники Московской древности. М. 1842—45. стр. LII.

Крыму, Дмитрія Андреевича Бердяева, Андрея Ивановича Нармацкаго и Василья Парѳентьевича Свиньина.

Духовная или изустная память боярина Василья Борисовича Шереметева, значительно восполняя свѣдѣнія объ его отношеніяхъ къ роднымъ и другимъ лицамъ, даетъ точныя данныя о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ завѣщателя.

Вотъ полный текстъ этого важнаго для насъ фамильнаго акта:

«Во имя святыя, единосущныя и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и святаго Духа.

«Се азъ, рабъ Божій Василій Борисовъ сынъ Шереметевъ, пишу сію изустную память своимъ цѣлымъ умомъ и полнымъ разумомъ.

«Челомъ бью и приказываю душу свою грѣшную поминать: отцу своему духовному, собора Спаса Нерукотвореннаго Образа, что̀ у великаго государя въ Верху, протопопу Ивану Лазареву да брату своему боярину Петру Васильевичу (Большому) Шереметеву да племяннику моему боярину князю Ивану Григорьевичу Куракину [486] да боярину Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, чтобъ имъ пожа-

[486] Вѣроятно, князь Куракинъ приходился племянникомъ Ва-

ловать, по смерти моей, душу мою грѣшную поминать и тѣло мое грѣшное погребсти въ вотчинѣ моей, идѣже родители наши погребены, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чиркинѣ, при церкви Покрова Пресвятыя Богородицы.

«А послѣ моего живота, дать, на поминъ души моей, отцу моему духовному образъ Николая Чудотворца, окладъ чеканной, серебряной, золоченъ, да сто рублевъ денегъ да иноходецъ буръ. Да села Чиркина Покровскимъ попамъ съ причетники, на поминъ души моей, дать имъ сто рублевъ. Да имъ же, приказщикамъ, пожаловать, на годъ приговорить надъ тѣломъ моимъ грѣшнымъ псалтирь говорить въ день и въ ночь.

«А дворъ мой Московской приказываю и отдаю, со всякимъ дворовымъ строеніемъ, будетъ, волею Божіею, зятя моего князя Якова Алексѣевича Голицына не станетъ, послѣ него дочери моей княгинѣ Афимьѣ Васильев-

---

силью Борисовичу Шереметеву по матери послѣдняго, Екатеринѣ Никитишнѣ, родовая фамилія коей доселѣ неизвѣстна. Возможно и то, что мать князя Ивана Григорьевича Куракина, «Марья Борисовна N» (такъ у князя Долгорукова, въ родословіи князей Куракиныхъ, I, стр. 315), была рожденная Шереметева, сестра Василья Борисовича, но ея нѣтъ въ родословіяхъ Шереметевыхъ.

нѣ. А если Господь Богъ умилосердится, зять мой князь Яковъ Алексѣевичь будетъ живъ, и тотъ мой дворъ, со всякимъ дворовымъ строеніемъ, — боярину Петру Васильевичу (Большому) Шереметеву.

«Да благословляю я прикащиковъ Божіимъ милосердіемъ: брата своего боярина Петра Васильевича (Большого), послѣ живота моего, чтобъ онъ пожаловалъ, поминалъ душу мою, образъ Спасовъ въ кіотѣ, окладъ золотъ, на немъ же крестъ золотой со всѣмъ прикладомъ. Да ему жъ, брату моему Петру Васильевичу (Большому), родовыя мои вотчины: въ Суздальскомъ уѣздѣ, полъ сельца Цыбѣева, да въ Володимерскомъ уѣздѣ, село Ѳилисова-Слободка, съ деревнями, съ пустошами и со всякимъ деревенскимъ строеніемъ. Да брату жъ моему, боярину Петру Васильевичу (Большому), даю великаго государя жалованье, ферязь серебряную на соболяхъ, на ней двѣ запоны.

«А Коломенская моя вотчина село Чиркино, съ отхожею деревнею Горностаевою и съ иными деревнями и пустошами и со всякимъ строеньемъ, племяннику моему Борису Петровичу Шереметеву, да сабля, оправа зо-

лотая, съ яхонты червчаты, которая привезена изъ Крыму, да муштукъ [487] золотой.

«Да благословляю племянника своего боярина князя Ивана Григорьевича Куракина: образъ Спасовъ, окладъ серебряной, чеканной, золоченъ. Да ему жъ, племяннику моему боярину князю Ивану Григорьевичу: великаго государя жалованье, кафтанъ золотной на соболяхъ съ аламами [488] алмазными; да два возника [489] темно-сѣрые Нѣмецкіе; да вотчина въ Нижегородскомъ уѣздѣ, село Кубенцово, со всѣми деревнями и пустошами, пополамъ съ племянникомъ же моимъ съ бояриномъ съ Петромъ Васильевичемъ (Меньшимъ) Шереметевымъ.

«Да боярина Родіона Матвѣевича Стрѣшнева благословляю образъ Спасовъ, окладъ серебряной, чеканной, золоченъ.

«А дочери моей княгинѣ Афимьѣ Васильевнѣ даю матери ея приданую вотчину, въ Московскомъ уѣздѣ, село Ховрино, съ пустошами и со всякимъ строеньемъ. Да ей же, дочери моей, купленная моя вотчина, въ Ар-

---

487 То-есть, мундштукъ.

488 Аламами назывались большія круглыя бляхи.

489 Экипажныя лошади.

замасскомъ уѣздѣ, село Паново, а Осаново тожъ, со всякимъ строеньемъ и съ угодьи.

«Да племянникамъ моимъ, брата моего Петра Васильевича (Большого) дѣтямъ:

«Ѳедору Петровичу Шереметеву—ферязь золотная по вишневой землѣ.

«Василью Петровичу Шереметеву — кафтанъ лимонной, бархатной.

«Володимеру Петровичу Шереметеву — кафтанъ золотной, старой.

«А что̀ будетъ въ остаткѣ рухляди моей и судовъ серебряныхъ и оловянныхъ и конскихъ нарядовъ, и то все принять по роспискѣ у человѣка моего, у Степана Аверкіева, и брать все брату моему боярину Петру Васильевичу (Большому) Шереметеву.

«Да у человѣка же моего Степана принять денегъ, тысячу пятьсотъ рублевъ да пятьсотъ пятьдесятъ золотыхъ, за моею печатью. И прикащикамъ души моей пожаловать, тѣми деньгами и золотыми душу мою строить и поминать.

«Да государева жалованья триста рублевъ, да плѣннымъ на окупъ сто сорокъ рублевъ, у человѣка же моего у Степана Аверкіева.

«Да послѣ же моего живота, прикащикамъ моимъ пожаловать, дать сорокоустныя въ соборы и въ приходскія церкви, на сто церквей, по своему разсмотрѣнію.

«А людемъ моимъ крѣпостнымъ и купленнымъ, и полоннымъ, съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ ихъ пожитки, всѣмъ воля, и дать прикащикамъ моимъ, за своими руками, отпускныя» [490].

На оборотѣ духовной, по четыремъ склейкамъ, Василій Борисовичь Шереметевъ, слабою дрожащею рукою начерталъ: Василей Ше — реметевъ — руку — приложилъ.

Между склейками приложили руки всѣ сидѣльцы, начиная съ протопопа Ивана Лазарева; а душеприкащики подписать акта не успѣли.

На другой же день кончины, то-есть, 25 апрѣля, тѣло боярина Василья Борисовича Шереметева было отпѣто самимъ патріархомъ Іоакимомъ въ Московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ [491] и затѣмъ, согласно завѣщанію усопшаго, перевезено въ село Чир-

490 Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 158.

491 Забѣлинъ. Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы. Ч. I. М. 1884. столб. 536.

кино и тамъ погребено при древней Покровской церкви.

Два дня спустя, 27 апрѣля 1682 года, въ четыре часа пополудни, три мощныхъ удара большого колокола съ Ивана Великаго возвѣстили Москвѣ о кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича.

Со смертью царя Ѳедора Алексѣевича, окончился въ нашей Исторіи періодъ Московскій, когда, по замѣчанію Строева [492], «Царство Московское и всея Русіи было въ полномъ развитіи *своихъ* стихій... Коренныя преобразованія Петра Великаго дали жизни государственной и быту народному иное направленіе».

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ КНИГИ.

---

[492] Выходы царей. М. 1844. Предисловіе III.

Рядная запись приданаго, назначеннаго княземъ Семеномъ Юрьевичемъ Звенигородскимъ своей дочери княжнѣ Анастасіѣ Семеновнѣ, сговоренной за Василья Петровича Шереметева. Дана 9 января 1681 года.

„Се азъ, князь Семенъ Юрьевичь Звенигороцкой, зговорилъ я, князь Семенъ, дочь свою, дѣвицу княжну Настасью Семеновну, боярина Петра Васильевича Большого Шереметева за сына ево за Василья Петровича. А благословляю я зятя своего, Василья Петровича, и дочь свою, княжну Настасью Семеновну: образъ Спасовъ Нерукотворенный, обложенъ серебромъ гладью, золоченъ, въ кіотѣ, за слудою; образъ Пречистые Богородицы Одигитрія, обложенъ серебромъ, окладъ гладкой, золоченъ, вѣнецъ чеканной, золоченъ, поднизь и ожерелье и рясы жемчужныя, въ кіотѣ, а кіотъ съ притворы, покрытъ бархотомъ червчатымъ; образъ великомученика Христова Никиты, обложенъ серебромъ, окладъ гладкой, золоченъ, въ кіотѣ, за слудою; крестъ съ мощми. Да приданаго даю я за дочерью своею, за княжною Настасьею Семеновною: чепь золотая съ ѳиниѳты, а на ней три креста золоты, одинъ съ яхонты червчатыми съ ѳиниѳты, зерны Бурмицкія, да два креста съ ѳиниѳты жъ,

закрѣпы на нихъ по четыре зерна Каѳимскія; другая чепь золотая жъ, на ней крестъ золотъ; пятнатцать перстнѣй золотыхъ, съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды и съ лалы, съ розными ѳиниѳты; кика съ поднизью и съ каменіемъ, съ лалы и съ изумруды и съ рясы; ожерелье женское жемчужное, низано во реѳидь [1]) съ яхонты лазоревыми и съ лалы, а у него пять пугвицъ яхонты лазоревые да лалы закрѣплены зерны Бурмицкими; другое ожерелье женское низано жемчюгомъ во реѳидь, на пяти нитяхъ, а у него пять пугвицъ золотыхъ съ каменьемъ и съ ѳиниѳты, закрѣплены зерны Бурмицкими. Запястье [2]), низаное жемчюгомъ во реѳидь; обручи [3]) золотые съ алмазы и съ яхонты червчатыми; серги, изумруды, на спняхъ золотыхъ, закрѣплены зерны Бурмицкими; серги двойчатки, яхонты лазоревые да изумруды, на спняхъ золотыхъ, закрѣплены зерны Бурмицкими; серги тумпасы [4]), на спняхъ золотыхъ, закрѣплены зерны Бурмицкими жъ; серги двойчатки, яхонты лазоревые да лалы, на спняхъ золотыхъ, закрѣплены зерны Бурмицкими; шапка низана въ одно зерно жемчюгомъ съ запоны и съ яхонты и съ изумруды и съ лалы по червчетому отласу; шапка низаная жемчюгомъ по жаркому отласу съ насыпью [5]), съ каменіемъ съ изумруды и съ лалы; шапка по алому отласу обнизана жемчюгомъ около скани [6]) съ зерны; шапка олтабасъ [7]), золото съ серебромъ съ рясною [8])

---

[1]) Рефидь и рефедь=низанье и вышиванье клѣтками.

[2]) Запястье или зарукавье=рукавная обшивка.

[3]) Украшеніе шапки.

[4]) Тумпасъ=топазъ.

[5]) Насыпь=золотыя или серебряныя блестки, нашитыя на ткани.

[6]) Скань=волоченое золото и серебро.

[7]) Алтабасъ=восточная ткань.

[8]) Рясна=бахрома.

низаною; шапка горлотная (такъ!) лисья черная; ожерелье бобровое; шубка бархотъ золотной Турской, золото съ серебромъ; шубка бархотъ Турской серебреной, травы золоты съ розными цвѣтами; лѣтникъ обьяринной серебреной, травы золоты съ розными шелками, вошвы шиты по черному бархоту высокимъ швомъ; лѣтникъ отласъ цвѣтной двойной по бѣлой землѣ, вошвы шиты золотомъ и серебромъ по червчетому бархоту; лѣтникъ жолтой отласной, вошвы шиты по черному бархоту золотомъ да серебромъ; лѣтникъ алой обьяринной, вошвы бархотныя, золотныя; лѣтникъ таѳтянъ, свѣтло-лазоревъ, вошвы бархотъ золотной, золото съ серебромъ; тѣлогрѣя отласъ золотной по червчетой землѣ, круживо серебреное плетеное съ городы, пугвицы обнизныя; тѣлогрѣя обьярь серебреная, струйчатая по алой землѣ, круживо золотное плетеное съ городы, пугвицы серебреные, золоченые на обшивное дѣло; тѣлогрѣя алая обьяринная, круживо плетеное, золото съ серебромъ съ городы, пугвицы серебреные золочены; тѣлогрѣя бѣлая отласная, круживо плетеное золото съ серебромъ съ городы, пугвицы середоликовые, закрѣплены зерны жемчюжными; тѣлогрѣя жолтая отласная, круживо серебреное плетеное съ городы, пугвицы серебреные золочены; тѣлогрѣя камчатая чешуйчатая, алъ шелкъ съ бѣлымъ, круживо плетеное золотное съ городы, пугвицы королковые бѣлые; тѣлогрѣя рудо-желтая камчатая, круживо серебреное кованое, пугвицы середоликовые; шуба изорбаѳъ [9]) золото съ серебромъ съ розными травы на соболяхъ, круживо плетеное, золото съ серебромъ съ городами, пугвицы об-

---

[9]) Изорбаѳъ, зарбафъ=золотная или серебряная ткань, съ шелковыми узорами.

низныя; шуба обьяринная струйчатая серебреная на соболяхъ, круживо плетеное золотное, пугвицы серебреные золочены, закрѣплены зерны жемчюжными; шуба байберекъ [10]) золото съ серебромъ на горностаяхъ, круживо шито по бѣлому отласу съ городы золотомъ и серебромъ съ цвѣтами, пугвицы серебреные золоченые; шуба желтая обьяринная бѣлья черевья, круживо плетеное съ городы, золото съ серебромъ, пугвицы серебрены золочены; шуба алая камчатая бѣлья черевья, круживо шитое по бѣлому отласу, золото съ цвѣтами, пугвицы королковые бѣлые, шуба червчетая отласная, бѣлья черевья, круживо кованое серебреное, пугвицы королковые бѣлые; шуба жаркая камчатая, круживо плетеное серебреное съ городы, на пупкахъ собольихъ, пугвицы ентарные; шубка сукно алое; опашень, сукно алое, пугвицы серебреные, золочены, мѣстами съ розными ѳиниѳты; постеля и изголовье, наволоки камка червчетая; на изголовьѣ наволока жолтая камчатая; двѣ подушки отласъ червчетой; одѣяло изорбаѳъ алой, травы серебреные, грива шита по червчетому отласу золотомъ и серебромъ на соболяхъ, запона камчатая полосатая, жолтые полосы да червчетые, грива шита золотомъ да серебромъ по червчетому отласу; постеля меньшая, наволока камка червчетая, на изголовьѣ камка жолтая; одѣяло цвѣтное отласное, бѣлье черевье, грива бѣлая серебреная; кунганъ большой мѣдной, да лохань большая мѣдная; ларѣцъ бархотъ червчетъ съ голуны серебреными, окованъ серебромъ, мѣстами позолоченъ, мѣстами жъ (такъ!), а въ немъ выбито отласомъ желтымъ, да въ ней же (такъ!) ларѣшная кузнь: волосникъ низаной,

---

[10]) Байберекъ=ткань изъ крученаго шелка.

ошивка низаная по червчетому отласу съ каменіемъ и съ зерны Бурмицкими, низанъ въ одно зерно жемчюгомъ; волосникъ золото съ серебромъ, ошивка низана жемчюгомъ по червчетому отласу съ насыпью и съ каменіемъ; волосникъ золото съ серебромъ, ошивка низаная по бѣлому отласу жемчюгомъ съ цвѣтами; волосникъ золото съ серебромъ, ошивка низаная жемчюгомъ по жаркому отласу съ насыпью и съ каменіемъ; волосникъ дѣланъ золотомъ, ошивка низана по алому отласу съ насыпью; волосникъ золото съ серебромъ, ошивка низана по бѣлому отласу съ цвѣтами; девять волосниковъ золотныхъ и серебреныхъ плетеныхъ, золото съ серебромъ, ошивки шиты волоченымъ золотомъ по рознымъ отласомъ и цепковые; бѣлильница чеканная серебреная позолочена и съ румянницею; суремница серебреная золочена чеканная; зеркало бархотное червчетое, оковы серебреные золочены; бочечка серебреная, тазикъ серебреной; сорочка таѳта алая, поясъ золото съ серебромъ да съ алымъ шелкомъ, кисти золото съ алымъ шелкомъ, варворки низаные; десять сорочекъ кисейныхъ и миткалинныхъ и урупковыхъ; сорокъ сорочекъ полотняныхъ; дватцать скатертей; дватцать простынь урупковыхъ и полѳтняныхъ; башмаки бархотъ червчетъ съ голуномъ серебренымъ; башмаки шиты по червчетому соѳьяну золотомъ и серебромъ; кумганъ меньшой мѣдной, да лохань меньшая мѣдная; шесть тазовъ. И всего приданого на двѣ тысечи на триста рублевъ. Да вотчинъ: въ Гороховскомъ уѣздѣ, въ Купленской волости, вотчина деревня Малинова, деревня Мисюрева, деревня Борки, 42 двора; да вотчина въ Орзамаскомъ уѣздѣ, въ Залѣсномъ стану, за Шатковскими вороты, жеребей въ селѣ Поѣ, 34 двора; да у Соли Галицкой, въ Усольской окологород-

ной волости, деревня Большая Ламса, съ деревнями, 24 двора. Да подлѣ той же моей Гороховской деревни Малиновой, помѣстная моя пустошь Нечаевская, а въ дачахъ 70 четвертей; да въ Галицкомъ уѣздѣ, въ Усольской окологородной волости, промежъ деревень, помѣстной земли 40 четвертей. И мнѣ, князь Семену, о тѣхъ земляхъ бить челомъ великому государю о продажѣ, и будетъ великій государь пожалуетъ меня тѣми землями, и мнѣ ихъ купить въ вотчину и, купя, отдать къ тѣмъ же деревнямъ зятю своему Василью Петровичю и ихъ дать въ приданые. А будетъ той своей помѣстныя земли я, князь Семенъ, въ вотчину не куплю, и мнѣ, князь Семену, тою свою помѣстную землю справить за нимъ, зятемъ своимъ Васильемъ Петровичемъ, въ помѣстье, по своей заручной челобитной, поступкою. А у сей записи сидѣли: бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевской, бояринъ Иванъ Михайловичь Милославской, окольничей Ѳедоръ Прокоѳьевичь Соковнинъ. А запись писалъ Ивановской площеди подьячей Сенка Козминъ, лѣта 7189 (1681) году, генваря въ 9 день".

Документъ писанъ столбцомъ, на пяти склееныхъ листкахъ.

На оборотѣ, на первомъ листкѣ, собственноручныя подписи:

„Къ сей записи Князь Аникита Одоевской руку приложилъ.

Иванъ Милославской руку приложилъ,

Ѳедоръ Соковнинъ руку приложилъ".

(Непосредственно за симъ:)

„По сей записи до меня, Василья Шереметева, приданоя и низанья и платья и кузня дошло все сполна, опричь ожерелья большова да серегъ большихъ.

Да по сей же рядной записи, что было до меня не дошло ожерелья большова и серегъ большихъ, и ныне тое ожерелья и серги до меня, Василья Шереметева, все дошло".

По четыремъ склейкамъ подпись: „Князь Семенъ—Звенигороцкой—руку—приложилъ".

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ

КЪ ОСЬМОЙ КНИГѢ.

69

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
9	17	съ стольникомъ Андреемъ	съ стольникомъ княземъ Андреемъ
43	послѣдняя	Никола Барсукова	Николая Барсукова
49	16	посланника	посла
109	5	не жданно	нежданно
117	7	Снегирева	Снѣгирева
258	14	Али-паша	Али-ага
313	1	Василью Савичу Нарбѣкову	Василью Савиновичу Нарбекову
—	14	Нарбѣковъ	Нарбековъ
368	13	Иваномъ Старковымъ	Васильемъ Старковымъ
370	17	Иванъ	Василій
371	16	Иванъ	Василій